ОЧЕРКЪ

ИСТОРІИ ВОСПИТАНІЯ И ОБУЧЕНІЯ

СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ДО НАШИХЪ ВРЕМЕНЪ.

Для педагоговъ и родителей

СОСТАВИЛЪ

(по Шмидту, Раумеру и др.)

Л. МОДЗАЛЕВСКІЙ.

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1866.

ОЧЕРКЪ

ИСТОРІИ ВОСПИТАНІЯ И ОБУЧЕНІЯ

СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ДО НАШИХЪ ВРЕМЕНЪ.

СОСТАВИЛЪ

(по Шмидту, Раумеру и др.)

Л. МОДЗАЛЕВСКІЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ Ф. С. СУЩИНСКАГО.

Могилевская, 7.

1866.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Приступая къ изданію этой книги, я имѣлъ въ виду: съ одной стороны — распространяющійся у насъ интересъ къ педагогикѣ, для изученія которой за послѣднее время появилось много каѳедръ или даже особыхъ учрежденій; съ другой стороны — нѣкоторую возможность удовлетворить столь законной потребности какъ спеціялистовъ, такъ и остальнаго образованнаго общества, усвоивъ за нашей литературой на первый разъ хотя то, что есть лучшаго по этой части на западѣ, и именно — у нѣмцевъ, наиболѣе разработавшихъ педагогику и какъ науку, и какъ искусство. Такимъ образомъ, предлагаемая мною книга ни мало не имѣетъ притязанія на самостоятельность, которой болѣе потребуетъ продолженіе ея — «Исторія воспитанія въ Россіи» — на сколько она возможна при уже существующемъ у насъ матеріялѣ для нея, которымъ я также намѣренъ воспользоваться.

При современномъ переходномъ состояніи многихъ наукъ, а въ томъ числѣ и педагогики, историческое ихъ изученіе сдѣлалось единственно-возможнымъ, пока не сложатся новыя, лучшія системы. На этомъ-то основаніи и я избралъ прежде всего *исторію* педагогики, считая, однако, не лишнимъ показать значеніе, составъ и отношеніе послѣдней къ другимъ, вспомогательнымъ нау-

камъ, сдѣлавъ только попытку ея систематизированія. *) Замѣчу еще, что, принявъ за основаніе краткую исторію Педагогики — К. Шмидта, я нашелъ необходимымъ кое-что измѣнить въ ней, кое-что выпустить или пополнить. Если безпристрастная критика сдѣлаетъ мнѣ полезныя замѣчанія и указанія — они будутъ приняты мною съ живѣйшею благодарностью.

---

*) Удовлетворительнѣе другихъ это исполнилъ профессоръ педогогики д-ръ Стой въ своей «Encyclopädie der Pädagogik. Leipzig. 1861»; но онъ придаетъ уже слишкомъ большое значеніе философскому элементу.

Педагогическое дѣло, особенно въ школѣ, есть спеціяльность въ самомъ строгомъ смыслѣ этого слова; а потому оно требуетъ отъ воспитателей спеціяльной предварительной подготовки. Если агрономъ, садоводъ или скотоводъ непремѣнно долженъ основываться въ своихъ дѣйствіяхъ на законахъ природы, раскрываемыхъ наукою, долженъ знать и свойства почвы, и свойства растительнаго или животнаго организма,—то педагогъ *тѣмъ болѣе* не можетъ считать себя свободнымъ отъ обязанности ознакомиться предварительно съ педагогической наукой, *тѣмъ болѣе* потому, что ему предстоитъ воспитывать не кукурузу, не тонкорунныхъ овецъ, а людей, которые будутъ потомъ его строжайшими судьями. До этого убѣжденія уже давно дошли на западѣ, гдѣ ранѣе стали обращать должное вниманіе на педагогическое дѣло; гдѣ развилась обширная педагогическая литература, выработавшая научныя системы; гдѣ въ настоящее время существуетъ множество спеціяльныхъ учрежденій, посвященныхъ дѣлу предварительнаго подготовленія будущихъ учителей и воспитателей, и извѣстныхъ подъ именемъ «педагогическихъ семинарій». Такъ какъ педагогическое дѣло есть по преимуществу практическое, требующее опыта, то подобныя семинаріи съ принадлежащими къ нимъ малолѣтними школами можно удобнѣе всего сравнить — не съ лабораторіями, а съ клиниками, гдѣ на практикѣ повѣряется и примѣняется то, что выработала теорія, которая, въ свою очередь, сложилась изъ практическихъ выводовъ уже не одного-двухъ, а тысячи дѣятелей, и которая живетъ и

обновляется только новыми и новыми эмпирическими данными. Правда, такія учрежденія, какъ педагогическія семинаріи, явились позже разныхъ лабораторій, образцовыхъ фермъ и клиникъ; но мы не имѣемъ права дѣлать упрековъ исторіи и отвѣчаемъ только за настоящее и за будущее, т. е. за нашу собственную дѣятельность и за ея послѣдствія. Въ наше время педагогическіе семинаріи и курсы, дающіе возможность желающимъ спеціяльно приготовить себя къ педагогическому поприщу, составляютъ столь-же разумное и прочное явленіе, какъ разумна и прочна потребность воспитанія и образованія для человѣка. Опытъ послѣдняго столѣтія именно показалъ, что такія учрежденія, какъ педагогическіе семинаріи и курсы, вводящіе своихъ членовъ въ сферу педагогическихъ идей и педагогической практики, — всегда преемственной, какъ всякая практика, и всегда подлежащей безконечному усовершенствованію, — много содѣйствуютъ искорененію многихъ анормальныхъ явленій, предохраняя дѣтей и отъ тупаго консерватизма учителей стараго типа, и отъ произвольнаго экспериментализма учителей-новичковъ. Первые страдаютъ избыткомъ положительности и недостаткомъ критическаго отрицанія; вторые только отрицаютъ, не успѣвъ выработать ничего положительнаго. Нормы, какъ и всегда, надо искать въ примиреніи этихъ двухъ крайностей путемъ научно-эмпирическаго изслѣдованія: въ этомъ-то и состоитъ задача педагогическихъ семинарій и курсовъ. — Устройство ихъ въ разныхъ государствахъ и мѣстностяхъ весьма различно, — но всѣ они имѣютъ то общее, что признаютъ соединеніе теоріи съ практикой, взаимно поясняющихъ и дополняющихъ другъ друга.

Установивъ принципъ необходимости сознательнаго, преднамѣреннаго воспитанія, требующаго какъ теоретическаго, такъ и практическаго изученія педагогики, намъ слѣдуетъ теперь оріентироваться въ этой наукѣ, на сколько она опредѣлилась въ настоящее время, показать ея отношеніе къ другимъ наукамъ и разобрать ея составныя части. Это необходимо для всесторонняго по-

нимания предмета изученія, которое можетъ и должно совершаться только по частямъ, но такъ, чтобы мы ясно понимали взаимную связь этихъ частей и не впали въ односторонность, которою такъ страдаютъ многіе, на комъ лежатъ заботы объ общественномъ или семейномъ воспитаніи юношества. Вслѣдствіе этой односторонности и узкости взгляда, не расширеннаго пониманіемъ цѣлой науки, одни только философствуютъ о воспитаніи и теряются въ абстрактности разныхъ нравственныхъ принциповъ; другіе только и заботятся о набиваніи головы разными свѣдѣніями, не заботясь о ихъ образовательности по отношенію къ учащемуся; третьи являются исключительно администраторами, или даже политиками относительно школы... Раздѣльность всякаго труда необходима, но — только при дружномъ согласіи въ общихъ началахъ, при единствѣ главной цѣли: иначе порождаются одни недоразумѣнія среди самого учебнаго сословія, и часто характеръ и направленіе воспитанія зависятъ у насъ не отъ сознательно выработанныхъ принциповъ науки, а просто отъ личности, и, по мѣрѣ появленіи или удаленія этихъ авторитетныхъ личностей, колеблется то въ ту, то въ другую сторону. Но жизнь школы, какъ и всякая жизнь, не должна идти на авось, а направляться по лежащимъ въ ней законамъ, какъ мы видимъ это на всей природѣ. Отъ человѣка требуется только: сознать эти законы, чтобы не нарушать ихъ своимъ произволомъ, а умѣть примѣнять ихъ къ своему благу. Вѣрной руководительницей въ каждой серьезной дѣятельности, а слѣдовательно и въ дѣлѣ воспитанія, можетъ и должна быть только *наука*, и притомъ— понятая во всѣхъ ея частяхъ, всесторонне; такъ напр. что сказали-бы мы о медикѣ, знающемъ одну патологію или фармакологію, но незнакомомъ съ физіологіей и химіей? Диллетантизмъ въ наукѣ, особенно въ наукѣ практической, какъ педагогика, иногда можетъ быть вреднѣе полнаго незнакомства съ нею. Съ диллетантомъ чаще всего случается, что, прочитавъ иной трактатъ изъ той или другой области науки, онъ увлекается схваченной идеей или системой до того, что доводитъ ее до нелѣпой

крайности, впадаетъ въ самую узкую односторонность, такъ какъ у него нѣтъ эквивалента, нѣтъ руководящей общей идеи, которая могла бы направлять его мысль и дѣятельность. Но диллетантъ не всегда долго остается вѣренъ разъ увлекшей его частной идеѣ: схваченная на лету другая идея или система тотчасъ увлекаетъ его въ другую сторону, на которую онъ клонится опять до новаго случая, пока не натолкнется на новую мысль. О самостоятельности въ диллетантизмѣ не можетъ быть и рѣчи: диллетантъ есть вѣчный рабъ разныхъ авторитетовъ, которые онъ мѣняетъ, какъ платье, смотря по модѣ и вкусу. Слова поэта:

Что ему книга послѣдняя скажетъ,
То на душѣ его сверху и ляжетъ:
Вѣрить, не вѣрить — ему все равно,
Лишь-бы доказано было умно.

совершенно вѣрны. Только спеціяльно - научное образованіе даетъ человѣку самостоятельность и независимость въ своемъ дѣлѣ, и гарантируетъ его отъ тысячи промаховъ, которые давно испытаны его предшественниками въ исторіи и по возможности устранены въ чистой области науки. Если все сказанное вѣрно относительно всевозможныхъ спеціяльностей, — то вѣрно и относительно педагогики въ ея теоріи и практикѣ.

Мнѣ необходимо еще сдѣлать историческую оговорку, что въ педагогикѣ, точно также, какъ почти и во всякой наукѣ, масса идей и практическихъ свѣдѣній накопилась и составила обширную литературу ранѣе, чѣмъ педагоги постарались построить ихъ въ научную систему. Было время, когда элементы педагогической науки входили въ область почти всѣхъ другихъ наукъ: и теологія, и политика, и юриспруденція, и философія, и исторія, и медицина, даже поэзія, которая, впрочемъ, болѣе вправѣ обнимать и выражать всю жизнь, — считали своимъ долгомъ останавливаться на разныхъ вопросахъ физическаго, умственнаго и нравственнаго воспитанія; и они поступали вполнѣ разумно, дѣйствовали весьма

полезно, пока педагогика, какъ спеціяльность, еще не существовала, пока основныя принципы воспитательной теоріи не улеглись въ научную систему. На востокѣ законодательство и религія брали на себя заботу о воспитаніи; у классическихъ народовъ вопросами педагогическими занимаются уже философы, ученые и ораторы: стоитъ назвать: Пиѳагора, Сократа, Платона, Аристотеля, Плутарха, Цицерона, и Квинтиліана; въ блестящее время христіянскаго краснорѣчія — въ IV вѣкѣ — о воспитаніи трактуютъ образованнѣйшіе изъ отцевъ церкви: Василій Великій, Іоаннъ Златоустъ, Оригенъ, Св. Іеронимъ и Св. Августинъ; послѣ возрожденія классическаго знанія въ Европѣ, въ педагогическомъ дѣлѣ также совершается сильный переворотъ подъ вліяніемъ идей Бэкона, Монтаня, Ратиха, Коменскаго, Франке, Локка, Ж. Ж. Руссо, Базедова, Кампе, Песталоцци и его многочисленныхъ послѣдователей... Но всѣ эти дѣятели разработали какую-нибудь отдѣльную сторону педагогики, и вовсе не смотрѣли на неё, какъ на науку, а потому и не заботились о полнотѣ и единствѣ системы. За это дѣло первые взялись новѣйшіе философы, преимущественно нѣмецкіе, но потерялись въ отвлеченныхъ, апріористическихъ умозрѣніяхъ, и мало принесли существенной пользы самому дѣлу, исключая развѣ Гербарта и, пожалуй, одного изъ послѣдователей Гегеля — Розенкранца. Только съ того времени, какъ психологія отдѣлилась отъ старой умозрительной философіи и, усвоивъ себѣ естественно-историческій методъ, образовала самостоятельную опытную или реальную науку, — явились попытки облечь педагогику въ научную систему, построенную на прочныхъ началахъ. Попытки эти начаты были Нимейеромъ и Шварцомъ, и съ бо̀льшимъ успѣхомъ выполнены преобразователемъ психологіи и отцемъ новой философіи—Гербартомъ, а затѣмъ его послѣдователями: Бенеке, Вайтцемъ, Стоемъ, Циллеромъ, а также отчасти К. Шмидтомъ *) и

*) Говоря о К. Шмидтѣ, я разумѣю преимущественно его послѣдній капитальный трудъ: — Die Anthropologie, 2 Bände. Dresden. 1865 — гдѣ онъ значительно отрекся отъ гегелизма, но все еще вѣритъ въ френологію.

Дистервегомъ: первый изъ нихъ показалъ недостаточность одной психологіи и указалъ на необходимость для педагога всесторонняго, антропологическаго изученія человѣческой природы; второй блестящимъ образомъ развилъ теорію образовательнаго обученія, основаннаго на законахъ опытной психологіи.

Уже изъ этого краткаго очерка постепеннаго развитія педагогической науки видна вся ея молодость, вслѣдствіе которой она до сихъ поръ не признается еще многими и многими, держащимися старыхъ воззрѣній и незнакомыми близко съ ея позднѣйшими успѣхами. Это предубѣжденіе противъ педагогики, какъ науки, существуетъ и у насъ, русскихъ, сложившись вслѣдствіе весьма понятныхъ историческихъ причинъ. Когда у насъ стали впервые появляться педагогическіе трактаты, цѣликомъ взятые съ нѣмецкаго; когда педагогика стала затѣмъ читаться съ каѳедры по тогдашнимъ нѣмецкимъ книжкамъ, преимущественно по Нимейеру, — въ самой Германіи она находилась еще въ младенческомъ состояніи, еще не выдѣлилась изъ философіи и не перешла на ту реальную почву, на которой стоитъ нынѣ. Понятно, что русскій умъ, по природѣ своей практическій по преимуществу, не нашелъ ничего привлекательнаго въ тѣхъ туманныхъ и безплодныхъ умозрѣніяхъ, или въ томъ наборѣ моральныхъ сентенцій, фразъ и избитыхъ совѣтовъ, какіе предлагали ему подъ именемъ педагогики. Можно положительно сказать, что первые провозвѣстники ея въ Россіи, не умѣя взяться за дѣло и отнесшись къ нему не самостоятельно, вовсе испортили его и только породили предубѣжденія къ педагогикѣ вообще, предубѣжденія, столь вредившія у насъ воспитательному дѣлу и потворствовавшія всякому обскурантизму и рутинерству. Только въ самое недавнее время появился у насъ тотъ педагогическій диллетантизмъ, на который я только что указывалъ, и который, какъ ни опасенъ,—но все же составляетъ относительно хорошее, отрадное явленіе....

Но какъ же нынѣ понимается педагогическая наука, и какое мѣсто занимаетъ она въ ряду другихъ наукъ?

Педагогика (отъ *παῖς* — дитя и *ἄγω* — веду) *есть система тѣхъ научныхъ понятій и техническихъ правилъ, безъ знанія и примѣненія которыхъ невозможно правильно вести воспитательное дѣло.* Такимъ образомъ, въ самомъ опредѣленіи ея сущности предполагается въ ней, какъ во всякой прикладной наукѣ, двѣ стороны: теоретическая и практическая, умозрительная и опытная. Она, какъ медицина вообще, или какъ хирургія или технологія въ особенности, не подходитъ ни подъ разрядъ точныхъ, ни — философскихъ наукъ, и болѣе граничитъ съ науками естественными, такъ какъ въ ней главную роль играетъ опытъ, приводящій къ выводу и обобщенію; а затѣмъ уже слѣдуетъ примѣненіе этихъ обобщеній или законовъ къ частнымъ случаямъ. Ей, какъ и всякой наукѣ, непремѣнно присущъ и философскій элементъ; но она не останавливается на одномъ умозрѣніи: человѣкъ, хорошо резонирующій о воспитаніи, еще не есть педагогъ, если онъ не обладаетъ сверхъ того искусствомъ примѣненія воспитательной теоріи къ практикѣ. Точно также было бы несправедливо признать педагогику только искусствомъ, такъ какъ въ искусствѣ главную роль играетъ часто безсознательное творчество, фантазія; дѣти же, будущія человѣческія личности, — совсѣмъ иной матеріялъ, чѣмъ глина, краски или звуки, и надъ дѣтьми едвали можно фантазировать по одному вдохновенію, — хотя бы это вдохновеніе посѣтило самаго образованнаго и развитаго человѣка*). Если педагогика и есть искусство, то никакъ не изящное, а понимаемое только какъ «разумное, своевременное, искусное примѣненіе общихъ законовъ и правилъ къ частнымъ случаямъ, къ отдѣльнымъ индивидуальностямъ.» Педагогическое вдохновеніе не есть вдохновеніе артиста, а только—то одушевленіе, та любовь къ своему дѣлу и находчивость въ немъ, какія могутъ быть присущи и государственному человѣку, и механику, и медику. Отъ пе-

*) Какъ на образчикъ педагога-фантазера укажемъ на учредителя Яснополянской школы, рушившейся вскорѣ же послѣ ея основанія.

дагога требуется *знаніе* и *умѣнье*, слѣдовательно требуется гораздо болѣе, чѣмъ отъ записнаго, кабинетнаго ученаго, болѣе чѣмъ и отъ артиста, одареннаго самымъ прихотливымъ творчествомъ. Отъ педагога требуется и то, и другое, такъ какъ знаніе предполагаетъ научный трудъ, а умѣнье — талантъ и навыкъ. О призваніи и любви къ дѣлу и говорить нечего: ими обусловливается успѣхъ во всякомъ родѣ дѣятельности, во всякой спеціяльности.

Равномѣрное соединеніе этихъ двухъ условій — знанія и умѣнья — есть необходимая и главная черта того идеала, приблизиться къ которому долженъ стремиться каждый педагогъ, если онъ хочетъ быть имъ не по одному имени, а по своей сущности. Полное достиженіе идеала, конечно, невозможно: это заключается въ самомъ понятіи «идеала»; но потребность приближенія къ нему сознавали и выражали величайшіе изъ историческихъ представителей педагогики. Возьмемъ для примѣра двухъ геніальныхъ швейцарцевъ. Ж. Ж. Руссо, произведшій своимъ «Emil» рѣшительный переворотъ во взглядахъ на воспитаніе, сдѣлавшееся въ его время крайне искусственнымъ и насильственнымъ, рѣшительно бѣжалъ отъ воспитательной практики, замѣтивъ, «что она на дѣлѣ постоянно противорѣчитъ тому, чего онъ желаетъ и требуетъ». (Confessions X. 156). Песталоцци, обладавшій самымъ обширнымъ педагогическимъ талантомъ, и до самопожертвованія преданный дѣлу воспитанія, много проигрывалъ отъ недостатка научнаго образованія, и потому не былъ въ состояніи построить цѣльную систему на открытомъ имъ новомъ принципѣ *развитія* въ обученіи: дѣло его довершили только его послѣдователи. Кромѣ того, Песталоцци уже въ старости самъ сознавался, что ему также «недостаетъ умѣнья владѣть классомъ и поддерживать въ немъ порядокъ» (Werke IX. 276).

Имѣетъ ли педагогика свои собственные основные принципы и можетъ ли считаться наукой самостоятельной?

При всемъ стремленіи современной антропологіи къ монизму, природа человѣка остается въ нашихъ глазахъ

двойственною, и мы знаемъ только — о тѣсной связи физической и психической жизни человѣка, о взаимной зависимости между духомъ и тѣломъ. Монизмъ еще далеко не уничтожилъ дуализма, и все единство тѣлесно-духовной жизни человѣка заключается въ единствѣ и цѣльности нашего «я», нашей личности (Ульрици). Дальше наука еще не пошла, и всѣ попытки новѣйшихъ матеріялистовъ уничтожить двойственность человѣческой природы, замѣнивъ ее монизмомъ, оказываются пока бездоказательной гипотезой, которая никакъ не пригодна для педагога. Для него продолжаютъ существовать два сограничныя міра явленій въ человѣкѣ:—міра тѣлеснаго и міра духовнаго, въ чемъ убѣждаетъ его и исторія, и ежеминутный опытъ. Стремленіе духа влечетъ его къ знанію, открывающему истину, и къ благу; достиженіе этихъ двухъ цѣлей доставляетъ человѣку наслажденіе. Такимъ образомъ, вся жизнь личности оказывается собственно троякою: *физическою*, *умственною и нравственною*. Каждая изъ этихъ сторонъ уже давно стала предметомъ самостоятельнаго изученія отдѣльныхъ наукъ: естественныхъ, философскихъ и нравственныхъ. (Къ послѣдней области надо отнести и теологію). Эти науки добыли рядомъ безчисленныхъ наблюденій и обобщеній сознаніе непреложныхъ законовъ, по которымъ дѣйствуетъ многосторонняя природа человѣка. Педагогика есть только примѣненіе этихъ законовъ къ воспитанію, и потому она, подобно медицинѣ или агрономіи, должна быть названа наукою несамостоятельною, производною — abgeleitete Wissenschaft, по выраженію нѣмцевъ. Изъ этого ясно, что успѣхи ея тѣсно связаны съ успѣхами тѣхъ наукъ, отъ которыхъ она заимствуетъ свой свѣтъ, беретъ свои принципы и примѣняетъ сообразно *своей* цѣли.

Педагогическая дѣятельность, какъ и всякая другая, должна быть сознательно-разумною, и даже преимущественно предъ всякой другой дѣятельностью, по причинѣ большей нравственной отвѣтственности. Изъ этого слѣдуетъ, что педагогу, приступающему къ своему дѣлу, прежде всего нужно отдать себѣ отчетъ въ *цѣли* воспи-

танія, а потомъ уже позаботиться и *о средствахъ*, ведущихъ къ ея достиженію. При опредѣленіи главной цѣли, для которой долженъ воспитываться каждый человѣкъ, недостаточно довольствоваться одними традиціями, однимъ подражаніемъ чужому примѣру, или предписаніями того или другого теоретика, такъ какъ главная цѣль воспитанія есть чисто нравственная, общечеловѣческая, а потомъ уже практическо-житейская и частная... Конечно, педагогу необходимо принять во вниманіе и традицію или обычай, и чужой примѣръ или совѣтъ, — но отнестись ко всему этому самостоятельно и принять только то, что разумно. Но о главныхъ цѣляхъ человѣческой жизни, кромѣ религіи, изъ наукъ трактуетъ преимущественно *философія*, обнимающая собою всѣ науки съ ихъ частными цѣлями и всю многосторонность жизни въ ея главныхъ моментахъ: религіозномъ, соціяльномъ, политическомъ, національномъ и индивидуальномъ, такъ какъ понятіе объ общей цѣли жизни есть понятіе въ высшей степени сложное, составляющее результатъ всей исторической жизни человѣчества, послѣднее слово всей современной цивилизаціи. Каждый воспитатель, даже самый малообразованный, непремѣнно философствуетъ о цѣли воспитанія, но понимаетъ ее узко или невѣрно, и почти всегда — не самостоятельно. Болѣе вѣрное опредѣленіе основной цѣли воспитанія обусловливается степенью образованія и умственнаго развитія педагога, и преимущественно въ философскомъ отношеніи. «Отдѣльныя правила и предписанія о воспитаніи,—говоритъ Ж. П. Рихтеръ—тоже, что лексиконъ безъ грамматики, или одна рецептура безъ медицины.» (Lewana. XXI) Если же въ размышленіяхъ нашихъ о цѣляхъ воспитанія необходимъ философскій элементъ; слѣдовательно философія является первою вспомогательною наукою для педагогики, особенно та часть философіи, которая трактуетъ о нравственныхъ сторонахъ жизни, и которая извѣстна подъ названіемъ *этики*. (ἔθος — правъ, обычай); спеціяльная разработка ея принадлежитъ преимущественно философамъ и теологамъ.

I. Философская педагогика.

И такъ, въ системѣ педагогической науки на первомъ планѣ стоитъ философское ученіе о цѣляхъ воспитанія или *телеологія* (*τέλος* — цѣль, конецъ). Конечно, каждый писатель, говоря объ основныхъ цѣляхъ воспитанія, понимаетъ ихъ по своему, смотря по эпохѣ и народности, къ которымъ онъ принадлежитъ, и по степени собственнаго образованія; однако у всѣхъ педагогическихъ писателей-есть одна общая черта, характеризующая педагогическую телеологію, это — гуманная, христіянская точка зрѣнія на человѣка и его назначеніе. И это совершенно естественно: вся наша современная цивилизація построилась главнымъ образомъ на христіянствѣ, на его чистыхъ, евангельскихъ принципахъ, которыми мало по малу проникалось человѣчество впродолженіе болѣе чѣмъ 18-ти столѣтій, и первые проблески которыхъ мы встрѣчаемъ даже у языческихъ народовъ, каковы индійцы, у языческихъ мыслителей, каковы напр. Сократъ, Платонъ, и еще болѣе— въ священныхъ книгахъ израильскаго народа. Христіянство чрезъ Откровеніе еще полнѣе развило эти принципы, лежащіе въ самой природѣ человѣка, и санкціонировало ихъ въ нониманіи людей *). «Въ каждомъ должно видѣть и воспитывать прежде всего человѣка, развивать въ немъ всѣ лучшія, божественныя стороны его природы, вести его къ духовному совершенству» — вотъ та истина, на которой въ настоящее время строится вся педагогическая телеологія, и которая выражается у лучшихъ представителей философско-педагогической науки, каковы Нимейеръ, Шлейермахеръ, Шварцъ, Розенкранцъ, Циллеръ, Пальмеръ, К. Шмидтъ, Стой и многіе другіе. Они расходятся только въ частностяхъ; но у всѣхъ ихъ идеалъ воспитанія чисто-христіянскій, и другаго пока еще никѣмъ

*) Не надо смѣшивать принциповъ христіянства съ догматами, а также съ формами, въ которыхъ они выразились, и которыя въ разныя эпохи и у разныхъ народовъ различны.

не было создано, да едва-ли и будетъ, такъ какъ идеалъ этотъ можетъ только развиваться и точнѣе опредѣляться, по мѣрѣ того, какъ человѣчество будетъ болѣе и болѣе уяснять себѣ всю глубину и истинность христіянскихъ принциповъ. Исторія также въ значительной степени содѣйствуетъ педагогической телеологіи опредѣлить тотъ идеалъ человѣка, къ которому должно идти воспитаніе, какъ *общечеловѣческое* (гуманное), такъ и *національное* и *индивидуальное*, такъ что педагогу (а не «учителю» только) необходимо: понимать и сущность христіянства, и философію въ ея стремленіяхъ и принципахъ, и исторію культуры вообще, а своего народа въ особенности. Тогда педагогическая телеологія уяснится для него уже вполнѣ, будетъ выработана имъ самостоятельно, и онъ не увязнетъ ни въ какой односторонней системѣ, ни въ какой узкой доктринѣ. Общечеловѣческое, гуманное воспитаніе будетъ для него всегда впереди частнаго, спеціальнаго; и свобода человѣческой личности съ ея національными и индивидуальными особенностями также не будетъ имъ позабыта въ воспитаніи.

Эта философская часть педагогики, или ея телеологія, предполагающая главную цѣль христіянско-гуманнаго воспитанія, собственно должна быть одна и таже для каждаго народа, такъ какъ всестороннее, гармоническое развитіе человѣка во всѣхъ его лучшихъ, благородѣйшихъ способностяхъ есть задача всякаго воспитанія; но до сихъ поръ она понимается еще далеко неодинаково, и наука еще не доработалась до полнаго соглашенія. Разладъ и недоразумѣнія происходятъ отъ того, что многіе дѣятели науки въ телеологію воспитанія вносятъ побочныя, спорныя цѣли: одни являются крайними конфессіоналистами (особенно католики и піетисты); другіе — приверженцами сословности (аристократы, демократы, клерикалы); третьи — крайними соціялистами, монархистами или республиканцами (во Франціи), а на юношество смотрятъ только какъ на средство или матеріялъ для проведенія своихъ любимыхъ идей. Даже между педагогическими писателями есть также представители разныхъ теорій и доктринъ.

При подобной тенденціозности, при стремленіи къ извѣстной пропагандѣ, свобода воспитанія забывается и права личности питомца порабощаются. Заблужденіе состоитъ именно въ уклоненіи отъ главной христіянско-гуманной цѣли воспитанія, составляющей сущность педагогической телеологіи. Воспитанный по ней юноша будетъ съ гармонически-развитыми силами и способностями во всѣхъ отношеніяхъ и, возмужавъ, *уже сознательно* приметъ то или другое воззрѣніе на текущую жизнь и ея отношенія. Если даже онъ впадетъ въ заблужденіе, то самостоятельно, и мы нравственно не отвѣчаемъ за то, что навязывали ему что-либо изъ спорныхъ идей, а напротивъ, приводили его къ сознанію однѣхъ общечеловѣческихъ истинъ, которыя безспорны и вѣчны. Интересы дня и разныя модныя идеи быстро проходятъ и не могутъ служить философскимъ основаніемъ воспитанія. Только философское пониманіе истины, добра и красоты, пониманіе sine ira et studio, можетъ дать прочный базисъ и сообщить педагогу спокойную энергію, такъ какъ порывы и увлеченія всегда граничатъ съ психическими болѣзнями — и болѣзнями-же отзываются на воспріимчивой натурѣ питомца. Крайними идеалистами бываютъ преимущественно эксцентрики, маноманы, Донъ-Кихоты, люди желчные, съ разстроенными нервами и съ экзальтированнымъ воображеніемъ; воспитаніе-же должно быть здорово и реально, какъ сама жизнь, понимаемая въ ея лучшемъ смыслѣ, въ ея скорѣе положительныхъ, чѣмъ отрицательныхъ сторонахъ.

И такъ, спокойное, философское созерцаніе жизни, раціональная критика ея данныхъ условій и отношеній, есть та пропедевтика, которую долженъ пройти каждый прежде, чѣмъ онъ возьмется за воспитаніе. Иначе оно будетъ идти наугадъ, односторонне, или въ одномъ отрицательномъ направленіи, примѣровъ котораго можно больше всего встрѣтить у насъ, въ Россіи, въ наше переходное время. Недовольство настоящимъ есть, конечно, лучшая черта каждаго развитаго человѣка, а слѣдовательно и истиннаго педагога, *недовольство*, говорю я, а не раздра-

женіе или ожесточеніе, какъ опасныя и прилипчивыя психическія болѣзни. «Воспитывай человѣка такъ, какъ онъ самъ воспитывалъ-бы себя, если бы былъ разуменъ.» Опредѣливъ себѣ главную цѣль воспитанія не только въ отрицательномъ, но и въ положительномъ отношеніи, педагогу слѣдуетъ приступить къ изученію лучшихъ средствъ къ ея достиженію, — а объ этомъ трактуетъ вторая, самая обширная часть науки — *практическая педагогика.*

II. Практическая педагогика.

Практическая педагогика, опирающаяся на опытъ (наблюденіе, выводъ, примѣненіе, повѣрка и т. д.), указываетъ на тѣ пути, по которымъ должно направляться всестороннее развитіе способностей питомца, какъ будущаго члена человѣчества, своего народа, государства, церкви и семьи. Она предполагаетъ въ педагогѣ здравое, не преувеличенное и не преуменьшенное пониманіе не только физической и психической жизни человѣка, но и различныхъ другихъ требованій жизни общественной, государственной и семейной. Въ этомъ отношеніи педагогу необходимо знать не только общія свойства человѣческой природы въ ея высшемъ развитіи, чѣмъ довольствуется напр. философія, но также, и по преимуществу, тѣ законы, по которымъ совершается послѣдовательное развитіе двойственной природы человѣка. Незнаніе этихъ законовъ постепеннаго развитія тѣлесно-духовнаго организма человѣка чаще всего ведетъ къ тому, что воспитатель судитъ о питомцѣ по себѣ и насилуетъ дѣтскую природу, не умѣя снизойти до ея пониманія, не вспоминая о собственномъ дѣтствѣ съ его наивностью, восприимчивостью и неразумностью. Такой воспитатель обыкновенно относится къ питомцу, какъ взрослый къ взрослому, преждевременно даетъ дѣтскому организму неудобоваримую для него пищу и, засоряя его, разстраиваетъ правильность и постепенность его тѣлесно-духовныхъ отправленій. Въ отношеніи своего развитія организмъ духа подчиняется почти тѣмъ же

законамъ, какъ и организмъ тѣлесный (не даромъ между ними замѣтна непосредственная связь), а потому въ интересахъ наибольшей практичности воспитанія, въ виду достиженія поставленнаго воспитателемъ идеала, необходимо знакомство съ физіологіей и психологіей въ примѣненіи къ различнымъ возрастамъ, поламъ и темпераментамъ. Слѣдовательно *психологія* и *физіологія* находятся въ такомъ же отношеніи къ педагогикѣ, какъ и философія, т. е. являются главными вспомогательными ея науками. Заимствуя изъ нихъ свои основанія, педагогика, какъ наука прикладная, примѣняетъ ихъ къ своихъ спеціяльнымъ цѣлямъ, и потому подраздѣляется еще на свои отдѣльныя части. Она также не можетъ обойтись и безъ *соціологіи* при вопросѣ объ устройствѣ разныхъ видовъ школъ, отвѣчающихъ разнымъ общественнымъ потребностямъ, или при вопросахъ о семейномъ и общественномъ воспитаніи.

На основаніи тѣхъ законовъ, которые успѣли раскрыть физіологія и психологія вообще, или антропологія въ частномъ примѣненіи къ человѣку (Фихте мл.), практическая (опытная) педагогика трактуетъ о средствахъ совершеннѣйшаго воспитанія человѣка въ различные періоды его развитія въ физическомъ, умственномъ, и нравственномъ отношеніяхъ. Но успѣхъ умственнаго и нравственнаго воспитанія въ глазахъ свѣдущаго педагога прежде всего зависитъ отъ организма, слѣдовательно первая же глава практической педагогики должна изложить ученіе о физическомъ воспитаніи; это и дѣлаетъ —

А. *Діэтетика* (*διαιτάω* — сохранять, питать). Растительная и животная жизнь преобладаетъ въ человѣкѣ въ началѣ его жизненнаго поприща и много обусловливаетъ постепенно пробуждающуюся въ немъ духовную жизнь. Только въ совершенномъ, во всесторонне-развитомъ организмѣ можетъ вполнѣ проявить себя духъ, находящійся сперва какъ-бы въ эмбріологическомъ состояніи. Единственно этимъ и можно объяснить себѣ возможность идіотизма. Не зная и не уважая законовъ физической природы человѣка, нельзя быть хорошимъ вос-

питателемъ; но въ то же время воспитатель долженъ вести дѣло такъ, чтобы духъ постепенно освобождался отъ господства тѣла и самъ становился господствующимъ элементомъ въ двойственной природѣ человѣка. Это особенно хорошо понимали греки, развившіе свою гимнастику до удивительной полноты и цѣлесообразности. Духъ можетъ чувствовать себя независимымъ только въ здоровомъ тѣлѣ (mens sana in corpore sano). «Plus le corps est faible — говоритъ Руссо — plus il commande; plus il est fort — plus il obeit». Всѣ новѣйшіе натуралисты и опытные психологи, старающіеся разработать вопросъ о связи духа съ тѣломъ, Гельмгольцъ, Лотце, Фехнеръ, Вундтъ и др. подтверждаютъ это. Въ больномъ физически человѣкѣ духъ изнемогаетъ подъ аффектами тѣла. Слѣдовательно, діэтетика дѣйствуетъ чисто въ интересахъ духа, давая провѣренные наукой совѣты о пищѣ, одеждѣ, жилищѣ, о воздухѣ и свѣтѣ по отношенію къ человѣку, о средствахъ укрѣпленія мускуловъ, нервовъ, о развитіи и изощреніи органовъ внѣшнихъ чувствъ. Гимнастику считаетъ она главной пособницей въ дѣлѣ физическаго воспитанія. Поразителенъ тотъ фактъ, что, не смотря на большее и большее развитіе естествознанія, уясняющаго намъ разумность и неразумность разныхъ отношеній человѣка къ физической природѣ вообще, и къ своему организму въ особенности, физическое воспитаніе шло успѣшнѣе въ древности, когда человѣкъ не сознавалъ еще законовъ природы, но жилъ въ непосредственной связи съ нею, и своимъ прихотливымъ произволомъ менѣе нарушалъ ея непреложные законы. Стоитъ указать на Грецію и Римъ въ ихъ цвѣтущій періодъ, когда являлось множество тѣхъ сильныхъ, цѣльныхъ личностей, которыя въ новѣйшее время стали такъ рѣдки въ человѣчествѣ. Появленіе нервныхъ болѣзней проистекаетъ отъ крайней изнѣженности человѣка, или отъ односторонности его развитія; частые примѣры умопомѣшательства есть особенно-характеристическая черта нашего времени, когда при многоученіи въ дурно устроенныхъ интернатахъ думаютъ развить духъ, забывая о

тѣлѣ, и приходятъ именно къ обратной цѣли: подавляютъ этотъ духъ, и особенно одну изъ главнѣйшихъ его сторонъ — волю. Не многознаніе, а здоровье въ обширномъ смыслѣ этого слова дѣлаетъ человѣка внутренно счастливымъ и довольнымъ, — новѣйшая же цивилизація, съ ея утонченной роскошью, нисколько не увеличивая суммы человѣческаго счастія (Лотце), только разстраиваетъ нормальность соціяльныхъ отношеній и производитъ тѣхъ недовольныхъ, которые, подобно Байрону или Ж. Ж. Руссо, проклинаютъ эту цивилизацію и бѣгутъ отъ нея въ нѣдра природы и естественнаго состоянія человѣка. Роскошь, неуважающая здоровья человѣка, искажая его физически, точно также, какъ и крайняя нищета, искажаетъ его и нравственно. Понятно, что раціональная діэтетика энергически призываетъ воспитателей къ знанію и уваженію естественныхъ потребностей природы, — иначе одно многоученіе и многознаніе будутъ только вредить человѣку и физически, и духовно. Наша современная школа едва-ли больше уважаетъ права человѣческаго организма, чѣмъ это было въ средніе вѣка, съ ихъ фанатическимъ аскетизмомъ, или въ XVIII столѣтіи съ его сенсуализмомъ и расточительностью. Средневѣковый аскетизмъ еще понятенъ, какъ первое пробужденіе человѣческаго духа и стремленіе его къ небу послѣ сплошнаго варварства, какъ первый порывъ духа изъ давившихъ его оковъ матеріяльной жизни, какъ фанатическая реакція прежнему. Но въ наше время пора при помощи науки возстановить равновѣсіе между двумя сторонами человѣческой природы, какъ это дѣлали еще греки. Борьба неспокойная ведетъ только къ крайностямъ; одинъ разумъ, спокойно работающій въ наукѣ, можетъ быть рѣшителемъ и посредникомъ въ этой вѣчной борьбѣ между стремленіями тѣла и духа. Діэтетика вовсе не желаетъ создать атлетовъ, но только возстановить права тѣла, удержать погоню ложныхъ педагоговъ — исключительныхъ *спиритуалистовъ* — за развитіемъ одного духа, которое будетъ всегда одностороннимъ: или черезъ чуръ разсудочнымъ, или сентиментальнымъ, или капризнымъ—

смотря по тому, возьметъ ли преимущество умъ, чувство, или воля.

В. *Дидактика* (*διδάσκω* — учить), основываясь на опытной психологіи, старается указать пути, по которымъ должно направляться умственное развитіе питомца, которое идетъ параллельно съ его физическимъ развитіемъ. Въ этомъ отношеніи психологія — тоже для дидактики, что физіологія и гигіена для діэтетики. Человѣкъ, являясь на свѣтъ, не приноситъ съ собою никакихъ готовыхъ представленій, никакихъ понятій и идей, какъ предполагаютъ крайніе метафизики; онъ приноситъ съ собою одни задатки, одну возможность или энтелехію — какъ называли ее греческіе мыслители. Органы внѣшнихъ чувствъ, особенно зрѣнія, слуха и осязанія, суть тѣ окна, чрезъ которыя весь внѣшній міръ дѣлается доступнымъ человѣку и обогащаетъ его впечатлѣніями. Эти впечатлѣнія или аффекты внѣшняго міра, по ученію новѣйшихъ психологовъ, особенно Бенеке и его послѣдователей, оставляютъ болѣе или менѣе прочные слѣды въ нашей нервной системѣ, которые потомъ душа наша, какъ *активная* сила, а не пассивная tabula rasa, сознаетъ какъ представленія, комбинируетъ ихъ, сравниваетъ, обобщаетъ, отвлекаетъ и строитъ въ систему: такъ возникаютъ въ насъ понятія, сужденія и умозаключенія, простѣйшимъ элементомъ которыхъ является представленіе, воспринятое путемъ опыта изъ внѣшняго міра. Такимъ образомъ, кромѣ внѣшняго, уже не хаотическаго міра, возникаетъ въ насъ столь же стройный міръ внутренній, или, по любимому выраженію философовъ, — микрокосмъ, этотъ возможно-вѣрный отпечатокъ макрокосма. Но въ насъ есть еще рядъ такихъ явленій, которыхъ пока еще не въ состояніи объяснить натуралистическая психологія, это — явленія міра религіозно-нравственнаго. Проявленія души въ этомъ направленіи суть несомнѣнные факты; но мы не знаемъ тѣхъ внутреннихъ процессовъ, которыми они обусловливаются, и предъ реальнымъ объясненіемъ которыхъ опытная психологія оказывается безсильною. Попытка объяснять ихъ

ясностью представленій — также несостоятельна; но для дидактики, преслѣдующей спеціяльно интересы умственнаго развитія, опытная психологія оказала неоцѣненныя услуги; а такъ какъ личность человѣка, или наше «я» есть единая сущность, въ которой все взаимно связано и обусловлено; по этому и дидактика имѣетъ непосредственную связь съ другими отдѣлами педагогической науки. Въ наукѣ этой, какъ въ нашемъ психо-физическомъ организмѣ, нѣтъ отдѣльныхъ клѣтокъ, а только особые, гармонически соединенныя части. Развитіе каждой способности нашего духа — ума, чувства, воли — тѣсно связано взаимностью, и нѣтъ возможности аффектировать на одну изъ нихъ, не затрогивая въ тоже время и другой, и третьей и т. д. Нашу душу надо понимать не механически, а также органически, какъ и нашу физическую природу, — какъ это доказалъ Карусъ, и какъ это признаетъ сама новѣйшая антропологія. Тѣмъ не менѣе было время, когда думали развить ту или другую способность въ отдѣльности, чисто механически, и когда на обученіе смотрѣли только какъ на передачу знаній. Песталоцци внесъ въ обученіе принципъ развитія и самодѣятельности, разработанный потомъ въ дидактикѣ особенно Бенеке, Дистервегомъ, Любеномъ, Магеромъ и Шерромъ. Дидактика показываетъ образовательное значеніе всего ученія вообще, и каждаго учебнаго предмета въ частности, а въ методикѣ, какъ въ особомъ отдѣлѣ, занимается вопросами о способахъ ихъ преподаванія. Сюда же относится вопросъ о педагогическомъ значеніи синтеза, анализа, индукціи, дедукціи, аналогіи и т. д. Всѣ учебные предметы, говоритъ она, должны проникать другъ друга и совокупно дѣйствовать на личность питомца, для достиженія главной цѣли воспитанія; одни изъ нихъ могутъ дѣйствовать болѣе на область представленій и идей, другіе болѣе на область чувства и симпатіи, третьи болѣе на область побужденій и проявленій воли въ дѣйствіи. Способы преподаванія должны соотвѣтствовать общему и частному дидактическому значенію каждаго предмета, но такъ, чтобы во всемъ обученіи была должная концентра-

ція, должное единство, и чтобы метода учителя возбуждала пытливость, самодѣятельность, вызывая и укрѣпляя продуктивныя силы духа. Многоученіе и поспѣшность, особенно въ языкахъ, подавляютъ духъ, лишая его интенсивности и т. д. Знаніе дидактики особенно важно для учителя, ибо вся образовательность предмета зависитъ не столько отъ его матеріяльнаго состава, сколько отъ способа его распредѣленія и усвоенія.

В. *Ходигетика* (*ὁδηγέω* — указывать путь, вести) указываетъ средства для нравственнаго воспитанія молодой личности, т. е. развитія и должнаго направленія воли. Образованіе характера (Gemüth) на основаніи законовъ философской телеологіи и опытной психологіи — вотъ задача собственно нравственнаго воспитанія. Понятіе о нравственности есть результатъ общественнаго развитія, выразившійся прежде всего въ обычаяхъ, и потомъ уже подведенный разумомъ подъ извѣстные принципы, окончательно установленные уже христіянствомъ. Умственнаго развитія питомца еще можно достигнуть съ помощію одной только науки и при руководствѣ одной личности; — нравъ же, характеръ слагается непремѣнно въ обществѣ, при соприкосновеніи съ другими личностями, и при реальной, практической дѣятельности человѣка. Умъ постановляетъ цѣли, чувство желаетъ, — воля достигаетъ ихъ. Правда, новѣйшая соціологія показываетъ, что нравственное развитіе общества находится въ прямой зависимости отъ распространенія знаній, отъ высоты умственнаго развитія (Контъ, Литтре, Бёкль, Кетле, Д. С. Милль — ихъ труды по общественной философіи и общественной физіологіи); но не одинъ развитый умъ, не одни знанія дѣлаютъ человѣка нравственнымъ и энергическимъ дѣятелемъ. Примѣры мы встрѣчаемъ на каждомъ шагу. Какъ часто убѣжденія или воззрѣнія человѣка бываютъ безукоризненно нравственны, а на дѣлѣ онъ не въ силахъ осуществить ихъ по безхарактерности, или даже сознательно нарушаетъ ихъ вслѣдствіе перевѣса эгоистическихъ стремленій. Какъ часто, напр. идеалъ гражданскій приносится въ жертву идеалу семейному, по причинѣ крайне-разви-

таго семейнаго чувства..... Не доказываетъ-ли все это, что нравственная сторона человѣческой личности зависитъ прежде всего отъ условій окружающей ее общественной жизни, такъ что многія понятія о нравственности являются совершенно условными; нравственная личность предполагаетъ не столько развитый умъ, сколько облагороженное чувство и должнымъ образомъ направленную, окрѣпшую волю. Слѣдовательно, нравственное воспитаніе хотя и находится въ тѣсной связи съ обученіемъ, обогощающимъ человѣка сознательно-разумными принципами, но въ тоже время составляетъ особый актъ педагогической дѣятельности, главными моментами котораго служатъ: общественность, примѣръ, и болѣе всего *привычка*. Но при цѣльности и единствѣ человѣческой личности воспитаніе тѣсно связано съ обученіемъ, хотя обязанности эти по спеціяльности своей нерѣдко распредѣляются между воспитателемъ и учителемъ; а потому распредѣленіе это, мотивируемое необходимостью раздѣльности труда, собственно говоря, есть то неизбѣжное зло въ практикѣ, которое нѣсколько смягчается только единствомъ въ дѣйствіяхъ воспитателей и учителей *). При разрозненности и односторонности въ педагогической дѣятельности, личность питомца непремѣнно раздвояется, и гармонія духовныхъ силъ нарушается. Развитіе каждой способности, а слѣдовательно и желательной, можетъ идти успѣшно только въ связи со всѣми другими способностями, такъ что вполнѣ усвояется только то, что питомцемъ продумано умомъ, прочувствовано сердцемъ и примѣнено на дѣлѣ силою его воли. Такимъ образомъ, ходигетика или теорія христіянско-нравственнаго воспитанія также значительно опирается на доводы психологіи.

Воспитываетъ не одинъ воспитатель, но и вся пестрая окружающая жизнь, дѣйствуя на питомца не преднамѣренно, а потому нерѣдко со вредомъ для него; отъ воспита-

---

*) Въ этомъ отношеніи интересна книга профес. Циллера: Grundlegung zur Lehre vom erziehenden Unterricht. Leipzig. 1865. Лестная рецензія — см. Rheinische Blätter Дистервега. 2 Heft.

теля зависитъ выборъ обстановки для своего питомца, съ устраненіемъ изъ нея всего вреднаго. Для этого воспитатель долженъ не только знать современное ему общество, но и быть выше его, чтобы умѣть относится къ нему критически. Когда воспитаніе понимали односторонне, напр. въ средніе вѣка, то дѣлали подборъ окружающей питомца обстановки черезъ-чуръ искусственно и превращали воспитаніе изъ общественнаго въ монастырское, думая чрезъ это достигнуть развитія нравственной, свободной воли человѣка и почти безъ помощи обученія, т. е. воспитаніе ставили до того выше обученія, что даже почти исключали послѣднее. Результаты доказали, что при этомъ цѣль не достигалась, нерѣдко приводя только къ соблюденію внѣшнихъ приличій или къ ханжеству. Въ примѣненіи-же къ женщинѣ до сихъ поръ недостаточно сознана та истина, что умственное и нравственное развитіе находятся въ тѣснѣйшей органической зависимости другъ отъ друга; тогда какъ воспитаніе, не опирающееся на умственное образованіе, всегда оказывается крайне поверхностнымъ и непрочнымъ. Другіе, на оборотъ, впадали въ другую крайность, и опираясь на тѣсную зависимость нравственнаго воспитанія отъ умственнаго развитія, (у насъ, напр., любятъ ссылаться на авторитетъ Бёкля), стали все вниманіе обращать только на послѣднее, распахнули предъ дѣтьми всю реальную жизнь, забывъ о силѣ привычки, и потому часто производили однихъ говоруновъ, безсильныхъ на дѣлѣ ораторовъ, людей, уважающихъ возвышенные принципы и ведущихъ самую грязную жизнь въ дѣйствительности. Все искусство воспитанія въ томъ-то и состоитъ, чтобы избѣжать крайностей и во всемъ удержаться въ равновѣсіи, — что безъ общаго педагогическаго образованія, раскрывающаго всѣ стороны воспитательнаго дѣла, рѣшительно невозможно. Хотя семья есть прототипъ воспитательной сферы, — но въ наше время, при широкомъ развитіи общественной жизни, школа (я разумѣю не интернатъ) является необходимой пособницей семьи, и ходигетика признаетъ за школой огромное воспитательное значеніе, такъ какъ она

противодѣйствуетъ развитію своенравія, упрямства, изнѣженности, эгоизма, скрытности, тоскливости и апатіи, научаетъ уважать другія личности, чужую собственность, поддерживаетъ терпѣніе, бодрость и веселость, формируетъ понятія о долгѣ и общественныхъ обязанностяхъ, требуя ихъ безукоризненнаго исполненія. Но для достиженія такихъ воспитательныхъ цѣлей сама школа должна быть устроена раціонольно, и не походитъ ни на монастырь, съ искусственной, на глухо запертой отъ вѣянія жизни сферой, — ни на казарму съ ея многочисленными обитателями, подчиненными одному внѣшнему дисциплинарному порядку, при отсутствіи должной свободы и самостоятельности.

Облагороженіе чувства есть вѣрный залогъ правильнаго направленія свободной воли. Это понимали греки, дорожившіе эстетическимъ и художественнымъ образованіемъ. Но чтобы воля была свободна, она не должна быть только пассивна: ея стимуломъ долженъ быть самостоятельный, разумный выборъ желаемыхъ цѣлей: иначе лишь при развитіи пассивной воли явится одинъ автоматъ, — человѣкъ безъ собственной личности. «Истинно нравственное образованіе характера, говоритъ Гербартъ, заключается въ такой постановкѣ питомца, чтобы онъ самъ избиралъ доброе и отвергалъ злое, понимая его такъ, какъ учитъ насъ христіянско-философская этика. Такое возвышеніе до самосознательной личности возможно въ характерѣ питомца, конечно, только при самостоятельности, и было бы безсмыслицей, если бы воспитатель захотѣлъ создать необходимую для того силу въ питомцѣ (ибо силы, не создаются, а только развиваются и направляются). Для воспитателя остается только уже находящіяся въ природѣ питомца силы поставить въ такое положеніе, чтобы они могли достигнуть должной, возможно-большей полноты развитія» *). Этимъ ходигетика совершенно устраняетъ произволъ и насильственность въ нравственномъ воспитаніи, которое при отсутствіи подобныхъ условій не-

*) Herbart—über die ästetische Darstellung der Welt. Werke XI. p. 250.

премѣнно или исказится, или окажется безжизненнымъ, автоматическимъ. Предупреждать всѣ нравственные промахи со стороны питомца, устранять всевозможные, даже малѣйшіе соблазны, не только невозможно, но даже не должно, если мы хотимъ, чтобы нравственное воспитаніе было жизненно, прочно и самобытно; вотъ почему многіе интернаты съ ихъ черезъ-чуръ искусственной сферой, съ отрѣшенностью отъ жизни и свободы, могутъ давать преимущественно людей безличныхъ, безхарактерныхъ, съ незрѣлымъ разумомъ, съ огрубѣлыми или искаженными чувствами, и съ неразвитой свободой воли. Исполнительность еще не есть признакъ свободной воли, ибо при отсутствіи внѣшняго принужденія эта исполнительность, не подкрѣпленная сознательностью, тотчасъ исчезаетъ, и искусственно воспитанная личность предоставляется всѣмъ вѣтрамъ и теченіямъ. Все полицейское и карательное, не различающее личности въ подсудимомъ, а имѣющее въ виду одинъ проступокъ, должно быть изгнано изъ воспитанія, и особенно осторожно введено все исправляющее и поощряющее; потому-то вопросы о наказаніяхъ, о наградахъ, о дисциплинѣ — принадлежатъ къ числу главнѣйшихъ предметовъ, о которыхъ трактуетъ ходигетика. Въ исторіи своего развитія эта часть педагогики есть старѣйшая, и надъ вопросомъ о нравственномъ воспитаніи человѣка трудилось наибольшее число дѣятелей. Но обыкновенно совѣты педагоговъ прежняго времени выражались въ формѣ краткихъ, условныхъ и мало убѣдительныхъ предписаній, походя на рецепты, и не основываясь ни на какихъ научныхъ принципахъ. Только философія и психологія съумѣли мотивировать должнымъ образомъ тѣ или другія воспитательныя средства и много упростили вопросъ объ образованіи характера. Школа, какъ образовательно-воспитательное учрежденіе, явилась тогда въ новомъ, истинномъ свѣтѣ.

Д. *Училищевѣдѣніе*, пока еще малоразработанное, трактуетъ о школѣ, какъ о соціяльномъ учрежденіи, и общее педагогическое образованіе будетъ не полно, если педагогъ не будетъ основательно знакомъ съ многоразлич-

ными видами школъ, съ вызвавшими ихъ потребностями, съ отношеніемъ школы къ государству, церкви, обществу и семьѣ. На первый разъ разнообразіе видовъ школъ поражаетъ своею сложностью; но всѣ они подводятся подъ извѣстныя категоріи, при опредѣленіи которыхъ берутся разные принципы дѣленія, каковы: полъ, возрастъ, сословіе, состояніе, та или другая потребность практической жизни. Характеръ и достоинство школы вообще зависятъ какъ отъ развитія государственной и общественной жизни, такъ и отъ большаго или меньшаго распространенія педагогическихъ понятій. Дѣйствующее законодательство относительно школы подвержено измѣненію, и въ немъ всегда отражается состояніе общаго развитія образованности того или другаго народа. Исторія показываетъ намъ, что школа прежде всего была вызываема къ жизни не вслѣдствіе педагогическихъ соображеній, а чисто практическихъ, и дѣло вчинанія принадлежало въ этомъ случаѣ всегда или государству, или церкви, бравшимъ на себя попеченіе о неразвитой и недѣятельной массѣ общества. Вслѣдствіе этого, по мѣрѣ развитія образованности вообще, и педагогическаго знанія въ особенности, между существующими школьными учрежденіями и раціональными требованіями педагогической науки всегда возникаетъ антагонизмъ, и крѣпко сложившаяся жизнь только съ трудомъ дѣлаетъ уступки разумности. Вотъ почему собственно-школьная педагогика дѣлала наибольшіе успѣхи не въ государственныхъ или церковныхъ, а въ частныхъ школахъ, примѣняя къ нимъ и выработывая на нихъ педагогическія истины. Организація школы въ наше время поражаетъ неправильностью и несоотвѣтствіемъ строго-педагогическимъ принципамъ, и эти крайности въ ея духѣ и устройствѣ бываютъ тѣмъ рѣзче, чѣмъ сословнѣе ея назначеніе, чѣмъ менѣе уважается въ ней принципъ общечеловѣческаго, гуманно-національнаго развитія. Тамъ, гдѣ сословная исключительность болѣе или менѣе сгладилась, народная школа, будетъ ли она низшею или среднею, мужскою или женскою, одинаково зависитъ и отъ государства, и отъ цер-

кви, и отъ самаго общества. Слѣдовательно, все образованіе и воспитаніе въ ней дѣлается многостороннѣе: оно вмѣстѣ и общественное, и семейное, ни исключительно мужское, ни исключительно женское, не военное и не «штатское», не духовное и не свѣтское, не узко-спеціяльное и не отвлеченно-общее, не аристократическое и не демократическое: оно, повторяю, прежде всего общечеловѣческое, къ водворенію котораго стремится раціональная педагогика. Школьное законодательство въ примѣненіи къ различнымъ видамъ школъ, ихъ внѣшнее устройство, и школьная статистика также входятъ въ составъ училищевѣдѣнія и должны быть извѣстны спеціяльно-образованному педагогу, какъ наиболѣе практическая часть практической педагогики.

III. Историческая педагогика.

«Педагогику нашего времени — говоритъ швейцарскій педагогъ Церингеръ — можно понять только съ помощію исторіи, такъ какъ она составляетъ часть исторіи цивилизаціи всего человѣчества и должна быть разсматриваема непремѣнно въ связи съ послѣдней». Это совершенно справедливо, но понято учеными педагогами только недавно и убѣдительнѣе другихъ доказано въ трудахъ Карла Шмидта, которые и намъ слѣдуетъ принять за основаніе при взглядѣ на исторію воспитанія. Древность признавала только господствующихъ и подвластныхъ; господствующіе — были-ли то жрецы, государи или цѣлые роды — имѣли въ своихъ рукахъ не только всю власть, но и все образованіе своего времени. Они завѣдывали и воспитаніемъ, и обученіемъ молодыхъ поколѣній; они же создали образцы и идеалы древней педагогики. Подвластные составляли безличную массу, которая по ихъ волѣ шла на работу и на войну, и не получала никакого образованія. Только христіянство впервые возвратило человѣку права личности. Съ появленіемъ его нетолько все человѣчество явилось прекраснѣйшимъ и совершеннѣйшимъ созданіемъ Творца, но и каждый отдѣльный чело-

вѣкъ — чадомъ Божіимъ, предназначеннымъ жить на землѣ по дарованнымъ для его же блага заповѣдямъ, и получить за это награду, если еще не при жизни, то послѣ смерти. Этимъ удовлетворено было въ человѣкѣ стремленіе къ идеѣ абсолютной справедливости. Но христіянское ученіе, эта «благая вѣсть» для всѣхъ бѣдныхъ, непризнанныхъ, подавленныхъ, также трудно и медленно входило въ жизнь; на дѣло его водворенія пошли всѣ средніе вѣка съ ихъ ужасными борьбами, среди которыхъ исчезали цѣлыя государства и народы—прежде чѣмъ признано было святое право личности. Только новѣйшее время разбило на ней послѣдніе оковы, такъ что въ Европѣ законность рабства уже почти изчезла. Этому движенію общественной жизни постоянно слѣдовала и педагогика. Извѣстные борцы за дѣло воспитанія также стояли въ первыхъ рядахъ въ этой соціяльной битвѣ и энергически содѣйствовали торжеству христіянскаго принципа свободы личности, которая легче всего подавляется съ дѣтства, еще слабаго и беззащитнаго. Эти-то борцы-педагоги и были истинными благодѣтелями дѣтства, а слѣдовательно и цѣлаго человѣческаго общества, защищая его противъ господства древнихъ, дохристіянскихъ традицій.

Надо признать, что главнѣйшая черта въ воспитаніи новѣйшаго времени, выработавшаяся исторически и еще не всюду вполнѣ обозначившаяся, это — признаніе индивидуальныхъ правъ, свобода отдѣльныхъ стремленій, при охранительной благоустроенности цѣлаго общества, создавшаго для этой цѣли *государство*. Тотъ-же самый характеръ отразился и въ современной педагогикѣ, какъ умозрительной, такъ и практической: всѣ дѣти имѣютъ нравственное, общечеловѣческое право пользоваться воспитаніемъ и обученіемъ, и каждому изъ нихъ открытъ путь въ наукѣ, къ искусству, ко всевозможной спеціяльности по призванію. Идея эта лежитъ въ основаніи общественной педагогики и понемногу входитъ въ жизнь, какъ результатъ историческаго и философскаго сознанія. Даже покинутыя родителями или обиженныя самой природой дѣти, эти «паріи» дохристіянскаго міра, пользуются

филантропическимъ попеченіемъ общества, которое чѣмъ образованнѣе, тѣмъ болѣе представляетъ учрежденій для сиротъ, подкидышей, слѣпыхъ, глухо-нѣмыхъ, и даже идіотовъ, для образованія и развитія которыхъ медицинская педагогика изыскала не мало новыхъ, цѣлесообразныхъ средствъ. Тамъ, гдѣ образованность и педагогическія идеи имѣли болѣе блестящую исторію, чѣмъ у насъ, тамъ государство, церковь, община и семья не уединяются въ своихъ частныхъ интересахъ, а далекія отъ нехристіянской идеи эксплуатаціи дѣтства, протягиваютъ другъ другу руку, чтобы общими силами воспитывать подрастающія поколѣнія; тамъ народная школа есть предметъ главнѣйшихъ попеченій педагогики, ея любимѣйшее дитя.

Вотъ та идея, которая проходитъ чрезъ всю исторію педагогики, и вотъ плоды ея, которые она старается возрастить въ наше время. Безъ знанія исторіи воспитанія педагогу нельзя быть передовымъ дѣятелемъ своего времени, ибо всѣ наши общія стремленія и задачи необходимо подчиняются закону преемственности. Только незнаніе исторіи и неуваженіе къ ней могло произвести тѣхъ Донъ-Кихотовъ въ воспитательномъ дѣлѣ, которыхъ у насъ появилось не мало за послѣднее время, и которые иногда при всемъ благородствѣ своихъ стремленій, только вредятъ правильному развитію педагогическаго дѣла въ нашемъ отечествѣ.

Такимъ образомъ, предъ нами выяснилась та научно-педагогическая система, которую я считаю наиболѣе раціональною:

Педагогика.

Философская педаг.	Практическя (опытн.) педагогика.		Историческая пед.
Діэтетика.	Дидактика.	Ходигетика.	Училищевѣдѣніе.

Изъ краткой характеристики каждаго изъ этихъ отдѣловъ по ихъ принципамъ, цѣлямъ и направленію, надѣюсь, достаточно выяснилось и отношеніе педагогики къ другимъ вспомогательнымъ наукамъ: философіи, фи-

зіологіи, психологіи, соціологіи и исторіи, а также отчасти—къ теологіи, юриспрундеціи и медицинѣ. Принадлежа къ наукамъ не самостоятельнымъ, а прикладнымъ, педагогика если и проигрываетъ въ точности, за то выигрываетъ въ жизненности и практичности; если же она обусловливается общимъ состояніемъ образованности того или другаго народа, — за то и сама много содѣйствуетъ дальнѣйшему развитію этой образованности, принимая на себя заботы о подростающихъ поколѣніяхъ. Все сказанное нами явится еще убѣдительнѣе, если мы прослѣдимъ за ходомъ историческаго развитія педагогической теоріи вообще, и педагогической практики въ особенности, и притомъ по всѣмъ отмѣченнымъ нами отдѣламъ.

Л. М.

1865 года.

ОЧЕРКЪ

ИСТОРІИ ВОСПИТАНІЯ И ОБУЧЕНІЯ

СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ДО НАШИХЪ ВРЕМЕНЪ.

ВВЕДЕНІЕ.

Требованія прагматической исторіи педагогики.

Историческое развитіе человѣчества представляетъ постепенный переходъ отъ безсознательнаго состоянія къ сознательному, отъ подчиненія природѣ — къ полной свободѣ духа, стремящагося къ идеямъ истины, любви и красоты. Всемірная исторія есть исторія *освобожденія* человѣческаго духа съ его индивидуальными правами, и возвышенія его къ абсолютному совершенству — Богу.

Исторія педагогики должна быть разсматриваема въ связи со всемірной, къ которой она относится какъ часть къ своему цѣлому. Спеціальная задача ея—показать, какимъ образомъ понимаема была у различныхъ народовъ съ ихъ высочайшими представителями теоретическая идея воспитанія, и на сколько она была осуществляема практически. Слѣдя за развитіемъ человѣчества, исторія воспитанія раскрываетъ предъ нами критическую дѣятельность человѣческаго разума, который постоянно остается недоволенъ пройденной имъ исторической стадіей, постоянно разрушаетъ старые идеалы и создаетъ новые,

совершеннѣйшіе, нерѣдко заблуждается, но никогда не остается въ спокойномъ самоудовлетвореніи. Въ исторіи воспитанія мы изучаемъ—чѣмъ было оно на дѣлѣ, и чѣмъ должно было быть въ пониманіи лучшихъ людей того или другаго народа, въ тотъ или другой періодъ его развитія; практическая и теоретическая сторона воспитанія являются предъ нами въ ихъ постоянномъ взаимнодѣйствіи, такъ что теорія всегда вырабатывается изъ практики, и въ то же время предшествуетъ ей, ибо каждому разумному дѣйствію предполагается болѣе или менѣе сознательная идея о цѣли и средствахъ его выполненія.

Изображая общій ходъ воспитанія по единой идеи освобожденія, проходящей черезъ исторію всего человѣчества, исторія педагогики должна также остановиться на отдѣльныхъ историческихъ народахъ, сдѣлавшихъ что нибудь для этой великой идеи. Она должна развернуть предъ нами картину воспитанія у народа въ его *младенческій періодъ*, когда все исходитъ отъ семейнаго авторитета и ограничивается принятыми формами, нравами и обычаями, не проникнутыми сознаніемъ высшей идеи. Но вотъ опытъ и наблюденіе вырабатываютъ въ народѣ нѣкоторые общіе воспитательные принципы и правила, сохраняемые въ устной, эпической формѣ; воспитаніе переходитъ сперва въ руки общины, и наконецъ—въ вѣдѣніе организованнаго государства, когда народъ вступаетъ уже въ *юношескій возрастъ*. Въ этотъ періодъ воспитаніе уже не зависитъ отъ случайной прихоти родителей, или отъ одного обычая: оно подчиняется государству, которое подготовляетъ возрастающія поколѣнія для своихъ собственныхъ цѣлей, стараясь водворить единство въ мышленіи и дѣятельности каждаго изъ своихъ членовъ. Законодатели устанавливаютъ воспитаніе на коренныхъ началахъ, заимствованныхъ изъ преданій и нравовъ народа. Въ періодъ *мужеской зрѣлости* народа воспитаніе исходитъ изъ свободно выработанныхъ, сознательно принятыхъ истинъ какъ о его цѣли, такъ и средствахъ къ ея полнѣйшему достиженію. Теперь, какъ и въ послѣдующій періодъ высшей зрѣлости, выступаютъ на дѣло философы

и педагоги, старающіеся построить воспитаніе на прочныхъ и разумныхъ принципахъ, создавъ для него возможно-совершеннѣйшую теорію. Вся исторія развитія народа въ это время идетъ отъ практики къ теоріи, и отъ теоріи опять возвращается къ практикѣ. Чѣмъ болѣе совершенствуется народъ въ педагогическомъ направленіи, тѣмъ самостоятельнѣе выступаетъ у него обученіе, какъ особый моментъ воспитанія, и тѣмъ болѣе воспитаніе опирается на обученіи, т. е. на развитіи сознанія и самостоятельности въ каждой отдѣльной воспитываемой личности.

Задача для историка педагогики.

Такимъ образомъ, историкъ педагогики изслѣдуетъ воспитательное дѣло у историческихъ народовъ какъ съ практической, такъ и съ теоретической стороны, съ цѣлію показать послѣдовательное развитіе воспитательной идеи въ человѣчествѣ, и въ то же время обратить вниманіе — на сколько раскрывалась эта идея у того или другаго народа, каковы были его идеалы, какъ понималась сущность и цѣль воспитанія, какими средствами онъ старался осуществить эти идеалы, и на сколько достигалъ ихъ осуществленія. Задачу эту историкъ педагогики можетъ разрѣшить отчасти этнографически, указывая на характеристическія особенности каждаго народа по отношенію къ воспитанію, преимущественно въ дохристіанское время. Въ послѣдующій христіянскій періодъ, до самаго начала новой исторіи, когда жизнь и воспитаніе всѣхъ европейскихъ народовъ стали покоиться на однѣхъ и тѣхъ же общихъ основахъ,—изложеніе его исторіи можетъ быть хронологическое; въ новой исторіи, когда отдѣльные народы пріобрѣли наибольшую самостоятельность, оставшись, однако, проникнутыми однѣми и тѣми же прогрессивными идеями, въ исторіи воспитанія этнографія можетъ быть соединена съ синхронизмомъ, такъ какъ этимъ не нарушится единство той картины, какую представляетъ намъ жизнь образованныхъ народовъ новѣйшаго времени.

Значеніе исторіи педагогики.

Изъ сущности исторіи педагогики вытекаетъ ея значеніе. Если же кто вообще не признаетъ пользы научной педагогики, и ограничиваетъ себя одной рутинной практикой — тотъ не пойметъ и значенія историческаго изученія педагогики. Но кто разъ созналъ, что только наука сообщаетъ намъ ясное познаніе жизни и ея явленій, и что педагогическая наука есть основаніе для самого воспитательнаго искусства; кто далѣе созналъ, что наше настоящее есть только результатъ прошедшаго, и что только тотъ дѣйствительно знаетъ свое настоящее, кто изучилъ его причины и условія въ прошедшемъ;—тому будетъ интересно взглянуть на историческій ходъ воспитанія и прислушаться къ мудрому, поучительному голосу исторіи. И въ самомъ дѣлѣ: что значитъ эфемерный опытъ отдѣльнаго человѣка въ сравненіи съ опытомъ тысячелѣтій! Не то ли же самое, что ограниченный разумъ одного— въ сравненіи съ общимъ разумомъ человѣчества, который раскрывается въ ходѣ всемірной исторіи и въ дѣятельности геніяльнѣйшихъ представителей человѣческой мысли. «Изъ путаницы настоящаго возвращаться къ прошедшему, какъ къ своей прежней родинѣ,—говоритъ извѣстный историкъ педагогики Крамеръ,—есть такая же необходимость, какъ въ періодъ старости вспоминать о своей юности. Взглядъ на свое дѣтство съ его свѣжестью и невинностью приноситъ человѣку ничѣмъ незамѣнимое наслажденіе; но еще большее сокровище представляетъ ему исторія воспитанія, исторія дѣтства и юности человѣчества; благодаря ей, человѣкъ обновляется въ освѣжительномъ морѣ минувшаго.» Она же есть также и та школа, въ которой онъ учится педагогической наукѣ. Только тотъ будетъ знать—чего можно и должно требовать отъ воспитанія въ настоящемъ, кто прослѣдилъ за развитіемъ и осуществленіемъ воспитательной идеи въ теченіи многихъ столѣтій. Кромѣ того, исторія педагогики представлаетъ намъ самую совершенную и самую

объективную научную систему педагогики, въ которой нѣтъ личныхъ увлеченій и пристрастій, свойственныхъ каждому отдѣльному ученому. Для насъ, русскихъ, столь бѣдныхъ собственнымъ историческимъ опытомъ, пока лишенныхъ всякихъ научныхъ данныхъ, добытыхъ самостоятельно, для насъ, падкихъ ко всякимъ крайностямъ,— спокойное изученіе исторіи воспитанія какъ у другихъ, старшихъ народовъ, такъ и въ своемъ отечествѣ, становится тѣмъ необходимѣе. Критика жизни и воспитанія у другихъ народовъ непремѣнно должна вызвать въ насъ самостоятельное пониманіе нуждъ и потребностей нашего русскаго воспитанія, и указать на лучшія средства для ихъ удовлетворенія.

Дѣленіе исторіи педагогики на періоды.

Исторія педагогики, развиваясь параллельно со всемірной исторіей, имѣетъ также и общіе съ нею эпохи и періоды развитія. Іисусъ Христосъ составляетъ ея средоточіе, около котораго вращается и вся послѣдующая исторія человѣчества. Историческіе народы дохристіянскаго времени въ жизни своей не выходятъ изъ предѣловъ своей національности. До Христа существовали только національные боги, только національныя достоинства человѣка, и потому—только національное воспитаніе. Гуманный человѣкъ, съ его человѣческимъ достоинствомъ, былъ неизвѣстенъ дохристіянскому времени; высшее призваніе человѣка въ древности ограничивалось гражданственностью въ своемъ государствѣ. Каждый уважалъ себя лишь на столько, на сколько онъ принадлежалъ къ своей націи, и всѣ заботы воспитанія состояли только въ томъ, чтобы прежде всего вызвать, развить и укрѣпить національность въ подростающихъ поколѣніяхъ. Это національное воспитаніе дохристіянскаго міра подраздѣляется: во 1-хъ, на субстанціальное воспитаніе восточныхъ народовъ, у которыхъ отдѣльная личность исчезаетъ въ общемъ, и воспитывается именно съ цѣлію уничтоженія; такимъ об-

щимъ у китайцевъ является семья, у индѣйцевъ—каста, у персовъ—народъ, у египтянъ—символизированный міръ. Во 2-хъ,—на индивидуальное воспитаніе древне-классическихъ народовъ—грековъ и римлянъ, у которыхъ вмѣсто восточной общности въ воспитаніи уже выступаетъ индивидуальность, но еще въ предѣлахъ государственности. Идеаломъ воспитанія у эллиновъ является прекрасная, а у римлянъ—практическая личность. Въ 3-хъ,—на теократическое воспитаніе израильскаго народа, гдѣ отдѣльный человѣкъ уничтожается и возрождается въ своемъ Богѣ, законъ и воля котораго служатъ основаніемъ всей нравственной, религіозной, ученой и государственной жизни народа, а слѣдовательно—и его воспитанія.

Съ появленіемъ Богочеловѣка Христа во всемірной исторіи каждый человѣкъ научается сознавать и уважать въ себѣ свою человѣчность, а въ другихъ людяхъ—своихъ братьевъ. Національная обособленность уже не отдѣляетъ новаго человѣка отъ остальнаго человѣчества; а въ повиновеніи волѣ Божіей онъ видитъ только требованія своей собственной природы. Христіянское время составляетъ періодъ гуманнаго развитія человѣчества и гуманнаго воспитанія, если не всегда въ дѣйствительности, то по крайней мѣрѣ въ идеѣ, которая не перестаетъ руководить жизнью христіянскихъ народовъ. Время это также дѣлится: во 1-хъ, на исторію педагогики до возрожденія наукъ, когда сначала залагались тѣ основы, которыя дало хрестіянство для воспитанія, и возникло монашество, а потомъ, когда, благодаря рыцарству и развитію городской жизни, воспитаніе снова стало высвобождаться изъ оковъ католицизма и схоластики; и во 2-хъ, на исторію педагогики послѣ возрожденія наукъ, и особенно со времени реформаціи, начавшей борьбу съ ортодоксально-іезуитскимъ взглядомъ на воспитаніе. Въ этотъ новѣйшій періодъ всемірной исторіи возникаетъ оппозиція противъ церковнаго іерархизма, выразившаяся въ духѣ различныхъ философскихъ школъ, и, наконецъ, очищается почва для общечеловѣческаго воспитанія, которымъ было такъ воодушевлено прошедшее столѣтіе, и которое пе-

решло въ *христіянско-гуманное* воспитаніе нашего времени. Въ наше время общею цѣлью воспитанія признается: гармоническое развитіе всѣхъ тѣлесныхъ и духовныхъ силъ человѣка, въ гармоническомъ согласіи съ міромъ и Богомъ.

Вотъ тотъ главный путь, по которому направляется исторія педагогики, слѣдя за подвигами человѣческаго духа въ его борьбѣ за свою свободу. Борьба эта идетъ различно у различныхъ народовъ съ ихъ національными особенностями, представляя пестрое разнообразіе картинъ и образовъ; однако исторія ни на мигъ не тряметъ изъ виду конечную цѣль побѣды, и отмѣчаетъ для каждаго народа ту ступень, которой онъ достигъ, чтобы передать ее новому народу-наслѣднику. Исторія не должна также позабыть сказать впослѣдствіи и о той роли, которую игралъ нашъ русскій народъ въ дѣлѣ освобожденія жизни и воспитанія отъ темныхъ силъ матеріальной природы и человѣческаго эгоизма,—насколько эта роль суждена ему на ряду съ другими историческими народами.

Источники для составленія исторіи педагогики.

Главнѣйшими источниками для исторіи педагогики служатъ: географія въ ея современномъ научномъ пониманіи, и всеобщая исторія. Тѣлесно-духовныя свойства каждаго человѣка и каждаго народа въ своемъ развитіи непремѣнно зависятъ отъ почвы, климата, и вообще физическихъ условій обитаемой имъ страны. Человѣкъ стоитъ въ постоянномъ взаимнодѣйствіи съ внѣшнимъ міромъ, подъ вліяніемъ геогностическихъ свойствъ почвы, мѣстной растительности и животной жизни, воздуха, воды и т. д. Что народы самыхъ жаркихъ и самыхъ холодныхъ поясовъ не имѣютъ исторіи — это фактъ. Сила и матерія обусловливаютъ и взаимно проникаютъ другъ друга: это непреложный законъ природы, которымъ объясняется сходство людей, животныхъ и растеній извѣстной страны по отношенію къ ея климату.

Какъ развитіе культуры вообще, такъ и успѣхи воспитанія въ частности, тѣсно зависять отъ географическаго положенія того или другаго народа. Точно также исторія воспитанія непосредственно связана съ судьбами народовъ въ ихъ культурной и политической жизни, такъ какъ образованность есть непремѣнное условіе воспитанія, есть его причина и вмѣстѣ слѣдствіе. Исторія законодательства, регулирующаго жизнь народа, задерживая или подвигая его развитіе, также не можетъ не имѣть интереса для исторіи педагогики, которая обращается затѣмъ къ состоянію науки и искусства у разсматриваемаго народа, и въ особенности къ его *религіи.* Религія народа есть его сердце: отъ нея зависитъ его міровоззрѣніе, нравы, обычаи, а слѣдовательно—и воспитаніе. Важнымъ пособіемъ при этомъ также являются современные писатели, особенно историки, поэты, сатирики и ораторы; а въ отношеніи практической педагогики и училищевѣдѣнія—церковныя и школьныя постановленія. Теоретическая часть педагогики въ различныя эпохи и у различныхъ народовъ лучше всего узнается изъ твореній философовъ, педагоговъ, теологовъ, моралистовъ и т. п. писателей. Представителями историко-педагогической литературы могутъ быть названы: Schwarz, который въ первой части своего «Erziehungslehre» (1829) даетъ очеркъ исторіи воспитанія, составленный, однако, далеко не самостоятельно. Niemeyer въ своихъ «Grundsätzen der Erziehung und des Unterrichts» (1835) также предлагаетъ общій взглядъ на исторію воспитанія и обученія, но изложеніе афористично и лишено прагматической идеи. H. Gräfe въ сочиненіи своемъ «Pädagogik als System» (1845) характеризуетъ историческое развитіе философской педагогики, но въ самыхъ общихъ чертахъ. K. Rosenkranz первый попытался въ своей «Pädagogik als System» (1848) построить исторію воспитанія на гегелевскихъ принципахъ, которая однако страдаетъ у него свойственными гегелизму недостатками. Къ новѣйшимъ трудамъ по этой наукѣ надо причислить: «Wohlfahrts—Geschichte des gesammten Erziehung- und Schulwesens»

(1853-55); но это сочиненіе проникнуто крайнимъ теологическимъ направленіемъ, черезъ-чуръ систематично, и авторъ беретъ масштабы для настоящаго изъ прошедшаго. Прекрасный трудъ Cramer'a—«Geschichte der Erziehung und des Unterrichts» (1832), къ сожалѣнію, остался неоконченнымъ и ограничился однимъ дохрастіянскимъ періодомъ. Ruhhopf и Heppe разработали только исторію германской школы. Болѣе общаго интереса имѣетъ сочиненіе Raumer'a — «Geschichte der Pädagogik vom Wiederaufblühen classischer Studien bis auf unsere Zeit» (1843-54), но оно есть скорѣе собраніе монографій, безъ общей исторической системы. Skizzen — Келльнера представляютъ не болѣе, какъ хорошій сборникъ отрывковъ. Лучшимъ сочиненіемъ по этой части до сихъ поръ остается: «Geschichte der Pädagogik etc.» (1860-64) Карла Шмидта; однако онъ уже слишкомъ вдается въ культурную жизнь народовъ, иногда теряя изъ виду педагогическую нить; и кромѣ того къ нему надо осторожно относиться, какъ къ гегеліянцу и чисто протестантскому ученому. Во французской педагогической литературѣ не мало отдѣльныхъ трактатовъ о воспитаніи, болѣе или менѣе замѣчательныхъ; но по исторіи педагогики если и есть сочиненія, какъ напр., Esquise d'un système complet d'instruction et d'éducation et de leur histoire — par Théodore Fritz. Strasbourg. (1841), то всѣ они представляютъ компиляціи, составленныя по нѣмецкимъ источникамъ. Англійская литература, богатая матеріалами по училищевѣдѣнію и по философско-педагогическимъ вопросамъ, также бѣдна относительно сочиненій по исторіи воспитанія вообще.

Дохристіянская эпоха національнаго воспитанія.

Воспитаніе у народовъ неисторическихъ.

Народы, непринадлежащіе къ числу историческихъ, не могутъ имѣть и исторіи воспитанія. Сюда принадлежатъ народы охотническіе, рыболовческіе и пастушескіе, причисляемые обыкновенно къ расамъ съ наименѣе совершенною организаціею: американской, эѳіопской и отчасти монгольской. Они ведутъ исключительно географическое существованіе; ихъ духъ не можетъ оторваться отъ природы и возвыситься надъ физическими потребностями своего организма. Американская раса—съ маленькой головой, приплюснутымъ лбомъ и самымъ крайнимъ флегматизмомъ—отличается лишь тупостью и жестокостью. Негръ съ его сдавленнымъ съ обѣихъ сторонъ черепомъ, имѣющимъ всего 78 куб. дюймовъ вмѣстимости, съ необыкновенно низкимъ лбомъ и звѣрскими челюстями, неспособный отвлечь понятія о причинѣ и дѣйствіи, замѣчателенъ лишь своею страстностью и чувственностью. Монголъ, обладающій широкимъ и плоскимъ лицомъ, съ узкимъ и низменнымъ лбомъ, съ черепомъ въ 83 куб. дюйма вмѣстимости, замѣчателенъ болѣзненною раздражительностью, животною прожорливостью и упрямою волею. Однако китайская вѣтвь этой расы уже выступаетъ на историческое поприще. Только соприкосновеніе съ бѣлой расой вовлекало нѣкоторыхъ изъ представителей

этихъ расъ въ кругъ всемірной исторіи: таковы монголы, мексиканцы и перуанцы въ средніе вѣка; и нѣтъ сомнѣнія, что это соприкосновеніе съ европейцами можетъ и впредь дѣйствовать благодѣтельно на ихъ воспріимчивость къ цивилизаціи. Кругъ мышленія у этихъ неисторическихъ народовъ вращается лишь въ предѣлахъ чувственнаго созерцанія. Они могутъ зорко наблюдать лишь то, что непосредственно дѣйствуетъ на ихъ внѣшнее чувство, но не могутъ охватить наблюдаемый предметъ всесторонне и въ его болѣе далекихъ отношеніяхъ. Они живутъ не столько вчерашнимъ и завтрашнимъ днемъ, сколько сегодняшнимъ, и языкъ ихъ бѣденъ потому, что умъ ихъ бѣденъ ясными, отчетливыми представленіями. Этими чертами они поразительно напоминаютъ дѣтей, живущихъ лишь минутными впечатлѣніями отъ ближайшихъ предметовъ, тогда какъ весь остальной міръ для нихъ—какъ бы въ туманѣ. Вся доблесть этихъ расъ заключается въ большей способности самосохраненія, т. е. въ исключительномъ эгоизмѣ. Самое понятіе о божествѣ у нихъ есть порожденіе отчасти эгоизма, отчасти чувства страха предъ одолѣвающими ихъ силами природы. Мужчина имѣетъ всѣ права, такъ какъ онъ сильнѣе; женщина не есть личность, а вещь; бракъ зависитъ отъ прихоти и случайности. Дитя почитается собственностью родителей, которые не имѣютъ въ отношеніи его никакихъ нравственныхъ обязанностей, и потому могутъ дѣлать съ нимъ, что угодно. Право умерщвленія дѣтей вполнѣ принадлежитъ родителямъ, и на основаніи этого права, напримѣръ, американскіе дикари (гванасъ) живыми закапываютъ дѣтей, особенно дѣвочекъ, съ цѣлію сдѣлать послѣднихъ бо̀льшею рѣдкостью. Воспитаніе не предполагаетъ никакихъ духовно-нравственныхъ цѣлей: все предоставляется самой природѣ. Родители заботятся только, чтобы мальчикъ привыкалъ къ самостоятельности и независимости въ пріисканіи себѣ пищи, а дѣвочка—къ покорному рабству и пассивному труду. Однако въ пріученіи мальчиковъ къ готовности всякую минуту защищать интересы своего племени уже видно первое пробужденіе идеи государ-

ства. Этой же цѣли отчасти служатъ и тѣ бѣдныя преданія и пѣсни, которыя переходятъ преемственно отъ родителей къ дѣтямъ. По разсказамъ путешественниковъ, у нѣкоторыхъ дикарей воспитаніе дѣтей идетъ даже совершенно превратнымъ образомъ: такъ напримѣръ индѣйцы бываютъ очень довольны, когда дѣти ихъ какъ можно раньше дѣлаются независимыми отъ воли матери и даже начинаютъ бить ее; а у тунгусовъ между отцемъ и сыномъ нерѣдко происходятъ такіе поединки, въ которыхъ одинъ изъ нихъ непремѣнно убивается. У иныхъ все воспитаніе направлено къ физическому и психическому обезображенію: такъ у нѣкоторыхъ американскихъ племенъ (омагуасъ) новорожденнымъ дѣтямъ накладываютъ на затылокъ четыреугольную дощечку и стягиваютъ веревкой голову такимъ образомъ, что она получаетъ видъ заостренный — признакъ особенной красоты. На Антильскихъ островахъ искусственно придаютъ дѣтской головѣ такую форму, что весь мозгъ отъ лба отодвигается къ затылку. У обитателей рѣки Миссисипи (чактасъ) мать спѣшитъ наложить новорожденному на переднюю часть головы тяжелый мѣшокъ съ пескомъ.

У народовъ охотническихъ и пастушескихъ, и въ жизни, и въ воспитаніи, уже замѣтенъ рѣшительный прогрессъ въ сравненіи съ подобными дикарями. Здѣсь дѣти уже тщательно пріучаются къ ремеслу ихъ родителей; суровый физическій закалъ и пониманіе нѣкоторыхъ общественныхъ обязанностей уже составляютъ разумную цѣль воспитанія. Умѣнье приготовлять одежду, жилище и орудія промысла требуетъ извѣстнаго умственнаго развитія. Храбрость, ловкость въ бѣганьи, плаваньи, стрѣльбѣ, острота зрѣнія и слуха цѣнятся у этихъ народовъ весьма высоко; музыка, пѣніе, танцы и игры украшаютъ ихъ жизнь и сопровождаютъ воспитаніе. Таковы ирокезцы, южноамериканскіе охотничьи племена, рыболовческіе эскимосы и пастушескіе народы монгольской расы. Замѣчательно, что вмѣстѣ съ началомъ земледѣлія возникаетъ у народовъ и болѣе опредѣленная религія, складываются нравы и обычаи, ремесла и искусства начинаютъ замѣтно

совершенствоваться. Такъ у древнихъ перуанцевъ существовали: музыка, поэзія, живопись и пластика; въ общественной жизни, къ которой готовилось подростающее поколѣніе, уважались: порядокъ, законность, доброжелательство, послушаніе, вѣрность, честность и прилежаніе, какъ высшія добродѣтели. Сколько задачъ для нравственнаго воспитанія! У мексиканскихъ ацтековъ существовала астрономія и медицина, были библіотеки и академіи. Въ воспитаніи было множество своеобразныхъ наказаній, свидѣтельствующихъ о пониманіи его важности: за ложь дѣтямъ кололи губы шипами алоэ, за упрямство сѣкли крапивой; дѣвочкамъ за побѣгъ изъ дому связывали ноги; за иные поступки дѣтей заставляли вдыхать дымъ или палили имъ волосы и т. п. Здѣсь обнаруживается черта, общая воспитанію всѣхъ некультурныхъ народовъ, и состоящая въ томъ, что средства воспитанія признаются только внѣшнія, и совершенно отсутствуютъ внутреннія, состоящія въ духовномъ воздѣйствіи на питомца...

Полуисторическіе народы Америки составляютъ переходъ къ историческимъ, принадлежащимъ преимущественно къ кавказской расѣ, отличительныя признаки которой—овальная голова съ гармонически расположенными на ней частями, высокій, круглый лобъ, и наибольшій объемъ черепа, доходящій до 109 куб. дюймовъ вмѣстимости. Но хотя этой расѣ, обладающей высшими духовными способностями, по преимуществу принадлежитъ историческая роль въ человѣчествѣ;—за то, по крайней мѣрѣ, хронологическое первенство на сторонѣ главнаго представительнаго племени монгольской расы—китайцевъ, носящихъ на себѣ много общихъ чертъ восточнаго человѣчества. Вотъ почему намъ слѣдуетъ теперь прежде всего обратиться къ Востоку.

Воспитаніе у восточныхъ народовъ.

Постепенное развитіе человѣческаго рода въ главныхъ чертахъ шло по направленію суточнаго движенія

солнца. Ex oriente lux! Въ Азіи, гдѣ родъ человѣческій получилъ начало, и въ сосѣднемъ съ нею Египтѣ, культура разцвѣла впервые и потомъ замерла въ неподвижности. Здѣсь началась исторія человѣчества, а слѣдовательно и исторія человѣческаго воспитанія, для правильной, строго-исторической оцѣнки котораго надо брать мѣрила не изъ послѣдующихъ, а изъ предшествовавшихъ стадій, пройденныхъ человѣчествомъ, ибо только при такомъ взглядѣ на жизнь того или другаго народа намъ удастся подмѣтить поступательное движеніе въ развитіи человѣческаго духа и средствъ къ его развитію. На азіатскомъ востокѣ, съ его роскошно-разнообразной природой, человѣкъ еще сильно подавленъ ею и не выступаетъ, какъ отдѣльная, свободная личность. Многія понятія объ истинно-человѣческой нравственности еще совершенно отсутствуютъ. Отецъ является безусловнымъ господиномъ надъ жизнью и смертью дѣтей; женщина—рабыня; воспитаніе состоитъ въ механическомъ пріученіи къ народнымъ нравамъ и обычаямъ и къ подчиненію, несомнѣннымъ для народа авторитетамъ; все обученіе ограничивается передачей дѣтской памяти различныхъ религіозныхъ изрѣченій и молитвъ, передача которыхъ есть исключительное право наиболѣе образованной *жреческой* касты, которая видитъ въ этомъ средство къ господству надъ массами. Но, какъ бы то ни было, воспитаніе и обученіе уже составляютъ предметъ попеченія или со стороны семейства, или—государства: по крайней мѣрѣ по отношенію къ нѣкоторымъ привилегированнымъ сословіямъ.

Воспитаніе у китайцевъ.

Китайцы, выразившіе собою высшую степень развитія, которой только могла достигнуть монгольская раса, уже съ древнѣйшихъ временъ являются народомъ, выработавшимъ своеобразную культуру. Но эта культура, какъ извѣстно, осталась затѣмъ неподвижною втеченіи цѣлыхъ тысячелѣтій. Еще за 4000 лѣтъ до нашего

времени китайцы имѣли запасъ астрономическихъ наблюденій, но безъ помощи европейцевъ они до сихъ поръ не могутъ составить себѣ календаря. Еще ихъ древнѣйшіе императоры знали цѣлебное свойство многихъ травъ, но у китайцевъ вовсе не успѣла создаться медицинская наука. Китайскій народъ во всей своей общественности и государственной жизни не могъ выйти за предѣлы семейныхъ формъ. Какъ дѣти являются безусловно подчиненными личному произволу отца въ семействѣ; такъ весь, безъ различія, китайскій народъ безусловно подчиняется не закону, а произволу своего отца — императора. Безчисленное множество относящихся сюда отрывочныхъ правилъ и формулъ составляетъ предметъ изученія, обязательный, по возможности, для каждаго. Такимъ образомъ заучиваются права и обязанности правительства къ подданнымъ, подданныхъ къ правительству и взаимно между собою: какъ чиновниковъ, родителей, супруговъ, дѣтей, братьевъ и т. д. Масса этихъ правилъ составляетъ содержаніе учебниковъ. Дѣти начинаютъ учиться уже съ 6—7-лѣтняго возраста. Родители, обыкновенно нѣсколько семействъ вмѣстѣ, нанимаютъ учителя, даютъ ему полное содержаніе и годовую плату отъ 70 до 150 руб. на наши деньги. Школъ въ собственномъ смыслѣ не существуетъ: въ достаточныхъ семействахъ обученіе происходитъ въ семейныхъ библіотекахъ, или дѣти учатся въ храмахъ и фамильныхъ склепахъ, если нѣтъ приличнаго помѣщенія у самого учителя.

При обученіи учитель имѣетъ для себя отдѣльный стулъ и столъ, равно какъ и каждый ученикъ, принося ихъ съ собою вмѣстѣ съ книгами, бумагой, тушью и кисточкой — обычай вполнѣ разумный, такъ какъ онъ могъ бы содѣйствовать развитію самостоятельности въ ученикахъ, если бы только китайцы къ этому стремились. Первая учебная книга, съ которой необходимо долженъ начать каждый, называется «Вступленіе въ область классической и исторической литературы». Въ ней прежде всего толкуется о природѣ человѣка, о необходимости воспитанія и его способахъ, чего дѣти, конечно, не могутъ

принять сознательно. Затѣмъ слѣдуетъ изложеніе дѣтскихъ обязанностей, поясняемое даже примѣрами; а потомъ начинается обзоръ различныхъ отраслей человѣческаго знанія, расположенный въ восходящемъ числовомъ порядкѣ: три главнѣйшія силы (небо, земля и человѣкъ); четыре времени года и четыре страны свѣта; пять элементовъ (металлъ, дерево, вода, огонь и земля); пять основныхъ добродѣтелей (любовъ, справедливость, приличіе, мудрость, правдивость); шесть родовъ хлѣба (рисъ, ячмень, маисъ, бобы, просо и рожь); шесть домашнихъ животныхъ (лошадь, быкъ, овца, птица, собака и свинья); семь страстей (любовь, ненависть, злоба, радость, уныніе, сладострастіе, гнѣвъ и трусость); восемь музыкальныхъ нотъ, девять степеней родства, десять спеціальныхъ обязанностей (между императоромъ и министромъ, отцомъ и сыномъ, мужчиной и женщиной, старшими и младшими братьями и между друзьями). За этимъ обзоромъ идетъ перечисленіе правилъ для прохожденія высшаго курса наукъ, съ перечнемъ употребительныхъ при этомъ книгъ и всѣхъ царствовавшихъ въ Китаѣ династій. При подобной системѣ изложенія, совершенно внѣшней, у китайцевъ нѣтъ понятія о системѣ педагогической, принаровленной къ степени дѣтскаго пониманія. Подобный учебникъ, крайне сжатый и сухой, конечно долженъ оказывать самое убійственное вліяніе на дѣтскій умъ, о развитіи котораго китайцы и не заботятся, такъ какъ главная цѣль ихъ обученія есть—знаніе, усвоиваемое учениками сперва механически, а потомъ разъясняемое нѣсколько учителемъ. Путь совершенно обратный тому, по которому естественно идетъ развитіе человѣческаго духа!.. Механизмъ китайскаго преподаванія лучше всего видѣнъ на методѣ обученія чтенію и письму. При первомъ прежде всего самъ учитель читаетъ первую строчку учебника, ученики же, слѣдуя за словами пальцемъ, повторяютъ за нимъ до тѣхъ поръ, пока они замѣтятъ произношеніе каждаго знака (іероглифа) и будутъ въ состояніи прочесть эту строчку безъ помощи учителя. Затѣмъ переходятъ точно также ко второй строчкѣ, къ

третьей и т. д., пока не будетъ прочитана и выучена на память вся книга. Вспомнимъ, что самое свойство китайскихъ письменъ уже значительно препятствуетъ развитію мышленія, такъ какъ они состоятъ изъ знаковъ, выражающихъ не звуки, а отдѣльныя понятія. Заучиваніе массы этихъ знаковъ требуетъ гораздо болѣе труда, чѣмъ это бываетъ у народовъ, имѣющихъ фонетическую азбуку. При обученіи письму ученикъ вначалѣ получаетъ пропись съ простѣйшими по начертанію знаками, а потомъ—съ болѣе сложными; пропись эту онъ подкладываетъ подъ бумагу, на которой долженъ писать, и обрисовываетъ знаки кисточкой; только послѣ долгаго упражненія въ такомъ обрисовываніи онъ, наконецъ, начинаетъ писать свободно, отъ руки. Большинство въ своемъ образованіи нейдетъ далѣе умѣнья писать и читать заученные учебники. Обученія счету, географіи, исторіи, естествовѣдѣнію и даже религіи вовсе не существуетъ для массы китайскаго юношества: послѣдній предметъ замѣняетъ чтеніе сборниковъ нравственнаго содержанія и знакомство съ ученіемъ Кон-фуце (жилъ около 480 г. до Р. Х.) и его послѣдователя Мен-це. Посвящающіе себя высшему образованію юноши обучаются особенными, экзаменованными правительствомъ учителями, изучаютъ основательно классиковъ, преимущественно названныхъ двухъ философовъ, и упражняются въ умѣньи писать стихи и сочиненія на темы. Впрочемъ, даже въ этомъ высшемъ образованіи на столько преобладаетъ механизмъ, что духъ учащихся вовсе не достигаетъ гармоническаго развитія: развивается только память и отчасти разсудокъ, свойственный самой природѣ китайца, и выражающійся въ его практической снаровкѣ въ житейскихъ дѣлахъ. Китайцы есть народъ разсудочный по преимуществу. Умственная независимость, свободное творчество въ поэзіи и искусствѣ, не имѣютъ и никому не даютъ у нихъ значенія. Къ этому присоединяется еще и другая черта китайской образованности — совершенная зависимость отъ правительства какъ науки, такъ и всего образованія, подчиненныхъ его распоряженію точно также,

какъ мѣры и вѣсы. Умственный капиталъ народа не составляетъ у нихъ общественнаго имущества, которымъ каждый имѣетъ право свободно пользоваться и наслаждаться. Правительство точно опредѣляетъ предметъ и способъ преподаванія, заказываетъ книги, подвергаетъ всѣхъ лицъ, посвятившихъ себя ученому поприщу, частымъ испытаніямъ, и доставляетъ имъ, какъ ученымъ, то мѣсто и то значеніе въ обществѣ, которое въ европейскихъ государствахъ зависитъ единственно отъ мнѣнія образованныхъ людей. Военные, также какъ и гражданскіе чиновники, подвергаются безпрестанно экзамену; строго опредѣленными статьями закона весь ученый міръ раздѣляется на степени или разряды, изъ которыхъ ни одинъ не можетъ быть обойденъ. Первый, положившій прочное основаніе этому направленію, былъ Кон-фуце: вотъ почему его творенія остаются главнымъ предметомъ преподаванія, и на экзаменахъ обращается вниманіе на то, чтобы экзаминующіеся умѣли подражать не только его взглядамъ и образу мыслей, но даже и самой манерѣ изложенія.

Подобно образованію, религія также подчинена исключительно государственнымъ цѣлямъ, поэтому въ Китаѣ можетъ держаться всякая религія, склоняющаяся предъ государствомъ и подходящая къ китайскому быту. Но по той же причинѣ, тамъ не могло укорениться христіянство,—религія, по самому существу своему требующая самостоятельности. Въ заключеніе не забудемъ однако упомянуть, что въ Китаѣ всѣ граждане считаются равными другъ другу по рожденію; что поэтому каждый имѣетъ право на образованіе, каково бы оно ни было, и что въ наукѣ китайской являются первые проблески философіи, стремящейся постигнуть сущность всѣхъ вещей. Уваженіе къ дѣтской природѣ уже простирается до того, что одинъ китайскій императоръ въ книгѣ своей говоритъ, обращаясь къ родителямъ: «Улыбка дитяти наполняетъ родителей радостью, а слезы его опечаливаютъ. Когда оно начинаетъ ходить — они слѣдятъ за малѣйшимъ его движеніемъ, не теряя изъ виду ни одного его шага. Захворало

оно—они забываютъ о покоѣ и пищѣ. Они питаютъ дитя, учатъ его, пока образуютъ изъ него человѣка; потомъ устроиваютъ его бракъ, даютъ ему домъ, всячески пекутся о немъ, чтобы только обезпечить свое дитя всемъ необходимымъ къ существованію. Такъ расточаютъ они на него всю силу любви своей. Доблесть отца и матери поистинѣ безконечна, какъ безконечно высочайшее небо» И не смотря на все это, родительская любовь не воспрещаетъ продавать дѣтей своихъ, — не въ рабство, но въ другое семейство.

Воспитаніе у индійцевъ.

Совершенно иной характеръ имѣютъ индійцы — древнѣйшіе представители родственной намъ индо-европейской группы народовъ кавказской расы. Какъ китайцы — народъ односторонній, у котораго преобладаетъ разсудокъ; такъ индійцы—народъ фантазіи и чувства. Способность наблюденія, пониманія и практичности у нихъ самая ограниченная; но за то, съ другой стороны, они обладаютъ высокимъ поэтическимъ чувствомъ и наклонностью ко всему загадочному, мистическому, а потому индійцы создали обширную миѳологію и подпали подъ власть жрецовъ. Распаденіе на четыре касты произошло такимъ образомъ, что одна часть народа, превосходящая массу умомъ и силою, подчинила ее и заставила служить себѣ. Чтобы сдѣлать свое владычество наслѣдственнымъ, и обезпечить его отъ возмущеній, эта часть націи стала увѣрять остальную, что такой порядокъ выражаетъ собою волю божества. Религію старалась она обогатить миѳами, умножила богослужебные обряды, и облекла завѣщанное стариной глобокое ученіе о Богѣ въ форму образныхъ представленій. Она окружила себя ореоломъ высшаго знанія, святости и исключительнаго права на священство, и въ религіозномъ ученіи, которое проповѣдывала народу, провозглашала власть свою божескимъ установленіемъ. Подчиненіе науки и искусства религіи, и зависимость ихъ отъ высшей касты

не давали простора свободной мысли и творческой фантазіи художника (Шлоссеръ).

Въ Индіи каждый по рожденію своему принадлежитъ къ одной изъ четырехъ кастъ, въ которой онъ и долженъ вращаться впродолженіе всей своей жизни. Вся задача воспитанія заключается въ томъ, чтобы каждый основательно зналъ права и обязанности своей касты, и строго соблюдалъ обычныя внѣшнія церемоніи, которыми опутана вся жизнь индійца. Женщина 7 или 8 лѣтъ уже можетъ быть отдана въ бракъ, и лишена всѣхъ правъ на образованіе: умѣнье писать считается даже позорнымъ для женщины; только танцовщицы и баядерки (посвященныя Богу жрицы) были нѣсколько обучаемы. Четвертая каста также остается внѣ всякаго образованія; ей запрещается, какъ тяжкій грѣхъ, не только читать, но даже и слушать священныя книги Ведъ. Вторая же и третья, если и могутъ читать священныя книги, то не иначе, какъ подъ руководствомъ жрецовъ. Земледѣльцы и ремесленники изучаютъ въ дѣтствѣ правила о времени и условіяхъ посѣва, искусство мѣрять и вѣсить и т. д.; будущіе воины упражняются въ умѣньи владѣть оружіемъ. Брамины, главное призваніе которыхъ, по книгѣ законовъ Ману, заключается въ чтеніи и толкованіи богослужебныхъ книгъ и обрядовъ, не платятъ подати и могутъ прибѣгать ко всевозможнымъ занятіямъ: земледѣлію, скотоводству, торговлѣ; нерѣдко становятся также купцами, воинами, врачами, должностными лицами; занимаются изученіемъ и преподаваніемъ наукъ. Государь получаетъ самое высшее образованіе: онъ долженъ быть знакомъ съ ученіемъ Ведъ, уголовнымъ судопроизводствомъ, государственною мудростью, логикою, метафизикой и теологіей, сельскимъ хозяйствомъ, торговлей и т. д.

Элементарное обученіе состоитъ въ чтеніи, письмѣ и счетѣ. Учитель, носящій трость въ рукѣ, обыкновенно имѣетъ еще помощника съ розгами. Обученіе производится передъ домомъ подъ деревьями, или, въ дурную погоду, подъ навѣсомъ, и мальчики почтительно сидятъ вокругъ своего учителя. На умѣнье считать у индійцевъ обращалось

вообще мало вниманія. Письмо при обученіи тѣсно соединялось съ чтеніемъ, и производилось сперва на пескѣ—пріемъ, который можетъ быть названъ вполнѣ педагогическимъ! Потомъ писали желѣзнымъ штифтомъ на листьяхъ пальмы, и, наконецъ, на листьяхъ платана—особаго рода чернилами. Ученики показываютъ другъ другу; старшіе спрашиваютъ младшихъ—и обученіе идетъ взаимное. Но особенными заботами окружены высшія школы браминовъ, и всѣ тѣ воспитательныя предписанія, которыми такъ богаты законодательныя книги индійцевъ, относятся исключительно къ симъ послѣднимъ. Въ ученыхъ школахъ Бенареса, Триціура и Нуддеи эксотерики (нисшее отдѣленіе), къ числу которыхъ могли также принадлежать члены изъ второй и третьей касты, обучались грамматикѣ, просодіи и математикѣ, а старшіе ученики - эсотерики, кромѣ того — поэзіи, исторіи, философіи, астрономіи, медицинѣ и праву. Впродолженіе пяти лѣтъ учащійся долженъ былъ только слушать, а потомъ ему позволялось высказывать учителю свои мысли и сомнѣнія, и принимать участіе въ диспутаціяхъ. Все время ученія продолжается у индійцевъ высшей касты отъ 12 до 20 лѣтъ; все это время ученикъ непремѣнно живетъ у своего учителя—жреца, который обыкновенно владѣетъ богатымъ приходомъ и можетъ держать у себя отъ 6 до 12 учениковъ. Брать плату за обученіе считается позорнымъ и даже преслѣдуется закономъ; но за то учитель и семейство его могутъ принимать отъ учениковъ различные подарки (напр. земли, золото, драгоцѣнные камни, корову, лошадь, зонтикъ, платье, туфли, скамью, хлѣбъ зерновый, овощи и т. под.) и пользоваться ученическими услугами, оказываемыми какъ бы изъ любви. Манера обученія, по закону, должна быть кроткая, и переходить въ строгую только въ крайнемъ случаѣ. Ману именно говоритъ: «Хорошее обученіе не должно причинять ученику непріятныхъ ощущеній, и изъ устъ учителя, почитающаго добродѣтель, должны исходить толькъ сладкія, кроткія слова. Если учащійся совершилъ проступокъ, учитель можетъ наказать его сперва рѣзкимъ словомъ, выговоромъ, и пригрозить ему, сказавъ,

что при слѣдующемъ проступкѣ онъ получитъ наказаніе ударами; если же проступокъ совершенъ при холодной погодѣ,—учитель можетъ облить мальчика холодной водой».

Высшее и главнѣйшее образованіе браминовъ состоитъ, какъ мы сказали, въ изученіи Ведъ. Законъ даетъ въ этомъ отношеніи слѣдующія предписанія: «Достойный учитель, опоясавъ своего ученика шнуркомъ, прежде всего наставляетъ его въ омовеніяхъ, въ добрыхъ обычаяхъ, въ обхожденіи со священнымъ огнемъ, и въ священныхъ церемоніяхъ утра, полудня и вечера. Ученикъ, приступающій къ чтенію Ведъ, долженъ прежде всего омыться, обратившись лицомъ къ полночи. Затѣмъ онъ долженъ надѣть чистое нижнее платье, сдѣлать предписанное закономъ привѣтствіе, принять должное положеніе — и тогда внимать ученію. При началѣ и по окончаніи каждаго урока долженъ онъ обнять обѣ ноги своего учителя, и потомъ читать со сложенными благоговѣйно руками: это именно и называется должнымъ привѣтствіемъ. Руки слѣдуетъ при этомъ слагать крестомъ одну на другую, такъ чтобы лѣвою рукою обнять лѣвую ногу учителя, а правою рукою — правую. При началѣ ученія внимательный учитель непремѣнно долженъ сказать: «открой, читай!» а при концѣ—«отдохни!» Браминъ долженъ также послѣ омовенія, совершаемаго передъ началомъ и по окончаніи ученія о Ведахъ, произносить про себя слогъ «Омъ»; ибо если онъ не произнесетъ его передъ обученіемъ, его ученость оставитъ его; а если не произнесетъ послѣ, то все обученіе его будетъ не прочно. Только тотъ, чья рѣчь и сердце чисты и всегда открыты, можетъ наслаждаться полными плодами изученія Ведъ; только тотъ, кто по мѣрѣ силъ своихъ ежедневно читаетъ Веды,—совершаетъ высшій молитвенный подвигъ всѣмъ существомъ своимъ до конца ногтей своихъ, хотя бы онъ даже до того преданъ былъ чувственности, что носилъ вѣнокъ изъ самыхъ благоухающихъ цвѣтовъ. Подобно тому, какъ глубоко роющій заступомъ, открываетъ источникъ воды; такъ точно а покорный ученикъ открываетъ тѣ знанія, которыя глубоко таятся въ душѣ его учителя. Если же кто

пріобрѣтаетъ знаніе Ведъ безъ разрѣшенія своего наставника, тотъ совершаетъ кражу и будетъ ввергнутъ за это въ страну печалей». Философія индійцевъ, какъ и религія, проникнута высокимъ поэтическимъ элементомъ: до того богато надѣлила природа этотъ народъ, который еще въ глубокой древности обнаружилъ задатки мощнаго развитія. Священныя книги Ведъ, сложившіяся еще въ то время, когда первобытная религія индійцевъ была чужда грубаго идолопоклонства, полны неисчерпаемыми сокровищами истины и красоты; но жрецы эгоистически скрывали эти сокровища отъ массъ, превративъ всю религію въ форму безсмысленныхъ церемоній и обрядовъ. По философскому понятію индійскихъ мудрецовъ, цѣль усилій человѣка состоитъ въ освобожденіи отъ страстей черезъ познаніе истины; а истина есть та первобытная субстанція, изъ которой исходитъ все, подобно тому, какъ искры исходятъ изъ пламени, или какъ нисходятъ на землю дрожащія на лотосѣ капли воды, чтобы потомъ снова возвратиться къ своему первому источнику. Угожденіе Богу требуетъ добрыхъ дѣлъ, нравственныхъ подвиговъ. По отношенію къ людямъ всѣми должна руководить любовь. Въ обращеніи съ женщинами, стоящими, однако, ниже мужчины, священныя книги требуютъ уваженія и кротости: «гдѣ женщины уважаются, тамъ божіе благоволеніе; а гдѣ презираются, тамъ тщетны всѣ религіозные подвиги»,—такъ говорятъ Веды; степень же уваженія къ женщинѣ у извѣстнаго народа есть лучшее мѣрило той высоты, на которой стоитъ воспитаніе дѣтей, зависящее прежде всего отъ женщины. Бракъ у индійцевъ является уже божественнымъ установленіемъ. Родителямъ предписывается любить своихъ дѣтей, какъ Брама, ихъ общій отецъ, любитъ всѣхъ людей; однако матери могутъ бросать своихъ дѣтей, особенно дѣвочекъ, въ священныя воды Ганга, посвящая ихъ Богу, или вѣшать въ корзинахъ на деревьяхъ—въ пищу священнымъ птицамъ. Сынъ, уважающій мать, награждается въ здѣшнемъ мірѣ, а уважающій отца — въ среднемъ мірѣ; уважающій же своего духовнаго отца, брамина, получаетъ отъ Брамы небесное цар-

ство. Отношенія между ученикомъ и учителемъ въ Индіи считаются выше отношеній между сыномъ и отцомъ, тогда какъ въ Китаѣ—наоборотъ. Религіозно-философскія воззрѣнія индійцевъ, какъ мы сказали, отличаются значительной высотой; но непреодолимыя преграды, положенныя развитію личности кастическимъ устройствомъ, суевѣріями и обрядностью, привели народную жизнь къ изнѣженности, чувственности и лѣнивому покою. Хотя въ отношеніи къ другимъ народамъ религія связываетъ всѣ касты въ одно цѣлое; но между собою онѣ до такой степени разъединены взаимными предразсудками, презрѣніемъ высшихъ къ низшимъ кастамъ и ненавистью низшихъ къ высшимъ, что невозможно и думать о соглашеніи интересовъ, объ одинаковыхъ и дружныхъ стремленіяхъ къ общимъ цѣлямъ въ жизни и въ воспитаніи. Такимъ образомъ, въ Индіи для высшихъ классовъ жизнь всегда была пріятнымъ сномъ, а для низшихъ—колебаніемъ между тяжелымъ трудомъ и чудовищной чувственностью. Какъ бы ни были высоки воззрѣнія законодателей на воспитаніе, но оно всегда останется такимъ, какова сама жизнь въ ея обыденныхъ формахъ и условіяхъ. Гдѣ въ жизни существуетъ духовное рабство, тамъ нѣтъ свободы для личности, нѣтъ и раціональнаго воспитанія

Воспитаніе у египтянъ.

Бытъ древнихъ египтянъ, причисляемыхъ нынѣ также къ кавказской расѣ, обусловливается особенностями страны болѣе, чѣмъ бытъ всѣхъ остальныхъ народовъ. Отсюда объясняется и характеръ ихъ образованности, безъ сомнѣнія древнѣйшей изъ извѣстныхъ исторіи. Замкнутость, отрѣшенность — вотъ преобладающее географическое свойство Египта, и роковая участь его когда-то роскошной цивилизаціи. Свой символъ, свой идеалъ египетскій народъ нашелъ въ муміи: не движеніе и развитіе, а неподвижность, непрерывный застой — вотъ цѣль всѣхъ стремленій египтянина съ тѣхъ незапамятныхъ временъ,

когда онъ создалъ свою цивилизацію и потомъ замеръ въ ней. Всѣ идеалы его лежатъ не въ будущемъ, а въ прошедшемъ, которое онъ любитъ болѣе всего; и его славнѣйшій національный памятникъ—пирамида—есть могильный памятникъ. Только символами неподвижнаго прошедшаго окружилъ себя этотъ меланхолическій народъ, или, вѣрнѣе сказать, окружили его хитрые жрецы. Пренебреженіе родственниковъ къ памями умершихъ считалось самымъ ужаснымъ грѣхомъ. Даже пиры египтянъ часто сопровождались обыкновеніемъ, доказывающимъ, до какой степени этотъ народъ свыкся съ мыслію о смерти, и какъ серьезно смотрѣлъ онъ на жизнь: въ самомъ разгарѣ пира обыкновенно проносили мимо гостей мумію, чтобы напомнить имъ объ умѣренности.

Жрецы и воины составляли двѣ первыя и знатнѣйшія касты; остальныя двѣ заключали въ себѣ всю массу трудящагося народа. Одна только жреческая каста обладала всѣми тайнами религіи, знаніями науки и искусства. Занимая кромѣ того всѣ судебныя мѣста и высшія должности по всѣмъ отраслямъ управленія, и составляя въ то же время верховный совѣтъ сильно зависящаго отъ нихъ государя, жрецы, такимъ образомъ, давали направленіе всей общественной жизни и воспитанію. Жреческимъ саномъ у египтянъ могли быть также облечены и женщины изъ жреческой касты или царской фамиліи — это уже огромный шагъ въ исторіи развитія правъ женщины! Вообще здѣсь женщины пользовались большею независимостью и свободою, чѣмъ на остальномъ востокѣ; даже примѣры многоженства были рѣдки, и женщины могли также являться въ обществѣ вмѣстѣ съ мужчинами. Религія имѣла характеръ исключительно эмблематическій, символическій. Хотя инымъ ученѣйшимъ жрецамъ и былъ понятенъ ея внутренній, глубокій смыслъ, но они умышленно скрывали отъ народа истину и развили въ немъ страшное суевѣріе; религія исказилась, наконецъ, до того, что стала предметомъ отвращенія даже для языческихъ народовъ древности, и совершенно утратила свою перво-

начальную чистоту, обратившись въ самое грубое идолопоклонство.

Отъ этихъ условій религіозной и соціяльной жизни египтянъ прямо зависѣлъ и характеръ воспитанія: оно было различно, смотря по различію главныхъ кастъ и ихъ дальнѣйшихъ подраздѣленій. Для жрецовъ и воиновъ существовали особыя ученыя школы въ Ѳивахъ, Мемфисѣ и Геліополисѣ. Воспитывавшееся въ нихъ юношество распадалось на два отдѣленія: одно состояло изъ эксотериковъ, т. е. такихъ молодыхъ людей, которые не готовились къ высшему познанію наукъ, и другое — изъ эзотериковъ, въ число которыхъ принимались исключительно жреческія дѣти, тогда какъ въ первое могли вступать юноши изъ другихъ двухъ высшихъ сословій. Учителями были только жрецы. Учебными предметами полагались: языкознаніе, математика, геометрія, астрономія, естествовѣдѣніе, музыка и религія. Царскіе сыновья воспитывались у самыхъ знаменитыхъ по своей учености жрецовъ, и могли имѣть товарищами только благовоспитанныхъ жреческихъ сыновей, и то не моложе 20 лѣтъ: этимъ думали устранить отъ нихъ все неблагородное, могущее зародиться въ нихъ отъ одного соприкосновенія съ рабами. Воспитаніе и обученіе народа и всего женскаго пола стояло на самой нисшей степени, — хотя въ учебныхъ заведеніяхъ вообще не было большаго недостатка. По свидѣтельству Платона, читать всѣ дѣти египтянъ учились вмѣстѣ, въ голосъ, — пріемъ, который еще рѣдокъ и въ наше педагогическое время. «Читать и писать—говоритъ Діодоръ Сикулъ—учатся не долго и далеко не всѣ, но преимущественно только тѣ, которые посвящаютъ себя свободнымъ искусствамъ». За то остальнымъ недоставало средствъ для домашняго воспитанія, на которое у египтянъ обращалось болѣе вниманія, чѣмъ у другихъ восточныхъ народовъ. Греческіе путешественники именно разсказываютъ, что простой народъ учился у своихъ отцовъ и родныхъ тѣмъ занятіямъ, которыя ожидали его въ жизни. Дѣти содержались въ школахъ самымъ простымъ образомъ: ихъ пища состояла изъ печеной на золѣ

сердцевины папируснаго тростника, изъ корней и стволовъ разныхъ съѣдобныхъ водныхъ растеній, которыя употреблялись или сырыми, или жареными. Обученіе не изобиловало средствами. Для письма служили: папирусъ и черныя или красныя чернила. При обученіи чтенію и письму въ начальныхъ школахъ, вѣроятно, уже выступало кастическое раздѣленіе дѣтей.

Изъ трехъ родовъ письма — демотическаго, гіеротическаго и гіероглифическаго,—которые изучались послѣдовательно одинъ за другимъ, послѣдній могъ преподаваться вѣроятно только членамъ жреческой касты. Эти три рода образовались послѣдовательно, одинъ изъ другаго. Первоначальное гіероглифическое письмо было рисованіемъ и состояло изъ фигуръ предметовъ, о которыхъ шла рѣчь. Въ сохранившихся египетскихъ письменахъ насчитываютъ до 800 такихъ фигуръ. Гіеротическое письмо было только сокращеніемъ гіероглифическаго и первымъ переходомъ египтянъ отъ рисованія къ письму: вмѣсто того, чтобы рисовать цѣлую фигуру, стали ограничиваться одною только частью ея; напр. вмѣсто цѣлаго льва изображали только заднюю часть еготѣла. Демотическое письмо есть, въ свою очередь, сокращеніе гіеротическаго; оно возникло вслѣдствіе необходимости имѣть для обыденнаго употребленія болѣе скорый видъ письма. Знаки были не только упрощены, но и число ихъ значительно сокращено по сравненію съ двумя первыми родами. Необходимость заставила египтянъ къ начертательнымъ, аллегорическимъ знакамъ прибавить также фонетическіе. Чрезъ это начертательные и аллегорическіе знаки предметовъ превратились въ начальныя буквы словъ, которымъ они соотвѣтствуютъ, напр. знакъ орла (по егип. назыв. «агомъ») обращенъ былъ въ букву *А*.

Изученіе нѣсколькихъ родовъ письма должно было убійственно дѣйствовать на умъ, обременяя память учащихся. На счисленіе, къ которому приводили египтянъ самыя свойства обитаемой ими природы, обращалось особенное вниманіе, и математика всюду преподавалась пространно и весьма основательно. Но, по замѣчанію Платона,

изученіе ея вообще мало имѣло благодѣтельнаго вліянія на ходъ домашняго и государственнаго хозяйства, или на свободное развитіе и усовершенствованіе разныхъ искусствъ. Не смотря на знакомство съ математикой, египтянинъ не могъ выйти изъ предѣловъ своей ограниченности во взглядахъ на жизнь и природу. По свидѣтельству того же Платона, метода обученія счету была превосходная. «Дѣти свободныхъ сословій первоначально должны были учиться всему тому же, что преподавалось и дѣтямъ простаго народа — этой огромной толпы, а именно: элементамъ чтенія, письма и счета. Обученіе счету происходитъ здѣсь сначала въ соединеніи съ играми и удовольствіями, сообразно способности дѣтскаго пониманія. Такъ напр. мальчики получаютъ яблоки или вѣнки, по возможности въ извѣстныхъ числовыхъ соотношеніяхъ; затѣмъ, при распредѣленіи и выполненіи разныхъ военныхъ игръ съ перемѣнными мѣстами, или при размѣнѣ золотыхъ, серебряныхъ, мѣдныхъ и другихъ чашечекъ, дѣти необходимо дѣлаютъ въ тоже время различныя относящіяся сюда счисленія. Этимъ способомъ учащіеся пріучаются и къ мирнымъ занятіямъ, и къ веденію войны, и къ домашнему хозяйству; вообще болѣе возбуждаются и скорѣе воспитываются быть полезными членами государства». Замѣчателенъ этотъ первый проблескъ педагогическаго принаровленія къ дѣтской природѣ, который въ то время могъ быть подмѣченъ только образованнымъ грекомъ. «Такъ какъ во всемъ,—продолжаетъ онъ далѣе, что относится къ измѣренію длины, широты и глубины, людямъ свойственно смѣшное и постыдное невѣжество по отношенію къ природѣ;—по этому египтяне всячески стараются освободиться отъ этого недостатка.»

Отсюда—происхожденіе астрономіи и другихъ естественно-математическихъ наукъ у древнихъ египтянъ. Гимнастика и музыка были исключены изъ сферы общаго образованія. «Изучать палестру и музыку—разсказываетъ Діодоръ—въ Египтѣ вовсе не въ обычаѣ, и даже полагаютъ, что первая вредна для юношества, послѣдняя же (музыка) не только безполезна, но и опасна, такъ какъ

она ослабляетъ духъ мужества.» Однако, въ иныхъ мѣстахъ, напр. въ Хеммисѣ, преподавалась гимнастика и изучалась музыка въ примѣненіи къ религіознымъ цѣлямъ. На основаніи этого исключенія Діодоръ и могъ сказать, что «дѣти воиновъ обучаются военному дѣлу у своихъ отцовъ», тогда какъ Геродотъ повѣствуетъ, что въ Хеммисѣ основатель гимнастическихъ игръ Персей имѣлъ даже храмъ, въ которомъ подъ руководствомъ жрецовъ происходили разныя гимнастическія битвы. Также и относительно музыки Геродотъ замѣчаетъ, что египтяне крѣпко держатся музыкальныхъ обычаевъ своихъ предковъ. Платонъ съ похвалою отзывается о египтянахъ за то, что они, по видимому, еще въ глубокой древности уже сознавали, что для блага государства юношество должно быть развито и со стороны хорошихъ формъ, и со стороны хорошаго пѣнія. «Послѣднее предписывается при отправленіи праздниковъ; относительно же перваго (пластическаго искусства) живописцамъ и другимъ художникамъ запрещено вводить что-либо новое, и вообще вымышлять. Это запрещеніе существуетъ и до нашего времени какъ относительно всѣхъ искусствъ, такъ и музыки». Въ этихъ характеристикахъ египетской жизни и воспитанія уже всюду просвѣчиваетъ новый, свободный взглядъ эллина, который принялъ отъ египтянина и науку, и искусство, уничтожилъ ихъ жреческій, т. е. мертвенный характеръ, и вдохнулъ въ нихъ новую жизнь. Въ этомъ все значеніе Египта во всемірной исторіи: онъ служитъ связующимъ звеномъ между востокомъ и западомъ; онъ внесъ плоды своей цивилизаціи не только въ Грецію, но и въ Іудею, и, передавъ ихъ, умеръ, какъ бы свершивъ свою историческую миссію.

Воспитаніе у персовъ.

Персидскій народъ, принадлежащій къ той же группѣ индо-европейскихъ народовъ, хотя и носитъ на себѣ общія черты восточнаго характера, но во многомъ рѣзко отличается и отъ индійцевъ, и отъ египтянъ. Религія пер-

совъ состояла, главнымъ образомъ, въ поклоненіи верховному божеству, стихіей котораго былъ свѣтъ, и огню, какъ его символу, а также въ признаніи другаго высшаго существа — божества мрака или зла. А извѣстно, что народы, имѣвшіе эту религію, уже рано достигли извѣстной степени цивилизаціи. По чистому и простому ученію Зороастра, геніальнаго реформатора этой высокой религіи, какою она является въ книгѣ Зендъ-Авеста (т. е. живаго слова), человѣкъ долженъ явиться сторонникомъ Бога свѣта—Ормузда въ борьбѣ его съ богомъ тьмы—Ариманомъ и подвластными ему злыми духами. Такимъ образомъ, сама религія персовъ побуждаетъ человѣка къ дѣятельности, и задачу жизни его ставитъ въ борьбѣ, въ одушевленномъ подвигѣ,—въ противоположность тупому самозабвенію индійца. Суевѣрные обычаи, распространившіеся впослѣдствіи у персовъ, какъ напр. гаданіе по звѣздамъ, толкованіе сновъ, употребленіе талисмановъ, объясняются вредными вліяніями вавилонянъ и египтянъ. До Кира персы еще сохраняли свои простые, но не грубые нравы, и отличались любовью къ правдѣ. Колѣна, на которыя раздѣлялась нація, считались неравными по достоинству; но у персовъ никогда не существовало той непреодолимой преграды между людьми, какую мы видимъ въ общественномъ устройствѣ Индіи и Китая. Жизнью управлялъ обычай, а не своенравная воля маговъ, которые пріобрѣли огромное значеніе уже въ періодъ упадка персидской монархіи. Персы легко перенимали чужіе нравы, чужіе добродѣтели, а также—и пороки. Женщина уже пріобрѣла сравнительно много правъ, и было время, когда вліяніе женъ въ Персіи стало господствующимъ обычаемъ и дѣломъ совершенно законнымъ: царскимъ женамъ, и даже наложницамъ, дарились цѣлые округи или области.

Персы сознавали себя, какъ единый народъ, и мужественно противоставляли себя другимъ народамъ; они достигли верховнаго владычества въ передней Азіи и коснулись своимъ оружіемъ Европы, приведя въ содраганіе классическую Грецію, съ исторіей которой на нѣкоторое

время сливается ихъ собственная исторія. Конь и оружіе, война и подвиги — вотъ призваніе древняго перса. Сообразно съ этимъ призваніемъ воспитывалось и юношество: оно принадлежало государству и должно было готовиться къ его защитѣ и возвышенію. На этомъ основаніи физическое воспитаніе впервые выступаетъ здѣсь на ряду съ духовнымъ, а школы, называемыя «школами справедливости» — открытымъ общественнымъ учрежденіемъ. Каждый персъ могъ посылать въ нихъ дѣтей своихъ, такъ какъ каждому одинаково открытъ былъ путь къ высшимъ должностямъ и почестямъ.

Національное воспитаніе персовъ обнимало первые 24 года жизни каждаго гражданина. До седьмаго года воспитаніе мальчиковъ оставалось въ рукахъ матерей: «до шести мѣсяцовъ берегите собакъ, и до семи лѣтъ—дѣтей» — говоритъ законъ. Тотчасъ по рожденіи ребенку вливался въ ротъ особый цѣлебный сокъ (хаома), прежде чѣмъ онъ получалъ молоко матери. Вслѣдъ за тѣмъ ему мыли руки, а потомъ и все тѣло. Астрономъ опредѣлялъ по звѣздамъ его будущую судьбу и нарѣкалъ, ему имя, обыкновенно переносимое на него отъ одного изъ изедовъ (подвластнымъ Ормузду духовъ) или особенно знатныхъ персовъ. До пяти лѣтъ ребенку не слѣдовало говорить, что̀ такое добро и зло: «Все, что совершитъ онъ злаго, падаетъ на родителей, которые должны до этого времени оберегать его только относительно тѣла, а въ случаѣ сдѣланныхъ имъ промаховъ—говорить ему: впредь не дѣлай этого!» Такъ человѣчно относился законъ къ неразумной дѣтской природѣ. Все, что должно было возбудить и развить въ ребенкѣ въ этотъ нѣжный періодъ его жизни, это — крѣпкую привязанность къ матери и чувство стыдливости. До достиженія семилѣтняго возраста обычай строго запрещалъ бить дитя.

Съ семи лѣтъ начиналось собственно общественное воспитаніе. Во всѣхъ болѣе значительныхъ городахъ находились государственныя учебныя заведенія, въ которыхъ мальчики росли вмѣстѣ со своими сверстниками, получая самое простое содержаніе, и пріучались особенно къ прав-

дивости, справедливости и самообладанію, а также—къ верховой ѣздѣ и умѣнью стрѣлять въ цѣль. Учили также читать и писать, но какимъ образомъ — объ этомъ нѣтъ точныхъ свѣдѣній. Учителями и надзирателями были персы не моложе 50 лѣтъ, могущіе служить примѣромъ для юношества. До 10 или 15 лѣтъ мальчики должны были, главнымъ образомъ, изучать молитвы и божественное ученіе подъ руководствомъ жрецовъ, вслѣдъ за чѣмъ на учащихся возлагали, послѣ различныхъ обрядовъ, (напр. омовенія бычачьей уриной) священный поясъ, который непремѣнно долженъ былъ состоять изъ 72-хъ нитей верблюжьей или овечьей шерсти, и, какъ охрана противъ девовъ, не могъ сниматься ни днемъ, ни ночью. При этомъ молодой персъ, прочитавъ исповѣданіе вѣры своей, давалъ трижды обѣтъ — слѣдовать закону Зороастра. Пятьнадцатый годъ считался срокомъ вступленія въ собственно юношескій возрастъ. Всякая связь между родителями и дѣтьми теперь прерывалась; юноша уже совершенно выходилъ изъ своихъ семейныхъ отношеній, и, становясь собственностью государства, отдавался приготовленію къ охотѣ и войнѣ, высшимъ нравственнымъ и физическимъ упражненіямъ. Съ достиженіемъ 25-лѣтняго возраста, молодой персъ становился уже мужемъ и гражданиномъ своего государства. Онъ принималъ на себя всѣ общегражданскія обязанности въ мирѣ и войнѣ, и долженъ былъ нести ихъ до 50-лѣтняго возраста; а потомъ его обязанностью становилось—заботиться объ общемъ благѣ чрезъ воспитаніе и руководство подростающаго юношества. Если воспитатели обвиняли юношу въ оскорбленіи закона, старцы изгоняли его изъ своей среды: это почиталось высшимъ безчестіемъ. Только при такомъ способѣ наказанія, дѣйствующаго на самолюбіе, могли питомцы, по понятію персовъ, получить стремленіе взбираться потомъ по лѣстницѣ почестей.

Высшій идеалъ персидскаго воспитанія художественно рисуетъ намъ Ксенофонтъ въ своей «*Κυροπαιδία*,» разсказывая своимъ соотечественникамъ о воспитаніи Кира. «Въ большей части государствъ—говоритъ онъ—каждому

предоставлено право воспитывать своихъ сыновей какъ ему угодно, а потомъ взрослое юношество совершенно предоставлено самому себѣ. Обыкновенно ему просто приказывается государствомъ: не красть, не грабить, не вторгаться силою въ чужой домъ, никого не бить понапрасну, не нарушать брака, не оказывать непослушанія начальству. Совершилъ кто преступленіе,—государство подвергаетъ его наказанію. Персидскіе законы, напротивъ того, предупреждаютъ это, заботясь, чтобы граждане уже съ дѣтства не были такими людьми, которые могутъ потомъ совершить какое нибудь злое или постыдное дѣло. Объ этомъ они заботятся слѣдующимъ образомъ: они учреждаютъ общественную площадь, называемую у персовъ свободною. Часть этой площади, примыкающая къ судилищамъ, дѣлится на четыре части, изъ которыхъ первая служитъ мѣстопребываніемъ для мальчиковъ, вторая—для юношей, третья—для мужей, и четвертая—для старцевъ. Каждый долженъ находиться только въ опредѣленной для него части, куда мальчики и мужи обязаны являться съ началомъ дня, тогда какъ старцы могутъ приходить когда имъ угодно, за исключеніемъ извѣстныхъ дней. Юноши же, если они еще не женаты, обязаны ночевать въ вооруженіи около судилищъ. Такъ какъ персы дѣлятся на 12 колѣнъ, то каждое отдѣленіе площади имѣетъ 12 надзирателей, изъ которыхъ надзиратели мальчиковъ должны отличаться ученостью, а—юношей должны быть способными вести ихъ къ добродѣтели. Руководители мужей особенно наблюдаютъ за тѣмъ, чтобы законы и главнѣйшія постановленія соблюдались во всей силѣ. За старцами также наблюдаютъ, чтобы и они не уклонялись отъ своихъ обязанностей. Мальчики посѣщаютъ школы, имѣющія цѣлью—возбудить и укрѣпить въ нихъ чувство справедливости; поэтому начальники этихъ школъ проводятъ весь день преимущественно въ томъ, что производятъ судъ надъ мальчиками, которые, подобно взрослымъ, приносятъ другъ на друга жалобы въ воровствѣ, насиліи, обманѣ, ругательствѣ и т. п. При этомъ наказываются не только виновные, но и ложные обвинители. Съ особенною стро-

гостью наказывается неблагодарность, такъ какъ персы полагаютъ, что неблагодарные не могутъ любить ни боговъ, ни родителей, ни отечество, ни друзей, что съ неблагодарностью всегда соединяется безстыдство, а безстыдство есть главный источникъ всѣхъ пороковъ». Чувство справедливости было развиваемо въ мальчикахъ особеннымъ способомъ. Когда Мандана, мать Кира, привела своего 12-лѣтняго сына ко двору дѣда его Астіага, она спросила мальчика: «Ну какъ хочешь ты, дитя мое, при этомъ деспотическомъ дворѣ учиться справедливости, тогда какъ учителя твои оставили тебя?»—«Мать моя, отвѣчалъ на это Киръ, я самъ хорошо знаю, что такое справедливость: такъ какъ я обнаружилъ себя очень любознательнымъ, то учитель часто ставилъ меня судьею надъ другими. При этомъ я получилъ однажды удары за то, что судилъ несправедливо, а именно это было такъ: одинъ большой мальчикъ, имѣя узкое платье, снялъ съ маленькаго его просторное платье, и, надѣвъ его на себя, отдалъ ему свое. Я разсудилъ, что имъ обоимъ будетъ лучше, когда каждый будетъ владѣть тѣмъ платьемъ, которое ему впору. Тогда я получилъ удары и наставленіе, что рѣшеніе мое было бы справедливо, если бы вопросъ былъ въ томъ, кому платье впору; но такъ какъ вопросъ былъ въ томъ, кто есть полный хозяинъ платья, то я долженъ былъ обратить вниманіе, кому именно оно принадлежитъ по праву, и какъ оно пріобрѣтено: взято ли силой, приготовлено ли самимъ, или куплено?» Къ этому Киръ еще прибавилъ: «Все законное—справедливо; все насильственное—противозаконно! Судья долженъ сообразовать свое рѣшеніе съ закономъ.» «Къ умѣренности,—продолжаетъ Ксенофонтъ, мальчики пріучаются преимущественно тѣмъ, что они видятъ, какъ умѣренно проводятъ цѣлый день ихъ родители. Повиновеніе предписанному внушается также тѣмъ, что они видятъ образецъ его въ своихъ родителяхъ. Изъ дому мальчики приносятъ только хлѣбъ, кресс и сосудъ, чтобы черпать воду. Юноши спятъ около судилищъ, съ цѣлью охранять городъ, сохранять себя въ нравственной чистотѣ и укрѣплять въ умѣренности; днемъ же несутъ службу

по отношенію къ своему начальству. Отправляясь на охоту, они берутъ съ собой только обѣденный хлѣбъ, нѣсколько въ большемъ количествѣ, чѣмъ отроки. На охотѣ же они ѣдятъ только тогда, когда приходится спокойно выжидать дичь, или уже подъ вечеръ; при этомъ два дня считаются за одинъ, такъ какъ они въ это время обѣдаютъ только однажды. Добыча должна составлять прибавку къ продовольствію, — въ противномъ случаѣ они довольствуются однимъ крессомъ. Дома они упражняются въ стрѣльбѣ изъ лука и въ метаніи копья; кромѣ того устраиваются также открытыя состязанія и раздаются награды».

Хотя Ксенофонтъ, разсказывая о воспитаніи у персовъ, примѣшиваетъ множество чисто греческихъ воззрѣній на это дѣло;—но нельзя не признать, что у этого народа уже сложилась болѣе или менѣе опредѣленная система воспитанія, которое съ національной точки зрѣнія было вполнѣ цѣлесообразнымъ. Хотя, по обычаю, женщины и не получали общественнаго воспитанія, но въ иныхъ случаяхъ дѣвушки могли посѣщать школу: такъ Низами въ одномъ романѣ разсказываетъ, что Леила полюбила Меджнуна еще въ школѣ. Воспитаніе дѣтей высшихъ классовъ, по Ксенофонту, отличалось еще нѣкоторыми своими особенностями. «Сыновья знатныхъ персовъ воспитываются въ царскомъ дворцѣ, гдѣ каждый можетъ хорошо пріучить себя къ самообладанію, и притомъ не видитъ и не слышитъ ничего непристойнаго. Здѣсь мальчики замѣчаютъ, кто заслуживаетъ отъ царя уваженіе или неуваженіе, и смотря поэтому сами учатся и управлять, и повиноваться». По разсказамъ, недостовѣрно приписываемымъ Платону, царскій сынъ послѣ 7 лѣтъ поручается четыремъ избраннымъ воспитателямъ изъ знатнѣйшихъ персовъ, изъ которыхъ одинъ признается мудрѣйшимъ, второй—справедливѣйшимъ, третій — умѣреннѣйшимъ и четвертый — храбрѣйшимъ. Каждый изъ нихъ старается усвоить за питомцемъ эти главнѣйшія добродѣтели. Во всякомъ случаѣ Зендъ-Авеста подтверждаетъ, что ядромъ древне-персидскаго воспитанія было—закалить тѣло гимнастикой и развить духъ

въ нравственной чистотѣ и правдивости; что индивидуальность не была подавляема ни властолюбіемъ жреческой касты, ни отрѣшенностью отъ культурнаго вліянія другихъ народовъ. Уваженіе предъ закономъ, любовь къ отечеству, чувство справедливости и отвращеніе ко лжи— вотъ высокія задачи персидскаго воспитанія. Какъ ни много примѣшивается къ нему младенческаго, чисто восточнаго, однако уже замѣтна и нѣкоторая зрѣлость педагогической мысли; но замѣчательно, что развитіе способности мышленія еще не входитъ въ кругъ этой мысли, а отсюда объясняется и недостатокъ должныхъ задатковъ для будущаго истинно-человѣческаго развитія. Персъ, поглощенный государствомъ, еще не можетъ освободиться ни отъ темныхъ традицій своей жизни, ни отъ вредныхъ иноземныхъ вліяній. Исключительно завоевательное направленіе также содѣйствовало гибели великаго персидскаго государства. Сдѣлавъ обширныя завоеванія, и деспотически относясь къ побѣжденнымъ, персы сами развратились, и вмѣстѣ съ древней простотой своихъ нравовъ, навсегда утратили все, что было добраго и благороднаго въ ихъ племени. Не смотря на весь блескъ своего величія, они подверглись такой же печальной участи, какъ и покоренные ими народы. Въ громадномъ персидскомъ государствѣ, простиравшемся при Даріѣ I отъ Инда до границъ Ѳессаліи и Египта, и отъ Персидскаго и Аравійскаго заливовъ до прикаспійскихъ степей и Кавказа, вмѣстѣ съ распространеніемъ роскоши и праздности скоро исчезло всякое національное чувство и вообще всякое стремленіе къ высшимъ цѣлямъ какъ въ жизни, такъ и въ воспитаніи. По выраженію историка нашего времени, «все населеніе обширной персидской манархіи стало походить на стадо овецъ, которое паслось на привольномъ лугу, пока, наконецъ, не сдѣлалось добычею волковъ».

Воспитаніе у древне-классическихъ народовъ.

Переходя къ народамъ классическимъ — грекамъ и римлянамъ, мы вступаемъ въ совершенно иный міръ, давшій такъ много для нынѣшней европейской образованности. Въ Греціи и Римѣ уже значительно устранены условія, столь подавлявшія отдѣльную личность на востокѣ. Здѣсь человѣкъ уже высвобождается отъ господства надъ нимъ природы, сознаетъ себя, и противопоставляетъ свою дѣятельность природѣ, стараясь подчинить ее своей волѣ и своему творчеству. На востокѣ истинное существованіе свое человѣкъ видитъ въ одномъ пассивномъ подчиненіи своей личности господству естественныхъ и, въ его глазахъ, высшихъ силъ природы; у классическихъ народовъ, напротивъ того, духъ стремится овладѣть этими силами и свободно отдаться своей дѣятельности. Правда, и здѣсь личность еще стѣснена оковами государственности и національности, лежащими на всемъ воспитаніи; однако у грековъ воспитаніе уже усиливается, кромѣ этихъ двухъ цѣлей, достигнуть еще третьей—художественнаго развитія индивидуальныхъ силъ человѣка, а у римлянъ—практическаго примѣненія этихъ силъ къ дѣятельности.

Художественное воспитаніе у древнихъ грековъ.

Греки перенесли изъ Азіи въ Европу сцену всемірныхъ событій, а потому съ появленіемъ греческаго на-

рода на историческомъ поприщѣ начинается новый періодъ въ жизни и воспитаніи человѣчества. Греки вызвали новыя формы жизни и новый характеръ человѣческаго развитія, и это измѣненное ими направленіе осталось господствующимъ и во всѣ послѣдующія времена. Возвышеніе греческой націи именно было знакомъ, что уже миновало время восточнаго порядка вещей, восточнаго быта и воспитанія, оставшихся неподвижными. Только два восточныхъ народа—евреи и арабы, пріобрѣли потомъ значеніе для всего человѣчества. Когда началось историческое развитіе грековъ, между черными племенами юга распространено рабство и грубая чувственность, навсегда оставшіяся ихъ удѣломъ; у народовъ сѣвера и запада господствуютъ нераздѣльно пламенная любовь къ свободѣ и воинственный духъ, но на ряду съ ними ощущается недостатокъ образованности, отсутствіе мягкихъ нравовъ и духа организаціи. Востокъ, впавшій въ умственную односторонность и ограниченность, сдѣлался жертвой грубаго идолопоклонства и всеподавляющаго деспотизма. Вотъ общая картина тогдашняго человѣчества, и среди подобной-то обстановки греки съумѣли вступить на путь совершенно другаго развитія. Они первые создали свободное, независимое искусство, потому что стали заниматься искусствомъ ради его самого, и, такимъ образомъ, дали человѣчеству новое важное средство къ возвышенію и облагороженію себя; греки первые создали самостоятельную философію, отличивъ стремленія мыслящей силы отъ чисто-религіозной потребности, и, слѣдовательно, открыли разуму человѣка предѣлы высшаго и безконечнаго, до тѣхъ поръ доступные только одному его чувству. Они же первые признали въ жизни истинную науку, сдѣлавъ изысканія разума независимыми отъ произвола отдѣльнаго сословія и отъ служенія матеріальнымъ потребностямъ; они дали новое и чрезвычайно высокое развитіе богатому элементу образованности, заключающемуся въ языкѣ, Они не только создали многія совершенно новыя формы поэзіи, и до совершенства выработали свой языкъ; но изобрѣли еще искусство писать

прозой, несуществовавшее на востокѣ. Наконецъ, греки прежде всѣхъ другихъ народовъ создали настоящую государственную жизнь, предоставивъ каждой отдѣльной личности полное участіе въ общественныхъ дѣлахъ, и возвысивъ голосъ массы до значенія общественнаго мнѣнія. Вотъ неоспоримыя заслуги древнихъ грековъ для всемірной образованности, а слѣдовательно и для воспитанія, построеннаго ими на прочныхъ, цѣлесообразныхъ началахъ.

Натура грека была художественная по преимуществу. Онъ стремился къ полной гармоніи съ самимъ собой и природой; соразмѣрность и стройность проникали всю его дѣятельность; гармоническое развитіе личности и направленіе ея ко всему прекрасному и доброму — вотъ задача и цѣль всего греческаго воспитанія. Идеаломъ этого воспитанія была *καλογαθία*, т. е. наружное и внутреннее совершенство, гармоническое развитіе всѣхъ тѣлесныхъ и духовныхъ силъ и способностей, — наружно и внутренно совершенный человѣкъ. Воспитаніе у грековъ является не абстрактнымъ, не исключительно семейнымъ, какъ въ Китаѣ, не кастическимъ — какъ въ Индіи и Египтѣ, не національно-завоевательнымъ — какъ въ Персіи, но — національнымъ на столько, чтобы каждый чувствовалъ себя грекомъ, и въ то же время признавалъ различіе племенныхъ свойствъ и особенностей. Кромѣ того греческое воспитаніе и образованіе не были привилегіей извѣстнаго сословія: храмъ науки былъ открытъ каждому изъ народа; каждый могъ направить свои силы по свободно-избранному имъ пути; каждый имѣлъ право умножать умственныя сокровища своей націи, и въ соревнованіи съ другими находить поддержку для своей неутомимой дѣятельности. Въ Греціи впервые находимъ мы много такихъ задатковъ истиннаго воспитанія, которые еще и въ наше время не достигли своего полнаго развитія и примѣненія. Если греки не создали того всесторонне-совершеннаго воспитанія, идеалъ который болѣе и болѣе опредѣляется въ наше время; — за то они значительно пополнили прежній, обогативъ его многими, вѣчно-истинными чертами, и нашли средства, соотвѣтству-

ющія его воплощенію въ дѣйствительности. Средства эти могутъ быть названы *гимнастическо-художественными*, и къ разсмотрѣнію ихъ намъ слѣдуетъ теперьже обратиться.

Гимнастика.

Гимнастическое воспитаніе имѣло въ виду соразмѣрность и гармоническую законченность человѣческаго тѣла, съ цѣлію сдѣлать его полнымъ и чистымъ отраженіемъ духа. Въ началѣ гимнастика считалась средствомъ только для образованія тѣла; — но потомъ греки пришли къ убѣжденію, что она также существенно содѣйствуетъ развитію духа, что она не только закаляетъ человѣка, дѣлая его сильнымъ, крѣпкимъ и ловкимъ; но также предохраняетъ его духъ отъ разслабленія, наполняя его мужествомъ, ведетъ къ воздержности, самообладанію и рѣшительности, развиваетъ чувство дружбы и любви къ отечеству. Грекъ понималъ потомъ гимнастику какъ такое искусство, которое вмѣстѣ съ гармоническимъ образованіемъ тѣла оживляетъ и душу, а слѣдовательно вообще содѣйствуетъ процвѣтанію общественной жизни. Поэтому гимнастика у грековъ не была только однимъ воспитательнымъ средствомъ для юношества, но вмѣстѣ и образовательнымъ занятіемъ для всего народа. Самый видъ изящно развитаго тѣла содѣйствовалъ возбужденію изящнаго чувства въ зрителяхъ, и возвышалъ въ нихъ степень пониманія красоты. Въ ежедневныхъ упражненіяхъ въ палестрѣ пластика могла свободно выбирать для себя изъ богатства прекрасныхъ, подвижныхъ формъ тѣла самыя идеальныя нормы и лучшій матеріалъ для композиціи. «Для насъ, грековъ, недовольно, говоритъ Солонъ (у Лукіяна), оставаться такимъ, какимъ создала природа; но у насъ для каждаго необходимо еще гимнастическое образованіе, чтобы отъ природы хорошія дарованія сдѣлать еще лучшими, и чтобы облагородить менѣе счастливыя способности. Въ этомъ случаѣ образцомъ для насъ служатъ поселяне, которые охраняютъ и

защищаютъ растенія, пока они молоды и слабы; когда же деревцо окрѣпнетъ, они обрѣзаютъ лишніе отпрыски, и предоставляя дерево вѣтрамъ и бурямъ, дѣлаютъ его еще крѣпче». По словамъ Платона — «общая связь, существующая между тѣломъ и духомъ, не позволяетъ упражнять тѣлесныя силы безъ духовныхъ и духовныя безъ тѣлесныхъ».

Гимназіи или палестры были особыя мѣста для упражненій. Въ старину онѣ были у грековъ очень просты, напр. въ Спартѣ устроивались прямо на берегу рѣки; а потомъ, по мѣрѣ развитія образованности и благосостоянія городовъ, онѣ стали украшаться прекрасными постройками, и сдѣлались любимѣйшими мѣстами общественной и ученой жизни. Собственно гимнастическое заведеніе состояло изъ большаго четыреугольнаго двора, который былъ окруженъ колоннадами и просторными залами для философовъ, ораторовъ и ученыхъ. На одной сторонѣ этого двора находились крытыя помѣщенія собственно для упражненій, залы для разныхъ сложныхъ движеній строемъ, мѣста для платья, для натиранія тѣла масломъ или пескомъ, для игръ и т. д. За этимъ центральнымъ заведеніемъ слѣдовалъ второй просторный дворъ, съ галлереями и помѣщеніями для разнаго назначенія, съ садомъ и множествомъ ходовъ; наконецъ, все это заключалось четыреугольнымъ продолговатымъ пространствомъ, примыкавшимъ ко второму двору, и предназначавшимся для бѣганья. Передъ началомъ упражненія все платье снималось; тѣло натиралось масломъ и посыпалось пескомъ. Первое дѣлалось съ цѣлью придать тѣлу болѣе гибкости, а движеніямъ — болѣе силы и быстроты; песокъ же не позволялъ тѣлу скользить и способствовалъ твердому обхватыванію; онъ также задерживалъ потъ, противодѣйствовалъ вліянію вѣтра и сохранялъ экономію силъ. Древнѣйшимъ и наиболѣе уважаемымъ греками упражненіемъ было бѣганье, производимое по глубокому песку, и обнимавшее отъ одной до 24 стадій (стадія—600 футовъ), смотря потому, требовалась ли отъ бѣжавшаго быстрота, или продолжитель-

ность. Этимъ средствомъ старались достигнуть, главнымъ образомъ, проворства и выдержки. Мѣтаніемъ диска, т. е. чечевицеобразнаго мѣднаго кружка, производимымъ вдаль и вверхъ, думали укрѣпить плечи и силу напряженія въ переднихъ частяхъ ногъ. Прыганье въ высоту или въ длину, или съ соединеніемъ обоихъ этихъ условій, производилось большею частію на открытомъ воздухѣ, и должно было возвысить какъ крѣпость, такъ и ловкость тѣла. При мѣтаніи копья строго соблюдались: правильная постановка тѣла и ногъ, твердая, мужественная походка, свобода и благородство движеній; это упражненіе должно было также возбудить во всемъ существѣ человѣка рѣшительность, увѣренность и бодрость. Наконецъ единоборство возбуждало самую всестороннюю дѣятельность: тутъ приходилось и схватывать, и увертываться, и крѣпко держаться на ногахъ, и отважно прыгать, и настойчиво наступать, и ловко уклоняться; тутъ требовались: и выдержка; и сила, и быстрота, однимъ словомъ, — самое гармоническое сочетаніе всѣхъ гимнастическихъ условій. Эти пять упражненій, называемыхъ *πένταθλον*, составляли ядро всей гимнастики, и Аристотель сообщаетъ, что пентаѳли, т. е. люди, съ успѣхомъ прошедшіе весь этотъ курсъ и достигшіе въ немъ пальмы первенства, отличались высокой красотой.

Но такъ какъ греческая гимнастика не была продуктомъ научнаго пониманія этого дѣла, то она не всегда удерживалась въ приличныхъ своей сущности граница: у нѣкоторыхъ греческихъ племенъ она переходила въ кулачный бой, и въ соединеніи съ состязаніемъ въ другихъ упражненіяхъ, образовала такъ называемое *παγκράτιον* т. е. многоборство, которое въ иныхъ мѣстностяхъ Греціи также достигло высокаго совершенства, и занимало потомъ почетное мѣсто на главныхъ національныхъ праздникахъ. Однако оба эти вида упражненій требовали такъ много отъ каждаго, принимавшаго въ нихъ участіе, что онъ уже не могъ болѣе отдаваться всѣмъ пяти главнымъ упражненіямъ, а посвящалъ себя исключительно двумъ послѣднимъ. Это вызвало проис-

хожденіе атлетики, обратившейся потомъ въ ремесло, приносившее выгоды на праздничныхъ играхъ.

Любовь къ гармоніи и красотѣ, выражавшаяся въ гимнастикѣ грековъ, послѣдовательно привела къ безкорыстному и внѣчувственному обожанію отроческой красоты, или къ такъ называемой педофиліи. Отношенія эти, столь странныя для нашего времени, могли возникнуть только на почвѣ такой широкой общественной жизни, какою она является въ Греціи, гдѣ мужчина вращался болѣе въ палестрѣ и на городской площади, чѣмъ въ своей семейной сферѣ съ ея неразлучнымъ аттрибутомъ — женщиной. По выраженію Павзанія, «педофилія есть чистѣйшая любовь небеснаго эроса. Вдохновенные ею обращаются къ красотѣ мужской, одаренной отъ природы и физически, и духовно; стремятся всю жизнь не разлучаться со своимъ возлюбленнымъ, котораго они избрали за достоинства его души, и стараются еще болѣе усовершенствовать эти достоинства». Вдохновенный любовью былъ по отношенію къ своему любимцу и другомъ, и учителемъ, и отцомъ, во всемъ служилъ ему постояннымъ примѣромъ, наблюдалъ за нимъ въ гимназіи, наставлялъ его во всѣхъ познаніяхъ и требованіяхъ общественной жизни, являлся его представителемъ въ народномъ собраніи, въ каждой борьбѣ былъ на его сторонѣ, возбуждалъ его къ храбрости, шелъ впереди его въ битвѣ, и, если нужно, погибалъ за него. Любимецъ съ своей стороны также былъ связанъ со своимъ покровителемъ самыми тѣсными узами любви и искренности. - «Однажды эфоры, разсказываетъ одинъ греческій писатель, строго наказали нѣкоего юношу, который предпочелъ богатаго покровителя—одному честному бѣдняку. Но они наказали также и этого послѣдняго за-то, что онъ не съумѣлъ заставить юношу полюбить въ немъ его достоинства и постараться усвоить ихъ за собою.... За всѣ проступки юноши-любимца наказывается его покровитель, такъ какъ онъ долженъ наблюдать за всѣми его дѣйствіями».

Потребность гимнастики оставалась у грека и по выходѣ изъ школы, впродолженіе всей жизни. Этой по-

требности гимнастической гармоніи и красоты отвѣчали разныя народныя игры и праздники грековъ. Относительно игры существовали въ Греціи особые законы и были особые учителя; сами боги называются нерѣдко «друзьями игры». Философъ Анаксагоръ въ своемъ завѣщаніи не требуетъ для себя никакихъ почестей, кромѣ только одной:— чтобы въ день его смерти юношество могло устроить игры. Мѣста для игръ—игрища—соединялись съ гимназіями и купальнями; и здѣсь также все было окружено красотою и гармоніей формъ. Большая часть самыхъ употребительныхъ игръ произошла отъ гимнастики; но любимѣйшею изъ нихъ, въ которой принимали участіе даже старцы и философы, была—игра въ мячикъ, въ соединеніи съ бѣганіемъ, прыганіемъ и мѣтаніемъ. Особенно любили также такія игры, которыя соединялись съ мимикой подъ поэтическій ритмъ, или съ танцами, при чемъ внутреннее содержаніе пѣсни воспроизводилось внѣшнимъ, нагляднымъ образомъ. Такъ спартанскіе юноши заключали свои гимнастическія упражненія, особенно бурное единоборство,— мирнымъ танцемъ съ самыми разнообразными передвиженіями и сочетаніями рядовъ и хоровъ; при этомъ одинъ изъ нихъ сидѣлъ въ срединѣ и сопровождалъ танецъ игрой на флейтѣ и выбиваніемъ такта. Ряды танцующихъ извивались, сходились, расходились, и стройно, подъ тактъ, изображали разныя картины: то гимнастическія, то воинственныя, то комическія. Праздники грековъ были душею общинной и племенной ихъ жизни; они находили свое основаніе также въ гимнастикѣ, и въ соединенныхъ съ нею разныхъ орхестическихъ, художественныхъ, музыкальныхъ, ученыхъ и др. отправленіяхъ греческой жизни. На общественныхъ праздникахъ каждый чувствовалъ себя грекомъ, и весь народъ—единымъ греческимъ народомъ, въ противоположность всѣмъ не-грекамъ—варварамъ. Здѣсь, на подобныхъ праздникахъ, возвышалось и укрѣплялось національное чувство, сознаніе единства, и возбуждалась любовь къ своему народу; здѣсь же эстетически примѣнялась къ прославленію боговъ и отечества та внутренняя и внѣшняя гармонія человѣческой

природы, которая достигалась прежде всего гимнастикой. Въ главныхъ мѣстахъ такихъ праздниковъ — Олимпіи, Истмѣ, Немеѣ и Дельфахъ — превзошедшій всѣхъ другихъ своею тѣлесно-духовною красотой получалъ въ награду пальмовую вѣтвь, миртовый или лавровый вѣнокъ. Съ безмолвнымъ, но жаднымъ вниманіемъ слѣдилъ грекъ за мужествомъ состязающихся юношей, за красотою обнаженнаго ихъ тѣла и всего ихъ дивно-прекраснаго образа, за ихъ необыкновенною ловкостью, за необоримою силою, за смѣлостью ихъ и достоинствомъ, за ихъ пламеннымъ стремленіемъ къ побѣдѣ и почести, — пока, наконецъ, имя побѣдителя и его родины не оглашало весь народъ зрителей. Тогда все разражалось кликами и ликованіями; увѣнчаннаго побѣдителя принимали на плечи; славные поэты, какъ Пиндаръ и Симонидъ, прославляли его побѣду въ своихъ безсмертныхъ пѣсняхъ, а пластическіе художники увѣковѣчивали потомъ его имя и образъ въ мѣди или мраморѣ. Побѣдитель въ бѣганьи въ Олимпіи считался главнымъ, и по его имени называли олимпіаду. Такимъ образомъ гимнастика и гимназіи носили въ Греціи не школьный, а общенародный, широко-общественный характеръ. Какъ далеко уступаетъ грекамъ наше многоученое, но бѣдное жизненными силами время! какъ блѣдно въ сравненіи съ ними наше надорванное юношество!

Изящныя искусства.

Художественное воспитаніе въ собственномъ смыслѣ находилось подъ покровительствомъ музъ, богинь всего того, что, въ противоположность обыденной практикѣ, относится къ красотѣ и обусловливаетъ наслажденіе жизнью. Сами музы были подчинены Аполлону—богу возвышенной красоты. Такія требованія художественности отъ воспитанія прямо вытекали изъ характера грековъ и ихъ религіознаго міросозерцанія. Житель сѣвера былъ мраченъ, какъ его небо, и потому земная жизнь представлялась ему преимущественно со стороны своего ни-

чтожества и своихъ лишеній. Отсюда въ немъ являлось суровое презрѣніе къ жизни, и мысль о томъ, что только въ иномъ мірѣ, уготованномъ героямъ, человѣкъ можетъ найти истинную жизнь и продолжительное наслажденіе. Напротивъ того грекъ, подъ своимъ сіяющимъ небомъ, считалъ истинною жизнью именно ту, которую онъ проводилъ на землѣ подъ веселыми лучами солнца; онъ искалъ въ жизни наслажденія, и прежде всего эстетическаго наслажденія. Жизнь подземнаго міра, даже самая блаженная, казалась ему только тѣнью этой жизни; а потому онъ ревниво любилъ жизнь и всегда считалъ смерть бѣдствіемъ. Религія грековъ никогда не была замкнутой системой. Греки представляли себѣ небо, или скорѣе, подымающуюся въ небо вершину горы Олимпа, населенною существами, которыя и по внѣшнему виду, и по природѣ своей походили на людей, обладая лишь способностью невидимо оказывать силу и вліяніе на земное. Жизнь боговъ, по понятію греческой массы, вообще сходна съ человѣческою, отличаясь отъ нея только большимъ изяществомъ и высшими радостями. Съ этимъ художественнымъ антропоморфизмомъ боговъ соединялась также мысль, что они вмѣстѣ съ тѣмъ представляютъ собою естественныя силы и явленія природы. Собственно жрецовъ, кромѣ прорицателей, въ героическій періодъ у грековъ даже вовсе не было. Въ этой націи, полной силъ и энергіи, мы ничего не видимъ дикаго и буйнаго; сами военные герои грековъ не имѣютъ ничего грубаго въ своемъ характерѣ. Причину, и вмѣстѣ, слѣдствіе такого характера надо искать въ воспитаніи, которое можетъ быть названо художественнымъ по преимуществу. Поэзія, пѣніе и музыка всюду сопровождаютъ греческаго юношу и проникаютъ всю его натуру. Впослѣдствіи сюда присоединилась не только грамматика и графика, но и вообще наука въ ея различныхъ отрасляхъ, такъ что обученіе могло содѣйствовать всестороннему развитію духа. Такъ какъ по понятію грека между душею и тѣломъ не было никакой абстрактной противоположности; то въ воспитаніи греческомъ на сколько гимнастика содѣйство-

вала духовной красотѣ человѣка, — на столько же художественность просвѣтляла и облагороживала его тѣлесную красоту. Гимнастика и искусство взаимно проникали и пополняли другъ друга въ воспитаніи, какъ это отражается даже въ представленіи грековъ о богахъ. Гермесъ почитался изобрѣтателемъ какъ палестры, такъ и китары, учителемъ въ искусствѣ вообще, и въ ораторскомъ въ частности. Аѳина была богинею войны и вмѣстѣ науки: вскорѣ по рожденіи своемъ она занимается воинственнымъ танцемъ, изобрѣтаетъ игру на флейтѣ и украшаетъ жизнь разными искусствами. Аполлонъ, неизмѣнно правильно разъѣзжающій на своей лучезарной колесницѣ, почитается также творцемъ лиры, распорядителемъ въ танцахъ музъ, побѣдителемъ Геркулеса въ единоборствѣ и Гермеса въ бѣгѣ и т. д. Какъ гимнастика стремится придать тѣлу внѣшнее совершенство; такъ искусства имѣютъ назначеніемъ—параллельно вести совершенствованіе духа, чтобы онъ могъ свои внутреннія достоинства вполнѣ проявить во внѣшности. Поэтому художественное, какъ и гимнастическое воспитаніе не имѣетъ своей исключительной цѣли, а одну общую: цѣльную, законченную, всесторонне совершенную личность человѣка. Возвысить человѣка надъ обыденными потребностями и надъ пошлой житейской практикой, придать ему благородство и самостоятельность—вотъ главная задача греческаго воспитанія. Благодаря незначительной населенности страны и существованію рабства, бывшаго удѣломъ иноплеменниковъ, жизнь свободныхъ людей была легка и чужда мелочныхъ заботъ. Большая часть націи была совершенно незнакома съ низкими и тяжелыми работами, — и потому грекъ чрезъ воспитаніе свое могъ становиться выше всего пошлаго и мелочнаго въ жизни. Вторая задача для него заключалась въ томъ, чтобы облагороженная, возможно-совершенная личность питомца была способна впослѣдствіи къ самоотверженному служенію своему государству и народу. На этомъ основаніи у подобнаго художественнаго народа, какимъ были греки, главную роль въ воспитаніи играютъ именно тѣ изъ

искусствъ, которыя требуютъ наиболѣе самостоятельности и обладаютъ наибольшимъ вліяніемъ на человѣческую душу — а именно: музыка и поэзія.

Искусства эти занимали самое почетное мѣсто въ жизни воинственныхъ греческихъ племенъ, и были неразлучны съ ихъ пирами, праздниками и военными предпріятіями. Музыкальными инструментами героическаго періода были— лира, флейта и рожокъ; послѣдніе два употреблялись преимущественно пастухами и земледѣльцами. Трубы вошли въ употребленіе уже впослѣдствіи. Лира, напротивъ, была инструментомъ поэтовъ и пѣвцовъ; на ней часто играли цари и благородные, и звуками ея постоянно спровождалось пѣніе, предметомъ котораго обыкновенно служили подвиги живыхъ и умершихъ героевъ. Музыка разсматривалась какъ истинная гимнастика не для однихъ только внѣшнихъ чувствъ и способностей, напр. слуха, голоса и тона; но и—для самого духа. Грекъ считалъ оскорбительнымъ для музыки полагать, будто ея задача состоитъ въ одномъ умѣньи владѣть струнами или флейтой, а не въ нравственномъ усовершенствованіи духа, не въ смягченіи страстей посредствомъ мелодіи и гармоніи. Музыка почиталась воспитательницей всего высокаго, благороднаго и прекраснаго, матерью всѣхъ добродѣтелей. По взгляду грека, музыкальное произведеніе, какъ образъ и выраженіе движеній прекрасной души, непремѣнно вносило красоту и въ душу того, кто усвоивалъ его за собою. Въ этомъ смыслѣ греки даже называли музыку философіей; Сократъ же, въ свою очередь, почиталъ философію лишь совершеннѣйшею музыкой. Музыка была прирождена существу грека: она не была занятіемъ отдѣльныхъ личностей, но основнымъ элементомъ всей греческой жизни, главной принадлежностью всего греческаго народа. Она совершенно сливалась со всѣмъ бытомъ грека и глубоко входила во всѣ его государственныя и жизненныя отправленія. Съ ея измѣненіемъ или паденіемъ грекъ соединялъ идею объ измѣненіи или паденіи всей своей государственной и соціяльной жизни. Не любить музыку, не понимать ея,—въ его глазахъ было признакомъ вар-

варской грубости и внутренней испорченности. Греческая музыка имѣла опредѣленный, объективный характеръ, и ея стройная и веселая мелодичность служила общимъ выраженіемъ нравственнаго чувства всего греческаго народа; только вмѣстѣ съ разложеніемъ греческой жизни стала преобладать лидійская музыка съ ея причудливымъ, болѣе субъективнымъ характеромъ. Основаніемъ для музыки въ Греціи служили законы гармоніи и ритма. Лира, имѣвшая три, четыре или семь струнъ съ восьмой октавной, воспроизводила самыя разнообразныя мелодіи въ фригійскомъ, дорическомъ, іоническомъ, эолическомъ или лидійскомъ стилѣ, отличавшихся каждый своеобразнымъ характеромъ. Установленіе музыкальной теоріи для лиры приписываютъ Терпандру (678 до Р. Х.). Немного спустя, Олимпосъ придалъ такое же значеніе флейтѣ. Пѣніе, аккомпанировавшее игрѣ на лирѣ, было болѣе рецитаціей, такъ какъ для греческаго духа было очень важно ритмическое паденіе слова. Мелодія составляла душу музыки, выражая прекрасныя движенія чувства. Впрочемъ, по причинѣ своего чисто гимнастическаго значенія и строгой опредѣленности формъ, музыка у грековъ была гораздо менѣе самостоятельнымъ искусствомъ, чѣмъ въ наше время. Она главнымъ образомъ служила сопровожденіемъ для игры, танцевъ и пѣнія, т. е. была въ непосредственномъ соединеніи съ гимнастикой. Такъ произошла орхестика, въ которой грекъ, по свойству своей художественной природы, въ движеніяхъ тѣла и звука выражалъ то, что заключалось въ его душѣ, въ его внутреннемъ чувствѣ. Музыка и орхестика были принадлежностью всѣхъ греческихъ государствъ, связывавшею ихъ въ одно цѣлое; государство, имѣвшее наилучшіе хоры, почиталось и храбрѣйшимъ, и совершеннѣйшимъ въ ряду другихъ греческихъ государствъ. Такимъ образомъ, въ пониманіи соціяльнаго и педагогическаго значенія музыки, и вообще тоническаго искусства, греки стоятъ недосягаемо выше насъ, и должны служить намъ поучительнымъ примѣромъ.

Какъ музыка есть выраженіе прекрасныхъ движеній души, такъ поэзія создаетъ образъ внутренняго и внѣшняго

міра въ ихъ гармоническомъ единствѣ,—а потому образовательность ея также высоко цѣнилась греками. Поэтическое искусство возсоздаетъ всю жизнь природы и человѣка въ новомъ идеальномъ свѣтѣ. Оно есть плодъ внутренней гармоніи человѣка, и матеріалъ, которымъ оно пользуется—слово,—наиболѣе способенъ выразить весь міръ, одухотворенный высшей идеей. Эстетическое образованіе грека было бы неполно безъ этого совершеннѣйшаго искусства. Эпосъ естественно долженъ былъ служить главной пищей для пластической натуры грека, тѣмъ болѣе, что въ эпосѣ греческомъ отразилась первобытная жизнь народа, и что онъ служилъ какъ бы его поэтической исторіей въ то время, когда еще только занималась заря греческой жизни послѣдующаго цвѣтущаго времени. Пѣвцы вложили въ эпосъ, съ его спокойной ясностью и объективностью, общія созерцанія и чувства всего народа. Потому-то Иліада и Одиссея были истинно-эллинскими національными произведеніями, такъ какъ онѣ въ совершенствѣ, съ эпическимъ спокойствіемъ, представляютъ свѣжесть греческаго духа при его жизненномъ и радостномъ пробужденіи; такъ какъ онѣ изображаютъ греческую жизнь съ ея собственной идеальной стороны, въ ея высшихъ, божественныхъ правахъ. У гимнастическихъ дорянъ особенно выступаетъ наиболѣе гимнастическій родъ поэзіи—лирика, гармонически выражающая внутренній міръ человѣка, жизнь души, обнаруживающая въ музыкальномъ словѣ все то, что волнуетъ сердце, просвѣтляетъ и возвышаетъ чувство. Народная пѣснь входила во всю жизнь грека, проникала все его существованіе; все, что только было въ его душѣ высшаго и прекраснѣйшаго, непремѣнно изливалось въ пѣсни. Вслѣдствіе этого греческая лирика была также и музыкой, и орхестикой, выражаясь какъ въ пѣсни, такъ и въ музыкальномъ аккомпаниментѣ, въ танцѣ, въ мимической игрѣ. Въ этомъ поэтическо-музыкальномъ соединеніи лежитъ также начало и совершеннѣйшаго проявленія поэзіи—драмы, возникшей изъ хоральнаго пѣнія на праздникахъ Діонисія. Драма гармонически соединила въ себѣ и богатую внѣшнимъ выполненіемъ объективную

эпику іонянъ, и субъективную глубину лирики дорянъ. Она выразила собой нравственную идею греческаго народа въ самый цвѣтущій періодъ его жизни, и выступила въ полной силѣ въ то время, когда наивное міросозерцаніе грековъ уже миновало, и когда они вступили въ періодъ мужественной зрѣлости. Драма служила наилучшимъ воспитательнымъ средствомъ для греческаго народа, такъ какъ она, соединяя въ себѣ всѣ поэтическіе элементы и всю нравственную силу народа во внѣшнемъ выраженіи, полнѣе всего олицетворяла тотъ идеалъ, который заключался въ одномъ словѣ «*Καλογαθία*».

Полнѣйшимъ, идеальнѣйшимъ завершеніемъ всего художественнаго образованія грека служила *философія*. Гимнастика и музыка съ поэзіей были только подготовкой къ этому высочайшему изъ всѣхъ искусствъ. Ихъ цѣлью было только—положить основаніе философскому мышленію, которому должно было предшествовать гармонизированіе и одухотвореніе всей индивидуальной жизни, укрѣпленіе и равномѣрное соглашеніе всѣхъ способностей души: чувства, воли и познанія. Кромѣ того къ философіи подготовляло еще изученіе математики, служившей къ упражненію и развитію мышленія. Такимъ образомъ, въ кругу собственно-художественнаго воспитанія она являлась уже наукой, но такой, спеціяльная цѣль которой—мѣра также входила въ общую цѣль греческаго воспитанія, для которой также работали и другія воспитательныя средства грековъ, какъ гимнастика, музыка и поэзія. Греки сознавали, что духъ нашъ, изучая мѣру въ ея взаимныхъ соотношеніяхъ, самъ усвоиваетъ за собой образъ того, чѣмъ онъ быть долженъ, и приходитъ къ соразмѣрности и самообладанію, къ гармоніи и свободѣ; что пройдя такую школу, духъ нашъ пріобрѣтаетъ мѣрило для познанія міра внѣшняго, для пониманія природы, которая также покоится на законѣ соразмѣрности. Познаніе законовъ этой соразмѣрности пробуждаетъ въ человѣкѣ чувство уваженія къ идеѣ вообще, раскрытіе которой составляетъ задачу философіи, у грековъ вовсе не отрѣшенной отъ жизни самаго народа. Стоитъ вспомнить только, что изрѣченія мудрости

исходили у грековъ отъ священныхъ оракуловъ, что оракулъ Аполлона самъ назвалъ имена семи мудрецовъ греческихъ, что совѣтъ амфиктіоновъ Греціи написалъ изрѣченіе «познаи самого себя» на храмѣ Аполлона въ Дельфахъ, что даже позднѣйшая философія Пиѳагора и Платона отразилась въ произведеніяхъ народной поэзіи грековъ; стоитъ вспомнить все это, чтобы убѣдиться, насколько воспитательна была для всѣхъ грековъ ихъ философія, душею которой было стремленіе къ усовершенствованію нравственной и государственной жизни народа.

Послѣднею, высшею цѣлью всего гимнастическаго и художественнаго воспитанія грековъ, кромѣ облагороженія личности вообще, было *нравственное* ея совершенство, отъ котораго зависѣло совершенство и всей политической жизни. Главную задачу для каждаго грека составляло желаніе—проявить собственную личность въ государствѣ, и тотъ, кто не принималъ дѣятельнаго участія въ жизни и развитіи государства, былъ въ его глазахъ человѣкомъ безнравственнымъ. Внѣ государства и гражданскихъ правъ стояли только рабы, существованіе которыхъ было, по тогдашнимъ понятіямъ, необходимо для того, чтобы доставить свободному человѣку время и досугъ посвящать себя общественной жизни. Самъ Аристотель утверждалъ необходимость рабства, опираясь на природное отличіе грековъ отъ варваровъ, и сознавая, что существованіе свободной греческой демократіи основано на сословіи рабовъ. Свободный человѣкъ, въ противоположность рабу, долженъ быть дѣятелемъ въ государствѣ, его представителемъ, и обязанъ былъ жертвовать собою для его интересовъ. Жизнь грека вращалась въ общественныхъ мѣстахъ — въ гимназіяхъ, въ судахъ, на рынкѣ; тамъ сглаживалось всякое различіе сословій; тамъ каждый имѣлъ случай встрѣтиться съ знатнѣйшими и образованнѣйшими людьми своего времени, слушать ихъ, поучаться у нихъ, но не уничтожая собственной личности, составлявшей неотъемлемую принадлежность каждаго истиннаго грека. Воздержность въ мирѣ, храбрость на войнѣ, участіе въ походахъ — вотъ высшіе мо-

менты нравственной жизни грека въ государствѣ. Греческій гражданинъ былъ убѣжденъ, что безъ самообладанія невозможно, немыслимо участіе всѣхъ въ государственной жизни, и что потому оно прежде всего необходимо для осуществленія государственной идеи. Сама война, кромѣ силы, ловкости, закала, пріобрѣтаемыхъ въ гимназіи, точно также опирается на самообладаніи, — а потому греческая храбрость состояла въ спокойной рѣшимости. Въ походахъ, въ этихъ праздничныхъ проявленіяхъ греческой жизни, вполнѣ раскрывалась сила и гармонія греческой натуры, какъ результатъ всего гимнастическо-художественнаго воспитанія, обнимавшаго и внѣшнія, и внутреннія способности человѣческой природы въ ихъ взаимной связи и противоположности, и доводившаго до высшихъ предѣловъ гармоническаго развитія: это и дало ему то идеальное значеніе въ педагогической теоріи, которое навсегда останется за нимъ. Но, тѣмъ не менѣе нельзя не признать, что эстетическая идея не исчерпываетъ всего содержанія человѣческаго духа: истинно-всестороннее воспитаніе также должно имѣть въ виду идею пользы и совершеннѣйшее примѣненіе нравственно-религіозной идеи, — тогда какъ для грека вся нравственность ограничивалась сферой политической, и кромѣ эстетическаго не было другаго, высшаго религіознаго воззрѣнія.

Героическій періодъ греческаго воспитанія.

Указавъ на общій характеръ греческаго воспитанія въ періодъ высшаго развитія греческой образованности, мы не должны забыть ту историческую послѣдовательность, съ которою выработывался этотъ воспитательный идеалъ, завѣщанный греками другимъ народамъ — преемникамъ. Такъ въ героическій періодъ Греціи, переживавшей еще время своей юности, воспитаніе было чисто практическимъ, и значительно одностороннимъ. Воспитывала и учила непосредственно сама жизнь; ребенка развивалъ почти одинъ собственный опытъ. Къ этому присоединялись: знаніе пра-

вилъ житейской мудрости, пѣніе и игра на струнахъ, довершавшія дѣло нравственнаго воспитанія. Обученіе состояло въ усвоеніи необходимыхъ техническихъ производствъ, въ заучиваніи наизусть и исполненіи общелюбимыхъ пѣсней греческаго народа. Къ этому присоединялись еще свѣдѣнія о цѣлебныхъ травахъ, и о простѣйшихъ правахъ и обязанностяхъ гражданской жизни. Преимущественное вниманіе обращалось на развитіе тѣлесныхъ силъ посредствомъ гимнастическихъ упражненій, выполненіе которыхъ предоставлялось самому юношеству. Миѳическій типъ стариннаго греческаго воспитателя можно видѣть въ Хиронѣ: говорятъ, что его обученіе обнимало: упражненія въ охотѣ и войнѣ, знаніе цѣлебныхъ травъ и способовъ леченія, пѣніе, игру на струнахъ, гаданье, ученіе о правѣ, религіозныя предписанія, и житейскія правила. Однако во всѣ эти науки посвящались одни знатные и благородные.

Греческіе законодатели позднѣйшаго времени сознавали вліяніе воспитанія и обученія на развитіе государства. Дорянинъ Ликургъ соединилъ поэтому тѣснѣйшимъ образомъ дѣло воспитанія съ организаціей всего государства; аѳинянинъ Солонъ въ своемъ законодательствѣ также не упустилъ изъ виду школу, постановивъ напр., чтобы школы никогда не открывались до восхожденія солнца и не закрывались до его захожденія; чтобы никто изъ взрослыхъ, подъ страхомъ смертной казни, не входилъ въ школьную комнату во время обученія и т. п. Благодаря этому вниманію законодательства, школы вскорѣ потомъ распространились по всей Греціи: въ нихъ не было недостатка даже въ деревняхъ; такъ по историческому свидѣтельству софистъ Протагоръ началъ свою учительскую карьеру въ одной деревнѣ. По Теофрасту (за 300 л. до Р. Х.) у всѣхъ греческихъ племенъ, исключая Спарты, воспитаніе было одинаково уважаемо. У митиленцевъ лишеніе дѣтей права учиться считалось наказаніемъ за отпаденіе отъ союза, такъ какъ они полагали, что невѣжество и необразованность есть самое тяжкое бѣдствіе. Однако разсказываютъ также, что когда Геро-

дотъ хотѣлъ основать въ Ѳивахъ школу, онъ былъ удержанъ отъ этого архонтами, вслѣдствіе ихъ ненависти къ образованію; о віотійскомъ же сфинксѣ Діогенъ выразился, что онъ есть ничто иное, какъ невѣжество, враждебное всякой наукѣ. Но, тѣмъ не менѣе извѣстно, что віотяне учили своихъ сыновей въ элементарныхъ школахъ, и такъ какъ послѣднія были крайне плохи, то знатнѣйшіе и благоразумнѣйшіе изъ родителей посылали своихъ дѣтей въ Аѳины для образованія. Элементарныя школы, въ которыхъ учили чтенію, письму и счету, по видимому, были вообще дурно устроены, и учителя, которыми, по Платону, не могли быть люди старше сорока лѣтъ,—дурно оплачиваемы. При высшемъ обученіи читали и учили на память поэтовъ; науку излагали философы и софисты, упражнявшіе юношество также въ ораторскомъ краснорѣчіи, и получавшіе относительно высокое вознагражденіе: такъ Аристиппъ получалъ 1000 драхмъ. По этой причинѣ бѣдные, но любознательные юноши, желавшіе получить высшее ученое образованіе, по ночамъ работали въ садахъ, на мельницахъ и т. п. въ качествѣ поденьщиковъ, чтобы имѣть возможность днемъ посѣщать школы философовъ. Доходы учителя вообще соразмѣрялись съ состояніемъ и количествомъ учениковъ. Опредѣленнаго жалованья имъ не полагалось, и платилось имъ, кажется, только за собственно-учебное время. Число учениковъ опредѣляется въ законодательствѣ Солона не свыше 60 человѣкъ: это, по крайней мѣрѣ, соблюдалось въ Астипалейской школѣ.

Древнѣйшія свѣдѣнія о воспитательномъ дѣлѣ грековъ съ достовѣрностью относятся къ о. Криту и Спартѣ. Въ Критѣ старались посредствомъ охоты, бѣганья, голода и т. п. средствъ пріучить юношество къ перенесенію военныхъ трудностей и лишеній. Мальчики обыкновенно участвовали при пирахъ взрослыхъ гражданъ, гдѣ старики разсказывали про геройскіе подвиги храбрѣйшихъ изъ предковъ, и гдѣ въ юношествѣ возбуждался жаръ къ подобнымъ же предпріятіямъ. Кромѣ того, они изучали законы мелодіи и гимны въ честь боговъ и отечествен-

ныхъ героевъ. По достиженіи 18-лѣтняго возраста юноши соединялись въ одно общество, вмѣстѣ ѣли и спали, вмѣстѣ упражнялись въ гимнастическихъ играхъ, въ стрѣляньи изъ лука, въ военныхъ танцахъ, давали небольшія примѣрныя битвы, при чемъ раздавались воинственные звуки лиры и флейты, а кулаки и деревянные или желѣзные аппараты служили оружіемъ. Подобныя воспитательныя средства были особенно въ ходу въ томъ государствѣ, которое было основано на той мысли, что каждый гражданинъ долженъ свои частные интересы безусловно и добровольно приносить въ жертву благу цѣлаго государства—въ Спартѣ.

Воспитаніе у спартанцевъ.

Здѣсь господство государства надъ каждымъ изъ его членовъ начиналось вмѣстѣ съ первымъ дыханіемъ ребенка. Спартанскій мальчикъ, который нерѣдко и рождался на щитѣ съ приложеннымъ къ нему копьемъ, при первомъ появленіи своемъ на свѣтъ привѣтствовался словами: «или со щитомъ, или на щитѣ!» Тотчасъ потомъ новорожденнаго купали въ винѣ, въ той увѣренности, что такую ванну могутъ выдержать только сильные и здоровые младенцы; болѣзненные же — должны умереть. Затѣмъ старѣйшины племени все-таки держали общій совѣтъ въ герусіи о томъ, жить или не жить младенцу. Здоровому и крѣпкому мальчику немедленно давалось право гражданства; больной же и хилый бросался въ Тайгетскую пропасть. Государство могло извлечь пользу только изъ здоровыхъ дѣтей, и потому только такихъ стоило труда воспитывать. До 7-лѣтняго возраста дитя принадлежало матери, которая обязана была воспитать его крѣпкимъ какъ тѣломъ, такъ и духомъ. Въ древности спартанская мать непремѣнно сама кормила свое дитя; со времени же персидскихъ войнъ въ знатныхъ домахъ уже встрѣчаются кормилицы и няньки, нанимаемыя изъ сословія періэковъ. Эти женщины въ Спартѣ отличались особеннымъ

усердіемъ и способностью къ воспитанію, и потому весьма цѣнились иноземными народами. Дитя не повивали пеленками, чтобы не стѣснять его членовъ, и черезъ то— не препятствовать его естественному росту. Къ колыбели ставили свѣтильникъ, чтобы дитя уже рано привыкало къ свѣту; пищи давали ему мало, и часто оставляли одного въ потемкахъ, съ цѣлью закалить его тѣло и предупредить робость. Отъ крика, по возможности, воздерживали дѣтей, такъ какъ спартанецъ вообще не долженъ былъ кричать и плакать.

На седьмомъ году законные сыновья гражданъ поручались эфорами особо приставленному къ нимъ воспитателю и руководителю—*педоному*, и подчинялись всѣмъ правиламъ публичнаго воспитанія, расходы на которое покрывались отчасти на счетъ всѣхъ свободныхъ гражданъ, отчасти доходами съ государственныхъ имуществъ и съ платившихъ подати періэковъ. Такимъ образомъ думали возбудить въ свободномъ по происхожденію юношествѣ чувство равенства, товарищества и преданности государству. Спартанское юношество воспитываемо было въ общихъ воспитательныхъ заведеніяхъ, съ особыми помѣщеніями для гимнастики, музыки, спанья. Въ подобныхъ заведеніяхъ вмѣщалось по крайней мѣрѣ до 8 или 9 тысячъ питомцевъ, и только наслѣдникъ престола исключался изъ этого правила, тогда какъ прочіе царскіе сыновья подчинялись ему наравнѣ съ другими. Сыновья людей, неимѣвшихъ полнаго гражданства, допускались въ такія заведенія лишь въ особенныхъ случаяхъ, напр. за особенныя доблести и военныя заслуги ихъ родителей; а сыновья иностранцевъ,—если они навсегда оставались въ Спартѣ. Но за то ни одинъ спартанецъ не могъ быть воспитываемъ въ чужомъ государствѣ. Принятые государствомъ на воспитаніе мальчики распредѣлялись по разнымъ отдѣленіямъ (ἴλη), изъ которыхъ нѣсколько вмѣстѣ составляли одинъ отрядъ (βοῦη). Старшіе и лучшіе мальчики назначались въ руководители младшихъ и слабѣйшихъ, особенно въ гимнастикѣ, и стояли во главѣ отдѣленій и отрядовъ въ качествѣ иларховъ и вуагоровъ.

Эти старшіе были отвѣтственны только предъ педономомъ, который, съ своей стороны, никому не отдавалъ отчета, наказывалъ мальчиковъ за нарушеніе закона на самомъ мѣстѣ преступленія и опредѣлялъ, чему именно они должны учиться, напр. — басни, разсказы и т. п.

При распредѣленіи питомцевъ на различные группы и классы имѣлся въ виду главнымъ образомъ возрастъ. Такъ до вступленія въ юношескій возрастъ они дѣлились на три класса: отъ 7 до 12, отъ 12—15 и отъ 15—18 лѣтъ. Начиная съ юношескаго возраста до мужества, т. е. до 30-лѣтняго возраста, надо было также проходить по крайней мѣрѣ черезъ три класса. Тотчасъ по вступленіи въ заведеніе мальчикамъ коротко стригли волосы. Постель ихъ состояла просто изъ сѣна или соломы, даже безъ одѣяла, а съ 15 лѣтъ—изъ камыша, который они должны были сами, безъ помощи ножа, собирать по берегамъ Курота. Какъ лѣтомъ, такъ и зимой, они ходили безъ обуви и въ легкой простой одеждѣ изъ шерсти; а въ юношескомъ возрастѣ—безъ нижняго платья, въ плащѣ, состоявшемъ изъ четыреугольнаго небольшаго куска холста, который накидывался на лѣвое плечо, потомъ отъ спины шелъ подъ правое плечо, и опять закидывался на лѣвое. Съ цѣлью пріучить питомцевъ къ перенесенію голода, напр. въ военное время, пища давалась имъ самая скудная и грубо приготовленная; а чтобы приспособить ихъ къ умѣнью перехитрить непріятеля и найтись въ случаѣ нужды, имъ дозволялось красть себѣ необходимое къ жизни, но съ условіемъ—не попадаться при этомъ. Поймавшій мальчика на подобномъ воровствѣ въ домѣ или въ полѣ обязанъ былъ наказать его, или довести объ этомъ до свѣдѣнія педонома, который въ такомъ случаѣ поручалъ сопровождавшимъ его мастигофорамъ (розгоносцамъ) высѣчь виновнаго. Главною же цѣлью было—пристыдить мальчика въ томъ, что онъ былъ недостачно хитеръ и остороженъ; стыдъ отъ уличенія былъ сильнѣе, чѣмъ отъ ударовъ, такъ какъ на нихъ смотрѣли только какъ на средство къ закалу и къ пріученію выносить боль. На этомъ же основаніи мальчики подвер-

гались испытанію бичеваньемъ, и на ежегодныхъ праздникахъ Артемиды Орѳійской юношество сѣкли до крови. При этомъ присутствовали сами родители и увѣщевали своихъ дѣтей быть твердыми и мужественными,—и послѣднія бодро и весело, безъ крика боли, выносили удары; за то иные, правда, падали мертвыми подъ взмахами мастигофоровъ, но—не издавъ ни единаго звука.

Подъ руководствомъ иларховъ и вуагоровъ, и подъ наблюденіемъ педонома, мальчики проходили гимнастическій курсъ. Гимнастическія упражненія стояли въ Спартѣ на первомъ планѣ, какъ главное образовательное средство. Доряне уважали ихъ съ незапамятныхъ временъ, и Ликургъ, одинъ изъ основателей олимпійскихъ игръ, установилъ гимнастику закономъ. Она не имѣла задачей образовать атлетовъ, но посредствомъ всесторонняго развитія тѣла придать ему гибкость и красоту. Преобладающая у спартанцевъ точка зрѣнія на это опредѣлялась военными потребностями, для которыхъ гимнастика была вполнѣ цѣлесообразна. Упражненія въ Спартѣ происходили въ особыхъ гимнастическихъ заведеніяхъ по утрамъ—до обѣда и по вечерамъ—до ужина; а послѣ того, какъ у Орсиппа упалъ при бѣганьи поясъ,—въ нагомъ видѣ, до тѣхъ поръ, пока не задолго до времени Платона стало считаться неприличнымъ, и даже смѣшнымъ, видѣть мужчинъ обнаженными. Упражненія эти состояли главнымъ образомъ: въ бѣганьи, прыганьи, фехтованьи, конной ѣздѣ, плаваньи, мѣтаньи вверхъ и вдаль, и въ охотѣ. У младшихъ мальчиковъ къ упражненію въ бѣганьи присоединяли также прыганье; кромѣ того игра въ мячикъ должна была содѣйствовать укрѣпленію рукъ. Въ старшихъ классахъ уже шли военныя эволюціи, единоборство, мѣтаніе диска и копья. Кулачный бой и панкратическая борьба исключались изъ гимнастическаго курса, отчасти потому, чтобы не подвергать опасности жизнь спартанскаго гражданина, которому въ подобномъ упражненіи угрожала ежеминутная опасность, отчасти—чтобы щадить красоту формъ, которая могла быть обезображена въ кулачномъ бою или въ общей схваткѣ. Рядомъ съ гимна-

стическими упражненіями шли орхестическія. Главнѣйшими видами танца, употреблявшимися въ Спартѣ, были военные. Сперва мальчики учились ходить подъ тактъ китары и духовыхъ инструментовъ, и вскорѣ затѣмъ начиналось обученіе военному танцу—пиррихію, который былъ перенесенъ Ѳалесомъ изъ Крета въ Спарту, и который представлялъ собой всевозможныя движенія при уклоненіи отъ натиска и ударовъ врага, или при нападеніи на него, прыжки въ сторону, отступленіе, наклоненіе къ землѣ и выскакиваніе изъ засады. Пиррихій исполнялся также въ вооруженіи и массами: тогда движенія при нападеніи или оборонѣ исполнялись всей массой подъ музыкальной ритмъ. Кромѣ этого военнаго танца не было также недостатка въ хоровыхъ, служившихъ культу, изображавшихъ мистическіе обряды и вообще выражавшихъ религіозное настроеніе души. Дѣвушки ежегодно исполняли каріатическій танецъ въ честь Діаны; въ нѣкоторыхъ танцахъ участвовали также мальчики и дѣвочки вмѣстѣ, и дѣлали разные своеобразные прыжки и повороты.

Духовное образованіе достигалось въ Спартѣ существенно и исключительно посредствомъ музыки. Она должна была возжечь въ душѣ храбрость и любовь къ отечеству, и предохранить отъ всякаго развращенія. Существованіе богослужебныхъ гимновъ и приличныхъ имъ мелодій доказываетъ, что она служила также къ прославленію божества. Мальчики и юноши учились, кромѣ того, употребленію китары и пѣнію хоромъ или въ одиночку. Одобренные эфорами хоралы въ мужественномъ дорическомъ вкусѣ должны были (по замѣчанію Дункера) насадить въ сердцахъ молодыхъ людей сѣмена нравственности спартанской, мужество и дисциплину, благородную. гордость, презрѣніе ко всему низкому и рабскому, истинную скромность и вмѣстѣ честолюбивое стремленіе къ доблести. Юноши заучивали и пѣли также Ликурговы законы, положенные Терпандеромъ на музыку. Вообще спартанцы старались сохранить за музыкой ея достоинство, сообразность и силу. Когда однажды, послѣ персидскихъ войнъ, пришелъ въ Спарту лесбійскій му-

зыкантъ Фриній съ новой девятиструнной китарой, эфоръ счелъ долгомъ отрѣзать у нея двѣ струны. Точно также и отъ ученика его Тимоѳея Милетскаго отобрана была спартанскими эфорами его одиннадцатиструнная китара, и вывѣшена въ музыкальномъ заведеніи на рынкѣ: до того строго держались спартанцы дорическаго мызыкальнаго стиля и семиструнной китары Терпандера.

Чтеніе и письмо не входили въ систему спартанскаго воспитанія, хотя и не было никому запрещено имъ учиться. Грамматическое обученіе, во всякомъ случаѣ, существовало въ Спартѣ, и книгой для чтенія служили, вѣроятно, гомеровскія пѣсни. Другія же учебные предметы и науки, за исключеніемъ умственнаго счисленія, необходимаго въ видахъ практической жизни, вовсе не были допущены, и если со времени Пелопонезской войны встрѣчаются грамматисты и риторы; — то, съ другой стороны, сохранилось преданіе, вѣрное или нѣтъ, но во всякомъ случаѣ весьма характеристическое, что Кефизофъ былъ изгнанъ изъ города только за то, что увѣрялъ народъ, будто можетъ цѣлый день говорить о любомъ предметѣ. Ораторское искусство вовсе было отвергнуто въ Спартѣ. Трегедіи и комедіи были также запрещены. Наука и всякая ученая дѣятельность не пользовались уваженіемъ. Практическое направленіе ума, искусство кратко и ясно выражать свои мысли, способность быстро схватывать сущность каждой вещи, умѣнье прямо и скоро достигать цѣли, прибѣгая къ хитрости и лукавству, гдѣ они нужны — вотъ къ чему стремилось военное воспитаніе спартанцевъ. Въ этомъ духѣ должны были опытные мужи вести юношество, объясняя ему, какъ надо понимать вещи, какъ ими пользоваться, и предлагая ему вопросы для краткихъ и быстрыхъ отвѣтовъ, и въ наше время извѣстныхъ подъ именемъ «лаконическихъ». Въ подобномъ же духѣ и каждый покровитель долженъ былъ воспитывать своего любимца, самъ служа ему примѣромъ во всемъ.

Вообще любовь къ отрокамъ (педофилія) считалась въ Спартѣ главнымъ воспитательнымъ средствомъ. Ксенофонтъ говоритъ, что законодатель считаетъ поэтому

наилучшимъ такое воспитаніе, которое проникнуто чистою любовью, когда доблестный мужъ любитъ въ мальчикѣ именно его душу, и бываетъ связанъ съ нимъ безпорочной дружбой; влеченіе же къ тѣлесной красотѣ мальчика законодатель объявляетъ постыднымъ и желаетъ, чтобы такіе покровители въ Лакедемонѣ были не менѣе воздержны въ отношеніи къ мальчикамъ, какъ родители къ дѣтямъ или братья къ братьямъ. Подобныя отношенія между взрослыми и мальчиками въ Спартѣ, гдѣ воспитаніе такъ рано выходило изъ семейной сферы, должны были вознаградить недостатокъ родительскаго вліянія на дѣтей. Законъ дозволялъ опекуну стоять какъ можно ближе къ своему любимцу, обнаруживать предъ нимъ знаки самаго искренняго участія; но и мальчикъ, съ своей стороны, по словамъ Эліана, не долженъ былъ оставаться ровнодушнымъ ко всему этому. Въ случаѣ нарушенія подобныхъ отношеній, послѣдняго ожидалъ стыдъ, перваго же — безчестіе, наказаніе и даже смерть. Къ столь искусственнымъ средствамъ всегда приходитъ воспитаніе, когда оно уклоняется отъ своей нормальной, самой природой опредѣленной ему сферы — семейства! Его воспитательной силы не можетъ замѣнить для дѣтей никакая иная сила, и всѣ попытки и предупрежденія самого законодательства въ большинствѣ случаевъ оказываются тщетными.... По достиженіи 18-лѣтняго возраста юноши были помѣщаемы уже отдѣльно отъ мальчиковъ. Теперь они уже могли отпускать волосы и бороду, и учились преимущественно владѣть оружіемъ, устраивая примѣрныя битвы. Отъ 20 лѣтъ, когда они вступали уже въ совершенный юношескій возрастъ и назывались «киренами», и до 30 лѣтъ включительно, они жили въ отдѣльныхъ казармахъ, гдѣ состояли подъ надзоромъ пяти помощниковъ педонома (по одному на каждую часть города), и продолжали предписанныя тѣлесныя упражненія, между которыми игра въ мячикъ также занимала важное мѣсто. Отличнѣйшіе юноши принимались въ особенный трехсотенный отрядъ всадниковъ, состоявшій въ мирное время въ ра-

споряженіи эфоровъ, а въ военное время, раздѣленный на сотни, сопровождавшій государей.

Все, чему училось юношество по гимнастикѣ и музыкѣ, было примѣняемо къ отправлнію извѣстныхъ праздниковъ, предъ лицомъ всего народа. Такъ ежегодно на островѣ Платанистѣ, образуемомъ двумя потоками и покрытомъ тѣнистыми платановыми деревьями, юноши 18 — 20-лѣтняго возраста давали битву. Въ августѣ, во время карнейскаго праздника въ честь Аполлона, все юношество показывало свое гимнастическое, орхестическое и музыкальное искусство, какъ результатъ всего образованія. На особомъ мѣстѣ городской площади молодые люди устраивали танцы въ честь Аполлона; здѣсь же звучали хоралы Ѳалета и Алкмана; здѣсь же, предъ глазами царей и всѣхъ властей Спарты, исполнялись юношествомъ гимнастическія игры. При подобныхъ праздничныхъ случаяхъ хоръ старцевъ пѣлъ: «И мы были когда-то полными силы мужами!» На это отвѣчалъ имъ хоръ мужей: «Таковы мы теперь, испытай, если хочешь!» — «Мы далеко превзойдемъ васъ мужествомъ!»—возражалъ имъ тогда хоръ отроковъ. Воспитаніе въ Спартѣ вообще было открытое, общественное. Каждый взрослый почитался какъ-бы учителемъ мальчика; каждый юноша долженъ былъ уважать въ мужѣ и старцѣ своего учителя. Мужъ и старецъ имѣли не только право, но и обязанность замѣтить юношѣ или мальчику его проступокъ, и даже наказать его тростью на самомъ мѣстѣ преступленія—будь то на улицѣ или въ гимназіи. Мальчикъ или юноша, оказавшій сопротивленіе наставленію старшаго, получалъ выговоръ и удвоенное наказаніе. Вообще старшинство возраста пользовалось безпримѣрнымъ въ исторіи уваженіемъ. Младшій въ отношеніи къ старшему былъ нравственно обязанъ послушаніемъ, подражаніемъ, и почтеніемъ. Онъ долженъ былъ непремѣнно стоять передъ нимъ, и на улицѣ уступать ему дорогу. «Только въ Спартѣ пріятно старѣться!» — могъ по справедливости воскликнуть одинъ иностранецъ, видѣвшій эту почтительность юношей передъ старшими. «Другіе греки только

знаютъ о приличіи: одни спартанцы выполняютъ его» — сказалъ одинъ старецъ, который въ Олимпіи и въ Аѳинахъ ни отъ кого не встрѣтилъ почтенія, и даже многими былъ осмѣянъ, и предъ сѣдинами котораго всѣ почтительно вставали въ Спартѣ. Надо, впрочемъ, признать, что желѣзный скипетръ управлялъ спартанскимъ юношествомъ, начиная отъ 7—и до 30 лѣтняго возраста. Тѣлесное наказаніе было господствующимъ, и каждый мальчикъ, каждый юноша дрожалъ предъ тростью каждаго спартанскаго гражданина, и ежечастно ждалъ воспитательнаго наказанія то отъ педонома, который со своими розгоносцами обходилъ городскія улицы и кружки молодежи, то отъ его помощниковъ—«видіеевъ». Кромѣ того эфоры чрезъ каждые десять дней дѣлали смотръ юношеству, повѣряя, согласны ли съ предписаніями закона: платье, спальни и другія помѣщенія, соотвѣтствуетъ-ли видъ и ростъ мальчиковъ—ихъ должному развитію, и не надо-ли подвергнуть бичеванію того, кто растолстѣлъ такъ, что вышелъ изъ опредѣленной мѣры. За каждый проступокъ, за каждую неисправность мальчика слѣдовали трости и бичеванья, ибо спартанцы полагали, что одинъ страхъ создаетъ доблестныхъ гражданъ.

Воспитаніе спартанской женщины.

Женское воспитаніе въ Спартѣ, подобно мужскому, было также общественное. Чтобы сдѣлать дѣвушекъ способными и пригодными къ рожденію хорошихъ дѣтей,—что и считалось главнѣйшимъ призваніемъ благородныхъ женщинъ,—въ государственныхъ интересахъ дѣвушкамъ также предписывался гимнастическій курсъ. Онѣ упражнялись на особо устроенныхъ для этого плацахъ, раздѣленныя на различные классы, смотря по различію возрастовъ. Такими упражненіями были: скаканье, бѣганье на пяткахъ, борьба, прыганье, мѣтанье копья или диска. Подобно мальчикамъ, онѣ также носили шерстяную легкую одежду, хотя нѣсколько длиннѣе; но при упражненіяхъ

въ гимнастикѣ платье подымалось до бедра, почему поэты и придавали имъ эпитетъ «бедрообнаженныхъ». Кромѣ того онѣ учились многимъ музыкальнымъ мелодіямъ. Въ извѣстные праздники юноши и дѣвушки исполняли хорические танцы и вмѣстѣ пѣли хоралы. Дѣвушки являлись съ открытымъ лицомъ и полуобнаженными не только на гимнастическомъ плацѣ или при публичныхъ процессіяхъ, но также и на рынкѣ, и часто даже въ сопровожденіи юношей. Такъ росли онѣ среди укрѣпляющихъ здоровье занятій, бодрыми и сильными, постоянно на солнцѣ и на чистомъ воздухѣ, живя болѣе подъ открытымъ небомъ, чѣмъ подъ душной кровлей, такъ что у Аристофана одна аѳинянка, увидя спартанку, дѣйствительно могла воскликнуть: «Какъ ты прекрасна, какъ цвѣтуща твоя кожа, какъ волнисто твое тѣло, какая у тебя грудь! ты могла бы укротить вола!» Не смотря на эту мужественность развитія, спартанки были преданными супругами, но—плохими хозяйками. Онѣ не были мастерицами искусно прясть и ткать, — что предоставлялось рабынямъ; — за то онѣ умѣли управлять домомъ, и, сознавая себя членами государства, могли смѣло и свободно разсуждать съ мужами о всѣхъ общественныхъ дѣлахъ. Одѣваясь въ простыя, не роскошныя платья, и послѣ замужества выходя изъ дому не иначе, какъ подъ покрываломъ, онѣ были проникнуты пониманіемъ государственныхъ потребностей, и оказывали сильное, глубокое вліяніе на своихъ сыновей и супруговъ. Ихъ мнѣнія уважали, ихъ порицанія боялись, ихъ похвалы ревниво искали мужчины. Мысль о своей супругѣ воодушевляла мужа, воспоминаніе о матери возбуждало сына ко всему, что было возвышенно для спартанца. Спарта не мало произвела также женщинъ-героевъ, которыя въ храмахъ даже благодарили боговъ, когда ихъ мужья и сыны съ честью умирали въ битвѣ за отечество. Бывали примѣры, что мать собственной рукой убивала сына, если онъ, какъ трусъ, оставлялъ битву. Супруга Леонида—Горго, вручая своему сыну щитъ передъ битвой, сказала вошедшія въ поговорку слова: «Или съ нимъ, или на немъ!»—Въ одномъ мѣстѣ Плутархъ говоритъ: «Когда

хорошъ корень, выростетъ и плодъ хорошій» и затѣмъ задаетъ вопросъ: «Почему и у людей также нельзя цѣнить достоинство породы, какъ у собакъ и лошадей?»

Таково своеобразное, достойное удивленія воспитаніе въ Лакедемонѣ, и вообще у дорическаго племени: оно абсолютно, тираннически подавляетъ личность, и вмѣстѣ предоставляетъ ей ту свободу, какъ понимали ее греки; оно требуетъ безусловнаго подчиненія личной воли—опредѣленной закономъ воли общей. Предъ свободой цѣлаго народа исчезала свобода личная, или, лучше сказать, въ общей свободѣ находила свою свободу и каждая отдѣльная личность. Самый городъ Спарта не былъ обнесенъ стѣнами: ихъ замѣняли мужество и воинственный духъ его жителей. Какъ средневѣковый рыцарь,—говоритъ Шлоссеръ — проникался возвышенными чувствами подъ вліяніемъ религіи, обрядовъ и поэзіи; такъ и спартанецъ вдохновлялся немногими переданными ему свѣдѣніями и запечатлѣнными въ памяти твореніями могучей народной поэзіи. Кругъ его мыслей былъ тѣсенъ; но въ этомъ тѣсномъ кругу душа, удаленная воспитаніемъ и привычкой отъ всякой пошлости и разврата, сохраняла все свое первобытное благородство, пока, наконецъ, и въ Спартѣ долго державшіеся нравы не уступили дѣйствію всеуничтожающаго времени. Просвѣтляющимъ элементомъ спартанской жизни являлись искусства, поэзія, музыка и періодическія національныя торжества, гдѣ, подъ защитой родныхъ божествъ, собирался для поклоненія имъ весь народъ, властители и подвластные, всѣ—кромѣ бѣдняковъ илотовъ. Сознаніе своей силы и превосходства надъ другими народами, мысль, что властители Спарты, эти почтенные старцы, выбраны изъ ихъ же народной среды—наполняла всѣхъ спартанцевъ одинакой гордостью, одинаковымъ презрѣніемъ ко всѣмъ низкимъ цѣлямъ и занятіямъ, ко всякой пошлости и трусости, и тѣмъ благороднымъ духомъ, который долго держался въ нихъ, пока искушенія не сдѣлались чаще, а всѣмъ намъ врожденная чувственность не взяла верхъ надъ добрыми старыми обычаями и закономъ.

Воспитаніе у аѳинянъ.

У аѳинянъ, въ противоположность Спартѣ, въ воспитаніи преобладала индивидуальная сторона. Здѣсь уже является народъ, проникнутый уваженіемъ къ утонченнымъ нравамъ и къ искусству, одаренный интеллектуальнымъ богатствомъ и чувствомъ личнаго достоинства. Къ развитію всего этого и стремилось аѳинское воспитаніе.

Первоначальныя заботы о новорожденномъ дитяти лежали на матери, кормилицѣ и нянькѣ. Въ цвѣтущее время Аѳинскаго государства содержаніе кормилицъ было всеобщимъ обыкновеніемъ. Свободной гражданкѣ запрещалось закономъ отдаваться такому неприличному занятію, какъ первоначальное воспитаніе младенца, а потому оно по обычаю поручалось рабынямъ, которыя, однако, будучи призваны къ такому дѣлу, считались какъ бы свободными членами благороднаго семейства. Знатные и богатые аѳиняне охотнѣе всего брали кормилицъ изъ Спарты, желая доставить своимъ дѣтямъ здоровую и питательную пищу. Дѣтской колыбелью служили простыя корыта или висячія корзины. Когда кормилицѣ оканчивался срокъ, обыкновенно черезъ годъ или полтора года, къ ребенку приставлялась особая нянька и воспитательница, по большей части старушка. Она уже заботилась о дѣтской пищѣ, которая приготовлялась изъ меду и подобныхъ нѣжныхъ и сладкихъ веществъ; она же выносила дитя на воздухъ, и сопровождала съ нимъ мать при разныхъ посѣщеніяхъ и во время особыхъ торжественныхъ случаевъ. Кромѣ того ребенка старались подвергать вліянію луннаго свѣта, чтобы привлечь на него милость божества; надѣляли его разными амулетами для предохраненія отъ злыхъ чаръ, и освящали разными таинственными мистеріями, особенно въ бѣднѣйшихъ семействахъ. Чтобы дитя заснуло, его укачивали подъ разныя колыбельныя пѣсни; одна изъ такихъ пѣсенъ, которую пѣли близнецамъ Гираклу и Ификлу, сохранилась у Ѳеокрита:

«Сладко спите, дѣтки мои, спите спокойно до пробужденья!
Спите, душки мои, родные братцы, славныя дѣтки!
Спите въ сладкомъ покоѣ, весело утромъ проснитесь» и проч.

При этомъ для усыпленія дѣтей были также въ ходу изобрѣтенныя пиѳагорейцемъ Архитомъ дѣтскія гремушки, или же мячики, сказки и разсказы о циклопахъ и т. п. Первыя попытки ходить предоставлялись самому ребенку, при чемъ только вблизи наблюдали за нимъ. По мѣрѣ роста ребенка—и игры его становились сложнѣе и осмысленнѣе. Гремушки замѣняла уже лошадка; сюда присоединялась еще игра въ кубики и въ волчекъ дóма или на открытомъ воздухѣ. Нѣсколько лѣтъ спустя наступало время игры въ черепки, состоявшей въ томъ, что небольшіе, плоскіе камешки дѣти бросали по поверхности воды и считали ихъ прыжки; къ этому же періоду обыкновенно относились игры въ «слѣпую коровку», въ веревочку съ узломъ, въ обручъ, мячикъ и т. под. Дѣти съ раннихъ лѣтъ уже носили обувь. Ихъ волосы завивались въ красивые локоны и закалывались по верхъ головы дорогимъ гребнемъ. Все это зависѣло, конечно, отъ желанія родителей, отъ тона и обычаевъ дома, которые, въ свою очередь, опредѣлялись характеромъ и строемъ общественной жизни всего народа. Относительно дѣвушекъ рано заботились о стройности ихъ тѣла, чему служилъ корсетъ; при томъ же аѳиняне вообще не любили въ женщинѣ широкихъ плечъ и слишкомъ высокой груди.

Съ семилѣтнимъ возрастомъ оканчивался собственно періодъ игры. Мальчики и дѣвочки съ этого времени принимались въ число гражданъ. Отецъ утверждалъ клятвой предъ извѣстными властями, что онъ прижилъ свое дитя въ законномъ бракѣ съ извѣстной гражданкой, и имя новаго члена общества въ удостовѣреніе этого заносилось въ списокъ «бѣлой табели». Теперь мѣсто няньки уже заступалъ *педагогъ*, руководитель мальчика; за исключеніемъ немногихъ случаевъ онъ не занимался его обученіемъ, но только нравственнымъ надзоромъ за нимъ дома и внѣ дома. Обязанностью педагога было—всюду сопровождать своего питомца, внимательно наблюдать за всѣми его по-

ступками и поведеніемъ, и отводить его къ учителямъ грамматистамъ и педотрибамъ. Такая обязанность обыкновенно поручалась даже рабу, если онъ былъ къ тому способенъ, а иногда не смотря на его грубость и необразованность, или если онъ по старости или слабости былъ неспособенъ ни къ какимъ другимъ обязанностямъ. Слѣдствіемъ этого естественно было то, что благородный мальчикъ мало уважалъ подобнаго педагога, и часто даже портился чрезъ это въ своемъ характерѣ, нравственности и вообще привычкахъ.

Какимъ именно наукамъ долженъ былъ обучаться мальчикъ, — это совершенно предоставлялось волѣ отца. Законъ обязывалъ его только учить сына гимнастикѣ и музыкѣ. Воспитаніе и обученіе были частнымъ дѣломъ, но сама жизнь аѳинянъ придавала имъ общественный характеръ: «семья воспитывала мальчика для государства, а государство для семьи», такъ что обѣ эти стороны уравновѣшивались. Обученіе было по преимуществу частнымъ, равно какъ и всѣ учебныя заведенія были результатомъ частной предпріимчивости. Однако, тѣмъ не менѣе они подлежали не только извѣстному нравственному контролю, но во многихъ отношеніяхъ также и надзору государства въ лицѣ надлежащихъ властей. Сама природа аѳинскаго народа была, впрочемъ, такова, что каждый ревностно стремился усвоить за собой и своими близкими главнѣйшія черты своей народной образованности. Легче всего было достигнуть этого, по замѣчанію Платона, людямъ богатымъ, такъ какъ они имѣли возможность рано начинать обученіе своихъ дѣтей. Дѣти низшихъ классовъ народа должны были прежде всего удовлетворять своимъ трудомъ необходимымъ жизненнымъ потребностямъ, и такъ какъ для ремесленныхъ и промышленныхъ занятій болѣе важна техническая сторона, чѣмъ ученое образованіе, то большинство народа оставалось при скудныхъ познаніяхъ. Элементарный учитель, съ его крѣпкой тростью, не шелъ съ бѣдными дѣтьми далѣе складовъ и плохаго чтенія. Кто хотѣлъ считаться настоящимъ свободнымъ человѣкомъ, благороднымъ, тотъ обязанъ былъ

проходить гимнастическій курсъ у педотриба (учителя гимнастики) въ палестрѣ, общій музыкальный курсъ у китариста и учебный — у грамматиста (элементарнаго учителя).

Художественный, или музійскій курсъ въ собственномъ смыслѣ, распадался на литературный и на музыкальный. Въ первомъ дѣти учились у грамматиста, сидя на расположенныхъ ступенями скамьяхъ, и упражняясь въ чтеніи, письмѣ и счетѣ. Чтеніе начиналось заучиваніемъ и сочетаніемъ заученныхъ буквъ, потомъ переходило къ складыванію простыхъ и, наконецъ, многосложныхъ словъ. «Учась грамматикѣ—разсказываетъ Діонисій Галикарнасскій—мы запоминаемъ сперва названіе буквъ, потомъ ихъ форму и начертаніе; далѣе идутъ слоги, слова, части рѣчи и ихъ измѣненія, какъ напр. склоненіе, число, словопроизведеніе, удареніе, положеніе словъ въ рѣчи. Послѣ этого уже мы начинаемъ читать и писать, сперва по складамъ и медленно, пока не пріобрѣтется должный навыкъ, а потомъ слитно и сообразно теченію мысли. Когда ученикъ умѣетъ читать, онъ приступаетъ къ упражненію въ изящномъ чтеніи, соблюдая долготу и краткость слоговъ, удареніе, повышеніе и пониженіе голоса, съ сохраненіемъ мелодіи и ритма, выразительно». Книгой для чтенія обыкновенно служилъ Гомеръ; потомъ переходили къ Гезіоду, Ѳеогнису, Фоцилиду и Солону; читали Эзоповы басни и вообще такія стихотворенія, въ которыхъ—какъ говоритъ Протагоръ у Платона—заключается много наставленій и указаній, которыя прославляютъ доблестныхъ мужей, чтобы мальчики учились удивляться имъ и стремились къ подраженію ихъ примѣру. Уже рано было положено начало сборникамъ образцовыхъ поэтическихъ произведеній, необходимыхъ при обученіи, или такъ называемымъ христоматіямъ и антологіямъ. Лучшія произведенія, особенно Гомера, Гезіода и Ѳеогниса, служили къ упражненію въ свободной, изустной декламаціи, чрезъ что съ одной стороны укрѣплялась память и развивалась воспріимчивость, съ другой стороны глубоко запечатлѣвались въ душѣ возвышенные

образы прошедшаго и здравыя начала нравственности и гражданской доблести. Обычай присоединять къ изученію классиковъ также грамматическія объясненія законовъ языка появился, вѣроятно, только со временъ софистовъ. Для письма съ давнишнихъ временъ служили натертыя воскомъ дощечки и стиль (грифель), а потомъ уже и чернила. Мальчикамъ, еще не умѣвшимъ писать, сперва линовали, и дѣлали пропись, которую они и срисовывали черту за чертой. Чтеніе и письмо были довольно распространены у аѳинянъ; за то ариѳметика, по видимому, оставалась незнакомой многимъ, даже изъ наиболѣе образованныхъ. Обученіе ариѳметикѣ слѣдовало за умѣньемъ предварительно считать по пальцамъ, важнымъ въ обыденной жизни.

Музыкальный курсъ, имѣвшій въ виду облагороженіе нрава, и выполнявшійся у аѳинянъ съ большою строгостью, долженъ былъ научить юношество владѣть музыкальными инструментами, а именно—лирой и китарой. Нѣкоторое время преподавалась также и игра на флейтѣ; но Плутархъ разсказываетъ, что Алкивіадъ отказался играть на флейтѣ, отчасти потому, что она искажаетъ естественныя формы лица, отчасти потому, что играющій на ней не можетъ ни говорить, ни пѣть; такимъ образомъ Алкивіадъ и въ другихъ вызвалъ отвращеніе къ этому инструменту, который впослѣдствіи впалъ въ общее презрѣніе. Занимаясь музыкой, мальчики изучали также законы стихосложенія, ритмики и мелодики; все это пріучало ихъ слухъ къ чувству соразмѣрности, и вообще такъ настраивало ихъ духъ, что вся ихъ рѣчь становилась ритмическою и гармоническою. При этомъ выучивалось наизусть также множество пѣсней и пріобрѣтался навыкъ исполнять цѣлыя народныя драмы и застольныя пѣсни, заключавшія въ себѣ, по словамъ Бернгарди, простыя, но сильныя чувства и возвышенныя изрѣченія, патріотическое одушевленіе и жизненную мудрость. Въ музыкѣ предпочитался дорическій стиль, такъ какъ онъ, говоритъ Якобсъ, наилучшимъ образомъ выражалъ важное спокойствіе, и носилъ на себѣ преимущественный ха-

рактеръ силы и мужества. При обученіи китаристъ сперва прочитывалъ дѣтямъ простыя пѣсни, которыя онѣ должны были запомнить и пересказать наизустъ; а затѣмъ показывалъ ихъ напѣвъ и хоровое исполненіе. Одною изъ первыхъ изучаемыхъ дѣтьми пѣсень была слѣдующая: «Паллада, грозная разрушительница городовъ, богиня, возбуждающая бранный шумъ, величественная, страшная врагамъ дочь Зевса, тебя призываю я, укротительница коней, благороднѣйшая дѣва!» Аѳиняне вовсе не думали сдѣлать изъ мальчиковъ виртуозовъ въ пѣніи или въ игрѣ на китарѣ; но—лишь на столько развить въ нихъ музыкальный навыкъ, чтобы впослѣдствіи каждый юноша или взрослый мужъ могъ принимать участіе въ хорахъ, застольныхъ пѣсняхъ и т. п. Далѣе этого не шло обученіе у китариста.

Когда организмъ мальчика достаточно укрѣплялся и мускулы пріобрѣтали довольно упругости, приблизительно на восьмомъ году жизни, начинались гимнастическія упражненія у педотриба, для которыхъ легкія игры въ родительскомъ домѣ служили мальчику нѣкоторой подготовкой. Обязанность педотриба состояла собственно въ передачѣ ему отдѣльныхъ упражненій. Нравственный надзоръ лежалъ на софронистѣ; алейпты наблюдали за діэтетическимъ ходомъ дѣла и натирали сами или смотрѣли за натираніемъ тѣла масломъ у гимнастирующихъ мальчиковъ. Самыя упражненія, имѣвшія у аѳинянъ цѣлью — сообщить тѣлу стройность и сдѣлать его совершеннымъ выраженіемъ прекрасной души, производились въ палестрахъ или въ гимназіяхъ: первыя назначались именно для мальчиковъ, послѣднія—для взрослыхъ юношей и мужей. Гимнастическія школы были многочисленны и содержались отчасти на общественный счетъ. Въ упражненіяхъ строго соблюдался постепенный переходъ отъ легчайшаго къ труднѣйшему, и имѣлось въ виду всестороннее развитіе тѣла соотвѣтственно каждому возрасту. Мальчики обыкновенно раздѣлялись на два или на три отдѣленія, изъ которыхъ каждое проходило всѣ многоразличныя упражненія, доступныя возрасту; отдѣленія сое-

динялись вмѣстѣ только на празднествахъ, особенно въ честь Гермеса. Въ курсѣ сначала шли веселыя игры, и именно въ мячикъ, и упражненія въ плаваніи, на которое аѳиняне рано обращали вниманіе. Къ прочимъ начальнымъ упражненіямъ принадлежали: стояніе на пальцахъ (на цыпочкахъ) въ соединеніи съ извѣстными быстрыми движеніями рукъ, скаканье на плацу съ сильнымъ подбрасываніемъ ногъ назадъ, качанье и лазанье на веревкѣ, быстрыя движенія руками и подыманіе тяжестей, обыкновенное бѣганье, фехтованье просто на рукахъ и т. п. Послѣ достаточной подготовки слѣдовали уже полныя упражненія въ пяти главныхъ гимнастическихъ играхъ; къ многоборству же приступали съ 10-лѣтняго возраста. Въ гимнастическихъ школахъ большое вниманіе также обращалось на приличное поведеніе мальчиковъ, но на удары здѣсь также скупились, какъ и въ школахъ китаристовъ. Чтобы не давать пищи страстному чувству къ мальчикамъ (педофиліи), Солонъ запретилъ взрослымъ доступъ въ подобныя гимнастическія заведенія, за исключеніемъ развѣ сыновей и братьевъ педотриба. Послѣ утреннихъ упражненій въ школѣ слѣдовалъ завтракъ; подъ вечеръ мальчики вторично посѣщали палестру, и только послѣ закрытія ея, при захожденіи солнца, приступали къ ужину; при этомъ дѣти иногда показывали своимъ родителямъ успѣхи въ орхестихѣ и музыкѣ, и потомъ отходили ко сну.

Достигшіе юношескаго возраста молодые люди не посѣщали болѣе палестры, но продолжали свое образованіе въ гимназіяхъ подъ руководствомъ гимнастовъ и другихъ учителей. Тѣлесныя упражненія не прекращались и для взрослыхъ мужей, и были почти тѣ же, какъ для мальчиковъ и юношей. Въ отношеніи взрослыхъ учителями являлись уже поэты, но не оставлялись также и гимназіи; а во время общенародныхъ (панаѳенейскихъ) праздниковъ устраивались при жертвоприношеніяхъ гимнастическія состязанія. Въ Аѳинахъ отъ мужчины требовалось, чтобы кожа его носила на себѣ слѣды солнечнаго загара и песку, и чтобы тѣло его не имѣло той бѣлизны, какая

встрѣчается лишь у изнѣженныхъ женщинъ и мужчинъ, выросшихъ подъ тѣнью домашней кровли.

Въ связи съ гимнастикой стояла также орхестика, которая у аѳинянъ изстари развивалась не столько въ особыхъ учебныхъ заведеніяхъ, сколько при жертвоприношеніяхъ и празднествахъ въ общественныхъ собраніяхъ, въ храмахъ и театрѣ. Тщательно обучаемые хоры мальчиковъ вырабатывали въ послѣднихъ чувство приличія, тактъ, грацію и утонченность, къ чему аѳинянинъ имѣлъ отъ природы большія способности, такъ что онъ во всемъ этомъ не только примыкалъ къ жизни и нравамъ другихъ греческихъ племенъ, но и превосходилъ ихъ въ обхожденіи, вѣжливости, умѣньи держать себя съ достоинствомъ и граціей, даже принадлежа къ числу бѣдныхъ, обыкновенныхъ гражданъ.

Этическое образованіе молодаго аѳинянина опредѣлялось полной гармоніей всего прекраснаго и добраго. Обдуманность поступковъ, сознаніе личнаго достоинства, благородная, утонченная учтивость, вѣжливость, скромность, внимательность—требовались отъ каждаго юноши. По свидѣтельству Платона, къ этому стремилось все домашнее образованіе. Какъ только мальчикъ начиналъ понимать вещи, кормилица, педагогъ, мать и отецъ—всѣ заботились объ его нравственномъ усовершенствованіи; при каждомъ его словѣ, при каждомъ поступкѣ, они старались дать ему понять, что справедливо или несправедливо, что прекрасно или постыдно, священно или недостойно. Въ крайнемъ случаѣ прибѣгали также къ угрозамъ и ударамъ. Въ такой зависимости отъ семьи молодой человѣкъ находился до 18-лѣтняго возраста. Если онъ впродолженіе этого времени не оказывалъ должнаго повиновенія, его обвиняли въ дурномъ поведеніи предъ властями города. За нравственнымъ образомъ жизни молодыхъ людей слѣдилъ представитель закона—ареопагъ, который въ случаѣ ихъ дурнаго поведенія и проступковъ требовалъ ихъ къ отвѣту, преслѣдовалъ въ юношахъ наклонность къ праздности, и вообще противодѣйствовалъ ихъ нравственному извращенію. При свободѣ обществен-

наго воспитанія юношества подобный контроль за нимъ брала на себя и вся общественная жизнь, не говоря уже объ учебныхъ заведеніяхъ съ ихъ грамматистами, китаристами и гимнастами. Характеръ всей дисциплины и въ школѣ, и дома былъ вообще строгій и суровый. За столомъ дѣти не должны были приниматься за пищу раньше родителей, или касаться такихъ приправъ, какъ рѣдистка, укропъ, сельдирей и т. под. Рыбы и мяса также обыкновенно не давали мальчикамъ. Отъ нихъ требовалось приличнаго сидѣнья за столомъ и не позволялось закидывать ногу на ногу. Отъ 18 лѣтъ мальчики объявлялись вступившими въ юношескій возрастъ (*ἐφήβοι*); но воспитательныя строгости и надъ ними не прекращались. За обѣдомъ они должны были скромно принимать пищу, умѣренно употребляя соль, двѣ щепотки которой они могли класть только на хлѣбъ, мясо и рыбу. По улицамъ имъ вмѣнялось въ обязанность ходить спокойно и прилично, съ опущенными глазами, руки подъ плащомъ. Посѣщать рынокъ имъ вообще не дозволялось. Отъ 18 до 20-лѣтняго возраста они, кромѣ гимнастическихъ занятій, несли также военную службу въ качествѣ патрулей на границахъ и по улицамъ, а отъ 20 лѣтъ за отличіе принимались въ гражданскія должности въ фратріи своего племени наравнѣ съ другими совершеннолѣтними гражданами, и съ правомъ голоса; но предварительно они должны были дать воинскую клятву въ храмѣ Аѳины. Эта клятва оружіемъ заключала слѣдующее: «Я не стану безчестить священнаго оружія и оставлять товарища въ строю, кто бы онъ ни былъ. Стану одинъ биться съ каждымъ за святыню и законы. Я желаю оставить послѣ себя отечество не въ худшемъ, а въ лучшемъ состояніи. Охотно, во всякое время я готовъ подчиняться судьямъ и законнымъ уставамъ, и не попущу, что бы другіе оскорбляли ихъ или не слѣдовали имъ. Я готовъ одинъ биться со множествомъ, и стану чтить отечественное богослуженіе. Боги да будутъ въ томъ свидѣтели!»

Воспитаніе женщины у аѳинянъ.

Образованіе женщины въ Аѳинахъ было очень ограниченно, и ея познанія—скудны. Мѣстопребываніемъ для нея служили самыя отдаленныя части дома; ея общество составляли дѣти и рабыни. Главный предметъ материнскихъ заботъ составляла красота дочери. Чтобы не утратить стройности роста, дѣвушка должна была мало ѣсть. Станъ ея тщательно шнуровался съ помощію широкой ленты; волосы красились; брови сурмились. Костюмъ дѣвушекъ состоялъ изъ длинной, бѣлой, спадающей внизъ мантіи, которая поддерживалась поясомъ. Голову онѣ украшали вѣнками. При національныхъ празднествахъ дѣвушки составляли процессіи и предводительствовали хорами. Ежегодно въ такъ называемый праздникъ медвѣдицы (созвѣздія) въ числѣ жертвъ Артемидѣ посвящалось нѣсколько дѣвочекъ отъ 5 до 10-лѣтняго возраста при чтеніи извѣстнаго мѣста изъ Иліады: это посвященіе должно было служить символическимъ напоминаніемъ чистой дѣвственности молодыхъ аѳинянокъ. Дѣвушки вообще были прикованы въ Аѳинахъ къ домашнему быту, и потому по большей части имѣли слабый, блѣдный видъ. Матери обучали ихъ работамъ сообразно съ ихъ женскимъ призваніемъ: прясть, шить, ткать, вязать и т. под. У особыхъ учительницъ, къ которымъ провожали дѣвушекъ рабыни, ихъ, вѣроятно, нѣсколько учили читать и писать, пѣть и играть на лирѣ. Особенныя заботы прилагались къ нравственному воспитанію дѣвушекъ: честность, кротость и нравственная чистота почитались главнѣйшими женскими добродѣтелями; а бережливосгь и умѣнье вести хозяйство—лучшими женскими качествами. Утонченность и замкнутость воспитанія аѳинской женщины нерѣдко переходили въ изнѣженность, и вообще оно не имѣло тѣхъ здоровыхъ элементовъ, которыми могла по праву гордиться Спарта. Аѳинянка была изящной личностью, удовлетворявшей аристократическимъ инстинктамъ мужчины,—но за то плохой гражданкой въ сравненіи съ нѣсколько грубой тѣломъ, но нравственно возвышенной спартанкой.

Воспитаніе у аѳинянъ было вообще религіозно-нравственное, а такъ какъ у нихъ божественныя силы были олицетворены въ искусствѣ, преимущественно въ поэзіи, — то вслѣдствіе этого обогащеніе памяти, возбужденіе интеллектуальной способности къ воспринятію поэтическихъ идей и образовъ, и образованіе вкуса опредѣляли характеръ всего духовнаго воспитанія аѳинянъ. Къ этому присоединялась еще нравственная сила умѣренности, самообладанія и преданности общему благу. Красота духа должна была, такимъ образомъ, гармонировать съ красотою тѣла.

Дѣло греческаго воспитанія, наилучшія стороны котораго мы старались отмѣтить въ исторіи, развивалось естественно только до тѣхъ поръ, пока греческій народъ не утратилъ своихъ силъ и не остановился въ собственномъ развитіи. Со времени политическаго паденія Греціи, когда утратилось въ ней чувство красоты и мѣры, искусства и науки перестали быть общею потребностью всего народа и перешли въ тѣсныя рамки одного школьнаго обученія. Послѣ Александра Великаго обученіе юношества опредѣлялось особымъ энциклопедическимъ курсомъ, который въ *Александріи* установился окончательно и состоялъ изъ *семи* наукъ: грамматики, риторики, философіи съ діалектикой, ариѳметики, музыки, геометріи и астрономіи. Эти семь наукъ должны были изучаться всѣми, кто искалъ высшаго образованія. При обиліи накопившагося матеріала отдѣльныя науки естественно были изучаемы только поверхностно; особенное вниманіе обращалось на одну философію, такъ какъ она по премуществу сообщала формальное образованіе. Первое мѣсто въ куреѣ для взрослаго юношества занимали: грамматика, риторика и философія. Иностранные языки при этомъ не входили въ систематическій курсъ: они изучались лишь тѣми, кто чувствовалъ особенный къ нимъ интересъ, или для кого они нужны были съ практическою цѣлью, напр. чтобы имѣть возможность совершить путешествіе въ чужую страну, или отправиться въ качествѣ посланника или оратора въ иностранное государство, или, на-

конецъ, чтобы служить переводчикомъ. Древнегреческіе классическіе писатели въ такихъ высшихъ школахъ тщательно изучались и истолковывались: на мѣсто поэтовъ и философовъ выступали уже филологи. Особенно высоко стояла риторика; однако школы риторовъ теперь уже не развивали прежняло простаго, но мужественнаго краснорѣчія, которое извратилось въ безсильное и безсодержательное словоизверженіе, не приводившее слушателя ни къ какому заключенію, и заботившееся только о томъ, чтобы произвести пріятное ощущеніе чувства. Риторическія школы обращали болѣе вниманія на усвоеніе учащимися техническихъ, школьныхъ формъ рѣчи, чѣмъ на развитіе живаго краснорѣчія. Гимнастика и теперь считалась необходимымъ элементомъ юношескаго образованія для всѣхъ возрастовъ, и даже во времена римскихъ императоровъ каждый городъ имѣлъ свою гимназію, свою палестру. Нравственная сторона воспитанія часто совершенно упускалась изъ виду, и Цицеронъ долженъ былъ такъ выразиться о современныхъ ему грекахъ: «Этотъ народъ никогда особенно не отличался добросовѣстностью въ показаніяхъ, на которую можно бы было положиться; да и вообще онъ не понимаетъ, насколько придается этому нравственнаго значенія и важности».

Значеніе греческихъ поэтовъ и мыслителей для исторіи воспитанія.

Важнѣйшимъ и древнѣйшимъ учителемъ Греціи, сопровождавшимъ ее на всѣхъ ступеняхъ развитія, былъ *Гомеръ*, Этотъ поэтическій отголосокъ Греціи, отразившій всю жизнь греческаго народа въ его юношескій періодъ съ такой пластикой, какая никогда и никѣмъ болѣе не достигалась. Вотъ почему Гомера можно назвать какъ-бы божествомъ, которое духовно создало грековъ. Пѣсни его построены на глубочайшихъ, основныхъ началахъ человѣческой природы:—на чувствѣ сыновней или супружеской любви, на преданности отечеству, его славѣ и т.

под. Его боги и люди, проникнутые духовнымъ и нравственнымъ благородствомъ, обнаруживаютъ истинную естественность и вмѣстѣ идеальное совершенство. Его герои являлись удивленнымъ глазамъ грека высшими лучезарными образами и побуждали духъ его къ благоговѣнію и подражанію. Оба главные героя гомеровскихъ пѣсенъ — Ахиллесъ и Одиссей — суть истинные выразители обѣихъ преобладающихъ сторонъ греческаго духа—грозной храбрости и краснорѣчивой хитрости. Всѣ слѣдующіе поэты Греціи стоятъ на гомеровской почвѣ: изъ Гомера берутъ образовательныя искусства свои идеалы; пѣсни Гомера служатъ основаніемъ религіозныхъ представленій грековъ; онѣ же даютъ матеріалъ для исторіи и юридическаго права. Гомеровскія пѣснопѣнія встрѣчали мальчика на порогѣ его воспитанія, и оставались настольною книгой впродолженіе всего обученія. Юношу воспламеняли они къ великимъ предпріятіямъ и воодушевляли къ подвигамъ; для мужа и старика они были также вѣрными спутниками, приводившими къ эстетическому наслажденію и нравственному освѣженію. Въ Гомерѣ заключается истинный базисъ для всѣхъ временъ и народовъ, самое прочное основаніе для здоровья человѣческаго духа, — искусство и наука. Гомеръ воспиталъ поколѣнія не однихъ своихъ соотечественниковъ, но и безчисленныя генераціи другихъ народовъ, наслѣдовавшихъ плоды греческой цивилизаціи. Его произведенія до сихъ поръ можно съ пользой предложить и отроку, и юношѣ, и старцу.

Но если Гомеръ безсознательно сдѣлался столь высокимъ воспитателемъ для всего человѣчества, то представители греческой философіи сознательно останавливали свою мысль прямо на воспитательныхъ вопросахъ, отъ рѣшенія которыхъ зависитъ болѣе или менѣе жизненная участь всѣхъ и каждаго. «Философія, говоритъ Швеглеръ, это—размышленіе. Но размышляя, человѣкъ относится къ вещамъ также и въ практической дѣятельности, когда онъ расчитываетъ средства для достиженія извѣстной цѣли. Такой же размышляющій характеръ

имѣютъ и всѣ другія науки, даже тѣ, которыя не относятся къ философіи въ тѣсномъ смыслѣ. Чѣмъ же отличается отъ этихъ наукъ философія, напр. отъ астрономіи, медицины, юриспруденціи? Конечно, не содержаніемъ своимъ. Содержаніе философіи тоже, что и наукъ эмпирическихъ: устройство и порядокъ вселенной, составъ и дѣятельность человѣческаго организма, собственность, право и государство: — всѣ эти предметы на столько же относятся къ философіи, на сколько и къ другимъ, спеціальнымъ наукамъ; данныя, получаемыя изъ опытовъ, составляютъ также и содержаніе философіи, ибо мы ничего не знаемъ, не имѣя основаній въ опытѣ. И такъ философія отличается отъ наукъ эмпирическихъ не содержаніемъ, но только формою, своимъ методомъ, т. е. особеннымъ способомъ познаванія.» Такова она, дѣйствительно, и была у греческаго народа. Греки понимали значеніе философіи въ юношескій періодъ жизни каждаго, посвящающаго себя наукамъ, и потому ею завершалось тогдашнее высшее образованіе. Философская мысль, изслѣдуя связь и причину вещей, у греческихъ мыслителей любила также останавливаться на воспитаніи, и старалась установить его какъ можно прочнѣе. Каковы бы ни были результаты, но для исторіи педагогики важны и эти попытки пробуждающагося человѣческаго разума найти для педагогическаго дѣла высшія цѣли и опредѣлить наилучшія средства для ихъ достиженія. Притомъ же нѣкоторые изъ греческихъ философовъ были и сами учителями, давъ начало различнымъ методамъ, сохранившимъ значеніе и въ современной педагогикѣ.

Пиѳагоръ (род. въ 570 г.) имѣлъ огромное вліяніе на греческое воспитаніе чрезъ основанную имъ философскую школу, въ ученіи которой, однако, трудно отличить: что принадлежитъ самому учителю, и что—его послѣдователямъ. Преданія о жизни Пиѳагора, о его путешествіяхъ, его политическомъ вліяніи на города нижней Италіи и т. п. такъ перемѣшаны съ сагами, сказками и очевидными вымыслами, что нѣтъ возможности доискаться здѣсь до прочной исторической почвы. До-

стовѣрно, что родомъ онъ былъ изъ Самоса, а въ позднѣйшее время мѣстомъ его жительства былъ Кротонъ, въ великой Греціи. Основною идеею у пиѳагорейцевъ была идея мѣры и гармоніи; для нихъ эта идея служила принципомъ практической жизни, равно какъ и высочайшимъ закономъ вселенной. Космологія пиѳагорейцевъ представляла вселенную, какъ симметрически устроенное цѣлое, въ которомъ гармонически соединяются всѣ различія и противоположности бытія. Количественныя отношенія вещей: протяженіе, величина, форма, ихъ разчлененіе, разстояніе и т. д.—все опредѣляется посредствомъ чиселъ. Вообще всѣ формы и мѣры вещей сводятся къ числамъ; слѣдовательно, полагали пиѳагорейцы, число есть принципъ самыхъ вещей и того порядка, въ какомъ они представляются въ мірѣ. Въ практической жизни Пиѳагоръ и его школа стремились посредствомъ мудрости и добродѣтели достигнуть совершеннаго счастія, возвыситься до истинной нравственности, и пластически осуществить то, что есть божественнаго во внутренней природѣ человѣка.

Основанная Пиѳагоромъ школа должна была держаться на гармоніи мышленія, чувствованія и желанія, представляя какъ бы одно большое семейство, утвержденное на началахъ нравственнаго равновѣсія. На этомъ основаніи онъ строго испытывалъ принимаемыхъ въ нее учениковъ; онъ не признавалъ необходимости сообщать науку каждому, не обращая вниманія на то, способенъ онъ или нѣтъ къ ея воспріятію. Пиѳагоръ не принималъ въ свою школу никого, не изслѣдовавъ предварительно, со вниманіемъ, его головы и всей наружности, не вызнавъ изъ его поведенія и поступковъ — его характера, духовныхъ дарованій и способности къ образованію. Когда ученикъ послѣ испытанія оказывался способнымъ, онъ долженъ былъ тогда впродолженіе трехъ лѣтъ проходить степени приготовительнаго курса. Это было время молчанія, время душевнаго очищенія. Проходившіе такое испытаніе молча слушали поученія своего учителя, и должны были только изучать предлагае-

мое имъ, воздерживаясь при этомъ отъ всякихъ вопросовъ. Въ этотъ періодъ исключительно акроаматическаго обученія они совершенно были лишены возможности личнаго сношенія съ учителемъ, и въ часы поученія имъ даже не дозволялось смотрѣть ему въ лицо. По этой причинѣ онъ предлагалъ имъ ученіе заочно, отдѣленный отъ нихъ особой занавѣсью, и окруженный непосредственно лишь группою своихъ болѣе зрѣлыхъ учениковъ. Если Пиѳагоръ оставался доволенъ такимъ эксотерикомъ за все время его подготовительнаго испытанія, тогда наступалъ для него давно-желанный, радостный день принятія въ тѣсный кружокъ ближайшихъ учениковъ философа — эсотериковъ. Питомецъ объявлялся совершеннолѣтнимъ, могъ записывать то, что слышалъ отъ своего учителя, выражать ему свои собственныя мысли, говорить съ нимъ о своихъ ученыхъ занятіяхъ и просить у него объясненій непонятаго. Мудрость, которую усвоивалъ ученикъ, состояла въ строгомъ нравоученіи (этикѣ), изложенномъ въ формѣ изрѣченій (афоризмовъ); все ученіе о нравственности носило на себѣ исключительный религіозный характеръ. Пиѳагоръ съ помощію религіи желалъ преобразовать нравственную жизнь человѣческаго общества, и именно съ этой цѣлью основалъ свою школу, стараясь насадить въ ней сѣмена скромности и строгости нравовъ, умѣренности, мужества, порядка, повиновенія закону и властямъ, вѣрности дружбѣ, честности и всѣхъ тѣхъ добродѣтелей, которыя должны составлять принадлежность истиннаго грека. По той же причинѣ онъ придавалъ также огромную воспитательную важность *музыкѣ*, такъ какъ она укрощаетъ страсти, очищаетъ и просвѣтляетъ чувство и нравъ человѣка, — равно какъ и *математикѣ*, которая пріучаетъ юношескій духъ къ строго-ученой работѣ, дисциплинируетъ его. Такимъ образомъ, Пиѳагоръ выступилъ не только какъ учитель новой мудрости, но и какъ провозвѣстникъ новаго богослуженія и новой жизни, какъ человѣкъ, посвящавшій своихъ учениковъ служенію чистѣйшему божеству — божеству гармоніи. Главною цѣлью

Пиѳагора и его послѣдователей было — гармоническое настроеніе души, стремленіе выйти изъ хаотическаго многообразія пестрой жизни, и достигнуть единства и внутренняго покоя. Къ осуществленію этой цѣли были направлены всѣ ихъ ежедневныя занятія. Каждымъ утромъ они совѣщались о томъ что, должны они были совершить впродолженіе дня, и каждымъ вечеромъ повѣряли, исполнили-ли они предположенное и какъ исполнили. «Въ чемъ я ошибся, въ чемъ поступилъ вѣрно, въ чемъ нарушилъ свой долгъ?» — вотъ тѣ вопросы, которые они взаимно предлагали себѣ. Вставали пиѳагорейцы вмѣстѣ съ восходомъ солнца и воздавали должное поклоненіе лучезарному божеству дня. При этомъ прочитывались избранныя мѣста изъ Гомера и другихъ поэтовъ, или исполнялось какое нибудь музыкальное произведеніе, чтобы пробудить дремлющія силы духа и предрасположить его ко всему высокому и святому. Затѣмъ долгое время посвящалось прилежному занятію наукой. Послѣ слѣдовавшаго затѣмъ краткаго отдыха всѣ отправлялись на общую прогулку въ смиренномъ раздумьи, или ведя поучительную бесѣду. По возвращеніи, передъ обѣдомъ, наступали гимнастическія упражненія. Обычный обѣдъ состоялъ изъ хлѣба, меду и воды. Послѣобѣденное время посвящалось разнымъ общественнымъ и домашнимъ занятіямъ, взаимнымъ совѣщаніямъ, купанью, религіознымъ обязанностямъ и самоиспытанію. Между собою члены этого общества жили въ тѣснѣйшей дружбѣ, и младшіе слѣдовали наставленіямъ старшихъ. Они не должны были даже въ шутку обманывать другъ друга, такъ какъ «нашъ другъ — говоритъ Пиѳагоръ — это — наше второе *я*». Внутренній строй жизни братства долженъ былъ уподобляться жизни вселенной и состоять въ высочайшемъ согласіи, совершеннѣйшемъ единствѣ, въ чистѣйшей гармоніи; любовь и благожелательство должны были имѣть въ немъ господство; вражда и огорченіе — оставаться въ недоступной дали. Гармонія между тѣломъ и духомъ, гармонія между разумомъ, чувствомъ и волей, гармонія между родителями и дѣтьми, гармонія между всѣми

людьми, въ духѣ любви и дружбы, наконецъ, гармонія между людьми богами, — вотъ что было предметомъ желаній для Пиѳагора.

Пиѳагоръ со своей школой дѣйствовалъ преимущественно въ Кротонѣ, откуда его идеи распространялись по Греціи. Аѳины избралъ поприщемъ для своей дѣятельности другой великій грекъ, который своей жизнью и дѣлами еще болѣе всколебалъ духовную жизнь Греціи. Потрясенная Пелопонезской войной, она стала ареной страстей и своекорыстія. Каждый ставилъ свой частный интересъ выше государственнаго, и дѣлалъ мѣриломъ всего своего мышленія, всѣхъ своихъ поступковъ,—личный произволъ и личную выгоду. *Софисты* создали цѣлую теорію, оправдывавшую подобный порядокъ вещей: они выдавали себя за учителей мудрости, за людей, способныхъ и другихъ сдѣлать мудрыми. Основной принципъ софистовъ — «человѣкъ есть мѣра всѣхъ вещей». Подъ *человѣкомъ* же понималось не то разумное существо, которое опредѣляется этимъ общимъ понятіемъ, а только субъективный произволъ, субъективное мнѣніе каждой отдѣльной личности. По ученію софистовъ, вещи существуютъ такъ, какъ онѣ представляются для наблюдателя, общей же истины нѣтъ и не можетъ быть. На этомъ-то, вновь открытомъ поприщѣ, кружились софисты, наслаждаясь съ дѣтскою самоувѣренностью обнаруженіемъ силы своей субъективности, и разрушая съ помощію субъективной діалектики всѣ объективныя опредѣленія. Софистъ сознаетъ свое высшее субъективное достоинство относительно предметнаго міра, особенно же относительно законовъ государства, религіозныхъ преданій, обычаевъ и народныхъ вѣрованій; онъ съ своей личной точки зрѣнія пытается предписывать законы внѣшнему, предметному міру, и вмѣсто того, чтобы въ явленіяхъ человѣческаго общества видѣть историческое развитіе разума, видитъ во всемъ только—бездушную матерію, подчиненную его произволу. Софистика въ Греціи была умственнымъ направленіемъ цѣлой эпохи, которое дробилось на разнообразныя вѣтви, и

коренилось во всемъ нравственномъ, политическомъ и религіозномъ характерѣ тогдашней аѳинской жизни.

Имѣя значеніе, какъ философская система, софистика, отрицавшая возможность общей, объективной истины, уничтожала и себя своимъ собственнымъ оружіемъ. Выражая собою философское стремленіе къ субъетивной свободѣ человѣческой личности, она вредно отразилась на ходѣ общественной жизни. И въ самомъ дѣлѣ: между тѣмъ какъ теоретическій принципъ софистики состоитъ въ признаніи безусловнаго значенія эмпирическаго субъекта, т. е. въ ученіи, что всякая личность можетъ опредѣлять по своему произволу истинное, справедливое и доброе,—на практикѣ этотъ самый принципъ выступаетъ, какъ безпредѣльный эгоизмъ во всѣхъ областяхъ тогдашней государственной и частной жизни Греціи. Постоянная борьба партій, изъ за разныхъ своекорыстныхъ цѣлей, потрясая въ это время Аѳины, притупила и подавила всякое нравственное чувство; выгоды государственнаго и общественнаго блага были забыты для невѣрнаго блага своей собственной личности, для личной пользы, такъ часто противорѣчащей пользѣ общей (Швеглеръ). Софисты уничтожали своимъ ученіемъ возможность общей науки и всѣ вѣчные принципы общественной нравственности. Заслуги ихъ для греческаго образованія заключаются лишь въ томъ, что они возбудили еще болѣе стремленіе къ теоретическому познанію, къ логическому изслѣдованію, распространили въ народѣ массу общихъ свѣдѣній, и открыли просторъ каждому отдаваться тому или другому занятію соотвѣтственно собственному призванію. Такъ Протагоръ разработалъ ученіе о добродѣтели; Горгій былъ риторъ и политикъ; Продикъ былъ грамматикъ и синонимикъ; Эвтидемъ и Діонизодоръ — учители въ военномъ искусствѣ. Науки болѣе спеціализировались, и стала свободнѣе обнаруживаться личная иниціатива каждаго. Ниспровергая общія начала воспитанія, снова возстановленныя впослѣдствіи, софисты принесли для него ту пользу, что дали начало методической обработкѣ многихъ отраслей знанія и практически содѣйствовали развитію дара слова и красно-

рѣчія. Ихъ заслуги въ области воспитанія были тѣмъ значительнѣе, что они, ведя бродячій образъ жизни по городамъ и селамъ Греціи, всѣмъ предлагали за деньги свое ученіе о мудрости, собирали вокрутъ себя богатыхъ юношей, и обучали ихъ въ частныхъ и общественныхъ зданіяхъ. Слѣдовательно, заслуга софистовъ для воспитанія и образованности была болѣе косвенная, такъ какъ они возбуждали пытливость мысли, которая потомъ должна была непремѣнно прійти къ положительному знанію.

Противъ ложнаго въ основаніи мнѣнія софистовъ о превосходствѣ случайнаго, личнаго мнѣнія надъ законами общаго разума и выступилъ *Сократъ*. Новое философское начало также является въ Сократѣ, какъ его личный характеръ и личное настроеніе. Его философская дѣятельность запечатлѣна чертами, вполнѣ индивидуальными: жизнь и ученіе нераздѣльны у него. Поэтому полное изображеніе его философіи въ сущности совпадаетъ съ его біографіей. Сократъ родился въ 469 г. до Р. Х. Отецъ его Софронискъ былъ ваятель, а мать, Фенарета—повивальная бабка. Въ своей молодости онъ занимался ваяніемъ подъ руководствомъ отца и пріобрѣлъ въ этомъ искусствѣ извѣстную ловкость. Относительно исторіи его дальнѣйшаго образованія намъ извѣстно немного. Онъ пользовался наставленіями Продика и музыканта Дамона, но не былъ въ личныхъ связяхъ съ философами, славившимися извѣстностью до него и въ его время. Онъ обязанъ единственно самому себѣ тѣмъ, чѣмъ онъ сдѣлался, и именно вслѣдствіе этого-то онъ составляетъ главную поворотную точку въ древней философіи. Древніе, однако, называютъ его ученикомъ Анаксагора и физика Архелая; но ложность этого доказана. Онъ не имѣлъ и не искалъ другихъ средствъ къ образованію, кромѣ тѣхъ, какія представлялъ ему его родной городъ. За исключеніемъ одного праздничнаго путешествія и нѣсколькихъ военныхъ походовъ онъ никогда не оставлялъ Аѳинъ.

Когда именно Сократъ посвятилъ себя воспитанію юношества—мы достовѣрно не знаемъ. Хотя дельфійскій оракулъ назвалъ его «мудрѣйшимъ изъ смертныхъ», но его

мудрость заставляла его постоянно сознавать лишь то, что онъ *ничего не знаетъ*. Руководствуясь яснымъ убѣжденіемъ, что основательное улучшеніе общества зависитъ отъ хорошаго воспитанія юношества, Сократъ до конца жизни оставался вѣренъ избранному имъ призванію. Его усилія, однако, часто не удавались: ихъ встрѣчали горькою насмѣшкою; за нихъ платили ненавистью и неблагодарностью. Къ возрастающему поколѣнію онъ относился какъ настоящій грекъ: онъ охотно называлъ себя ревнивѣйшимъ эротикомъ. Настоящимъ грекомъ онъ является и въ томъ, что въ противоположность съ этими свободными отношеніями дружбы, связывавшей его съ юношествомъ, онъ вовсе не заботился о семейной жизни. Нигдѣ онъ не оказываетъ особеннаго вниманія къ своей женѣ и къ своимъ дѣтямъ; а пресловутая, хотя и преувеличенная злость Ксантиппы заставляетъ насъ предполагать, что онъ не наслаждался полнымъ семейнымъ счастіемъ. Какъ человѣка, какъ практическаго мудреца, всѣ писатели изображаютъ Сократа самыми свѣтлыми красками. «Онъ былъ такъ благочестивъ,—говоритъ Ксенофонтъ, — что никогда ничего не дѣлалъ безъ совѣта боговъ; такъ справедливъ, что никого не обижалъ даже въ самомъ ничтожномъ дѣлѣ; на столько обладалъ собою, что никогда не предпочиталъ пріятнаго доброму; былъ такъ разуменъ, что никогда не ошибался, отличая лучшее отъ худшаго». Однимъ словомъ, «онъ былъ лучшій и благополучнѣйшій человѣкъ, какой только могъ существовать». Но особенную привлекательную силу сообщаетъ его личности счастливое смѣшеніе и гармоническое соединеніе въ ней всѣхъ характеристическихъ сторонъ, соединеніе совершенствъ натуры стойкой и вполнѣ индивидуальной. Алкивіадъ, въ своей похвальной рѣчи Сократу, характеризуетъ въ немъ эту всестороннюю виртуозность, эту силу, которая примиряетъ и соединяетъ въ гармоническое цѣлое самыя противоположныя и самыя несоединимыя качества, эту побѣдоносную возвышенность Сократа надъ человѣческою слабостью. Въ этомъ—его крайняя оригинальность. Въ изображеніи Ксенофонта мы видимъ въ Сократѣ истиннаго классическаго

человѣка, отличающагося самымъ утонченнымъ общественнымъ образованіемъ, аттическою гражданственностью, человѣка, далекаго отъ всякаго мрачнаго и мучительнаго аскетизма. Сократъ является намъ одинаково храбрымъ и на полѣ битвы, и на веселой пирушкѣ; всегда онъ владѣетъ собой и никогда не забывается; всегда онъ дѣйствуетъ съ самою полною свободою. Это—совершенный образецъ аѳинянина счастливѣйшихъ временъ республики! Нѣтъ въ немъ ни угрюмости, ни надорванности, ни судорожной сосредоточенности позднѣйшихъ людей: это чистый и спокойный идеалъ истинной человѣческой доблести. Одно наружное безобразіе—вздернутый носъ, выдающійся лобъ, плѣшивая голова и толстое брюхо, бывшее предметомъ насмѣшекъ многихъ современниковъ Сократа, — не гармонировало съ его внутренней, душевной красотой...

Задачей жизни Сократа было—изслѣдованіе добродѣтели, стремленіе чрезъ сознаніе придти къ истинному знанію. Главнымъ же предметомъ его философскаго созерцанія было самопознаніе. «Не знать самого себя, и полагать, что мы знаемъ то, чего въ самомъ дѣлѣ *не* знаемъ— вотъ что ближе всего граничитъ съ безуміемъ» — говоритъ онъ. Для самостоятельнаго достиженія этой цѣли онъ, врагъ всякой лжи и всякаго ослѣпленія, не признавалъ ничего, въ чемъ не убѣждался самъ, чего не изслѣдовалъ съ помощію собственнаго разума. На этомъ же основаніи онъ и другимъ ничего не предлагалъ готоваго и внѣшняго, не развивъ истины извнутри, изъ ихъ собственнаго духа. Такимъ образомъ онъ преобразилъ повивальное искусство своей матери въ духовно-развивающую, *эвристическую* методу обученія. «Мое повивальное искусство, говаривалъ онъ, отличается тѣмъ отъ искусства моей матери, что оно облегчаетъ роды мужамъ, а не женамъ, и оказываетъ помощь въ родахъ душѣ, а не тѣлу. Въ нашемъ искусствѣ выше всего то, что оно въ состояніи опредѣлить: предстоитъ ли душѣ юноши родить нѣчто безобразное и ложное, или нѣчто прекрасное и истинное. Я похожъ на повивальныхъ бабокъ еще и тѣмъ, что самъ ничего не рождаю мудраго, и меня

многіе упрекали въ томъ, что я только другихъ выспрашиваю, самъ же ни о чемъ не даю положительнаго отвѣта; но я и не съумѣлъ бы ничего отвѣтить умнаго: въ этомъ меня упрекаютъ по справедливости. Причина этого состоитъ въ томъ, что божество принуждаетъ меня оказывать только родильную помощь, самому же рождать мнѣ не суждено имъ. Поэтому я самъ вовсе не свѣдущъ, и не могу предложить другимъ ничего, что было бы продуктомъ моего собственнаго духа. Но всѣ тѣ, которымъ судило божество входить въ сношеніе со мною, вначалѣ оказывались въ высшей степени навѣжественными, а при постоянномъ воздѣйствіи моемъ оказывали невѣроятные успѣхи, какъ кажется и имъ самимъ, и другимъ. По крайней мѣрѣ несомнѣнно вѣрно то, что они собственно отъ меня никогда ничему нисколько не научались, но только сами открывали въ самихъ себѣ чрезвычайно много прекраснаго и упрочивали его за собой». Способъ обученія Сократа былъ вполнѣ непринужденный, разговорный, исходившій отъ ближайшаго и простѣйшаго, всегда заимствовавшій нужные примѣры изъ самаго обыденнаго круга; а потому современники упрекали его въ томъ, что онъ всегда говоритъ о вьючныхъ ослахъ, кузнецахъ, сапожникахъ и кожевникахъ. Мы видимъ его постоянно на площади, въ гимназіяхъ и мастерскихъ; съ утра до вечера онъ занятъ бесѣдою съ юношами и стариками, разсуждая съ ними о цѣли и назначеніи жизни, изобличая ихъ въ незнаніи, и возбуждая въ нихъ дремлющее влеченіе къ знанію. «То, что мы знали, разрушено»—вотъ конецъ большей части разговоровъ Сократа, котораго недальновидные современники нерѣдко смѣшивали съ софистами. Во всякой человѣческой дѣятельности, относилась ли она къ общественной жизни, или къ домашнему хозяйству, къ промышленности, наукѣ или искусству,—вездѣ Сократъ, какъ мастеръ оказывать пособіе при родахъ мысли, умѣлъ найти поводъ къ тому, чтобы постоянными вопросами, діалектическимъ разложеніемъ прежде сложившихся представленій, вызвать въ

своихъ собесѣдникахъ новыя, еще не сознанныя ими мысли, и помочь имъ при новыхъ родахъ духа.

Сократовская метода имѣла собственно двѣ стороны: къ первой относилась отрицательная, знаменитая такъ называемая *сократовская иронія;* она состояла въ томъ, что философъ прежде всего представляетъ себя незнающимъ и, повидимому, ищетъ поученія со стороны тѣхъ, съ кѣмъ бесѣдуетъ. При этомъ онъ безпрестанными вопросами, неожиданными, послѣдовательными выводами изъ ихъ мнѣній, и противорѣчіями, въ которыхъ они сами запутываются, разбиваетъ ихъ мнимое знаніе. Собесѣдникъ ясно приходитъ затѣмъ къ убѣжденію, что онъ не знаетъ того, что почиталъ уже извѣстнымъ, становится недовѣрчивымъ къ собственнымъ представленіямъ, принимаемымъ имъ за несомнѣнныя истины, и сознаетъ лишь то, что онъ ничего не знаетъ. «Ибо какъ врачи, говоритъ Сократъ, держатся того мнѣнія, что тѣло можетъ не раньше переварить пищу, пока кто нибудь не устранитъ въ немъ препятствія къ тому; точно также и тѣ, которые очищаютъ засоренную душу, полагаютъ, что она можетъ не раньше извлечь пользу изъ предлагаемыхъ ей знаній, пока не обличатъ ея стыдомъ, пока не освободятъ ея отъ мнѣній, стоящихъ на пути къ знанію, пока не совершенно очистятъ ее, такъ чтобы она вѣрила лишь въ то, что знаетъ дѣйствительно. Въ этомъ заключается счастливѣйшее и мудрѣйшее свойство духа, и потому-то такое испытующее обличеніе можетъ быть названо самымъ лучшимъ, самымъ дѣйствительнымъ очистительнымъ средствомъ (слабительнымъ)». Положительная сторона сократической методы—*меэвтика*, состоящая въ индукціи, въ наведеніи отъ частныхъ представленій къ понятію и къ строгому его опредѣленію. Сократу,—говоритъ Аристотель,—можно съ справедливостью приписывать двѣ вещи: способъ доказательства чрезъ индукцію, т. е. нахожденіе высшихъ понятій съ помощію низшихъ, и способъ общаго опредѣленія понятій. Отправляясь именно отъ отдѣльныхъ, конкретныхъ вещей, онъ сравниваетъ ихъ между собою, отдѣляетъ при этомъ случайное отъ существеннаго, приво-

дитъ въ сознаніе общую истину, и такимъ образомъ развиваетъ и опредѣляетъ ея сущность и содержаніе. Такъ, чтобы найти понятіе справедливости, Сократу надо было отправляться отъ различныхъ единичныхъ примѣровъ справедливости, отвлекать отъ нихъ ея общіе признаки, и затѣмъ опредѣлить ее на столько, чтобы удержать одно общее, составляющее логическое единство ея различныхъ проявленій. Вотъ почему Сократъ возвращался всегда къ понятію каждой отдѣльной добродѣтели, будучи убѣжденъ, что ясное усвоеніе понятій есть важнѣйшій руководитель при каждомъ отдѣльномъ случаѣ, что всякій нравственный поступокъ долженъ исходить сознательно изъ общаго понятія. И такъ, сократическая метода, противоположная акроаматической, употребляемой при первомъ обученіи Пиѳагоромъ, состоитъ въ виртуозномъ умѣньи пользоваться бесѣдою съ учениками, и изъ суммы данныхъ однородныхъ явленій находить путемъ индукціи точное понятіе и его логическое опредѣленіе. Она необходимо предполагаетъ признаніе, что сущность вещей познаваема мышленіемъ, что сознаніе истины и божества прирождено природѣ человѣка, и только находитъ въ немъ предметное выраженіе (персонифицируется). Каждая душа, по мнѣнію Сократа, существуетъ уже раньше своего земнаго воплощенія, и въ этомъ довременномъ состояніи своемъ обладаетъ вѣрными, истинными понятіями, которыя потомъ подавляются огромнымъ числомъ временныхъ явленій, но которыя снова могутъ быть вызваны и развиты искусными вопросами, такъ что каждый опять вспоминаетъ врожденную ему истину.

Съ помощію этой превосходной методы, чрезъ которую Сократъ сдѣлался отцомъ катехетики въ обученіи, а также благодаря силѣ своего геніальнаго духа, онъ производилъ такое многостороннее впечатлѣніе на своихъ слушателей, что привлекъ къ себѣ разнообразное множество знаменитыхъ людей своего времени; напримѣръ: Херефона, которому именно и открылъ оракулъ, что Сократъ есть мудрѣйшій изъ людей; брата его Херекрата, Аристиппа—сына богатаго купца, и бѣднаго сапожника

Симона, одушевленнаго послѣдователя своего учителя; въ каждомъ изъ нихъ была затронута индивидуальная сторона, и индивидуально развита Сократомъ по системѣ его собственнаго духа. Съ сѣвера и съ юга, отъ Чернаго моря и отъ африканской Кирены,—отовсюду стекались къ Сократу его преданные ученики. «Я никогда собственно не былъ ничьимъ *учителемъ*, —говоритъ онъ; — но если кто имѣлъ охоту слушать мои разговоры, и отдавался моимъ занятіямъ, я никогда не препятствовалъ ему въ этомъ, будь онъ юноша или старикъ. Я училъ не потому только, чтобы получать за это деньги: я одинаково готовъ спрашивать какъ бѣднаго, такъ и богатаго, и всякій, кто хочетъ, можетъ спрашивать и слушать меня. Станетъ ли кто отъ этого лучше, или нѣтъ, я не отвѣчаю за это, потому что ничего никому не обѣщалъ, и не давалъ наставленій. Если же кто полагаетъ, что онъ что-нибудь слышалъ отъ меня, или чему нибудь научился, особенно такому, чего не слыхали и другіе, — то знайте, что онъ говоритъ неправду».

Сократъ обнаруживалъ самую преданную привязанность къ своимъ ученикамъ. Онъ былъ одушевленъ безкорыстною любовью къ истинѣ, и въ немъ мы видимъ первый въ исторіи образецъ свободнаго обученія, безъ малѣйшаго насилованія личности, права которой Сократъ безконечно уважалъ. Его жизнь и ученіе гармонически соединялись въ его собственной личности, и единство это онъ запечатлѣлъ своей геройской смертью. Сократъ палъ вслѣдствіе смѣшенія его стремленій съ стремленіями софистовъ; вслѣдствіе попытки патріотовъ возстановить въ Греціи старинный общественный порядокъ и старинные нравы насильственными средствами. Когда ему было уже 70 лѣтъ, нѣсколько ничтожныхъ людей, однако, кажется, не имѣвшихъ къ нему личной ненависти, позвали его къ суду и обвинили въ томъ, что онъ не признаетъ народныхъ боговъ, вводитъ новыя божества, и развращаетъ юношество. Затѣмъ послѣдовало осужденіе Сократа на смерть. Ему было дозволено еще 30 дней бесѣдовать съ учениками въ темницѣ; все представляло благо-

пріятныя средства для побѣга, къ которому и старались склонить его ученики. Однако мудрецъ гнушался этой мыслью, и, повинуясь волѣ народной въ лицѣ ея законныхъ представителей, выпилъ чашу цикуты въ 399 году до Р. Х.

Ученіе Платона о воспитаніи.

Платонъ (429—348) привелъ въ систему философскія воззрѣнія Сократа и придалъ нѣкоторую теоретическую обработку собственно педагогическимъ идеямъ. Родившись въ годъ смерти Перикла, потомокъ знатнаго рода, Платонъ получилъ соотвѣтственное воспитаніе въ центрѣ греческой образованности и промышленности—Аѳинахъ. Не смотря на свое знатное происхожденіе, онъ еще юношей избралъ скромную философскую карьеру вмѣсто политической. Видя начавшуюся порчу и усиливающееся политическое гніеніе своего отечества, имѣя слишкомъ много гордости для того, чтобы заискивать расположеніе демократіи, онъ скорѣе предпочелъ избрать науку своею жизненною задачею вмѣсто того, чтобы выступить патріотомъ, безуспѣшно бороться съ неизбѣжними препятствіями, и сдѣлаться мученикомъ своихъ политическихъ убѣжденій. Онъ считалъ Аѳинское государство уже погибшимъ, и, при неизбѣжности его паденія, не хотѣлъ увеличивать собою число безполезныхъ жертвъ.

Двадцатилѣтнимъ юношей пришелъ Платонъ къ Сократу и жилъ въ его обществѣ восемь лѣтъ. Онъ постигъ въ своемъ учителѣ идеалъ совершеннѣйшаго мудреца, а въ его ученіи и жизни открылъ плодоноснѣйшія философскія сѣмена. Все свое ученіе, несравненно болѣе развитое, онъ влагаетъ поэтому въ уста своему учителю, какъ главному лицу въ его діалогахъ и мудрому руководителю бесѣды. По смерти Сократа онъ поселился въ Мегарѣ, и отсюда совершилъ большое путешествіе по Греціи, Египту, Сициліи. Возвратившись въ отечество, онъ училъ въ одной гимназіи въ окрестностяхъ Аѳинъ, гдѣ владѣлъ доставшимся ему отъ отца садомъ. Такъ какъ

Платонъ обладалъ многостороннимъ образованіемъ, то въ немъ отразилась вся духовная жизнь Греціи, все ея міросозерцаніе въ свойственныхъ ей границахъ. Такъ у него все морально-религіозное образованіе опредѣляется однимъ искусствомъ; полезное переходитъ въ прекрасное, а вредное—въ безобразное. Женщина у него стоитъ ниже мужчины, но въ то же время допускается къ участію во всѣхъ занятіяхъ и, свободная отъ затворничества, предназначается къ служенію общественнымъ и государственнымъ интересамъ. Въ своей «государственной педагогикѣ» Платонъ даетъ первообразъ греческаго государства, который въ главныхъ чертахъ напоминаетъ Спарту. Основной принципъ этого государства есть уничтоженіе личности предъ государственнымъ цѣлымъ. Рабы и ремесленники стоятъ въ немъ внѣ правъ на образованіе; для воиновъ оно требуетъ общности въ имуществѣ и семействѣ; учители и воспитатели избираются въ немъ изъ числа лучшихъ гражданъ, которымъ естественно приличествуетъ руководство молодымъ поколѣніемъ.

Для Платона нѣтъ ничего выше и божественнѣе дѣла воспитанія, ибо если юношество правильно и хорошо воспитано, то будетъ счастливъ и весь жизненный путь всѣхъ и каждаго. «Болѣе всѣхъ другихъ требованій,—говоритъ онъ,—надо уважать одно наивысшее, относящееся къ воспитанію, сохраненію и развитію дѣтей, и кто не пренебрегаетъ этимъ наиважнѣйшимъ призваніемъ, тотъ будетъ доблестнымъ мужемъ и во всѣхъ своихъ другихъ обязанностяхъ. Только чрезъ воспитаніе можетъ все государственное устройство найти вѣрную точку отправленія, и будетъ рости подобно кругу, такъ какъ отъ совершенныхъ натуръ будутъ рождаемы и воспитываемы еще совершеннѣйшія». Воспитаніе Платонъ опредѣляетъ какъ введеніе юношества въ предписанный закономъ и испытанный лучшими мужами образъ жизни, который вызываетъ въ юношествѣ такія наклонности, которыя оно, возмужавъ, признаетъ дѣйствительно хорошими, и убѣдится, что его пріучили еще прежде, чѣмъ развился его

собственный разумъ, любить или ненавидѣть то, что дѣйствительно заслуживаетъ любви или ненависти.

По педагогической теоріи Платона, дитя тотчасъ по рожденіи требуетъ вниманія къ своему физическому и духовному развитію; но прежде всего и преимущественно— въ физическомъ отношеніи, такъ какъ матеріяльный ростъ имѣетъ наибольшее значеніе для каждаго живаго существа. При этомъ всѣ части тѣла должны быть внимательно совершенствуемы и укрѣпляемы. Матери слѣдуетъ образовывать свое дитя, пока оно нѣжно и мягко подобно воску, и впродолженіе двухъ лѣтъ пеленать его свивальникомъ. Ношеніе дитяти на рукахъ продолжается три года. Движеніе для дѣтей, которыя все это время какъ-бы находятся на кораблѣ, необходимо и днемъ, и ночью. Движеніе на чистомъ воздухѣ дѣйствуетъ особенно укрѣпляющимъ образомъ. Нравственный уходъ долженъ быть тѣмъ тщательнѣе, что дѣти въ первое время своей жизни особенно глубоко воспринимаютъ всѣ впечатлѣнія. Баловство дѣлаетъ ихъ плаксивыми, капризными, раздражительными и чувствительными къ каждой мелочи; въ случаѣ же большой строгости и принудительности они становятся малодушными, рабскими и несвободными въ обхожденіи съ людьми. Въ особенности ихъ должно предохранять отъ боли, отъ страшныхъ представленій, и вообще отъ всего мрачнаго, чтобы сохранить въ нихъ веселость нрава и ясность души. Свобода внѣшнихъ воздѣйствій (аффектовъ) ведетъ къ свободѣ тѣла и духа.

Отъ трехъ—до шестилѣтняго возраста надо позволять мальчикамъ и дѣвочкамъ отдаваться игрѣ, которая въ этомъ возрастѣ совершенно естественна, и охотно изобрѣтается самими дѣтьми, какъ только они сходятся вмѣстѣ. При этомъ, однако, также надо избѣгать баловства, но и не прибѣгать къ позорнымъ и унизительнымъ наказаніямъ, ибо въ первомъ случаѣ является изнѣженность и своевольство, въ послѣднемъ же зарождается въ дѣтской душѣ ожесточеніе. Игры представляютъ, между прочимъ, и ту выгоду, что съ помощію ихъ можно узнать и поддержать въ дѣтяхъ ихъ наклонности къ бу-

дущему ихъ призванію: будущій архитекторъ долженъ еще мальчикомъ строить игрушечные дома; будущій плотникъ обращаться съ мѣркою и т. п. Поэтому воспитывай дѣтей болѣе всего свободной игрой: тогда ты можешь и лучше наблюдать, къ чему каждый способенъ въ жизни. При обученіи надо прежде всего стараться возбудить охоту; а это достигается именно тогда, когда обученіе начинается игрой. Во время игры ребенку уже можно сообщать разныя познанія и умѣнья, въ особенности относящіяся къ военному дѣлу и геометріи. Наконецъ, игра образуетъ также характеръ, когда постоянно удерживаются однѣ и тѣ же игры, ибо если дѣти привыкаютъ къ однимъ законнымъ играмъ,—изъ нихъ выйдутъ потомъ и уважающіе законъ люди. Художественное развитіе дѣтей совершается прежде всего съ помощію сказокъ и пѣсень, но только такихъ, въ которыхъ божество изображается не въ ложномъ видѣ; принадлежатъ ли онѣ эпическимъ, лирическимъ или драматическимъ поэтамъ — это все равно. Нравственное воспитаніе въ это время основывается преимущественно на авторитетѣ, на уваженіи къ духовному и нравственному превосходству обучающей личности. На этомъ основаніи учащій долженъ пріобрѣсти вѣсъ въ глазахъ учениковъ. Наказаніе ударами допускается только въ случаѣ неуваженія дѣтей къ старшимъ или—нарушенія какого нибудь важнаго воспитательнаго закона. Чувство стыда и самолюбія должно быть возбуждаемо возможно рано: родители обязаны оставить въ наслѣдство своимъ дѣтямъ не груды золота, а нравственныя сокровища стыда и боязни порока.

По достиженіи шестилѣтняго возраста, дѣти раздѣляются по полу, и каждый переходитъ къ изученію опредѣленныхъ для него предметовъ, такъ какъ женскій полъ также нуждается въ приличномъ обученіи. Дѣвочки должны участвовать въ тѣлесныхъ упражненіяхъ наравнѣ съ мальчиками, и для своего художественнаго образованія въ особенности заниматься музыкой, которая болѣе ведетъ къ мѣрѣ во всемъ, къ скромности и кротости. Вообще гимнастика и изящныя искусства, вмѣстѣ съ другими учебными

предметами, должны входить въ кругъ обученія дѣтей, начиная съ шести лѣтъ. Музыку и гимнастику необходимо соединять при обученіи, чтобы вызвать силу и рѣшительность воли. Первая степень гимнастическаго курса опредѣляется возрастомъ отъ 7 до 10 лѣтъ; при этомъ надо исходить изъ той точки зрѣнія, что не столько здоровое тѣло обусловливаетъ своимъ совершенствомъ совершенство души, *сколько, наоборотъ, прекрасная душа содѣйствуетъ образованію* прекраснаго тѣла, такъ какъ душа существуетъ раньше тѣла, которое образуется уже послѣ, и по своей природѣ естественно должно подчиняться душѣ. Истинная гимнастика проста, и требуетъ, чтобы питомецъ привыкалъ въ упражненіяхъ къ перенесенію усталости, съ цѣлію возбудить въ себѣ болѣе мужество, чѣмъ силу. Художественное обученіе надо начинать съ языка и его элементовъ, и притомъ не раньше 10-лѣтняго возраста. Изученіе буквъ должно совершаться съ помощію зрѣнія и слуха, чтобы не нарушать ихъ взаимной связи; уже при начальномъ чтеніи слѣдуетъ возбуждать мыслительныя способности съ помощію сравненія, и отъ извѣстнаго переходить къ неизвѣстному. Значеніе собственно музыки важно въ обученіи отъ 14 до 16-лѣтняго возраста: цѣль ея вовсе не одно удовольствіе, но — направленіе души къ доброму и прекрасному. «Когда мальчики учатся игрѣ на китарѣ,— говоритъ Платонъ, — они знакомятся также съ пѣснями лучшихъ лирическихъ поэтовъ, принаравливаютъ свой голосъ къ звуку струны, и усвоиваваютъ мелодіи; при этомъ они привыкаютъ къ правильной мѣрѣ, къ стройному порядку, и вообще вносятъ этотъ навыкъ и въ свою рѣчь, и въ свои *поступки*». *Начальными науками для собственно духовнаго* развитія являются математика и астрономія, служа подготовкой къ высшей наукѣ — діалектикѣ, которая прочно установляетъ понятія и раскрываетъ сущность и внутреннюю связь вещей. Однако, при чисто-умственномъ образованіи надо твердо помнить, что незнаніе еще не есть само по себѣ большое зло, и что многознаніе, при дурномъ воспитаніи, гораздо опаснѣе совершеннаго незнанія. Поэтому юношество не слѣдуетъ загромождать слишкомъ

большой массой свѣдѣній, но преимущественно заботиться о наибольшей ясности и живой наглядности, и пріучать юношей къ порядку и правильному пользованію временемъ.

Нравственное (этическое) образованіе обнимаетъ всего человѣка и всѣ отдѣльные учебные предметы, ставя справедливость высшею цѣлью въ воспитаніи каждой личности. Высшій принципъ правоученія (этики), по Платону, состоитъ въ томъ, чтобы мы какъ можно ближе уподоблялись святѣйшему и совершеннѣйшему существу — Богу, творцу всѣхъ вещей. Богъ желаетъ, чтобы вселенная и, преимущественно, смертныя существа—люди, были совершенны, или стремились къ совершенству, а потому онъ вложилъ въ ихъ души еще до соединенія ихъ съ тѣломъ тѣ первообразы, по которымъ все создано на землѣ, и въ особенности — высшія идеи справедливаго и добраго. Но вмѣстѣ съ паденіемъ души въ матеріяльный міръ затемняются въ ней эти первообразы или идеи, и находятся какъ-бы въ спящемъ состояніи. Душа должна стараться разбудить ихъ и привести въ прежнюю ясность, ибо, восходя къ познанію высшей идеи — идеи добра, душа болѣе и болѣе уподобляется Богу, который есть добро само по себѣ. Чтобы достигнуть этого, мы должны сдѣлать въ себѣ свободною божественную способность разума, и предоставить ему господство надъ всѣми другими способностями. Кто совершилъ это, тотъ достигъ и высшей нравственности или справедливости, которая составляетъ высшее благо въ жизни, такъ какъ — на сколько къ ней стремимся, на столько мы и достигаемъ истиннаго счастія. Справедливъ тотъ, кто управляетъ всѣми живущими въ его душѣ способностями, у кого надъ ними господствуетъ разумъ, который есть сама мудрость, и который печется о всей душѣ; справедливъ тотъ, чье мужество и нравственное чувство находятся въ связи съ разумомъ и служатъ ему; при этомъ въ ихъ отношеніяхъ является гармонія, такъ что должное соединеніе музыки и гимнастики первую способность развиваетъ съ помощію прекрасной рѣчи, другую же успокоиваетъ

и облагороживаетъ съ помощію мелодіи; справедливъ тотъ, у кого, наконецъ, обѣ эти способности—мужество и чувство — преобладаютъ надъ желаніемъ и ограничиваютъ его въ неумѣренности или излишествѣ, не давая человѣку погрязнуть въ однихъ тѣлесныхъ наслажденіяхъ. На этомъ основаніи, справедливость заключается не въ однихъ внѣшнихъ поступкахъ, зависящихъ отъ произвола человѣка, но въ его внутреннихъ отношеніяхъ къ самому себѣ, когда онъ не допускаетъ ни одной способности своей души извратиться или вступить во взаимное замѣшательство, но постоянно употребляетъ каждую по ея назначенію, владѣетъ и управляетъ собой, становится другомъ самого себя; когда онъ приводитъ въ согласіе всѣ три главныхъ способности своей души: разумъ, чувство и волю (мужество), какъ три главныхъ струны музыкальной гармоніи. Справедливость есть высшее назначеніе человѣка, и потому по ней долженъ поступать каждый. Само божество также любитъ справедливость и ненавидитъ неправду, а потому боги никогда не оставятъ того, кто стремится къ справедливости и къ уподобленію въ ней самому божеству—на сколько это доступно человѣку. Истинные гимнасты, которые до конца пробѣгаютъ назначенное имъ поприще, получаютъ на играхъ награду, и увѣнчиваются. Такой же исходъ бываетъ обыкновенно и для справедливаго: по окончаніи каждаго дѣла и, наконецъ, цѣлой жизни, онъ получаетъ отъ *людей заслуженную награду. Но это еще ничто въ сравненіи* съ величіемъ той награды, которая ждетъ его послѣ смерти,—какъ извѣстно это изъ священныхъ миѳовъ о жизни въ иномъ мірѣ. Все время жизни нашей, отъ младенчества и до старости, безконечно кратко въ сравненіи съ вѣчностью, даже совершенно ничтожно, и рискъ представляется слишкомъ опаснымъ, если кто пренебрегалъ своею душею, для которой послѣ смерти человѣка нѣтъ болѣе спокойнаго убѣжища и благополучія, какъ только въ томъ случаѣ, когда она была здѣсь, на землѣ, возможно доброю и разумною. Вотъ почему надо болѣе всего стараться о томъ, чтобы каждый изъ насъ, заботясь о пріобрѣтеніи всевозможныхъ знаній, не забывалъ этого главнаго; чтобы

каждый умѣлъ различать хорошій образъ жизни отъ дурнаго; хорошъ же тотъ образъ жизни, въ которомъ соблюдается справедливость, а не хорошъ тотъ, въ которомъ она пренебрегается.

За это ученіе Платонъ, отецъ философскаго идеализма, пріобрѣлъ въ исторіи право называться первымъ христіаниномъ до Христа. Какъ образецъ аллегоричности, съ которою Платонъ излагаетъ свое ученіе, напр. о душѣ, облеченное у него въ живыя, поэтическія формы, приведемъ отрывокъ изъ его знаменитой рѣчи «Федра» о состояніи души до ея воплощенія, и о такъ называемой платонической любви:

Существо божественной и человѣческой души у него сравнивается съ окрыленной колесницей. «Пара коней у боговъ принадлежитъ къ высшей, благородной породѣ; у людей же къ этой породѣ принадлежитъ только одинъ конь, а другой происходитъ отъ низкой, упрямой породы, такъ что возницѣ крайне трудно править своей колесницей и слѣдовать по пути за богами. Зевсъ, великій владыка неба, ѣдетъ впереди другихъ на своей крылатой колесницѣ, чтобы всюду водворять порядокъ и обо всемъ заботиться. За нимъ слѣдуетъ толпа боговъ и дэмоновъ девятью стройными рядами; въ домѣ же боговъ остается одна Гестія. Отдѣльно ѣдутъ другіе боги, принадлежащіе къ двѣнадцатому ряду, также въ опредѣленномъ для каждаго порядкѣ. Много дивно-прекраснаго видно на этомъ пути въ небесныхъ сферахъ, куда боги направляютъ свои колесницы, совершая что прилично каждому изъ нихъ. Имъ слѣдуетъ каждый, кто пожелаетъ, ибо зависть далека отъ ихъ божественныхъ рядовъ. Отправляясь же на пиръ или обѣдъ, они ѣдутъ на небо прямымъ, стремнистымъ путемъ; ихъ колесницы, запряженныя послушными конями, легко несутся вверхъ; другія же колесницы едва успѣваютъ слѣдовать за ними, ибо одинъ изъ ихъ коней, низкой породы, все тянетъ къ землѣ и упрямо влечетъ ихъ книзу, — если только возница недовольно ловко имъ правитъ; а потому для души наступаетъ теперь упорная борьба, постоянная битва.

Безсмертные, достигнувъ вершины неба, оборачиваются и потомъ твердо стоятъ на его тверди. Затѣмъ ихъ увлекаетъ поворотъ круга—и они видятъ все, что есть за предѣлами неба. Но это наднебесное мѣсто еще не воспѣлъ ни одинъ поэтъ, да и не будетъ никогда достоинъ возвыситься до него; а такъ какъ я хочу повѣдать всю истину, то и долженъ осмѣлиться описать и его по всей правдѣ. Оно таково: это—безцвѣтная, безформенная, нематеріяльная, въ истинѣ пребывающая сущность, которую видитъ только одинъ духъ, водитель души; вокругъ же этого существа,—все, что относится къ истинной наукѣ. И такъ какъ божественный духъ живетъ чистымъ разумомъ и наукой, и такъ какъ каждой душѣ опредѣлено взять отъ нихъ надлежащую ей часть; то всѣ души радуются вновь увидѣть это истинно-сущее, и питаются созерцаніемъ истиннаго, и наполняются веселымъ мужествомъ,—пока новый поворотъ круга не возвратитъ ихъ на прежнее мѣсто. Во время этого полета можно также увидѣть и справедливость, и умѣренность, и науку,—но не ту, которая возникаетъ во времени и подраздѣляется на многія отдѣльныя науки, по различнымъ дѣйствительно извѣстнымъ намъ предметамъ, а науку объ истинно-сущемъ. Такимъ образомъ, душа также видитъ истинное бытіе, лежащее въ основаніи всѣхъ вещей, и, усладившись имъ, вновь опускается внизъ во внутренность неба, и возвращается обратно домой. По возвращеніи возница ведетъ коней къ яслямъ, даетъ имъ амврозіи, и поитъ ихъ нектаромъ. Таковъ образъ жизни боговъ. Изъ другихъ душъ та, которая лучше другихъ успѣваетъ слѣдовать за несущимися впереди богами, можетъ вознести чело возницы до наднебеснаго мѣста, и совершить вмѣстѣ съ богами поворотъ; однако и тутъ замедляемая конемъ, она едва въ состояніи увидѣть сущее. Иная изъ душъ уже совсѣмъ поднимается, но вдругъ падаетъ внизъ, и при бѣшенствѣ коней одно увидитъ, а другаго нѣтъ. Всѣ же прочія души хотя также стремятся кверху и стараются поспѣть, однако въ изнеможеніи остаются позади, задерживаются внизу, толкаются и бьются между собою,—при чемъ каждая усиливается

опередить другихъ. Тутъ возникаетъ шумъ, споръ и страхъ; многія по винѣ возницы бываютъ изранены, а ихъ перья испорчены; но всѣ онѣ послѣ напрасныхъ усилій возвращаются назадъ, не видавъ сущаго, и бываютъ должны довольствоваться одной призрачной пищей истины.

Съ этого времени возгорается въ нихъ пламенное желаніе видѣть равнины истины, ибо на тѣхъ лугахъ находится лучшій кормъ для всего благороднѣйшаго въ душѣ; отъ него снова растетъ сила перьевъ, съ помощію которыхъ душа опять возносится вверхъ, и законъ Адрастеи именно гласитъ, что та изъ душъ, которая въ сопутствѣ съ богами увидѣла истинное, не потерпитъ никакого вреда до слѣдующей поѣздки, и если ей постоянно удастся совершить это, она остается вѣчно невредимою. Но если она, не будучи въ состояніи поспѣть за богами, не увидитъ ничего, и, постигнутая неудачей, предается забвенію и слабости въ своемъ паденіи,—тогда она совсѣмъ лишается перьевъ и падаетъ на землю. Въ это время она должна при первомъ рожденіи воплотиться — не въ тѣло животнаго, но, въ случаѣ если она хоть что нибудь видѣла при полетѣ,—въ тѣло мужа, долженствующаго потомъ сдѣлаться другомъ мудрости, красоты, музъ или любви; другая—въ тѣло законнаго государя или завоевателя; третья—въ тѣло государственнаго человѣка или хорошаго правителя своимъ домомъ и своимъ ремесломъ; четвертая — въ тѣло человѣка, который посвящаетъ себя гимнастикѣ или врачебному дѣлу; пятая поведетъ человѣка къ жизни предсказателя или посвященнаго въ таинства; шестая станетъ душею поэта; седьмая изберетъ жизнь, посвященную землемѣрству или ручному труду; осьмая сдѣлается душею софиста или льстиваго демагога; девятая воплотится въ тирана. Изъ всѣхъ этихъ людей достигнетъ лучшей доли тотъ, кто справедливъ, а худшей — кто несправедливъ. Туда же, откуда пришла каждая душа, она возвратится обратно никакъ не раньше 10,000 лѣтъ, ибо скорѣе ни одна не можетъ получить перьевъ, исключая развѣ той души, которая отдается чистой философіи или посвящаетъ себя философской любви. Такая душа въ третій тысяче-

лѣтній періодъ, если она притомъ три раза избираетъ тотъ же родъ жизни, т. е. черезъ 3,000 лѣтъ, можетъ, снова оперившись, возвратиться домой. Прочія же, пройдя первый періодъ жизни, призываются къ суду, послѣ котораго однѣ отправляются въ подземныя мѣста переносить свое наказаніе, а другія, будучи освобождены отъ него,—въ небесныя мѣста, гдѣ имъ воздается за жизнь, которую онѣ вели въ человѣческомъ видѣ. Но, по прошествіи тысячи лѣтъ, обоего рода душамъ опять предоставляется удѣлъ и выборъ второй жизни; каждая избираетъ по своему желанію. Тогда человѣческая душа можетъ также перейти и въ животное, и потомъ, бывши прежде въ человѣкѣ, снова изъ животнаго обратиться въ человѣка. Но человѣческаго вида уже никогда не можетъ принять та душа, которая никогда не видала истины, ибо человѣкъ долженъ постигать идею вещей, т. е. то, что *изъ хаоса чувственныхъ впечатлѣній приводитъ къ единству*. Все это, однако, есть только воспоминаніе о томъ, что видѣла прежде душа, когда она слѣдовала путями боговъ, и, возвысивъ чело свое до сущаго, созерцала то, что мы считаемъ теперь за дѣйствительное. Потому-то *по праву окрыляется только духъ философовъ*. При разсмотрѣніи вещей его душа сохраняетъ сколь можно болѣе свои воспоминанія, созерцаніе которыхъ и ведетъ къ божеству. Только тотъ мужъ можетъ быть совершенъ въ истинѣ, который всѣми чувствами отдается этимъ воспоминаніямъ и постоянно посвящаетъ себя истинѣ. Воздерживаясь отъ человѣческихъ увлеченій, и живя только для божественнаго, человѣкъ бываетъ осуждаемъ людьми, какъ безумецъ; то же, чѣмъ его наполняетъ божественное вдохновеніе, остается скрытымъ отъ толпы.

Здѣсь наша рѣчь подошла именно къ четвертому виду безумія, которымъ бываетъ одержима душа того, кто при созерцаніи земной красоты вспоминаетъ о той, истинной, и черезъ это вновь окрыляется, и съ новыми крыльями опять порывается кверху, но, не будучи въ силахъ подняться, только смотритъ туда подобно птицѣ, не обращая вниманія на то, что происходитъ здѣсь внизу. Это-то и есть

высочайшее изъ всѣхъ вдохновеній, обнаруживающее свое благороднѣйшее происхожденіе какъ въ томъ, кто имъ обладаетъ, такъ и въ томъ, которому оно сообщается; человѣкъ, который становится причастенъ такому безумію, исполненный любви къ красотѣ, называется влюбленнымъ. Ибо, какъ сказано, душа каждаго человѣка по природѣ своей должна хоть разъ видѣть истинно-сущее, безъ чего она не могла бы и принять человѣческаго вида, и при созерцаніи земныхъ вещей вспоминать о небесномъ; но это подъ силу не каждой душѣ; это нелегко той, которая только кратковременно видѣла сущее тамъ вверху; это нелегко и той, которую во время паденія постигла злая участь, такъ что она, искаженная дурнымъ вліяніемъ, впадаетъ потомъ въ несправедливость и въ забвеніе всего видѣннаго ею, святаго и божественнаго. Такимъ образомъ, остается лишь немного такихъ, въ которыхъ живетъ мочучее воспоминаніе. Когда онѣ видятъ подобіе божественнаго, онѣ смущаются и не владѣютъ собою, или, при встрѣчѣ съ нимъ, не узнаютъ его, ибо оказываются недостаточно проницательными. Это происходитъ оттого, что земные образы справедливости, умѣренности и всѣхъ другихъ доблестей души не имѣютъ никакого блеска, и ихъ истинную сущность могутъ съ трудомъ узнать своими смущенными органами лишь тѣ немногіе, которые близко подходятъ къ этимъ образамъ. Красота блистаетъ лишь подъ ихъ наружнымъ видомъ, и мы только свѣтлѣйшимъ изъ нашихъ органовъ созерцаемъ ея яркое блистанье. Зрѣніе есть острѣйшее изъ всѣхъ нашихъ чувственныхъ воспріятій; оно не можетъ созерцать лишь одной мудрости, ибо тогда возникла бы уже слишкомъ пламенная любовь, если бы отъ мудрости нашъ глазъ воспринималъ столь же яркій свѣтъ, какъ и отъ всего другаго, достойнаго любви. Это остается удѣломъ одной красоты, которая и является поэтому самою лучезарною и восхитительною для любви. Тотъ, въ комъ не живетъ болѣе воспоминаніе, кто уже совершенно испортился,—тотъ болѣе не увлекается красотой, встрѣчая здѣсь то, что носитъ ея имя, а потому онъ приближается къ ней

не съ благоговѣніемъ, а безстыдно преслѣдуетъ ее съ дикою и низкою чувственностью. Въ комъ же еще сохранилась святая свѣжесть, и кто созерцалъ красоту еще прежде, тотъ, встрѣтивъ богоподобный образъ, въ тѣлесномъ видѣ представляющій совершенную красоту, сперва содрагается и ощущаетъ страхъ, какъ прежде; потомъ онъ молится ей, взирая на нее какъ на божество, не страшится нарѣканія въ безуміи и приноситъ любимой *красотѣ жертвы, какъ божеству. При ея видѣ страхъ мгновенно* обращается въ необыкновенный жаръ. Онъ проникается весь этимъ жаромъ, воспринимая глазами лучи льющейся на него красоты, отъ вліянія которой ростутъ крылья его души. Этотъ жаръ расплавляетъ то, что задерживало зародыши перьевъ и ихъ ростъ; къ нимъ притекаетъ новая пища, развиваются перья, и ими вновь обростаетъ когда-то окрыленная душа. И такъ какъ каждый еще неиспорченный стремится здѣсь изъ всѣхъ силъ подражать божеству, къ сонму котораго онъ принадлежалъ прежде; по этому онъ и избираетъ здѣсь любимую красоту, какъ бы она была самимъ божествомъ, образуетъ и украшаетъ ее, чтобы поклоняться ей, какъ священному образу. Постоянно стараясь постигнуть природу *своего божества, онъ, по необходимости, постоянно* созерцаетъ само истинное божество, и крѣпко сохраняя его въ памяти, онъ вдохновенно принимаетъ его стремленія и обычаи, на сколько возможно принять ихъ человѣку, и то, что онъ приписываетъ любимой красотѣ, переходитъ еще болѣе на него самого. Чрезъ это онъ ближе и ближе уподобляется самому божеству».

Ученіе Аристотеля о воспитаніи.

Ученикъ Платона Аристотель (род. въ 385 г. до Р. Х.), развившій философское ученіе, совершенно противоположное взглядамъ своего учителя, по широтѣ своего міросозерцанія, по глубокой учености и громадному вліянію, принадлежитъ уже не одной Греціи, а всему человѣче-

ству. Отецъ его, фракіецъ Никомахъ, былъ врачъ и другъ Македонскаго царя Аминты,—и это обстоятельство не могло не имѣть вліянія на призваніе его сына, ставшаго во главѣ реальнаго направленія въ философіи и въ наукѣ вообще. Рано лишившись родителей, онъ на семнадцатомъ году своей жизни пришелъ въ Аѳины къ Платону, въ обществѣ котораго онъ и оставался впродолженіи цѣлыхъ 20-ти лѣтъ. Его упрекаютъ вообще въ неблагодарности къ своему учителю, ибо въ его сочиненіяхъ отражается его нерасположеніе къ платонизму; но это совершенно понятно психологически: ихъ взгляды были слишкомъ несходны, чтобы могло быть въ нихъ примиреніе. Впослѣдствіи, когда Аристотелю было уже 42 года, Филиппъ Македонскій пригласилъ его взять на себя воспитаніе 13-ти лѣтняго его сына Александра. Это дало философу еще болѣе возможности посвятить себя ученымъ занятіямъ и постигнуть всю важность воспитанія. Кромѣ того есть свидѣтельства, что Аристотель по утрамъ читалъ болѣе серьозныя части науки уже подготовленнымъ ученикамъ, слѣдуя акроаматической методѣ, а послѣ полудня преподавалъ огромной массѣ слушателей другія науки, имѣющія въ виду общее образованіе. Разсказываютъ, что онъ при преподаваніи имѣлъ обычай ходить взадъ и впередъ,—откуда получила названіе и вся его философская школа «перипатетиковъ». По смерти Александра Македонскаго, у котораго онъ въ послѣднее время впалъ въ немилость послѣ 13-ти лѣтняго преподаванія философіи въ лицеѣ, Аристотель былъ обвиненъ аѳинянами въ оскорбленіи боговъ, и добровольно оставивъ городъ, удалился въ Халкиду, гдѣ и умеръ въ 322 г.

Философія у Аристотеля теряетъ свой національно-эллинскій характеръ. Вмѣсто поэтическаго діалога Платона — у него является сухая проза; вмѣсто миѳовъ и поэтическихъ покрововъ — выступаетъ твердый, трезвый, научный языкъ; непосредственное умосозерцаніе учителя замѣняется у его ученика рефлексіей и отвлеченностью понятій. Отвергая платоническое единство всякаго бытія, Аристотель съ особенною любовью обра-

щаетъ свой взглядъ на разнообразіе явленій, и ищетъ идеи только въ ея частномъ, конкретномъ проявленіи. Для развитія высшихъ, болѣе общихъ идей онъ всегда нуждается въ фактахъ и тщательно изучаетъ ихъ, будутъ ли они относиться къ области природы, исторіи, или внутренней жизни человѣка. Вся его философія основывается на данныхъ, исходитъ изъ опыта, и приходитъ къ синтезу осторожнымъ путемъ индукціи. Какъ Платонъ можетъ быть названъ крайнимъ идеалистомъ, выходящимъ всегда изъ общей апріористической идеи, такъ Аристотель—крайнимъ эмпирикомъ, уважающимъ прежде всего непосредственный опытъ, анализъ каждаго частнаго факта въ общемъ мірѣ явленій. У него всюду является критическій элементъ и осторожность въ построеніи общей системы. Такова его и метафизика, и политика, въ которой онъ касается и собственно педагогическихъ вопросовъ.

Платонъ принимаетъ идею воспитанія во всей ея идеальной возвышенности; Аристотель относится къ ней съ практическимъ, но глубокимъ пониманіемъ. У Платона личность какъ бы сгараетъ въ свѣтѣ общей идеи; у Аристотель она признается въ дѣятельности анализирующаго ума. Признавая необходимость существованія рабовъ, Аристотель къ нимъ менѣе строгъ, чѣмъ Платонъ: онъ предписываетъ также заботиться о ихъ нравственномъ и духовномъ воспитаніи. Платонъ ставитъ математическія науки очень высоко въ обученіи, такъ какъ онѣ отвлекаютъ отъ чувственнаго и ведутъ къ духовному; Аристотель ставитъ ихъ при обученіи очень низко, такъ какъ въ нихъ нѣтъ пищи для нравственнаго чувства, столь необходимаго въ практической жизни. Онъ не противится, подобно Платону, изученію произведеній поэзіи и искусства только потому, что они предлагаютъ намъ вмѣсто истины одинъ безсодержательный призракъ и представляютъ опасность привести юношество къ поверхностному многознанію; но признаетъ пользу психологическаго объясненія художественнаго творчества и анализируетъ законы самаго искус-

ства и психическую дѣятельность души. Далѣе, въ противоположность Платону, Аристотель высоко ставитъ исторію и вообще историческое знаніе, какъ образовательное средство для духа, стараясь при этомъ дать также указанія: какими методическими средствами можно легче достигать усвоенія учебнаго матеріяла. Какъ представитель греческаго взгляда, Платонъ считаетъ педофилію существеннѣйшимъ воспитательнымъ дѣломъ для народа; Аристотель же, провозвѣстникъ новыхъ міровыхъ истинъ, отвергаетъ ее въ своемъ государствѣ. Наконецъ, Аристотель существенно отличается отъ Платона въ отношеніи къ нравственному воспитанію юношества: между тѣмъ какъ послѣдній говоритъ о началѣ добра въ *человѣческой дѣятельности*, *дедуктивно подводя* его подъ метафизическую идею добра, и не допускаетъ сообщенія добродѣтели посредствомъ воспитанія и обученія, такъ какъ она, по его мнѣнію, есть даръ неба для ищущихъ ее; Аристотель, напротивъ того, признаетъ въ своей этикѣ нравственное начало только въ сферѣ человѣческой жизни, а не какъ міровую идею добра, и старается объяснить образованіе добродѣтели съ помощію ясныхъ понятій ума.

Понятіе о добродѣтели гражданина Аристотель, въ своей «политикѣ», опредѣляетъ именно слѣдующими типическими чертами: «Какъ матросъ на кораблѣ есть членъ цѣлаго корабельнаго общества, такъ точно и гражданинъ въ государствѣ. Матросы же по своему назначенію неодинаковы между собою въ общемъ дѣлѣ: такъ одинъ изъ нихъ гребецъ, другой—кормчій, третій—его помощникъ и т. д. Ясно, такимъ образомъ, что точнѣйшее опредѣленіе добродѣтели каждаго изъ нихъ должно быть сообразно съ личной задачей каждаго; но въ то же время должно быть для всѣхъ ихъ и нѣкоторое общее опредѣленіе, сообразное съ ихъ общей задачей, которая есть — благополучіе плаванія. Подобнымъ образомъ, какъ бы ни были неодинаковы между собою граждане, цѣлость той формы общежитія, которою они пользуются, составляетъ общее ихъ дѣло, а та или другая форма политическаго устрой-

ства и есть форма ихъ общежитія. Поэтому добродѣтель гражданина должна быть опредѣляема по отношенію къ данному политическому устройству. Понятіе о хорошемъ человѣкѣ слагается изъ понятія о двухъ добродѣтеляхъ, каковы: благоразуміе и справедливость. Да и самая добродѣтель хорошаго человѣка, какъ подчиненнаго, и какъ свободнаго, очевидно, также не одинакова; такъ напр. справедливость имѣетъ виды, изъ которыхъ одинъ приличествуетъ ему на столько, на сколько онъ управляетъ, а другой — на сколько онъ подчиняется. Такъ точно благоразуміе и мужество мужчины и женщины различны: мужчина, конечно, оказался бы робкимъ, если бы былъ такъ мужественъ, какъ мужественна женщина; а женщина, въ свою очередь, показалась бы очень свободною, если бы была только такъ скромна, какъ прилично это мужчинѣ.» Такимъ образомъ, Аристотель всюду воздерживается отъ общихъ опредѣленій. Понятія объ общечеловѣческой нравственности, отыскать которое старается Платонъ, у него не могло быть: это понятіе дало впервые человѣчеству только христіянство, сдѣлавъ человѣка гражданиномъ міра, а не только — извѣстнаго народа.

Ученіе о воспитаніи у Аристотеля стоитъ въ зависимости отъ его государственной теоріи. По мнѣнію Аристотеля, законодатель всего болѣе долженъ заботиться о воспитаніи юношества, потому что отъ невниманія къ этому дѣлу страдаетъ само политическое устройство государства. Характеръ моральнаго воспитанія того или другаго общества служитъ обыкновенно охраною его политическаго устройства, опредѣляя собою ту или другую форму его быта, такъ что наилучшее нравственное настроеніе общества всегда условливаетъ собою и наилучшую форму его политическаго состоянія. Если во всякомъ знаніи, во всякомъ искусствѣ есть нѣчто такое, что напередъ должно быть усвоено посредствомъ обученія и навыка для того, чтобы дѣйствовать въ предѣлахъ этого искусства; то ясно, что такое приготовленіе необходимо и для добродѣтельной дѣятельности. А такъ какъ цѣль государства, по мнѣнію Аристотеля, одна,

то и воспитаніе всѣхъ гражданъ, очевидно, должно быть одно; слѣдовательно, оно должно быть дѣломъ общественнымъ, а не частнымъ, какъ это бываетъ теперь, когда каждый по своему заботится о своихъ дѣтяхъ, уча ихъ чему вздумается. Образованіе общественныхъ дѣятелей должно быть дѣломъ общественнымъ, и никто изъ гражданъ не долженъ считать себя принадлежащимъ себѣ самому; но всѣ, напротивъ, должны считать себя принадлежащими государству; и если каждый гражданинъ есть только часть государства, то попеченіе о каждой части цѣлаго, естественно, должно идти рука объ руку съ попеченіемъ о цѣломъ. Въ этомъ отношеніи Аристотель не можетъ довольно нахвалиться на лакедемонянъ за то, что они прилагаютъ столь большое попеченіе о дѣтяхъ, и притомъ пекутся о нихъ общими усиліями.

Касаясь вопроса о томъ, чему должно учиться юношество какъ для развитія въ себѣ добродѣтели, такъ и просто для наилучшей практической жизни, Аристотель прибавляетъ: «До сихъ поръ не выяснено: собственно ли въ развитіи мышленія должно состоять воспитаніе, или—въ развитіи нравственности? По существующей системѣ воспитанія, вообще трудно, составить понятіе о его истинной задачѣ, такъ какъ до сихъ поръ не ясно даже и то, въ чемъ должно упражнять юношей: въ томъ ли, что полезно собственно для жизни, или въ томъ, что ведетъ къ добродѣтели, или, наконецъ въ томъ, что выше интересовъ текущей жизни? А между тѣмъ и тѣ, по мнѣнію которыхъ цѣль воспитанія состоитъ въ развитіи добродѣтели, расходятся между собою въ средствахъ для достиженія этой цѣли»! Личность человѣка, по педагогической теоріи Аристотеля, опредѣляется природою, пріученіемъ и обученіемъ. Собственно воспитаніе состоитъ именно въ пріученіи и обученіи, которыя должны всегда идти неразлучно, но при томъ такъ, что пріученіе начинается всего раньше. Обученіе имѣетъ свою внутреннюю цѣль, такъ что для благородныхъ и свободныхъ натуръ неприлично спрашивать о пользѣ того, чему учатъ. Воспитаніе должно

приготовить душу для воспріятія ученія о нравственномъ, подобно тому, какъ приготовляется почва прежде, чѣмъ кидаются въ нее сѣмена. Только когда душа приготовлена къ добру,—можно съ пользою предлагать ей ученіе о нравственности, ибо только послѣ усвоенія ею хорошихъ привычекъ нравственныя правила могутъ имѣть на нее облагораживающее вліяніе. Но при этомъ надо всегда имѣть въ виду конечную цѣль природы — образованіе разума, и самое воспитаніе должно всегда быть только развитіемъ, расширеніемъ природы человѣка. Душа въ ея собственномъ смыслѣ обладаетъ пятью способностями (энтелехіями): питанія, ощущенія, желанія, движенія и мышленія, составляющаго вѣнецъ человѣческой природы.

Въ первые пять лѣтъ жизни не слѣдуетъ дитя ни учить, ни занимать тяжелой работой, потому что чрезъ это задерживается его естественный ростъ. Но тѣмъ не менѣе уже и въ это время надо предохранить дѣтей отъ праздности. Наиболѣе сообразную для нихъ дѣятельность составляетъ *игра*. Дѣтскія игры должны быть, по большей части, подражаніемъ тому, что впослѣдствіи будетъ призваніемъ дитяти. Столь же заботливое вниманіе надо обращать на разсказы и сказки, которые приличны этому возрасту. Все мрачное, низкое слѣдуетъ изгонять изъ дѣтской сферы; на этомъ основаніи дѣти должны по возможности рѣже оставаться съ рабами, чтобы не видѣть и не слышать ничего такого, что неприлично свободному человѣку. Человѣкъ есть наиболѣе склонное къ подражанію животное: эта наклонность врождена ему, и этимъ именно онъ отличается отъ всѣхъ другихъ существъ. Точно также всѣ непристойныя картины и сочиненія должны быть удалены отъ юношества. Дитя надо вести преимущественно такимъ образомъ, чтобы оно ощущало радость отъ добродѣтели, доставляющей истинное наслажденіе, и чтобы, наоборотъ, испытывало непріятность отъ того, что вслѣдствіе частыхъ аффектовъ можетъ обратиться въ неискоренимую привычку. Истинное наслажденіе нераздѣльно съ добродѣтелью.—По прошествіи пяти лѣтъ жизни дѣти впродолженіи двухъ лѣтъ должны только присматриваться

и прислушиваться къ тому, чему имъ предстоитъ потомъ учиться. Но при обращеніи съ дѣтьми надо принимать въ разсчетъ природное различіе ихъ по поламъ, такъ какъ женщина въ отношеніи добродѣтели вообще слабѣе, и вслѣдствіе робости своей болѣе нуждается въ покровительствѣ;— мужчина же по своей силѣ и мужеству назначенъ для обороны. Поэтому женщину надо пріучать въ особенности ко всему, что содѣйствуетъ красотѣ и благородству ея наружности, и что ведетъ ея душу къ умѣренности и благородному труду.... Замѣтимъ кстати, что здѣсь Аристотель остается слишкомъ вѣренъ своему времени, и что только христіянство уравняло права женщины въ призваніи ея къ добродѣтели наравнѣ съ мужчиной, при чемъ и самое понятіе «добродѣтели» много измѣнилось въ пользу болѣе духовнаго, субъективнаго значенія.

Начиная съ 7-го года начинается уже собственно обученіе. Оно продолжается до самого времени мужества и сопровождается тѣлесными упражненіями. Слѣдующіе за тѣмъ три года идетъ обученіе лишь музыкѣ и учебнымъ предметамъ; потомъ, до 21 года,—труднѣйшая гимнастика и опредѣленная умѣренность въ пищѣ, отчасти съ цѣлью противодѣйствовать половымъ влеченіямъ, отчасти съ цѣлью сдѣлать юношей способными къ войнѣ и разнымъ матеріяльнымъ лишеніямъ. Задача обученія, какъ и воспитанія, состоитъ въ томъ, чтобы дѣтей, какъ существа несовершенныя, воспитать совершенными гражданами, такъ какъ они должны впослѣдствіи принимать участіе въ жизни гражданскаго общества, и такъ какъ государство безъ образованія отдѣльныхъ личностей само не можетъ достигнуть совершенства. Цѣль воспитанія — такъ образовать дѣтей и вообще людей на различныхъ ступеняхъ ихъ возраста, чтобы они были способны отдаться всему, преимущественно прекрасному: вести жизнь на войнѣ, заниматься дѣлами въ мирѣ, наслаждаться досугомъ и дѣлать все, что необходимо и полезно. Это образованіе въ благоустроенномъ государствѣ должно быть для всѣхъ одинаково, ибо у всѣхъ одно общее назначеніе — сдѣлаться гражданами. Смотря по различію человѣческихъ

дарованій, и по зависящему оттого различію добродѣтелей, воспитаніе состоитъ въ интеллектуальномъ и нравственномъ пріученіи. Интеллектуальное воспитаніе, достигаемое посредствомъ обученія, не должно быть отдѣляемо отъ физическаго, такъ какъ духовное развитіе основывается на тѣлесномъ. Поэтому прежде всего слѣдуетъ обучать юношество гимнастикѣ, вовсе не задаваясь мыслью — придать тѣлу атлетическія качества, ибо и у животныхъ, и у народовъ храбрость является принадлежностью вовсе не самыхъ дикихъ, но — самыхъ рѣшительныхъ, львиныхъ характеровъ: гимнастическій призъ приличенъ прекрасному, а не животно-дикому подвигу. Изъ искусствъ надо обучать музыкѣ по преимуществу передъ другими. Она принадлежитъ къ числу совершеннѣйшихъ искусствъ, пріучая душу не только къ жизненному усвоенію внутренняго, духовнаго міра, но и къ облагороженію внѣшнихъ поступковъ. Цѣль ея изученія не есть одно удовольствіе, но также—достойное препровожденіе часовъ досуга. Естественно, что при воспитаніи музыкальное обученіе должно лишь на столько вводить въ область этого искусства, на сколько это необходимо, чтобы развить чувство смѣлости и ритма. Очевидно также, что дѣти не должны быть допускаемы къ занятію такими искусствами, которыя дѣлаютъ ихъ простыми ремесленниками: сюда относятся такія занятія, которыя или тѣло, или душу, или мышленіе людей свободныхъ дѣлаютъ неспособными къ добродѣтельной жизни. Таковы всѣ промысловыя и ремесленническія занятія (ванавсическія), такъ какъ они ухудшаютъ тѣло и дѣлаютъ мысль человѣка тупою, неспособною къ ученію. Такимъ образомъ, Аристотель дорожитъ формальною стороною обученія, но какъ реалистъ, не ограничивается одною ею.

Далѣе, важнѣйшими учебными предметами являются у него грамматика и риторика: въ грамматическомъ отношеніи полезно читать поэтовъ преимущественно, такъ какъ у нихъ представляются событія, какъ они *могли* совершаться, чѣмъ поэты существенно и отличаются отъ историковъ, изображающихъ дѣйствительно совершив-

шееся. Кромѣ того, для юношества полезно начертательное искусство (графика), научающее вѣрной оцѣнкѣ художественныхъ произведеній пластики; чрезъ это также развивается и изощряется чувство тѣлесной, пластической красоты. Между такъ называемыми науками въ собственномъ смыслѣ — математика по своему образовательному значенію для юношества занимаетъ лишь второстепенное мѣсто: она не принимаетъ во вниманіе понятій добраго и злаго; притомъ же она въ дѣйствительности вовсе не даетъ ничего строго прямаго и округленнаго, какъ это принимаютъ геометры; наконецъ, математика не особенно возвышаетъ и чувство прекраснаго. Діалектика важна собственно для упражненія разсудка, а также по отношенію къ другимъ людямъ, которыхъ надо въ чемъ либо убѣдить, и еще болѣе важна при изученіи философскихъ наукъ, давая навыкъ легко различать истинное и ложное. Философія же есть средство для достиженія высшаго гуманно-политическаго образованія, и для внутренняго благополучія; она господствуетъ надъ всѣми другими науками, научая человѣка уразумѣнію всѣхъ явленій, всего добраго и лучшаго въ природѣ и жизни. Высшая изъ всѣхъ практическихъ наукъ есть наука о государствѣ (политика),—на сколько цѣлью для нея служитъ высшее благо и счастіе; но она не можетъ служить предметомъ изученія для юношества, такъ какъ оно еще слишкомъ подчинено страстности и неопытно въ житейской, практической дѣятельности. Конечную цѣль воспитанія составляетъ нравственное развитіе: безъ развитой нравственности человѣкъ является самымъ дикимъ, самымъ вреднымъ изъ всѣхъ созданій, ибо онъ, при безнравственности, уже по природѣ своей обладаетъ самымъ страшнымъ оружіемъ — умомъ, которымъ онъ можетъ пользоваться для самыхъ отвратительныхъ цѣлей. Нравственное воспитаніе должно образовать въ питомцѣ добродѣтель: она состоитъ въ разумной, привычной, постоянной дѣятельности, которая притомъ не противорѣчитъ природѣ. И такъ для того, чтобы образовать добраго человѣка, необходимы три условія: природныя способности, пріуче-

ніе или образованіе права и обученіе. Конечная цѣль *всего воспитанія, къ которой надо преимущественно стремиться*, есть — богоподобіе.

Этимъ Аристотель сказалъ тѣ высшія истины, какія только могло постигнуть дохристіянское время. Съ одной стороны онъ остался вѣренъ эллинской государственной жизни: онъ опредѣляетъ понятіе добродѣтели полною способностью къ выполненію гражданскихъ правъ и обязанностей, и признаетъ воспитаніе лишь въ примѣненіи къ благороднымъ мальчикамъ, ставя уже на второй планъ женщину и рабочіе классы народа, и оставляя почти безъ вниманія рабовъ. Но, съ другой стороны, у него уже высказываются требованія чисто-человѣческой добродѣтели, въ отличіе отъ добродѣтели гражданской. Высшею цѣлью общечеловѣческаго образованія онъ уже ставитъ уподобленіе божеству. Онъ также даетъ прочныя начала для сообразной съ природой педагогики, признавая воспитаніе человѣка: какъ члена семейства, гражданина своего государства, и, наконецъ, какъ разумно-нравственнаго существа, воспитаніе—съ помощію равномѣрнаго, постепеннаго развитія тѣлесныхъ и духовныхъ способностей. Основныя начала своей педагогики Аристотель испробовалъ также практически при воспитаніи Александра Великаго и въ своемъ лицеѣ. Еще никогда прежде столь великій учитель не образовалъ столь великаго ученика, направленіе котораго, однако, естественно зависѣло отъ духа того дохристіянскаго времени: какъ учитель завоевалъ себѣ весь тогдашній духовный міръ,—такъ ученикъ подчинилъ себѣ своими побѣдами весь тогдашній реальный міръ. Такъ какъ Аристотель вполнѣ образовалъ богато-одаренную личность своего ученика, то и понятно, что этотъ ученикъ, достигнувъ полнаго самосознанія и полной самостоятельности, освободившись отъ всякихъ узкихъ, ограниченныхъ плановъ, пришелъ къ великой мысли: соединить весь тогдашній міръ въ одно общественное цѣлое. Къ той же мысли приходили и всѣ позднѣйшіе геніяльные люди, различаясь только въ средствахъ ея выполненія, опредѣляемыхъ духомъ времени. У Александра Великаго

также было живое стремленіе уничтожить различіе между греками и варварами, и ему уже приписывается изрѣченіе міровой идеи, что Богъ есть общій отецъ всѣхъ людей, изъ которыхъ лучшіе сдѣлаются и его любимѣйшими дѣтьми. Аристотель принялъ на себя воспитаніе Александра уже послѣ того, какъ у него были учителями: Леонидъ, отличавшійся самымъ твердымъ характеромъ, и заботливый Лизимахъ, обучавшій его по греческой системѣ. Аристотель ввелъ его въ изученіе Иліады, переработанной имъ самимъ для своего ученика, и до того вдохновилъ его греческимъ эпосомъ, что Александръ во всѣхъ своихъ походахъ возилъ съ собою творенія Гомера въ особомъ золотомъ ящикѣ. Уваженіе къ поэтическому искусству было до того живо возбуждено въ государѣ, что онъ при разрушеніи Ѳивъ велѣлъ пощадить жилище Пиндара, пѣвца праздничныхъ побѣдъ. По музыкѣ Александръ умѣлъ превосходно играть на струнахъ и пѣть, оказывалъ также большое уваженіе музыкальнымъ артистамъ и устраивалъ музыкальныя состязанія. Доказательствомъ того, что Александръ дѣятельно занимался гимнастикой, служитъ симметрически развитое его тѣло и благородная, величавая наружность, быстрота его бѣга и выносливость среди самой напряженной дѣятельности. Онъ, вѣроятно, изучалъ также и графику, и былъ коротко знакомъ съ величайшимъ живописцемъ того времени — Апеллесомъ. Достовѣрно также, что Аристотель прилагалъ собенное стараніе къ развитію въ своемъ ученикѣ дара краснорѣчія: онъ желалъ образовать въ немъ внутреннюю ясность мысли, и всепокоряющую, побѣдоносную красоту ея внѣшней формы — рѣчи. Геометрію Александръ изучалъ лишь на столько, чтобы знать о величинѣ земли, только малѣйшая часть которой досталась ему въ удѣлъ. Политикѣ Аристотель училъ его, какъ будущаго государя, отступивъ въ этомъ случаѣ отъ своего основнаго положенія, что политика не для юношей,—или, можетъ быть, уже придя къ этому убѣжденію впослѣдствіи, послѣ неудачныхъ опытовъ надъ своимъ ученикомъ. Наконецъ, онъ ввелъ его также въ этику и въ глубокія тайны метафизики. На

сколько Аристотель заинтересовалъ Александра естествознаніемъ можно видѣть изъ того, что государь во время походовъ своихъ черезъ Грецію и Азію назначилъ до тысячи человѣкъ для собиранія разныхъ замѣчательныхъ произведеній природы и для отсылки ихъ своему любимому учителю.—Но все это, однако, не помѣшало всемірному завоевателю разойтись со своимъ учителемъ, который впослѣдствіи впалъ у него въ немилость и долженъ былъ оставить Аѳины.... Въ Аристотелѣ эллинскій народъ выразилъ все, что было суждено ему выразить и передать преемственно другимъ народамъ.

Практическое воспитаніе у римлянъ.

Римское воспитаніе опредѣляется характеромъ самого римскаго народа. Отличительную черту этого характера, въ періодъ высшаго развитія республиканской жизни Рима, составляетъ уваженіе къ семейной жизни и признаніе правъ женщины въ сферѣ семейства. Спартанская простота и строгость нравовъ сохранялись въ Римѣ и тогда, когда аристократія должна была уступить мѣсто новымъ плебейскимъ фамиліямъ, тѣмъ болѣе, что римское государство имѣло чисто военный характеръ. Основаніями всего національнаго быта были: война, земледѣліе, и простота всѣхъ отношеній жизни; только любовь къ отечеству, мужество и военные подвиги считались заслугами и могли доставить общее уваженіе. Чѣмъ болѣе Римъ преобразовывался въ совершенно новое, республиканское государство, и принималъ чисто воинственный характеръ,—тѣмъ проще и суровѣе становилась общественная жизнь, а вмѣстѣ съ тѣмъ и воспитаніе. Только въ періодъ царей и преобладанія аристократіи эта суровая простота древняго римскаго быта была нѣсколько нарушена, но въ первыя же времена республики—вновь возстановлена. Безпрерывныя войны поддерживали этотъ складъ римской жизни. У римлянъ каждый гражданинъ былъ воиномъ, и всѣ высшіе сановники избирались изъ высшихъ военa-

чальниковъ. Поэтому лагерные нравы съ самаго начала получили перевѣсъ надъ стремленіями къ роскоши, начинавшими обнаруживаться при послѣднихъ царяхъ; а всемогущій примѣръ новаго высшаго класса, вышедшаго изъ плебеевъ, имѣлъ благодѣтельное вліяніе на низшія сословія. Только женщинамъ дозволялась нѣкоторая роскошь въ частной жизни; мужчины же сдѣлались еще грубѣе и суровѣе отъ постоянныхъ войнъ. Земледѣліе и военная служба были главными занятіями римлянина и считались единственными почетными отраслями дѣятельности. Война сдѣлалась для римлянъ тѣмъ же, чѣмъ для народовъ средне-вѣковыхъ была охота: — игрою, вошедшею въ привычку, развлеченіемъ, потребностью, основанною на обычаѣ и условіяхъ всего быта. Охотой нельзя было заняться на густо-населенной и прекрасно-воздѣланной территоріи римскаго государства, и потому она не могла сдѣлаться страстью, какъ у сѣверныхъ народовъ. Патріотизмъ и любовь къ славѣ заставляли каждаго римлянина, по окончаніи войны, желать новаго похода. Даже самое увеличеніе числа рабовъ, т. е. военно-плѣнныхъ, не имѣло сначала вреднаго вліянія на духъ и нравы римскаго народа. Рабы, употребляемые преимущественно для земледѣльческихъ работъ, и занимавшіеся ими вмѣстѣ со своимъ господиномъ и его семействомъ, находились тогда въ совершенно другихъ отношеніяхъ къ своимъ владѣльцамъ, чѣмъ впослѣдствіи.

Семейная жизнь въ Римѣ была гораздо чище и благороднѣе, чемъ въ Греціи: она долго была вполнѣ сельскою, строго нравственною и умѣренною. Знатные римляне, исключая сенаторовъ, жили преимущественно въ своихъ имѣніяхъ, пріѣзжая въ городъ только на время, и возвращаясь назадъ по окончаніи своихъ дѣлъ. Дѣти жили у отца, или по сосѣдству, точно также, какъ и кліенты, находившіеся къ своему патрону въ такихъ же отношеніяхъ, какъ и дѣти. Отецъ былъ не только главою, но господиномъ и владыкою всего семейства, и государство не вмѣшивалось рѣшительно ни во что, происходившее въ нѣдрахъ семейства. Отецъ, не подвергаясь никакой

отвѣтственности, могъ бросить своего новорожденнаго ребенка, *присвоить себѣ все имущество сыновей*, трижды продавать ихъ въ рабство, и даже—лишать ихъ жизни. *Съ перваго взгляда покажется, что подобное право должно* было повести за собою самую страшную тираннію; — но на дѣлѣ, замѣчаетъ Шлоссеръ, *естественное чувство бы*ваетъ всегда гораздо могущественнѣе, гораздо лучше всякаго *покровительства законовъ*. Хотя въ Римѣ и встрѣчались иногда случаи злоупотребленія родительскою властью, но, вообще, они были весьма рѣдки, и въ древнѣйшую эпоху семейная власть имѣла то преимущество, что дѣлала почти ненужными суды и письменные законы. Серьознымъ, суровымъ и практическимъ римлянамъ была совершенно чужда исполненная удовольствій и чувственныхъ наслажденій жизнь грековъ; за то они были свободны и отъ той геніяльной легкомысленности, которая обнаруживается во всѣхъ проявленіяхъ греческой жизни и высказывается нерѣдко въ распущенности ихъ женщинъ и слабости брачныхъ узъ. Настоящими національными развлеченіями римлянъ были конскіе скачки и военныя игры, начало которыхъ восходитъ до самыхъ отдаленныхъ временъ; напротивъ того все, что имѣло какое нибудь отношеніе къ искусству и технической ловкости, вначалѣ было имъ совершенно чуждо. Игры гладіаторовъ, возникшія впослѣдствіи, вполнѣ соотвѣтствовали грубому характеру римлянъ, и потому, тотчасъ по своемъ появленіи въ Римѣ, сдѣлались, вмѣстѣ съ травлями звѣрей, любимымъ развлеченіемъ народа. Но и здѣсь, точно также, какъ въ танцахъ и введенныхъ впослѣдствіи театральныхъ представленіяхъ, первобытныя національныя воззрѣнія сохранили всю свою силу, и всякій, являвшійся въ этихъ зрѣлищахъ дѣйствующимъ лицомъ, былъ предметомъ всеобщаго презрѣнія. Музыка римлянъ была шумная или веселая, и никогда не испытывала значительныхъ усовершенствованій. Нѣкоторыя торжественныя жертвоприношенія, совершавшіяся съ аккомпанементомъ музыки, постоянно сопровождались неистовыми плясками и прыганьемъ. Пѣніе и игра на флейтѣ, употребительныя

на пирахъ, никогда не подвергались такимъ усовершенствованіямъ, какъ греческая музыка. Но за то у римлянъ съ самаго начала сталъ распространяться самый низкій видъ роскоши — роскошь стола, для ограниченія которой принуждены были издать особый законъ. Такова была жизнь римскаго общества, среди котораго развивалась воспитательная практика до того времени, пока греческія воззрѣнія не проникли въ Римъ и не произвели рѣшительнаго переворота во всей римской образованности.

Центромъ воспитанія, какъ мы сказали, служило семейство, которое всегда и вездѣ зиждется на *женщинѣ*. Имѣя много рабынь, исполнявшихъ всѣ домашнія работы, жена римлянина вовсе не вмѣшивалась во многія отрасли домашняго хозяйства, которыя въ наше время, за отсутствіемъ рабства, должны лежать непремѣнно на обязанности самой хозяйки. Римскія женщины не были, подобно греческимъ, (за исключеніемъ Спарты) удалены отъ всякой общественной и государственной жизни, не были ограничены однимъ семейнымъ и домашнимъ кругомъ. Имъ не было чуждо и общее мужское образованіе, которое у грековъ было доступно только гетерамъ; а потому исторія римской образованности, въ противоположность греческой, представляетъ намъ примѣръ сильнаго вліянія женщинъ на развитіе націи. Замужняя римлянка имѣла очень почетное положеніе въ обществѣ, была образована, и принимала участіе въ общественной жизни мужчинъ. Расторженіе брака въ цвѣтущій періодъ римскаго государства хотя и было доступно для мужчины, но въ жизни являлось чѣмъ-то неслыханнымъ. Въ родномъ семействѣ дѣти, какъ мальчики, такъ и дѣвочки, рано пріучались къ опрятности, рѣшительности, простотѣ и благородному приличію. Качества эти еще болѣе укрѣплялись въ юношествѣ подъ вліяніемъ общественной жизни и славныхъ преданій отечественной исторіи, отпечатлѣваясь неизгладимыми чертами въ юношескомъ характерѣ. Эти доблести и составляли задачу римскаго воспитанія. «У грековъ — говоритъ Цицеронъ — одни всей душой предаются поэзіи, другіе—геометріи, третьи — музыкѣ; иные же, какъ напр.

діалектики, открываютъ для себя особенный кругъ дѣятельности, и все свое время, всю свою жизнь посвящаютъ искусствамъ и изобрѣтеніямъ, чтобы съ помощію ихъ образовать юношескій духъ на началахъ гуманности и добродѣтели. Дѣти же римлянъ воспитываются для того, чтобы они впослѣдствіи могли быть *полезны* отечеству, а потому ихъ должно образовывать въ видахъ государственнаго блага и вести въ обычаяхъ предковъ. Отечество дало намъ жизнь и воспитаніе лишь для того, чтобы мы потомъ посвятили его пользѣ всѣ главныя и лучшія силы нашего духа, нашего таланта, нашего ума; а потому мы должны изучать только такія искусства, которыя выгодны для государства: въ этомъ нахожу я и высочайшую мудрость, и высочайшую доблесть». Такимъ образомъ, цѣлью для римскаго воспитанія служила практическая и патріотическая дѣятельность, какъ опредѣляетъ ее Цицеронъ, отзывы котораго о греческомъ воспитаніи скорѣе относятся, впрочемъ, уже къ періоду упадка Греціи.

Воспитательныя средства въ древнѣйшія времена Рима были тѣ же, изъ которыхъ въ Греціи возникли впослѣдствіи и науки, и искусства; но въ Римѣ эти зародыши развивались въ совершенно иномъ направленіи.... Римскій мальчикъ учился управлять конемъ и колесницей, отчасти упражнялся въ охотѣ, и, главное — готовился быть хорошимъ воиномъ: въ этомъ заключались первые элементы гимнастики. Въ праздничныхъ гимнахъ, въ пѣсняхъ въ честь предковъ, въ маскарадныхъ фарсахъ лежали основы для различныхъ отраслей музыки и поэзіи, какъ важныхъ образовательныхъ средствъ. Но этимъ задаткамъ искусства не суждено было достигнуть того правильнаго развитія, какое мы видимъ у грековъ. Тѣлесное воспитаніе не выработало идеи художественнаго усовершенствованія тѣла и, вообще, дѣло художественнаго образованія у римлянъ не вытекало изъ ихъ національнаго характера и не принесло никакихъ плодовъ: эллинская любовь къ искусству казалась имъ чѣмъ-то недостойнымъ. Еще Корнелій Непотъ полагалъ, что пѣніе непристойно гражданину, какъ члену государства, и Горацій прямо

смѣется надъ тѣми изъ своихъ современниковъ, которые мастерски играли на цитрѣ. Только съ той поры, когда римскій характеръ измѣнилъ своей первобытной сущности, проникла въ Римъ греческая образованность съ ея наукой и искусствомъ. Однако римляне никогда не достигали истиннаго пониманія греческихъ воспитательныхъ средствъ, ибо этого пониманія нельзя было ожидать отъ народа, который не уважалъ ничего, что не имѣло прямаго примѣненія къ жизни въ ея обыденномъ, практическомъ смыслѣ. Римлянинъ стремился и во всей своей могучей дѣятельности, и въ воспитаніи осуществить идею одной пользы; грекъ, напротивъ того, желалъ посредствомъ воспитанія образовать прекрасную личность, достигшую идеальнаго совершенства. У грековъ идея прекраснаго и добраго проникала все воспитательное дѣло; — у римлянъ на первомъ планѣ стояла идея практическаго и полезнаго, на которой строилось и все воспитаніе. Первые стремились водворить эстетическій элементъ въ жизни; — вторые — разсудочный. Грекъ благоговѣлъ предъ духовными стремленіями человѣка, выражающимися въ наукѣ и искусствѣ, ради ихъ самихъ, дѣлая это по влеченію собственной природы; — римлянинъ удовлетворялся въ своей дѣятельности только тѣмъ, что служило благу государства. Воспитаніе грековъ и воспитаніе римлянъ взаимно исключали другъ друга; но на поприщѣ всемірной исторіи они дополняли другъ друга, расширяя воспитательный идеалъ, восполняя его новыми чертами, и потому содѣйствуя его всестороннему развитію. Задачею истиннаго воспитанія для насъ уже не можетъ служить ни исключительно греческій образецъ, ни исключительно римскій, — а ихъ соединеніе, или гармоническое развитіе какъ чувственнаго, такъ и духовнаго человѣка, развитіе какъ художественныхъ, такъ и практическихъ способностей его многосторонней природы.

Обращаясь непосредственно къ семейному воспитанію, столь строго охраняемому римлянами въ древнѣйшій и наступившій за тѣмъ цвѣтущій (республиканскій) періодъ ихъ исторіи, мы видимъ, что отецъ принимаетъ ближай-

шее участіе въ воспитаніи своихъ дѣтей. Когда новорожденное дитя было признано отцемъ, поднявшимъ его на руки, какъ свое законное, и чрезъ то обязавшимся заботиться о немъ, ему давалось имя: дѣвочкѣ на восьмой, а мальчику на девятый день послѣ рожденія. День этотъ торжественно праздновался; приглашались родственники и друзья дома; приносились жертвы домашнимъ богамъ, и исполнялись различныя религіозныя церемоніи, имѣвшія цѣлью — предохранить дитя отъ враждебныхъ чаръ, подъ защитой божества. Послѣ того оно поручалось попеченію матери: отъ ея распоряженій и благоразумія зависѣло его тѣлесное воспитаніе; ближайшею помощницею ея являлась кормилица (nutrix), а въ богатыхъ домахъ—и другія служанки. Нянька, избираемая изъ служанокъ или изъ подругъ дома, занимала потомъ мѣсто педагога, и особенно при воспитаніи дочерей оказывала существенное вліяніе на ихъ нравственное поведеніе, предохраняя ихъ отъ вредныхъ внѣшнихъ условій. Главнѣйшее же значеніе при нравственномъ воспитаніи не только дѣвочекъ, но и мальчиковъ, оставалось на сторонѣ матери во все время процвѣтанія римскаго государства. Необузданный Коріоланъ, котораго ничто не могло преклонить къ согласію удалить свои кровожадныя толпы отъ стѣнъ его роднаго города, ничто, кромѣ умоляющаго вида его престарѣлой матери Ветуріи, есть не единственный примѣръ того прочнаго нравственнаго вліянія, которое пріобрѣтали римскія матроны надъ своими воинственными сынами. Стоитъ также вспомнить доблестную мать Гракховъ, благородную Корнелію, одну изъ образованнѣйшимъ римскихъ женщинъ, имѣвшую такое огромное вліяніе на своихъ обоихъ сыновей — образцовъ истинно-римской гражданской доблести. Простота, воздержность и умѣренность—вотъ тѣ основныя качества, запечатлѣть которыя въ нравахъ дѣтей стремилось римское семейство, дѣйствуя на нихъ не столько словомъ, сколько примѣромъ.

Домашняя дисциплина была чрезвычайно строга. Въ присутствіи дѣтей не должно было ни говорить, ни дѣлать что либо неприличное. Однажды М. П. Катонъ, въ быт-

ность свою цензоромъ, изгналъ Маплія изъ сената за то, что онъ днемъ, въ присутствіи дочери, цѣловалъ свою супругу. Отцы никогда не купались вмѣстѣ съ сыновьями, точно также какъ дяди съ племянниками, чтобы не оскорбить въ дѣтяхъ чувства стыдливости—начала всякой добродѣтели по понятіямъ римлянъ. Рабамъ, женщинамъ и свободно-рожденнымъ юношамъ до 30-лѣтняго возраста запрещалось пить вино; нарушеніе же этого со стороны женскаго пола наказывалось наравнѣ съ важнѣйшими проступками. Отецъ никогда не обѣдалъ безъ сына внѣ дома, чтобы оба во взаимномъ присутствіи не могли позволить себѣ никакихъ излишествъ. При такой осмотрительности старшихъ, стыдливо относившихся къ юношеству, послѣднее, конечно, также сохраняло чувство стыдливости и уваженія передъ старшими. Съ пировъ родители возвращались домой не иначе, какъ въ сопровожденіе своихъ сыновей. Не встать предъ сѣдиною старца—считалось преступленіемъ. Вообще, скромная стыдливость у римлянъ уважалась не менѣе, какъ и у спартанцевъ, и составляла лучшее украшеніе римскаго юношества. Извѣстная поговорка Катона «я лучше люблю тѣхъ, которые краснѣютъ, нежели тѣхъ, которые блѣднѣютъ, ибо краска стыдливости есть цвѣтъ добродѣтели»—была общею поговоркою между римлянами. Кромѣ тѣхъ нравственныхъ вліяній, которыя оказывалъ на юношескій духъ непосредственно весь складъ римской семейной жизни, той же цѣли служили разсказы о простотѣ и доблести предковъ, долженствовавшіе воодушевить юношество ко всему доброму и благородному. Въ семейномъ кругу было въ обычаѣ разсказывать о разныхъ замѣчательныхъ событіяхъ изъ лагерной и военной жизни, о знаменитыхъ битвахъ съ врагами отечества: все это возбуждало и питало патріотическое чувство въ младшихъ членахъ семейства. На пирахъ каждый взрослый по очереди разсказывалъ другимъ что нибудь въ похвалу своихъ доблестныхъ предковъ; мальчики также пѣли при этомъ, иногда съ аккомпанементомъ флейты, во славу лучшихъ гражданъ отечества; въ душѣ ихъ и другихъ слушателей

воспламенялось чувство удивленія къ праотцамъ и желаніе подражать имъ въ собственной дѣятельности. Въ прежнія времена Рима, отцы иногда брали съ собой сыновей, находившихся еще въ отроческомъ возрастѣ (praetextati), въ сенатъ, считая его лучшей школой практической мудрости; но этотъ обычай былъ впослѣдствіи отмѣненъ, и допускался развѣ въ видѣ исключенія: такъ молодой Папирій получилъ позволеніе посѣщать сенатъ и послѣ запрещенія этого обычая потому, что онъ прежде, при распросахъ своей любопытной матери, желавшей знать, что дѣлалось въ сенатѣ, доказалъ свое умѣнье «не только хорошо говорить, но и хорошо молчать».

Когда мальчикъ снималъ отроческое платье (toga praetexta), ему тотчасъ стригли длинные волосы, которые онъ носилъ до того времени, и надѣвали на него toga virilis: *теперь для юноши наступало годичное испытаніе*, продолженіе котораго онъ занимался труднѣйшими тѣлесными упражненіями, и вращался въ обществѣ взрослыхъ мужей. За все это время онъ, въ знакъ своей скромности, носилъ руки подъ плащемъ, и если успѣвалъ обнаружить въ себѣ такія качества, какъ серьезность, умѣренность, порядочность въ хозяйствѣ и строгая нравственность; — то при вступленіи въ мужескій возрастъ онъ уже пріобрѣталъ себѣ хорошую репутацію, однако безъ особенныхъ похвалъ и поощреній. Напротивъ того, тотъ, который не обладалъ подобными достоинствами, не могъ избѣгнуть общаго презрѣнія. Такимъ образомъ, главныя воспитательныя средства въ этотъ періодъ имѣли одинъ нравственный характеръ. Тѣмъ не менѣе, римскій юноша обязывался строгимъ послушаніемъ, такъ какъ римляне полагали, что только умѣющій слушаться будетъ потомъ умѣть и повелѣвать. *Съ этой цѣлью юноша долженъ былъ* жить въ лагерѣ и отправлять опредѣленныя обязанности. Здѣсь онъ часто бывалъ въ преторіи, состоя въ распоряженіи военноначальника, и проготовляясь быть впослѣдствіи опытнымъ воиномъ и искуснымъ полководцемъ. Если молодой человѣкъ готовился потомъ къ гражданскимъ должностямъ, онъ долженъ былъ присутствовать

въ собраніяхъ куріи, какъ простой зритель, но не могъ принимать въ нихъ прямаго участія. Ближайшимъ учителемъ его при этомъ былъ самъ отецъ; въ случаѣ же смерти отца имъ руководили старѣйшіе изъ гражданъ и поучали его примѣрами изъ ежедневной жизни римскаго форума. Кромѣ того, усердно посѣщая форумъ, молодой римлянинъ могъ пріобрѣтать знакомство знаменитыхъ юристовъ, напр. сопровождая ихъ во время прогулокъ, могъ обращаться къ нимъ съ вопросами, и просить ихъ указаній въ извѣстныхъ случаяхъ. Существеннѣйшимъ элементомъ въ образованіи римлянина, при вступленіи его въ свое призваніе, былъ самъ обычай (usus); вся подготовка совершалась практическимъ путемъ; духъ развивался подъ вліяніемъ самой жизни. Такъ практически-образованный, богатый собственнымъ опытомъ отецъ, самъ велъ воспитаніе своего сына, или даже внука. Римлянинъ, подобно спартанцу, учился жить въ самой жизни; все воспитаніе его носило на себѣ здоровый, реальный характеръ, устранявшій всякую искусственность.

Главной цѣли Римскаго воспитанія — приготовленію къ практической жизни въ сферѣ государства—соотвѣтствовало и обученіе въ собственномъ смыслѣ. Оно находилось въ тѣсной связи съ дисциплиной, которая стояла даже на первомъ планѣ, такъ что долгое время все обученіе ограничивалось однимъ необходимѣйшимъ—умѣньемъ читать и писать. Затѣмъ къ элементарному обученію постепенно присоединялось чтеніе и объясненіе старинныхъ писателей и поэтовъ. Тѣлесное развитіе стояло внѣ воспитательной задачи: къ гимнастикѣ вовсе не прибѣгали, а заботились только о сохраненіи и укрѣпленіи здоровья, о физическимъ закалѣ. Если же нѣкоторые римляне, какъ напр. Папирій Курзоръ, и были искусны въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ греческой гимнастики, преимущественно же въ бѣганьи; — то они достигали этого благодаря своимъ природнымъ способностямъ, и не могли придать своему искусству никакого общественнаго значенія, какъ это было у грековъ. Дѣвушки римскія и подавно не знали никакихъ гимнастическихъ упражненій. Даже танцамъ учились

только мальчики, и то лишь для того, чтобы умѣть хорошо держаться и сохранять извѣстное римское decorum. Пѣнію обучали потому, что оно служить къ увеселенію. Особенное вниманіе обращалось на то, чтобы мальчики знали на память законы «двѣнадцати таблицъ», такъ какъ содержаніе ихъ было важно для каждаго дѣловаго человѣка. Наконецъ, вмѣстѣ съ пѣніемъ стиховъ, мальчики рано пріучались къ произнесенію похвальныхъ рѣчей въ честь славныхъ подвиговъ отечественныхъ героевъ.

Начало учрежденія школъ перешло къ римлянамъ отъ этрусковъ. Первыя школы въ Римѣ были дѣломъ частной предпріимчивости. По свидѣтельству Тита Ливія, въ 449 году до Р. Х. въ Римѣ на форумѣ, между различными лавочками, находилась одна элементарная школа, которая посѣщалась взрослыми дѣвушками. Тѣмъ же историкомъ упоминается существовавшая во время Камилла школа для мальчиковъ въ городѣ Валеріяхъ, учитель которой собиралъ къ себѣ сыновей знатнѣйшихъ гражданъ города, чтобы свободно занимать ихъ разными полезными упражненіями. Упоминается также, что когда Камиллъ неожиданно вторгнулся въ Тускулумъ (377 г.) въ школахъ поднялся крикъ находившихся въ нихъ учениковъ. Особенное развитіе получило школьное образованіе у римлянъ, кажется, со времени Спурія Карвилія — въ 225 г. до Р. Х. Первоначальнымъ обученіемъ (prima literatura) занимался обыкновенно literator, самъ человѣкъ малообразованный, который гдѣ нибудь подъ крышей долго занимался съ учениками за ничтожную плату, или обучалъ in ludo publico — въ общественной школѣ. Отъ обыкновенія, по которому дѣти учились открыто на улицахъ (in triviis) на разныхъ перекресткахъ и площадяхъ, произошло и позднѣйшее названіе «тривіальныхъ школъ»; отсюда же ведетъ свое начало и средневѣковое trivium, обозначавшее три обыкновенные учебные предмета: грамматику, діалектику и риторику; замѣчательно, что уже Квинтиліянъ обыкновенныя школьныя познанія опредѣляетъ выраженіемъ «trivialis scientia». Самыя школы у римлянъ назывались ludi (игры, забавы), какъ бы съ цѣлью—привле-

кать въ нихъ юношество заманчивостью самаго ихъ названія; кромѣ того въ этомъ названіи можно видѣть намекъ на то, что занятіе наукой и искусствомъ, въ противоположность практической дѣятельности, есть игра для духа и отдохновеніе. Сообразно съ этимъ и учителя назывались ludi magistri.

Вліяніе Греціи на римское воспитаніе.

Послѣ завоеванія Римомъ Греціи, греческій геній произвелъ совершенный переворотъ и въ жизни, и въ воспитаніи римлянъ, не смотря на то, что греческая образованность послѣ Александра Великаго перешла уже въ *александрійскую*, т. е. значительно пала. Время это, предшествовавшее эпохѣ римскаго владычества, по характеристикѣ Шлоссера, было временемъ промышленнаго развитія и ученыхъ занятій по преимуществу. Это былъ одинъ изъ тѣхъ періодовъ жизни народовъ, когда всѣ стремленія общества направляются на предметы полезные и употребительные въ матеріяльной жизни, а умъ, утративъ пониманіе истинно высокаго и добраго, находитъ для себя удовольствіе въ чтеніи, и чувствуетъ потребность разнообразить утонченныя чувственныя наслажденія умственными занятіями и научнымъ диллетантизмомъ. Въ такую эпоху могутъ процвѣтать только тѣ изъ наукъ и научныхъ занятій, которыя имѣютъ прямое примѣненіе въ практической жизни: математика, механика, физика, медицина. Собираніе и объясненіе матеріаловъ, или безплодное мудрствованіе занимаютъ мѣсто истинной научной дѣятельности, основывающейся на одушевленіи; все чисто умственное лишается своего внутренняго содержанія и падаетъ въ той же мѣрѣ, въ какой возвышаются утилитарныя науки. Изнѣженный умъ человѣка бываетъ слишкомъ безсиленъ, слишкомъ преданъ чувственности и далекъ отъ естественности, чтобы любить истинное и прекрасное только для нихъ самихъ. Въ подобныя эпохи искусство и наука дѣлаются только средствами для внѣшнихъ, матеріяльныхъ цѣлей, и, какъ рабыни, служатъ

роскоши, промышленности и развлеченіямъ. А таковъ былъ весь бытъ, все умственное направленіе грековъ въ названную эпоху, придавшее особенный характеръ тогдашней греческой, или точнѣе, александрійской образованности. Правда, успѣхи реальныхъ наукъ составляютъ самую свѣтлую, самую важную для позднѣйшихъ поколѣній сторону александрійской образованности, тѣмъ болѣе, что именно около этого времени познакомились съ нею римляне, стремившіеся по самому складу своего ума ко всему практическому, реальному, и къ осуществленію идеи всемірнаго владычества. За то во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ александрійская эпоха представляетъ собою печальную картину застоя, упадка и испорченности. Мѣсто свободнаго, энергическаго умственнаго движенія заступила безцвѣтная, тщеславная и пустая дѣятельность ума; литература обратилась или въ пустую болтовню, или въ безплодную ученость, праздное мудрствованіе, поверхностное и самодовольное многознаніе. Простота и естественность воззрѣній, пониманіе высокаго и живое участіе ко всему человѣческому—исчезли, и источникомъ мудрости, вмѣсто самой жизни, сдѣлалась мертвая книга. Тѣмъ не менѣе, греческій геній и въ это время оказалъ обаятельное вліяніе на своихъ побѣдителей, — и вліяніе это, вмѣстѣ со многимъ хорошимъ, привило къ римскому обществу не мало и вреднаго, вызывая нерѣдко энергическую реакцію со стороны римскихъ патріотовъ, защитниковъ прежней простоты, прежней естественности какъ въ жизни, такъ и въ воспитаніи.

Греческій языкъ и греческая литература стали теперь въ Римѣ главными предметами обученія, оттѣснивъ на второй планъ отечественные: такъ Ливій Андроникъ читалъ со своими учениками греческихъ поэтовъ; Кратосъ Маллосскій, посланникъ короля Аттола, когда сломалъ въ Римѣ ногу, то во время своего лѣченія читалъ лекцію о грамматикѣ греческаго языка, и такимъ образомъ первый ввелъ въ Римѣ изученіе ея. Тогда же, подъ вліяніемъ греческихъ образцовъ и греческой философіи, стало изучаться римлянами ораторское искусство, къ которому они имѣли

природное дарованіе. Мало по малу метода обученія съ греческаго языка была перенесена и на латинскій. Всеобщее духовное движеніе, обнаружившееся въ высшихъ слояхъ римскаго общества, отозвалось и на низшихъ; среди простаго народа и даже между рабами съ этого времени распространилась охота учиться читать, писать и считать. Кромѣ общаго народнаго образованія между римлянами возникло еще особенное образованіе, опредѣляемое словомъ «humanitas», котораго искали исключительно сыновья знатныхъ родителей, готовившіеся къ высшимъ государственнымъ должностямъ. Такіе молодые люди изучали греческій языкъ, римское право, и упражнялись въ ораторскомъ искусствѣ: безъ подобнаго образованія въ Римѣ нельзя уже было надѣяться имѣть какое нибудь участіе въ дѣлахъ государственнаго управленія. Луцій Эмилій Павелъ былъ одинъ изъ первыхъ, который призналъ за греческою цивилизаціею всемірное значеніе. Не отвергая необходимости національнаго воспитанія, онъ воспитывалъ своихъ дѣтей по греческой системѣ: на греческой литературѣ, миѳологіи, риторикѣ и философіи; греческіе живописцы и скульпторы постоянно находились въ его свитѣ и довершали художественное (музійское) образованіе его дѣтей. Такое же воспитаніе, какъ въ домѣ Эмилія Павла, распространилось и во всемъ высшемъ римскомъ обществѣ, такъ что греческій языкъ еще съ этихъ далекихъ временъ ведетъ свое привилегированное значеніе, только на время позабытое въ средніе вѣка... Греческіе учителя толпами отправлялись въ Римъ въ качествѣ знатоковъ греческаго языка, греческой литературы и вообще греческаго образованія; въ римскихъ дворцахъ и лакеи и философы набирались преимущественно изъ грековъ. По свидѣтельству современниковъ, этимъ щеголяли римскіе богачи, и за хорошаго знатока греческой литературы, какъ за раба, платили до 200,000 сестерцій,—что составитъ около 50,000 руб. на наши деньги. Уже въ 161 г. до Р. Х. въ Римѣ существовало нѣсколько особыхъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ упражняли въ греческой декламаціи; обученіе греческимъ наукамъ вхо-

дило, какъ существеннѣйшая часть, въ систему тогдашняго римскаго образованія. Всѣ значительные римляне занимались греческою литературою; знатные люди держали у себя въ домахъ греческую прислугу, греческихъ секретарей, греческихъ ученыхъ, и между молодыми людьми считалось хорошимъ тономъ говорить лучше по-гречески, нежели по-римски. Самъ Тиверій Гракхъ пригласилъ къ себѣ въ домъ одного извѣстнаго греческаго философа. Сципіонъ младшій былъ другомъ многихъ греческихъ ученыхъ. Люцій Крассъ имѣлъ обычай чаще говорить на греческомъ, нежели на своемъ родномъ языкѣ. Аттикъ описалъ консульство Цицерона такимъ изящнымъ греческимъ языкомъ, что можно бы было подумать, что родиной его были сами Аѳины. Цицеронъ не только посѣтилъ Аѳины, но и былъ усерднѣйшимъ слушателемъ философовъ и грамматиковъ, пріѣзжавшихъ въ его время въ Римъ.

Такимъ образомъ, параллельно съ греческимъ высшимъ обученіемъ развилось и собственно римское. Уже Андроникъ и Эннiй вмѣстѣ съ греческимъ языкомъ обучали также латинскому. Чѣмъ болѣе затѣмъ развивалась римская литература, тѣмъ болѣе римскій языкъ и наука входили въ кругъ тогдашняго высшаго образованія, какъ учебныя средства. Такія сочиненія римскихъ писателей, какъ «пуническая война» — Невія, хроника Эннія, позже стихотворенія Луцилія, въ извѣстные дни читались сначала предъ избраннымъ кругомъ слушателей, а потомъ и публично: этимъ юношество вводилось въ пониманіе классической латинской литературы. Самый латинскій языкъ съ этого времени получаетъ ученую обработку: Варронъ написалъ особое сочиненіе о латинскомъ языкѣ, а Юлій Цезарь составилъ латинскую грамматику. Тогда же, около 100 г. до Р. Х., такіе ученые римляне, какъ Варронъ и Цицеронъ, читали въ кругу молодыхъ людей сочиненія Плавта и произносили рѣчи на родномъ языкѣ; для высшаго національнаго образованія устроились, наконецъ, особыя, правильно организованныя учебныя заведенія съ хорошо оплачиваемыми учителями. Самое обученіе тотчасъ же раздѣлилось, по-

добно греческому, также на два курса: сперва научно преподавалась латинская литература, а потомъ шли упражненія въ искусномъ сочиненіи похвальныхъ, политическихъ и юридическихъ рѣчей. Первую литературную школу въ Римѣ открылъ Севій Никаторъ, около 100 г. до Р. Х., а первую спеціальную школу для изученія латинской риторики—Луцій Плотій Галлъ, около 90 г. до Р. Х. И чѣмъ болѣе приближалась къ своему паденію римская республика, тѣмъ болѣе распространялась въ ней греко-римская образованность. Даже гимнастическія упражненія были переняты отъ грековъ и начинались точно также игрой въ мячикъ, бѣганьемъ и фехтованьемъ, а потомъ переходили въ состязанія по всѣмъ правиламъ гимнастическаго искусства. Въ знатныхъ римскихъ домахъ и помѣстьяхъ подлѣ купальни непремѣнно устроивалась и палестра. Но, тѣмъ не менѣе, гимнастика у римлянъ никогда не служила сама себѣ цѣлью, какъ это было у грековъ: римская гимнастика служила только приготовленіемъ къ войнѣ, и даже такъ называемая Троянская игра, т. е. торжественное состязаніе въ большомъ циркѣ, изображавшее Троянскую войну, у римлянъ превратилась въ простую военную игру, которая исполнялась ежегодно при участіи сыновей знатныхъ патриціевъ, состязавшихся въ верховой ѣздѣ, единоборствѣ, метаніи диска, плаваньи и т. под. Въ стратегическихъ видахъ особенное значеніе придавали искусству плавать, въ которомъ были искусны даже женщины, напр. знаменитая Элелія. Пѣніе теперь было также въ употребленіи; но оно постоянно соединялось съ танцами, противъ которыхъ возставалъ еще Цицеронъ, и въ особенности Сципіонъ Африканскій. «Сыновей и дочерей нашихъ знатныхъ гражданъ—сѣтовалъ послѣдній—учатъ разнымъ пустымъ и непристойнымъ искусствамъ: они посѣщаютъ школы комедіантовъ вмѣстѣ съ танцорами, музыкантами и пѣвцами. Я едва могу вѣрить этому; но я самъ видѣлъ въ одной танцовальной школѣ до 300 мальчиковъ и дѣвочекъ, и въ числѣ ихъ одинъ 12-тилѣтній мальчикъ исполнялъ такой танецъ, котораго постыдился бы даже самый отверженный рабъ».

Въ послѣдніе годы республики эллинская система образованія была уже вполнѣ примѣнена къ обученію римскаго юношества, — нравственная же сторона воспитанія была забыта. Правовѣдѣніе, агрономія и военныя науки сдѣлались изъ общихъ наукъ спеціальными. Къ прежнему грамматическо-риторическо-философскому курсу присоединился еще новый, состоявшій изъ геометріи, ариѳметики, астрономіи и музыки. Въ энциклопедіи Катона составными частями общаго, а не спеціальнаго образованія принимаются: нравоученіе (этика), ораторское искусство, агрономія, право, военная наука и медицина; у Варрона же въ систему общаго образованія входятъ какъ общеобразовательные предметы: грамматика, астрономія, музыка, медицина и архитектура.

Одновременно съ упадкомъ нравственно-воспитательной части, учебная постоянно развивается, и число школъ растетъ. По приговору Вебера и всѣхъ другихъ историковъ, у римлянъ, точно также, какъ и у грековъ, высшая цивилизація шла рядомъ съ наибольшимъ нравственнымъ разложеніемъ общества. Науки и искусства находили себѣ пріютъ и поощреніе во дворцахъ богачей; торговля и ремесла процвѣтали; благосостояніе и образованность привели къ наслажденію жизнью; красивыя постройки многолюдныхъ городовъ производили впечатлѣніе общаго счастія; и въ Римѣ, и въ другихъ большихъ городахъ возвышалось множество учебныхъ заведеній, распространявшихъ знанія. Но такъ какъ вся образованность римская была лишь чуждымъ, экзотическимъ растеніемъ; то ей недоставало внутренней одушевляющей и возвышающей силы: она только полировала поверхность, но не проникала внутрь, въ сердце человѣка. Строгость нрава, благородство души, сила характера — признавались и цѣнились столь же мало, какъ и геніяльность въ изобрѣтеніи и творчествѣ. Всѣ стремленія каждаго были направлены къ наслажденію въ жизни, къ роскоши, которыя вели римское общество къ неизбѣжной гибели. Этотъ разладъ между образованіемъ и воспитаніемъ увеличился еще болѣе во время имперіи; — но прежде, нежели перейти къ нему,

необходимо бросить взглядъ на учебное дѣло, такъ какъ оно, развившись въ это время и выработавъ болѣе опредѣленныя системы и методы, имѣло огромное значеніе впослѣдствіи, сдѣлавшись достояніемъ среднихъ вѣковъ съ ихъ схоластическою ученостью.

Обученіемъ дѣтей завѣдывали грамматисты. До шестаго или седьмаго года дитя оставалось въ родительскомъ домѣ, на попеченіи матери или кормилицы, а потомъ—педагога, который теперь точно также, какъ у грековъ, являлся ближайшимъ руководителемъ мальчика. Элементарное обученіе начиналось только по седьмому году и переходило въ руки *литератора*, который преподавалъ prima literatura въ открытой школѣ — ludus publicus. У него дѣти учились прежде всего читать. Употреблявшаяся при этомъ метода была силлабическая, державшая дѣтей долго на складахъ; при этомъ названіе и порядокъ буквъ заучивались прежде, чѣмъ учащіеся узнавали ихъ начертаніе и значеніе. Затѣмъ къ чтенію присоединялось письмо. Упражненія въ письмѣ производились или по предложеннымъ прописямъ,при чемъ учитель сперва водилъ руку учащагося, или прямо на вощаныхъ дощечкахъ, на которыхъ учитель проводилъ стилемъ глубокія черты, и потомъ давалъ ученику самому обводить ихъ. По пріобрѣтеніи ученикомъ должнаго навыка въ чтеніи и письмѣ буквъ, слѣдовали упражненія въ правильномъ произношеніи словъ. Прочитывался какой нибудь разсказъ, а потомъ разбирался по содержанію и по языку. Поучительныя поговорки и сентенціи заучивались на память. Такъ постепенно доходили, наконецъ, до чтенія и объясненія болѣе легкихъ поэтическихъ произведеній, и при этомъ главное вниманіе обращалось на правильное удареніе и благозвучное произношеніе. Рядомъ съ этимъ грамматическимъ курсомъ шло обученіе счету. Дѣти считали по пальцамъ, на камешкахъ или на аспидной доскѣ. Счетъ по пальцамъ былъ, кажется, чѣмъ то въ родѣ умственнаго счисленія: каждый палецъ, даже каждый сгибъ пальца соотвѣтствовалъ извѣстному числу; ученикъ долженъ былъ внимательно слѣдить за пальцами учителя, ихъ сгибами

и движеніями, и потомъ угадывать сумму. Кромѣ того дѣти считали на доскахъ, на камешкахъ и мелкихъ монеткахъ, которые они приносили съ собою въ школу въ особыхъ коробкахъ. Эти камешки служили еще къ тому, что раскладывались въ извѣстномъ порядкѣ на разлинованной доскѣ, и дѣти, вѣроятно, учились на нихъ четыремъ ариѳметическимъ дѣйствіямъ. При обученіи литераторъ поручалъ старшимъ ученикамъ имѣть за другими полицейскій надзоръ, или просматривать диктовки, спрашивать заданные уроки. Методы у различныхъ учителей были различны, смотря по личности каждаго изъ нихъ, равно какъ и школьная дисциплина, которая была то болѣе, то менѣе строга, но вообще соотвѣтствовала серьезному и военному характеру римлянъ, отличаясь болѣе строгостью, чѣмъ кротостью.

Когда ученикъ прошелъ съ успѣхомъ школу литератора, онъ переходилъ, приблизительно по 12-му году, къ особому учителю, который назывался literatus, чтобы проходить съ нимъ ученіе о языкѣ и слогѣ, и заниматься объясненіемъ писателей, преимущественно поэтовъ. Обученіе это относилось какъ къ латинскому, такъ и греческому языку, и состояло главнымъ образомъ въ усвоеніи этимологической части грамматики; изъ сантаксиса же проходилось только самое существенное — объ употребленіи частицъ (греческихъ), о словосочиненіи и составѣ предложенія. Греческіе писатели читались и переводились; поэтическая мысль пересказывалась прозой; разбиралось построеніе стиха; обращалось вниманіе на барбаризмы, тропы, фигуры, поэтическіе пріемы и т. п. Къ этому присоединялись также разныя историческія, физическія и астрономическія поясненія. Особеннымъ вниманіемъ пользовалось все историческое, такъ что дѣти близко знакомились съ дѣяніями своихъ предковъ: другъ Цицерона Аттикъ былъ, говорятъ, до того свѣдущъ въ римской исторіи, что не было ни одного закона, ни одного мира, ни одной войны, ни одного сколько нибудь замѣчательнаго событія, котораго онъ не зналъ бы во всѣхъ подробностяхъ, и потому съ поразительною легкостью вы-

водилъ генеалогію всѣхъ знаменитѣйшихъ мужей Рима. Съ цѣлію развитія дара слова существовали особыя упражненія. Въ школѣ грамматика изучались вообще всѣ тѣ науки, которыя у римлянъ и у грековъ подходили подъ названіе «грамматики», какъ то: поэзія и ораторское искусство, исторія и основанія философіи, толкованіе писателей по извѣстнымъ правиламъ, основательное знаніе латинскаго и греческаго языковъ и т. д.

Въ періодъ императоровъ школьное дѣло продолжало свое дальнѣйшее развитіе, не смотря на то, что время это, по выраженію историковъ, было временемъ наслажденія и крови, когда Римъ походилъ на гладіатора, который, побѣдивъ всѣхъ своихъ противниковъ, вонзилъ мечъ въ собственную грудь; когда все божественное и нравственное утратилось въ обществѣ; когда литература и національная жизнь вошли въ полный разладъ другъ съ другомъ. Чѣмъ болѣе слабѣла въ римлянахъ сила дѣла, тѣмъ болѣе росла сила слова, и возбуждался интересъ къ наукѣ и литературѣ. Въ царствованіе Адріана было учреждено много публичныхъ школъ, которыя вообще становились тѣмъ многочисленнѣе, чѣмъ сильнѣе разлагалась общественная и семейная жизнь Рима, и чѣмъ болѣе старались съ помощію школы поднять падающій духъ народа. Прежде воспитателями въ Римѣ были семья и общество: изъ рукъ этихъ воспитателей вышло не мало мужей и женъ, достойныхъ римскаго имени. Теперь школа взяла на себя — воспитывать на критикѣ и образовывать на формахъ: но первая, изощряя умъ, не развивала воли; вторыя же вели къ многознанію и учености, а не къ образованію. Изученіе греческаго языка въ школахъ совершалось въ ущербъ отечественному, и основывалось преимущественно на модѣ. Силу краснорѣчія прежнихъ временъ риторы превратили въ пустое, звучное фразерство, и диспутаціи о разныхъ неприличныхъ предметахъ, убивъ старинную цѣломудренную стыдливость римлянъ, породили одну наглость.

Элементарныя школы особенно умножились въ царствованіе Августа, но вообще мало пользовались уваже-

піемъ; онѣ, будучи дѣломъ частнымъ, помѣщались обыкновенно въ глухихъ закоулкахъ города и состояли въ распоряженіи учителей, которые, какъ говорится, потерпѣвъ въ жизни крушеніе, видѣли въ нихъ послѣднее для себя пристанище. При императорахъ элементарныя и другія школы возникали и въ провинціяхъ, особенно въ Галліи. Учителя низшихъ школъ, не пользовавшіеся особеннымъ уваженіемъ со стороны родителей, такъ называемые literatores, обучали, какъ умѣли, чтенію, письму и счету. Чтеніе по прежнему преподавалось по силлабической методѣ, въ одиночку или хоромъ; было въ ходу взаимное обученіе; кромѣ старшихъ учениковъ — аудиторовъ существовали еще младшіе учителя — помощники. При обученіи чтенію главное вниманіе обращалось на ясность, правильность и отчетливость произношенія; при этомъ сперва произносилъ учитель или старшій ученикъ, а младшіе должны были вслушиваться и повторять. Отъ отдѣльныхъ буквъ постепенно переходили къ слогамъ и ихъ составленію, потомъ къ цѣлымъ словамъ, отъ словъ къ предложеніямъ и, наконецъ, къ стихамъ. Стихи заучивались на память и разбирались по метру: это служило подготовкой къ чтенію поэтовъ. Иногда также самъ учитель читалъ предъ учениками произведенія лучшихъ поэтовъ, и разбиралъ ихъ со стороны формы и содержанія. При письмѣ учитель, по прежнему, дѣлалъ грифелемъ на вощаной дощечкѣ пропись по строчкамъ, — ученикъ-же копировалъ прописанныя буквы и слова между этими строчками; затѣмъ написанное могло снова заглаживаться обратной, тупой стороной грифеля (стиля). Если письмо не должно было стираться, то ученикамъ давалась бумажная charta, или membrana изъ пергамента, при чемъ писалось только на одной внутренней сторонѣ. Упражненія въ счетѣ играли, какъ и прежде, важную роль въ обученіи, и Горацій упоминаетъ напр. о дѣленіи асса на сто частей. Также обучали дѣтей геометріи и географіи, въ пособіе которой уже употреблялись раскрашенныя карты. Во время позднѣйшихъ императоровъ въ кругъ учебныхъ предметовъ

вошли также рисованіе и музыка. Гимнастическія упражненія и теперь оставались частными занятіями отдѣльныхъ лицъ, не входя въ общую систему обученія, и государство ни предписывало, ни запрещало ихъ. Ученики обыкновенно дѣлились на различные классы, смотря по способностямъ и познаніямъ. Шумъ и безпорядокъ строго преслѣдовались въ школѣ, и отъ учениковъ требовались смирное сидѣнье на мѣстѣ и внѣшняя почтительность къ учителю. Дисциплина также была строга и послѣдовательна, а повиновеніе — безусловно обязательно для учащихся. Обыкновенными наказаніями были не одни строгіе выговоры, но также удары тростью по пальцамъ и по рукамъ; при болѣе важныхъ проступкахъ употреблялась и плеть, которая собственно назначалась для однихъ рабовъ. Существовали и награды: такъ Веррій Флаккъ назначалъ преміей разныя старинныя и дорогія книги, полученіе которыхъ вызывало соревнованіе между учащимися.

Такому элементарному обученію подвергали своихъ дѣтей почти всѣ родители, и когда возникшій въ Римѣ и Константинополѣ пролетаріатъ грозилъ опасностью, что дѣти многихъ будутъ лишены всякаго обученія, Нерва издалъ законъ, по которому дѣти бѣдныхъ родителей въ городахъ Италіи получали образованіе на общественный счетъ; а Траянъ, ревностнымъ подражателемъ котораго былъ впослѣдствіи щедрый Адріанъ, при восшествіи своемъ на престолъ оказалъ призрѣніе 5,000 бѣдныхъ дѣтей, и кромѣ того роздалъ 245 законнорожденнымъ мальчикамъ по 16 сестерцій (около 10 руб.) и 34 законнорожденнымъ дѣвочкамъ—по 12 сестерцій. Антонинъ Пій учредилъ въ честь супруги своей Фаустины одно воспитательное заведеніе для бѣдныхъ дѣвочекъ. Антонинъ Философъ и Александръ Северъ также оказали не мало подобныхъ благодѣяній въ пользу просвѣщенія бѣдныхъ классовъ народа. Однако всѣ эти благотворительныя учрежденія для бѣдныхъ и покинутыхъ дѣтей имѣли цѣлію увеличить число преданныхъ своимъ благотворителямъ воиновъ и гражданъ; о правильной же организаціи на-

роднаго образованія въ видахъ частной и общей, государственной пользы въ это время никто не заботился. Элементарное обученіе въ школахъ, численность которыхъ такъ быстро росла, лишено было всякой воспитательной силы, которая не находила себѣ поддержки ни со стороны семейства, ни со стороны общества. Хотя воспитаніе мальчика—говоритъ Бернгарди—вращалось повидимому и въ старыхъ формахъ, но въ нихъ не было уже стараго духа. Это происходило подъ вліяніемъ всеобщей испорченности нравовъ, которая прежде всего разрушила семейную жизнь. Теперь мальчикъ рѣдко росъ на глазахъ своей матери, какъ это было прежде, а обыкновенно поручался какому нибудь бездарному рабу, который рано посвящалъ его во всѣ соблазны свѣта, въ кровавыя зрѣлища цирка и борьбу партій. Школа уже не могла, да и не умѣла внести въ нравы учениковъ то, чего не укореняло въ нихъ болѣе ни семейство, ни общество.

Еще менѣе воспитательнаго значенія можно было требовать отъ высшихъ школъ, въ которыхъ учили literati. Ихъ посѣщали лишь тѣ, которые думали посвятить себя наукѣ, искусству, законовѣдѣнію, государственной службѣ. Преподаваніе шло въ аудиторіяхъ грамматиковъ, риторовъ и философовъ, какъ на латинскомъ, такъ и на греческомъ языкахъ, и обнимало всѣ такъ называемыя artes liberales. Грамматики занимались собственно объясненіемъ поэтовъ, при чемъ избранныя мѣста заучивались на память; сюда же присоединялось изученіе метрики, упражненія въ слогѣ, и критика темныхъ или недостовѣрныхъ мѣстъ текста. Чтеніе классиковъ начиналось, какъ и въ послѣднее время республики, съ Гомера и Виргилія. Ученики занимались переводами съ латинскаго на греческій, и съ греческаго на латинскій языкъ. Исторія и древности особенно тщательно изучались юношествомъ, которое многіе старались ввести въ духъ древней римской жизни, чтобы хотя отчасти противодѣйствовать начинавшемуся разложенію жизни современной. Но все же главною цѣлью обученія оставалось одно хорошее усвое-

ніе свѣдѣній и развитіе краснорѣчія, къ которому должна была подготовить школа грамматика. Отсюда юношество спѣшило наполнить аудиторіи риторовъ. Declamare и studere было теперь главнымъ призваніемъ какъ для даровитыхъ, такъ и для бездарныхъ юношей. Изученіе риторики въ блестящій періодъ ея развитія было двоякое: сперва оно состояло въ постоянномъ чтеніи авторовъ, съ тою разницею, что теперь читали не поэтовъ, какъ дѣлалось у грамматика, а преимущественно историковъ и ораторовъ. По прочтеніи рѣчи слѣдовало обратиться къ разбору ея частей и прослѣдить ея inventio и elocutio. Иногда преднамѣренно избирались для чтенія и испорченныя рѣчи, чтобы учащіеся сами находили въ нихъ ошибки и исправляли, при чемъ учитель постоянными вопросами наводилъ ихъ на изслѣдованіе текста. Вторая степень изученія риторики состояла въ томъ, что переходили непосредственно къ краснорѣчію на самой практикѣ. Риторъ излагалъ правила риторики и руководилъ своихъ учениковъ въ декламаціи, т. е. въ написаніи и произнесеніи формально-правильныхъ и законченныхъ разсужденій. Вначалѣ онъ самъ декламировалъ и только требовалъ повторенія своей декламаціи, потомъ задавалъ тему, указывалъ расположеніе (dispositio), предоставляя учащимся ея выполненіе, и исправлялъ ихъ изустныя или письменныя работы. Иногда онъ давалъ только тему ученикамъ, а диспозиція разсужденія отыскивалась при общемъ участіи. Наконецъ, онъ предоставлялъ свободный выборъ темъ и рѣчей. Въ первое время для подобныхъ упражненій брались философскія вопросы, или важнѣйшія историческія событія, или практическіе вопросы изъ жизни. Но чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе превращались эти упражненія въ одни пустыя хитросплетенія, ибо чѣмъ болѣе съуживалось внѣшнее поприще для краснорѣчія, тѣмъ сильнѣе старались развить его искусственными средствами, чтобы блестящей формой прикрыть недостатокъ нравственнаго содержанія. Главнымъ въ рѣчи считалось: художественность обработки и богатство поэтическихъ оборотовъ, имѣвшихъ цѣлью увлечь слушателя

обаятельной красотой слова. Подобныя декламаціи дѣлились на три вида; 1) laudativæ или demonstrativæ; 2) suasoriæ или deliberativæ, и 3) controversiæ. Оба первые вида писались на болѣе легкія темы, требовавшія меньшей обработки; введеніе въ нихъ было кратко, развитіе просто, и содержаніе заимствовалось преимущественно изъ греческой исторіи. Они назначались для младшихъ и слабѣйшихъ учениковъ. Содержаніе рѣчей послѣдней категоріи было разнообразнѣе и труднѣе: онѣ должны были служить подготовкой къ непосредственной практической дѣятельности, заимствуя содержаніе изъ области морали и трактуя о такихъ предметахъ, какъ похищеніе дѣвушекъ, отцеубійство, нарушеніе брака и т. п. Риторы учили въ театрахъ, купальняхъ, храмахъ и подобныхъ мѣстахъ; диспутаціями они занимались на прогулкахъ, въ музеяхъ, библіотекахъ, галлереяхъ; учащееся у нихъ взрослое юношество произносило пробныя рѣчи также въ театрахъ и храмахъ, или, наконецъ, на улицахъ, на рынкѣ и даже въ частныхъ домахъ. Школы риторовъ не только извратили греческое ораторское искусство, и не только исказили языкъ, но льстивымъ и изысканнымъ характеромъ такихъ заказныхъ рѣчей, имѣвшихъ назначеніемъ вліять на рѣшеніе судебныхъ приговоровъ, возбудили въ юношествѣ надменную притязательность, кичливость многознаніемъ и страсть къ пустой фразеологіи. Въ рѣчахъ этихъ, говоритъ Бернгарди, не смотря на всю прелесть ихъ отдѣлки и правильность построенія, не смотря на всю выработанность техники, не доставало оригинальности и внутренней силы убѣжденія, потому что качествъ этихъ недоставало въ личностяхъ самихъ ораторовъ, въ которыхъ высота образованія не уравновѣшивалась возвышенностью характера.

По мѣрѣ того, какъ теоретическое знаніе въ Римѣ болѣе и болѣе вытѣсняло преданіе, прежде переходившее изъ рода въ родъ и сообщавшее воспитанію прочныя національныя основы, — теорія воспитанія стала разрабатываться и слагаться въ систему, не оказывая, однако, осо-

беннаго вліянія на падающую жизнь общества. Можно сказать, что теорія эта, даже при всѣхъ своихъ достоинствахъ, явилась уже поздно и оказалась въ изолированномъ положеніи, такъ какъ не вытекала изъ жизни и не возвращалась къ ней, хотя и была вызвана сознаніемъ лучшихъ людей того времени, что воспитательная практика нуждается въ улучшеніи и обновленіи.

Ученіе Цицерона о воспитаніи.

Такъ Маркъ Туллій Цицеронъ (род. въ 106 году до Р. Х.), въ своихъ философскихъ и ораторскихъ сочиненіяхъ (de legibus, de officiis, de finibus и др.) обращаетъ особенное вниманіе на сущность и задачи воспитанія. Хотя римляне не принимали самостоятельнаго участія въ развитіи философіи, но нѣкоторыя философскія системы грековъ, особенно эпикурейская (Лукрецій) и стоическая (Сенека) также находили себѣ въ Римѣ приверженцевъ, начиная съ той эпохи какъ Греція сдѣлалась римской провинціей. Будучи основательно знакомъ съ греческой философіей, Цицеронъ относился къ ней какъ эклектикъ, и не создалъ собственной системы. Доживъ до такого переходнаго времени, какимъ было время Юлія Цезаря, онъ умѣлъ сохранить въ себѣ независимость убѣжденій и нравственную чистоту характера, причинившихъ ему не мало страданій и, наконецъ, удалился отъ общественныхъ дѣлъ, въ которыхъ онъ игралъ прежде столь блестящую роль, какъ консулъ и спаситель отечества. Вліяніе Цицерона на современниковъ, какъ даровитѣйшаго изъ ораторовъ, и на ходъ историческаго развитія образованности, какъ классическаго писателя, неоспоримо; а потому взгляды его на воспитаніе необходимо должны имѣть мѣсто въ его исторіи.

Воспитаніе, по мнѣнію Цицерона, есть усовершенствованіе дарованныхъ человѣку отъ природы способностей. Оно тѣмъ болѣе необходимо, что человѣкъ есть совершеннѣйшее изъ созданій природы, обладая выс-

шими духовными преимуществами, въ особенности разумомъ, на развитіи котораго и должно основываться развитіе добродѣтели посредствомъ воспитанія. Поэтому наибольшую услугу государству оказываетъ тотъ, кто посвящаетъ труды свои дѣлу образованія юношества. Чѣмъ разнообразнѣе личности и мнѣнія людей вообще, тѣмъ настоятельнѣе необходимость какъ можно раньше пробуждать въ дѣтяхъ зародыши добра и подавлять зародоши зла, въ особенности же—наклонность къ удовольствіямъ, противодѣйствіемъ которой должно служить пріученіе къ серьезному труду.

Учитель долженъ обращаться со своими учениками кротко, строго и вмѣстѣ страведливо. Наказывать дѣтей можно словомъ или дѣломъ, и дисциплина не должна переходить ни въ слишкомъ слабую, ни въ слишкомъ суровую. Нѣжность обращенія съ ними не должна препятствовать соблюденію необходимой строгости, и притомъ наказанія, какъ словесныя, такъ и тѣлесныя, не должны имѣть въ себѣ ничего унизительнаго. Наказаніе надо всегда соразмѣрять съ проступкомъ, такъ чтобы за одинаковыми проступками всегда слѣдовали и одинаковыя наказанія (?). Особенно надо воздерживаться наказывать въ гнѣвѣ, такъ какъ при разгоряченномъ состояніи духа трудно найти счастливую средину между излишнею строгостью и излишнею слабостью наказанія. Даже при выговорѣ, произносимомъ въ рѣзкомъ тонѣ, надо остерегаться отъ горячности, вслѣдствіе которой и проступокъ, и упреки являются въ преувеличенномъ видѣ. Мы должны прибѣгать къ наказаніямъ точно также, какъ хорошій врачъ—къ выжиганію или операціи у своего больнаго, т. е. неохотно, рѣдко, только въ самыхъ необходимыхъ случаяхъ, когда всѣ предварительныя мѣры уже оказались безплодными. Паціентъ долженъ убѣдиться, что все горькое и непріятное, къ чему мы рѣшаемся наконецъ прибѣгнуть, намъ самимъ стоило трудной внутренней борьбы, и что только ради его пользы мы избираемъ эти крайнія мѣры.

Въ интересахъ развитія нравственной жизни наи-

большее значеніе надо отдать религіи. Крѣпкое соблюденіе ея даетъ крѣпость и государству, и граждане должны какъ можно раньше убѣдиться въ томъ, что боги управляютъ всѣми нашими дѣлами, видятъ поступки, мысли и чувства каждаго человѣка. Когда въ умѣ запечатлѣны эти начала, человѣкъ будетъ предохраненъ отъ безумнаго высокомѣрія при созерцаніи божественной мудрости, проявляющейся въ міровомъ порядкѣ, и страхъ божественнаго наказанія будетъ воздерживать смертнаго отъ преступленія и гордыни. На этомъ основаніи, нравственно-религіозное воспитаніе должно начинаться съ ранняго дѣтства. Вначалѣ кажется, будто младенецъ лишенъ духовной жизни; но скоро и быстро пробуждается въ немъ человѣческій смыслъ. Дитя поднимаетъ голову, начинаетъ пользоваться своими руками, узнаетъ своихъ окружающихъ, потомъ льнетъ къ своимъ сверстникамъ, любитъ различныя забавы, напряженно стремится къ игрѣ, такъ что никакія наказанія не въ силахъ удержать его отъ игръ, болѣе или менѣе ласково относится къ другимъ дѣтямъ, обнаруживаетъ первыя попытки въ размышленіи, начинаетъ болѣе и болѣе отличать себя отъ другихъ существъ, находитъ въ себѣ чувство самосознанія, и тѣмъ сильнѣе чувствуетъ влеченіе къ дѣятельности, чѣмъ счастливѣе его природныя дарованія, чѣмъ сообразнее его воспитаніе, которое уже въ эту пору можетъ ослабить въ немъ излишнюю наклонность къ чувственному наслажденію. При разумномъ воспитаніи ребенку надо предоставлять лишь такія игры, которыя могутъ имѣть для него образовательное значеніе. Особенно важна окружающая его обстановка, такъ какъ ребенокъ одаренъ чрезвычайною живостью и впечатлительностью, на которыя столь мало обращается вниманія, между тѣмъ какъ ребенокъ замѣчаетъ и воспринимаетъ все, что онъ видитъ, слышитъ, все, что его окружаетъ.

При дальнѣйшемъ развитіи дитяти слѣдуетъ прилагать особенное стараніе къ укрѣпленію его памяти: съ этою цѣлью ему полезно заучивать на память избранныя мѣста изъ греческихъ и римскихъ писателей. Если дѣ-

тямъ еще и недостаетъ нужной для ихъ полнаго пониманія зрѣлости; но все же не безполезно, когда въ ушахъ ихъ раздаются изрѣченія мудрѣйшихъ мужей, и когда они уже знаютъ отдѣльныя поэтическія мѣста, обагощающія ихъ умъ прекрасными образами, и рѣчь—прекрасными выраженіями. Въ это время надо примѣнять къ дѣтямъ полезные совѣты и указанія мнемоники, ибо если это и не придастъ имъ новой творческой силы, то во всякомъ случаѣ окажетъ содѣйствіе укрѣпленію памяти, напомнивъ учителю напр., о томъ, что чувственныя впечатлѣнія, особенно отъ зрѣнія, прочнѣе всего удерживаются въ воспоминаніи; а потому весьма ошибаются тѣ, которые полагаютъ, что масса представленій и живыхъ образовъ можетъ обременять и подавлять память.

Когда мальчикъ перешелъ въ юношескій періодъ развитія, онъ долженъ опредѣлить соотвѣтствующее своимъ наклонностямъ призваніе, и не оставаться въ заблужденіи на счетъ самого себя. Первое и главное правило — не дѣлать ничего, что противно человѣческой природѣ вообще; второе правило — слѣдовать своей индивидуальной природѣ въ ея лучшихъ качествахъ. Послѣднее до того важно, что въ случаѣ, если мы замѣчаемъ въ другомъ какое нибудь преимущество, то и тогда мы не должны тотчасъ же передѣлывать себя по видѣнному нами образцу, но прежде соображаться съ нашею собственною природою. Только то вполнѣ удается каждому, что составляетъ особенное свойство его личности. И такъ, прямая обязанность каждаго — тщательно изслѣдовать природныя способности собственнаго духа, сдѣлаться справедливымъ судьею собственныхъ достоинствъ и недостатковъ, хорошихъ и дурныхъ сторонъ своего нрава, и затѣмъ уже развивать въ себѣ первыя и бороться съ послѣдними. Въ противномъ случаѣ, мы будемъ и въ серьезныхъ вещахъ дѣлать такіе же промахи, какіе дѣлаетъ неблагоразумный актеръ даже въ пустой игрѣ. Хорошіе актеры выбираютъ для себя не тѣ роли, которыя прекрасны сами по себѣ, а только тѣ, которыя сообразны съ ихъ собственнымъ талантомъ; такъ точно и намъ должно избирать главнымъ

занятіемъ для себя только то, къ чему есть у насъ отъ природы наибольшія дарованія. Будемъ ли мы государями, правителями, богачами и сановниками, благодаря своимъ наслѣдственнымъ правамъ, — все это зависитъ отъ случая и опредѣляется условіями нашего рожденія, а потому не зависитъ отъ насъ. Все же то, что сдѣлаемъ мы изъ себя при независящихъ отъ насъ условіяхъ рожденія: какому посвятимъ себя призванію, по какимъ правиламъ устроимъ свой образъ жизни и до какой степени нравственной доблести возвысимся — зависитъ отъ нашего собственнаго рѣшенія. А потому-то одни по праву отдаются философіи, другіе—юриспруденціи, третьи—ораторской дѣятельности, и, соображаясь со своими достоинствами, одни стараются отличиться въ одномъ, другіе—въ другомъ. При этомъ должно только постоянно имѣть въ виду все честное и пристойное, крѣпко держась принципа, что все пристойное нравственно, и все непристойное безнравственно. И такъ, каждый долженъ по возможности оставаться вѣрнымъ собственному характеру, но — только въ его достоинствахъ, а не недостаткахъ. Никогда не можетъ быть удачно то, что предпринимается противъ воли Минервы, т. е. противъ собственной природы, вопреки ея призванію.

Юноши особенно должны во всемъ остерегаться неумѣренности, уважать добрые нравы и старшихъ по возрасту, избирать изъ нихъ только лучшихъ и справедливѣйшихъ, и тогда поручать себя ихъ совѣту и руководству. Болѣе всего надо держать юношество вдали отъ чувственныхъ наслажденій, и какъ можно болѣе упражнять духъ и тѣло юношей въ перенесеніи напряженія и въ терпѣніи, чтобы они могли быть потомъ бодры и дѣятельны какъ на военномъ, такъ и на гражданскомъ поприщѣ. «Возбужденіе самолюбія и славолюбія надо считать главнымъ воспитательнымъ средствомъ для тѣхъ, которые предназначаются впослѣдствіи для занятія высшихъ государственныхъ должностей» — и это было справедливо съ той аристократической точки зрѣнія, съ которой смотрѣлъ Цицеронъ на воспитаніе. Для оратора

кромѣ природныхъ дарованій или таланта, онъ требуетъ еще возможно-основательнаго образованія; по отношенію же къ другимъ призваніямъ достаточно человѣку хорошенько понять умомъ и усвоить памятью предметъ изученія. Здѣсь уже не спрашивается ни подвижности языка, ни ясности произношенія, ни наружности, мины, благозвучія, однимъ словомъ—не спрашивается ничего такого, чего мы не въ силахъ придать себѣ. Отъ оратора, напротивъ того, требуется и остроуміе діалектика, и глубина мысли философа, и художественность выраженія поэта, и память юриста, и голосъ трагика, и жестикуляція даровитѣйшаго актера. Вотъ почему на свѣтѣ нѣтъ ничего рѣже совершеннаго оратора. Искусственное развитіе здѣсь можетъ вызвать только то, что уже лежитъ въ глубинѣ самой природы, въ талантѣ человѣка. Такъ высоко ставилъ призваніе оратора Цицеронъ, самъ ораторъ, отвергая то общепринятое мнѣніе, по которому poëtae nascuntur—oratores fiunt. «Ораторское образованіе,—справедливо замѣчаетъ онъ изъ противодѣйствія безплодному риторству,—надо давать только такимъ юношамъ, которые отъ природы одарены нужными талантами, хотя бы они вначалѣ и били въ нихъ черезъ-чуръ бурнымъ ключемъ. Какъ въ виноградникахъ гораздо лучше только обрѣзать тѣ лозы, которыя забѣгаютъ ужъ слишкомъ далеко, чѣмъ иногда безплодно ухаживать за такими, которыя лишены внутренней силы; такъ точно я охотнѣе готовъ умѣрять и направлять въ юношѣ уже проявившіяся дарованія, чѣмъ возбуждать ихъ. Въ даровитомъ юношѣ, особенно при его благородствѣ, я усердно поощряю стремленіе къ образованію; тогда какъ такого, который при всемъ стараніи не обѣщаетъ ничего, кромѣ посредственности, я предоставляю его собственнымъ наклонностямъ, и только тогда указываю ему на то или другое призваніе, когда онъ обнаруживаетъ требуемыя для него дарованія.» Будущій ораторъ долженъ немедленно начинать подготовительныя упражненія. Въ этомъ отношеніи важно также—прилежно заниматься письменнымъ изложеніемъ мыслей, такъ какъ только чрезъ это

вполнѣ выясняется точка зрѣнія на предметъ и достигается та законченность въ развитіи мыслей, въ размѣщеніи словъ и выраженій, которая требуется отъ каждаго оратора. Главнымъ условіемъ для будущаго оратора надо считать то, чтобы онъ еще въ дѣтскіе года пользовался свободнымъ и благороднымъ воспитаніемъ, обладалъ живымъ рвеніемъ въ дѣлѣ, находилъ поддержку своимъ природнымъ способностямъ и рано упражнялся въ точномъ и всестороннемъ разъясненіи обыкновенныхъ спорныхъ вопросовъ. Затѣмъ онъ долженъ избирать для изученія и подражанія изящнѣйшія произведенія писателей и ораторовъ. Тогда онъ не будетъ прибѣгать къ своему учителю съ подобными вопросами: какъ, напр. расположить и произносить слова въ рѣчи? тогда онъ безъ руководителя, самостоятельно, только благодаря пробужденнымъ въ немъ дарованіямъ, съумѣетъ облекать вѣрную мысль въ вѣрное слово и правильно строить цѣлое.

Цицеронъ въ теоріи своей старался устранить одну внѣшнюю, формальную дрессуру, къ которой такъ часто прибѣгали извращающіе и молодежь, и искусство риторы. Кромѣ развитія природныхъ дарованій, ораторъ, по его мнѣнію, долженъ быть основательно знакомъ съ правомъ, исторіей и философіей. Созерцаніе высокихъ образцовъ доблести должно возвысить и образовать въ немъ духъ, облагородить сердце, укрѣпить волю и направить ее къ высшимъ цѣлямъ. Знаніе римской исторіи необходимо тѣмъ болѣе, что государственное зданіе, по Цицерону, покоится не на платоническомъ принципѣ субъективности, но—на прочныхъ практическихъ основахъ. Философія въ его глазахъ составляетъ главный предметъ изученія: она есть лучшая школа добродѣтели. «Клянусь богами! Что можетъ быть желаннѣе мудрости?—восклицаетъ онъ. Что лучше, что достойнѣе ея для человѣка? Когда духъ нашъ ищетъ отдыха и успокоенія отъ житейскихъ заботъ, какая другая наука выдержитъ сравненіе съ философіей, которая всегда изслѣдуетъ что нибудь такое, что указываетъ путь къ счастію въ жизни? Если мы остановимся на такихъ средствахъ, какъ умѣренность въ жизни и до-

бродѣтель, то внѣ ихъ и нѣтъ другихъ путей къ счастію; а потому если и есть школа добродѣтели, то искать ее надо именно въ этой наукѣ.» Затѣмъ огромную важность для оратора придаетъ Цицеронъ изученію греческаго языка. На этомъ основаніи онъ предлагалъ сыновьямъ своимъ ученіе о краснорѣчіи на греческомъ языкѣ, и совѣтовалъ имъ соединить греческій языкъ съ латинскимъ не только въ философіи, но и въ ораторскомъ искусствѣ, пользу чего онъ испыталъ на самомъ себѣ. Пользы естественныхъ наукъ занятый одними государственными интересами римлянинъ естественно не могъ понять, вслѣдствіе чего Цицеронъ считаетъ недостаточнымъ и несовершеннымъ познаніе, почерпнутое изъ природы, такъ какъ оно не переходитъ въ дѣло. «Кто страстно отдается изученію природы,—говоритъ онъ,—тотъ не оставитъ своихъ изысканій даже въ томъ случаѣ, когда ему вдругъ скажутъ, что его отечество, его отецъ или другъ на краю гибели; если только онъ занятъ въ это время такими учеными вопросами, какъ число звѣздъ на небѣ или величина вселенной,—онъ не тронется съ мѣста и станетъ продолжать считать звѣзды или мѣрить вселенную». Предубѣжденіе Цицерона противъ естественныхъ наукъ будетъ понятно, если вспомнить, что въ древности отношеніе къ природѣ вытекало изъ натуръ-философскаго или метафизическаго взгляда на нее, и не имѣло реально-практическаго характера нашего времени.

Изученіе политики Цицеронъ, согласно съ Пиѳагоромъ, Платономъ и особенно съ Аристотелемъ, полагаетъ возможнымъ только по завершеніи всего образованія, когда юношескій періодъ развитія уже минуетъ для человѣка, и онъ будетъ способенъ вполнѣ серьезно отнестись къ столь серьезной наукѣ. Въ противномъ случаѣ, юношѣ предстоитъ не мало опасностей, такъ какъ въ этомъ морѣ самыхъ бурныхъ вопросовъ только истинно-мудрый можетъ благополучно обойти всѣ подводные камни. «Люди, обыкновенно столь доступные ослѣпленію, даже стремясь къ превосходнымъ цѣлямъ, но не зная, гдѣ и какъ ихъ достигнуть, нерѣдко съ одной стороны содѣйствуютъ па-

денію своего государства, съ другой—устроиваютъ и собственную гибель.» Цицеронъ отвергаетъ въ воспитаніи гимнастику, столь выродившуюся въ его эпоху. «Какъ нелѣпы были упражненія юношества въ гимназіяхъ! — восклицаетъ онъ. Какъ далеко заходила въ нихъ терпимость непристойныхъ и даже любовныхъ отношеній! Я уже не говорю объ элейцахъ и ѳиванцахъ: у нихъ между благородными не сдерживались и не запрещались самыя сладострастныя наклонности. Даже лакедемоняне, у которыхъ въ педофиліи допускалось все, кромѣ нарушенія воспитательной дисциплины, представляютъ лишь незначительное исключеніе въ этомъ отношеніи, такъ какъ у нихъ дозволены были обниманья.» Этотъ пуризмъ знаменитаго оратора также объясняется испорченностью общественныхъ нравовъ, которая уже существовала въ его время, и негодностью большинства греческихъ учителей-выходцевъ, искавшихъ въ Римѣ лишь карьеры и обогащенія.

Ученіе Квинтиліяна о воспитаніи.

Еще съ большею полнотою развилъ теорію ораторскаго образованія Маркъ Фабій Квинтиліянъ (род. въ 42 г. по Р. Х.), который также высказываетъ много важныхъ замѣчаній относительно какъ первоначальнаго воспитанія вообще, такъ и обученія съ дисциплиной въ особенности. Онъ былъ родомъ изъ Испаніи, получилъ образованіе въ лучшихъ ораторскихъ школахъ и потомъ при Веспасіянѣ началъ свою дѣятельность въ Римѣ, какъ professor eloquentiæ, которой оставался вѣренъ впродолженіе 20 лѣтъ. Потомъ Домиціянъ поручилъ ему воспитаніе своего племянника, такъ что Квинтиліянъ не былъ однимъ теоретикомъ, хотя вся воспитательная система его имѣетъ въ виду главнымъ образомъ приготовленіе совершеннѣйшаго оратора, который долженъ быть, однако, и совершеннѣйшимъ человѣкомъ. Основываясь на идеяхъ Платона, онъ тѣмъ не менѣе остается въ своей теоріи воспитанія настоящимъ римляниномъ, который все сводитъ

къ потребностямъ практической жизни. На этомъ основаніи онъ требуетъ, чтобы духовное образованіе начиналось не съ седьмаго года, а съ самаго ранняго возраста, и шло постепенно, согласно съ постепенностью дѣтскаго развитія. При этомъ, разумѣется, дѣтей не слѣдуетъ обременять занятіями, которыя въ такомъ случаѣ могутъ поселить въ нихъ потомъ отвращеніе къ наукѣ, и которыя должны въ этотъ возрастъ начинаться и сопровождаться игрой. Онъ совѣтуетъ особенную осторожность въ выборѣ нянекъ, въ которыя обыкновенно берутъ гречанокъ. Здѣсь главное дѣло въ ихъ нравственномъ характерѣ, такъ какъ впродолженіе цѣлыхъ трехъ лѣтъ имъ приходится оказывать вліяніе не на одно тѣлесное, но и на духовное развитіе поручаемыхъ имъ дѣтей; онѣ должны быть поэтому разумны и предусмотрительны во всемъ. На выговоръ ихъ надо обращать тѣмъ большее вниманіе, что дитя прежде всего подражаетъ имъ, а отъ этого зависитъ его умѣнье владѣть языкомъ. Первыя впечатлѣнія дѣтства, и именно дурныя, упрочиваются навсегда. Точно также и сверстники мальчика, съ которыми онъ будетъ играть, не должны ни своимъ языкомъ, ни своимъ поведеніемъ дурно дѣйствовать на него—лучшую надежду родителей и отечества. Педагоги (въ смыслѣ нашихъ дядекъ), если они люди неученые, должны по крайней мѣрѣ сознавать свою неученость, — хотя и желательно, чтобы они были возможно болѣе образованы. Первые воспитатели должны по меньшей мѣрѣ быть въ состояніи начать обученіе языку, и именно греческому; но, чтобы не пострадалъ родной языкъ, надо какъ можно скорѣе приступать и къ нему,—иначе явится односторонность и излишняя привычка къ чужимъ звукамъ. Нельзя не замѣтить, что въ этомъ пристрастіи къ греческому языку Квинтиліянъ платилъ дань обычаямъ своего времени.

Обученіе, по его мнѣнію, должно начинаться какъ можно раньше, хотя бы и въ видѣ игры, потому что первые элементы всякаго знанія особенно прочно ложатся въ свѣжей дѣтской памяти. При началѣ чтенія дѣ-

тямъ полезно одновременно замѣчать и начертаніе, и названіе буквъ, не заучивая сперва на память всего алфавита, такъ какъ недостатокъ наглядности можетъ ихъ потомъ только сбивать. При этомъ главное—не спѣшить, и не раньше приступать къ чтенію словъ, пока ученикъ не будетъ ясно различать буквы и соединять ихъ въ слоги: въ противномъ случаѣ происходитъ робость, заиканье, повтореніе и т. п. дурныя привычки. Прежде всего важна твердость, а бѣглость уже сама собою явится впослѣдствіи отъ упражненія. При обученіи письму лучше всего давать дѣтяти обводить вырѣзанныя на доскѣ буквы, но водя его руку и не избѣгая трудныхъ буквъ. Потомъ надо писать слоги по порядку, и, наконецъ, слова и предложенія, но такія, въ которыхъ заключались бы не пустыя фразы, а важнѣйшія нравственныя сентенціи Должно рано заботиться о возбужденіи въ дѣтяхъ чувства чести, и съ этою цѣлью поощрять его; въ случаѣ же ихъ неохоты къ ученію возбуждать соревнованіе. Несправедливо жалуются, что только немногія дѣти бываютъ отъ природы одарены хорошими способностями, и что по отношенію къ большинству дѣтей лишь напрасно теряются время и трудъ по причинѣ ихъ лѣности и неспособности. Напротивъ того, большинство обнаруживаетъ способность къ мышленію и охоту къ ученію. Какъ птицѣ прирождена способность летать, лошади — бѣгать, хищному животному — приходить въ ярость; такъ человѣку прирождена наклонность къ мышленію и къ умственной дѣятельности. Различіе здѣсь только въ степени, которая сама много зависитъ отъ степени и количества упражненій. Главнѣйшій признакъ даровитости въ дѣтяхъ есть воспріимчивость памяти, которая скоро и прочно усвоиваетъ впечатлѣнія, и легко ихъ воспроизводитъ. Второй признакъ—подражательность и дѣятельность; лѣность же является уже вслѣдствіе дурнаго обученія. Впрочемъ, ранняя страсть къ ученію и къ многознанію опасна, и развитіе ребенка въ такомъ случаѣ можетъ впослѣдствіи рано остановиться. Когда учитель достаточно изслѣдовалъ способности своего ученика, онъ долженъ найти соотвѣт-

ствующія имъ средства развитія. Одни ученики нуждаются въ возбужденіи, другіе не выносятъ повелительнаго тона; однихъ страхъ подавляетъ, другимъ придаетъ мужество; одни отъ постояннаго напряженія изнемогаютъ, другіе, напротивъ, пріобрѣтаютъ бодрость и крѣпость въ трудѣ. «Я люблю личности, которыхъ похвала воодушевляетъ, честь приводитъ въ восторгъ, и которыя плачутъ отъ сознанія своей ошибки, а не отъ наказанія: тогда честолюбіе поддерживаетъ прилежаніе, а наказаніе возбуждаетъ его.» При обученіи надо особенно быть внимательнымъ къ наклонностямъ учениковъ: одни чувствуютъ влеченіе къ исторіи, другіе къ поэзіи, третьи къ праву; инымъ же бываетъ лучше возвратиться къ плугу. Каждая природная хорошая черта требуетъ поддержки; но главное вниманіе должно быть обращено на укрѣпленіе *того, что слабо. При этомъ, однако, надо болѣе всего* остерегаться двухъ вещей: не задаваться невозможнымъ и не навязывать ученику того, къ чему онъ не чувствуетъ никакого призванія, помимо дѣйствительно существующаго въ немъ. Малоспособныхъ надо вести лишь до тѣхъ *поръ, пока въ нихъ хватаетъ способностей и охоты,* такъ какъ тогда они будутъ всегда хороши въ своемъ дѣлѣ, которое имъ по силамъ. Другое дѣло съ даровитыми, особенно съ такими, которые обѣщаютъ быть ораторами: здѣсь уже нельзя дѣлать послабленія въ требованіяхъ. *Особенно важно при обученіи соблюдать мѣру,* такъ какъ при излишествѣ труда порождается отвращеніе къ ученію, а при послабленіи — праздность. При этомъ необходимъ отдыхъ, такъ какъ стремленіе къ ученію заключается въ волѣ, которая не терпитъ насилія. Охота къ игрѣ есть признакъ бодраго состоянія ученика, какое именно и нужно для ученія, тогда какъ тоскливое уныніе и вялость ручаются, что обученіе не будетъ возуждать его духъ. Игра можетъ даже изощрять умъ, напр. когда она имѣетъ характеръ загадки; кромѣ того въ игрѣ обнаруживается и формируется характеръ. Бить дѣтей вовсе не значитъ направлять ихъ къ доброму и справедливому, а только — воздерживать отъ нарушенія ихъ. Но

если удары и могутъ дѣйствовать на дѣтей, то они оказываются непримѣнимыми къ юношеству, на которое страхъ уже не дѣйствуетъ. Во всякомъ случаѣ бить есть то же, что подавлять въ душѣ чувство стыда и вызывать въ ней робость. Кого уже не можетъ исправить выговоръ, того тѣлесное наказаніе можетъ скорѣе ухудшить и сдѣлать изъ него раба; вообще оно есть слѣдствіе небрежности учителей, которое устраняется бдительностью съ ихъ стороны надъ занятіями учащихся.

Квинтиліянъ высказываетъ самыя строгія требованія относительно нравственной личности учителя, который заступаетъ мѣсто отца для своихъ учениковъ. Образъ дѣйствій его вполнѣ опредѣляется ролью отца. При внимательности къ силамъ и способностямъ каждаго изъ учениковъ, онъ долженъ быть кротокъ и ласковъ, находиться въ откровенныхъ отношеніяхъ съ ними, воздерживаться отъ вспыльчивости и гнѣва—изъ боязни нарушить справедливость, избѣгать обидныхъ насмѣшекъ и охотно отвѣчать на всѣ даже наивные вопросы своихъ учениковъ. Особенно заблуждаются тѣ, которые полагаютъ, что для начальнаго обученія пригоденъ и плохой учитель: въ такомъ случаѣ послѣдующимъ учителямъ будетъ вдвое труднѣе, а иногда и вовсе невозможно исправлять испорченность въ ученикахъ и заново переучивать ихъ. Каждому учителю необходимо знать теорію обученія, чтобы умѣть спуститься до степени пониманія дѣтей, и потомъ постепенно, шагъ за шагомъ подпимать ихъ на высоту знанія. Преподаваніе пріобрѣтаетъ ясность только тогда, когда самъ учитель обладаетъ ясными знаніями въ своемъ дѣлѣ, такъ что вообще можно положить, что чѣмъ образованнѣе учитель, тѣмъ лучше будетъ его обученіе какъ для даровитыхъ, такъ и для слабыхъ, какъ для благовоспитанныхъ, такъ и для испорченныхъ учениковъ, — если только онъ будетъ добросовѣстно относиться къ своимъ занятіямъ. Такія отношенія между учителемъ и учениками, опредѣляемыя словомъ pietas, непремѣннымъ послѣдствіемъ будутъ имѣть: вѣру учениковъ въ авторитетъ своего учителя, боязнь предъ нимъ и въ то же время

довѣріе, охоту къ ученію, прилежаніе въ трудѣ и нравственность поведенія, наградою за которыя будетъ служить одно довольство учителя.

Послѣ хорошаго домашняго образованія дитя необходимо передать общественной школѣ и общественнымъ учителямъ. Хотя нерѣдко домашнее воспитаніе ставятъ выше, такъ какъ при немъ есть возможность ближе слѣдить за развитіемъ питомца, который не смѣшивается въ школѣ съ пестрой толпой другихъ дѣтей; но въ послѣднемъ случаѣ если иногда и портится нравственность, то не надо забывать, что это на столько же возможно и при домашнемъ воспитаніи, которое обыкновенно поручается плохимъ учителямъ и рабамъ. Вообще здѣсь все зависитъ отъ способностей каждаго питомца и отъ обхожденія съ нимъ. Уединеніе, отрѣшенность отъ другихъ дѣтей представляетъ не менѣе возможности для порчи характера. Лучше всего соединить частное воспитаніе съ общественнымъ, а гдѣ это невозможно, то и тамъ свѣтъ хорошей школы надо предпочитать темному одиночеству семейной жизни, такъ какъ въ школѣ уже самая многочисленность учениковъ возвышаетъ учителя; потому-то слабѣйшіе изъ учителей предпочитаютъ заниматься съ однимъ, не пренебрегая даже обязанностью дядьки (педагога). Ученикъ дома учится только тому, что предлагаютъ ему одному, въ школѣ же тому, чему учатся и другіе; при этомъ похвала и порицаніе, обращенныя къ другимъ, и ему приносятъ не меньшую пользу. Особенно возбуждаетъ школа чувство самолюбія, которое хотя бываетъ иногда источникомъ пороковъ,—но нерѣдко вызываетъ и доблести. При исключительности, при замкнутости домашняго образованія питомецъ если и пріобрѣтаетъ знанія, то, вступая въ жизнь и въ общество другихъ, обыкновенно не умѣетъ примѣнить ихъ и спотыкается при каждомъ новомъ шагѣ, затрудняется при каждомъ новомъ условіи. Бываетъ также, что одиночество въ семьѣ совершенно усыпляетъ его духъ, или—наполняетъ его пустымъ высокомѣріемъ, такъ какъ здѣсь ему не съ кѣмъ себя сравнивать.

За чтеніемъ и письмомъ должно начаться грамматическое образованіе и основательное изученіе не только содержанія литературныхъ произведеній, но и ихъ формы, ихъ языка. Разборъ писателей не долженъ обращаться въ пустую критику, но также заключать въ себѣ философскій элементъ, такъ какъ многія мѣста даже у поэтовъ заключаютъ въ себѣ глубокій смыслъ. Музыкальное образованіе нужно уже для того, чтобы развить чувство метра, ритма и гармоніи, — что особенно важно для оратора. Изученіе писателя требуетъ также знакомства съ теоріей звуковъ, ихъ раздѣленіемъ и сродствомъ, съ слогами, словами, частями рѣчи, съ ихъ склоненіемъ или спряженіемъ, возвышеніемъ и пониженіемъ голоса, пунктуаціей и т. п. При чтеніи теперь важнѣе всего декламація, которая, будучи исполнена силы и гармоніи, не должна однако переходить въ произношеніе на распѣвъ. Хорошее, художественное чтеніе производитъ впечатлѣніе не только на нѣжныя, воспріимчивыя души, но и на грубую, невѣжественную толпу, пробуждая въ ней чувство прекраснаго, столь сродное съ нравственнымъ чувствомъ вообще. Читать слѣдуетъ и эпическихъ, и лирическихъ, и драматическихъ поэтовъ; — но съ лирическими надо обходиться осторожнѣе, дѣлая изъ нихъ строгій выборъ, такъ какъ ихъ пѣсни нерѣдко черезъ-чуръ свободны. Таковъ, напр. Горацій и тѣ элегическіе поэты, которые поютъ страданія любви или приводятъ слишкомъ ѣдкія насмѣшки. Комики, преимущественно старинные, могутъ быть полезны юношеству, такъ какъ возвышенный языкъ драмы у нихъ пріобрѣтаетъ тонкую, граціозную легкость, аттическую красоту. При чтеніи поэтовъ надо указывать на смыслъ и оттѣнки словъ, на ихъ удачное или неудачное употребленіе, а также—на планъ и расположеніе частей въ цѣломъ произведеніи, которое весьма полезно пересказывать, по возможности съ сохраненіемъ красотъ подлинника. Затѣмъ должны уже слѣдовать упражненія въ стилѣ; для начала лучше всего могутъ служить Эзоповы басни, столь близкія по характеру своему къ разсказамъ нянюшекъ и старушекъ; а потомъ можно перехо-

дить къ упражненію въ историческихъ, нравственныхъ и поэтическихъ разсказахъ въ письменномъ ихъ изложеніи.

Прежде нежели мальчикъ начнетъ посѣщать школы риторовъ, онъ долженъ закончить такъ называемое энциклопедическое образованіе, въ которое входятъ: музыка, геометрія, ариѳметика, гимнастика и танцы. Для грамматика собственно главное—достигнуть свободы, ясности и чистоты рѣчи, такъ чтобы ученики не проглатывали послѣднихъ слоговъ въ словахъ и умѣли управлять голосомъ и взглядомъ соотвѣтственно содержанію рѣчи. Послѣднее лучше всего достигается посредствомъ комедій и заучиванья образцовъ на память. Все это необходимо для подготовки будущаго оратора, который завершаетъ свое образованіе въ школѣ риторовъ. Здѣсь главный предметъ составляетъ изученіе образцовыхъ рѣчей, ихъ обстоятельный и всесторонній анализъ, и самостоятельное упражненіе... Теорія ораторскаго краснорѣчія, равно какъ и ораторскаго образованія, развито Квинтиліяномъ до такой полноты, что онъ до сихъ поръ остается авторитетомъ по этому вопросу. Такъ какъ хорошую память онъ признаетъ одною изъ главнѣйшихъ способностей для оратора, то на средство укрѣпленія ея у него обращается особенное вниманіе. Однимъ изъ лучшихъ средствъ онъ считаетъ заучиванье наизусть лучшихъ, основательно разобранныхъ образцовъ. Память, по его выраженію, это — сокровищница краснорѣчія. Она крѣпнетъ отъ обогащенія духа идеями и образами. Когда мы, напр. посѣщаемъ прежде видѣнную нами мѣстность, то не только узнаемъ ее, но и припоминаемъ каждый отдѣльный предметъ, который насъ поразилъ, — хотя бы его и не было опять на лицо. Намъ вновь вспоминаются бывшія здѣсь съ нами личности, даже возникаютъ бывшія при этомъ мысли и рѣчи, какъ бы опять возвращаясь въ нашу душу послѣ долгаго отсутствія. Эти-то остатки отъ предметовъ и словъ составляютъ въ нашемъ духѣ то стройное зданіе, которое слагается изъ многихъ отдѣльныхъ частей, какъ-бы комнатъ, мебели, посуды, которыя мы можемъ разбирать по порядку, и изъ которыхъ каждую можемъ хранить въ

своемъ мѣстѣ. При упражненіи памяти мы какъ бы вновь проходимъ это зданіе, и находимъ въ немъ нужную для насъ вещь или мысль. Если нужно запомнить нѣчто сложное, напр. цѣлое произведеніе, то хорошо по этому разлагать его по частямъ, а также запоминать и другія побочныя условія, напр. бумагу, на которой оно было написано, расположеніе строкъ и т. п., такъ что, когда мы станемъ его произносить, то наше духовное око вновь читаетъ эту рукопись, и строки ея быстро пробѣгаютъ въ нашемъ воображеніи. Учить тихо, про себя, было бы хорошо, если бы при этомъ не тѣснились въ душу постороннія мысли: поэтому лучше учить громко, и чувству зрѣнія приводить на помощь еще чувство слуха. Второе средство для укрѣпленія памяти есть частое, но не сплошное повтореніе, и списываніе того, что надо запомнить. Ритмически выраженная мысль запоминается также легче, какъ и вообще все стройное и гармоническое. При обученіи обыкновенно ничто такъ не ослабляется, какъ память, вслѣдствіе незнанія законовъ мнемоники.

Но, прибавляетъ Квинтиліянъ, ни хорошая память, ни обширное образованіе, ни развитый вкусъ и даръ слова еще не дѣлаютъ ораторомъ: для этого—нужна добродѣтель. По выраженію мудрецовъ, повторяемому всѣми даже необразованными, дурной человѣкъ есть безумецъ; безумецъ же никогда не можетъ быть истиннымъ ораторомъ. Ничто такъ не вредно и для частнаго, и для общественнаго блага, какъ когда даромъ краснорѣчія обладаетъ дурная личность и злоупотребляетъ имъ. Кто желаетъ быть хорошимъ ораторомъ, тотъ долженъ тщательно изучить философію и слѣдовать ея путямъ. Знаніе нужно всюду, даже въ ремеслѣ; но добродѣтель уподобляетъ человѣка безсмертному божеству и пріобрѣтается не столь легко, и не каждымъ. Такъ можетъ ли кто имѣть самообладаніе, если онъ не знаетъ, въ чемъ оно состоитъ? Можетъ ли кто быть храбрымъ, если онъ не побѣдилъ въ своемъ чувствѣ суевѣрный страхъ смерти? Да и какъ бы ничтожна была добродѣтель, если бы она была такъ доступна, и если бы ей можно было

научиться, какъ всякому ремеслу... Такимъ образомъ, Квинтиліянъ въ своей педагогической теоріи совершеннаго оратора считаетъ идеаломъ человѣка, а ораторское искусство—высшею цѣлью всего воспитанія и обученія, которая достижима только для немногихъ, даровитѣйшихъ натуръ.

Мнѣнія Плутарха о воспитаніи.

Плутархъ (50—120 г. по Р. Х.), современникъ Тацита, былъ родомъ изъ Херонеи. Онъ усвоилъ себѣ всю ученость того времени и пріобрѣлъ высокое положеніе въ государствѣ. Адріянъ, на котораго онъ имѣлъ огромное вліяніе, назначилъ его намѣстникомъ Греціи. Люди, какъ Плутархъ, руководившіе общественною жизнью въ качествѣ государственныхъ сановниковъ, пользовавшіеся большимъ уваженіемъ, какъ писатели, и, наконецъ, какъ друзья императора, произвели въ духѣ своихъ современниковъ рѣзкую перемѣну, вызвавшую на развалинахъ грекоримскаго міра иныя начала жизни. Благодаря ихъ содѣйствію, въ скоромъ времени распространились взгляды, *вполнѣ понятные при настроеніи духа южныхъ народовъ* и нравственномъ разслабленіи высшаго класса, но совершенно противоположные древнему міросозерцанію, сообщившему такое государственное величіе Риму и Греціи. Новое ученіе о терпѣливомъ повиновеніи и о грѣховности практической дѣятельности, вышедшее изъ стоицизма и перешедшее въ мистицизмъ, проникло повсемѣстно и много содѣйствовало успѣхамъ христіянства въ разлагавшемся римскомъ мірѣ.

Плутархъ оставилъ послѣ себя много философскихъ и историческихъ сочиненій, въ которыхъ онъ, какъ напр. въ сочиненіи «de puerorum educatione», вмѣстѣ съ другими благороднѣйшими современниками своими, старается противодѣйствовать приближающемуся паденію Рима и строитъ, въ видахъ поднятія воспитательной практики, строгую теорію воспитанія, основанную на старинныхъ греческихъ началахъ мѣры и

гармоніи. Самою главною цѣлью воспитанія онъ также ставитъ пріученіе дѣтей ко всему прекрасному и удаленіе ихъ отъ всего низкаго и безобразнаго. Совершеннѣйшими людьми онъ считаетъ тѣхъ, въ которыхъ высокое, философское образованіе соединяется съ полезной общественной дѣятельностью. Въ воспитаніи, точно также, какъ въ искусствѣ, наукѣ и добродѣтели, въ сферѣ которыхъ оно вращается, все сводится къ тремъ главнымъ условіямъ: природѣ, обученію и пріученію (упражненію). Одна природа человѣка безъ образованія слѣпа; обученіе безъ природы недостаточно; упражненіе безъ содѣйствія природы и обученія несовершенно. Какъ при земледѣліи необходимы: хорошая почва, хорошій земледѣлецъ и хорошія сѣмена—точно также и при воспитаніи. Хорошія способности (почва) должны найти хорошаго учителя (земледѣльца) и воспринять хорошее ученіе и направленіе (сѣмена). Отъ природы зависятъ способности, отъ обученія—ихъ развитіе, отъ упражненія—ихъ практическое примѣненіе; все же это вмѣстѣ составляетъ высшее, совершеннѣйшее образованіе человѣка, и если при этомъ недостаетъ хотя одного условія, то недостигнуто будетъ и совершенство человѣка, который, такимъ образомъ, не усвоитъ истинной доблести. Легкомысленное отношеніе къ питомцу можетъ погубить и хорошія способности: такъ дичаетъ отъ природы хорошее, но заброшенное поле; стараніе, напротивъ того, такъ же могущественно, какъ могущественна капля, пробивающая камень; въ искусныхъ рукахъ и *желѣзо приноситъ пользу;—но сло*манное колесо уже никогда не можетъ получить прежней правильности. Характеръ человѣка есть не болѣе, какъ укоренившійся навыкъ.

Матерямъ необходимо самимъ кормить своихъ дѣтей, какъ указываетъ сама природа: онѣ дѣлаютъ это гораздо охотнѣе кормилицъ и тѣмъ скорѣе возбуждаютъ въ дѣтяхъ ихъ дѣтскую любовь. Если же слабое здоровье и т. п. причины не позволяютъ матери исполнить этотъ долгъ, то слѣдуетъ, по крайней мѣрѣ, выбирать добронравныхъ кормилицъ. Душа ребенка подобна воску, на которомъ

легко отпечатлѣваются уроки мудрости и добродѣтели, а когда онъ уже затвердѣетъ, то такъ же трудно стираются, какъ трудно воспринимаются имъ всякія новыя впечатлѣнія. Затѣмъ оказывается не менѣе важнымъ, чтобы хорошо подготовленные мальчики, вполнѣ владѣющіе греческимъ языкомъ, избирались въ товарищи къ питомцу, или даже воспитывались съ нимъ. Въ воспитатели должны избираться только такіе люди, которые вмѣстѣ съ нравственностью соединяли бы знанія и должную опытность: какъ виноградарь ставитъ возлѣ молодыхъ лозъ сошки, по которымъ бы направлялось ихъ развитіе, — такъ учитель поддерживаетъ дѣтей добрыми примѣрами и совѣтами. Хорошее воспитаніе, въ соединеніи съ соотвѣтственнымъ обученіемъ, представляетъ главное и единственное средство, чтобы привести юношество къ добродѣтели и счастію; всѣ же остальныя блага, какъ богатство, знатное происхожденіе и т. п., оказываются ничтожными въ сравненіи съ такимъ воспитаніемъ и потому не могутъ быть для него цѣлью.

Съ ранней юности должно пріучать дѣтей вести простой образъ жизни, устраняя изнѣженность, подавлять въ себѣ гнѣвъ и не злоупотреблять ни языкомъ, ни руками. Смолчать кстати лучше и труднѣе, чѣмъ кстати сказать, ибо какъ рѣдко приходится сожалѣть, что смолчалъ, и какъ часто—что проговорился! Однако молодыхъ людей должно съ особеннымъ стараніемъ пріучать говорить правду, никогда не забывая, что ложь есть низость и влечетъ за собою общее презрѣніе. Вообще должно предохранять юношество отъ сношенія съ дурными людьми, пороки которыхъ всегда оказываютъ извѣстную долю вліянія. Тоже самое можно сказать и о дурныхъ товарищахъ. Отцы не должны быть слишкомъ суровы къ своимъ сыновьямъ и, помня собственную юность, снисходительно относиться къ ихъ увлеченіямъ, хотя и не оставляя ихъ вовсе безъ вниманія. Какъ врачи горькія лекарства смѣшиваютъ съ сладкими веществами и, заботясь о здоровьѣ своихъ паціентовъ, дѣлаютъ непріятное пріятнымъ; такъ точно отцы строгость наказанія должны соединять съ кротостью,

иногда предоставляя просторъ порывамъ своихъ сыновей, иногда сдерживая ихъ; должны постоянно оказывать снисхожденіе къ ихъ наивнымъ промахамъ, и никогда не приступать къ исправительнымъ мѣрамъ раньше, чѣмъ утихнетъ чувство гнѣва. Часто бываетъ даже необходимо ставить себя въ такое положеніе, будто не замѣчаешь тѣхъ или другихъ проступковъ дѣтей. Точно такъ напр. мы пропускаемъ безъ вниманія недостатки и ошибки нашихъ друзей. Слѣдуетъ ли по этому осуждать себя за то, что мы иногда смотримъ сквозь пальцы на ошибки дѣтей? Несомнѣнно, что дѣйствуя такимъ образомъ, даже скорѣе сдержишь пылкую юность, чѣмъ постоянною строгостью, безпрерывнымъ вмѣшательствомъ. Здѣсь самое важное, чтобы отцы сами давали хорошій примѣръ своимъ сыновьямъ, избѣгая всякихъ ошибокъ и строго соблюдая свои обязанности: тогда дѣти уже будутъ видѣть въ нихъ, какъ въ зеркалѣ, отраженіе всѣхъ нравственныхъ правилъ, нарушеніе которыхъ станетъ возбуждать въ юношескомъ чувствѣ стыдъ и раскаяніе. Отцы, позволяющіе себѣ то, за что они наказываютъ сыновей своихъ, являются собственными обличителями; сами живя порочно, они имѣютъ столь же мало права наказывать своихъ сыновей, какъ и ихъ рабы.

Къ прилежному занятію науками надо побуждать дѣтей увѣщаніями, а не ударами и не жестокимъ обращеніемъ; подобными средствами можно породить въ нихъ только лѣность и отвращеніе къ труду. Порицаніе и похвала должны, по мѣрѣ надобности, смѣнять другъ друга, но такъ, чтобы первое не приводило дѣтей въ отчаяніе, а вторая не вызывала въ нихъ самодовольства и высокомѣрія. Какъ растеніе улучшается отъ умѣренной поливки, но можетъ разбухнуть и погибнуть отъ излишества воды; такъ точно духовныя силы дитяти возрастаютъ при умѣренной работѣ, но слабѣютъ отъ преувеличенныхъ требованій. Не слѣдуетъ отказывать дѣтямъ въ необходимомъ отдыхѣ потому, что сама природа раздѣлила всю нашу жизнь на двѣ составныя части: дѣятельность и отдыхъ. Такъ точно опускаютъ тетиву на лукѣ и струны на

лирѣ, чтобы потомъ можно было натянуть ихъ снова. Такъ какъ тѣлесная крѣпость въ юности служитъ ручательствомъ здоровья и въ зрѣломъ возрастѣ, поэтому не слѣдуетъ оставлять безъ вниманія тѣлесныхъ упражненій дѣтей, — лишь бы только они не изнуряли ихъ до неспособности къ ученію. Мальчикъ благороднаго происхожденія не долженъ миновать ни одной изъ такъ называемыхъ энциклическихъ наукъ, или оставаться съ неразвитымъ даромъ слова до самаго вступленія въ мужескій возрастъ. Въ отношеніи слога слѣдуетъ держаться средины, такъ чтобы онъ не переходилъ ни въ надутый и изысканный, ни въ сухой и безцвѣтный. Какъ тѣло должно быть не только здоровымъ, но и хорошо сложеннымъ; такъ и рѣчь не только должна быть свободна отъ ошибокъ, но также обладать внутренней силой и энергіей. Въ особенности вредно заставлять юношество говорить экспромтомъ, такъ какъ это не только бываетъ причиной неясности и неточности пониманія предмета, но даже производитъ въ характерѣ неувѣренность, нетвердость и легкомысліе, остающіяся на всю жизнь; дозволять мальчикамъ произносить необдуманныя рѣчи, значитъ — полагать начало пустому фразерству. Произведенія древнихъ писателей юношество должно близко знать и такъ же умѣть обращаться съ ними, какъ земледѣлецъ — съ полевыми орудіями, ибо не обладаніе книгами, а употребленіе ихъ есть путь къ учености. За тѣмъ молодые люди должны такъ же обращаться съ знаніемъ, какъ со вкусною пищею, т. е. слушать и читать съ умѣренностью и осторожностью, избирая лишь одно доброе и полезное. Все безнравственное, встрѣчающееся у того или другаго поэта, не должно служить оправданіемъ ихъ собственныхъ слабостей, а потому къ читаемому надо относиться съ строгою критикой. При руководствѣ чтеніемъ само дурное можетъ вызывать въ молодыхъ читателяхъ естественное чувство добра и красоты: тогда они, подобно пчеламъ, извлекающимъ и изъ дикихъ или покрытыхъ шипами цвѣтовъ наилучшій медъ, и изъ дурнаго содержанія будутъ извлекать полезные для себя уроки.

Философія должна завершать собою все воспитаніе. Проѣхать множество городовъ, конечно, пріятно;—но полезно пожить только въ лучшихъ изъ нихъ. Философія для души тоже самое, что медицина и гимнастика для тѣла; только она учитъ насъ познавать, что прекрасно и отвратительно, что истинно и ложно, что должно принимать и чего избѣгать; въ особенности же она учитъ насъ не предаваться высокомѣрію въ счастіи, и не падать духомъ въ несчастіи.

Сохранять благородство въ счастіи есть удѣлъ мужества; не возбуждать зависти — удѣлъ скромности; силою разума побѣждать сладострастіе — удѣлъ мудрости; владѣть собой въ гнѣвѣ—удѣлъ самыхъ избранныхъ людей. Каждое начало дается трудно: такъ напр. занятія на лирѣ или въ палестрѣ сперва требуютъ особеннаго напряженія; но потомъ, при постепенномъ успѣхѣ, при возрастающей ловкости, каждое новое дѣло становится для насъ и легче, и пріятнѣе; тоже самое и въ занятіи философіей. Но, съ другой стороны, какъ ростокъ чѣмъ моложе, тѣмъ легче пробивается и растетъ, а потомъ, дѣлаясь стеблемъ, встрѣчаетъ не мало затрудненій и задержекъ;—такъ тѣ, которые вначалѣ спѣшатъ въ изученіи философіи, потомъ, не находя явнаго приращенія своихъ знаній, впадаютъ въ унылое бездѣйствіе. Кто же идетъ твердою поступью и прямою дорогою, кто мужественно борется со встрѣчными трудностями, тотъ какъ бы получаетъ крылья и летитъ на нихъ къ божеству, которое управляетъ міромъ подобно тому, какъ божественный даръ человѣта—разумъ управляетъ низшими побужденіями человѣческой природы. Въ Богѣ, какъ источникѣ всего добраго, нѣтъ ни гнѣва, ни ненависти; человѣку, напротивъ того, прирождена грѣховность, которая проявляется при первой же къ тому возможности, когда разумъ не подавляетъ страсти, а самъ ею подавляется. Потому-то человѣкъ, чтобы стать чистымъ и добродѣтельнымъ, долженъ уподоблять себя божеству, постепенно освобождаясь отъ зла, просвѣщать разумомъ (*λόγος*) неразумную часть

своей души, и чрезъ самопознаніе стремиться къ самосовершенствованію.

Въ самомъ важномъ изъ своихъ произведеній — въ «Біографіяхъ знаменитѣйшихъ грековъ и римлянъ» Плутархъ желаетъ оживить въ юношахъ любовь къ древности и возвысить духъ молодаго поколѣнія. Несомнѣнно, что онъ самъ не утратилъ еще симпатіи къ славной старинѣ Рима и Греціи, стараясь идеализировать ее при помощи поэзіи и вымысла. Не смотря на анекдотичность своихъ біографій, онъ сообщаетъ много типичности изображаемымъ характерамъ, и тѣмъ придаетъ разсказамъ своимъ болѣе наглядности и занимательности. Благодаря всему этому, разсказы его могли оказывать образовательное вліяніе на юношество, и дѣйствительно пріобрѣли обширную извѣстность.

Но всѣ единичныя попытки образованнѣйшихъ людей Рима не могли поддержать падающій языческій міръ. Даже у самыхъ лучшихъ умовъ того времени, искавшихъ въ стоицизмѣ нравственной опоры для себя, нерѣдко слово расходилось съ дѣломъ, и высокія философскія или педагогическія идеи ихъ такъ и оставались идеями, не переходя въ жизнь. Примѣромъ можетъ служить Луцій Анней *Сенека*, воспитатель Нерона, приверженецъ стоицизма и въ тоже время низкій льстецъ. Онъ былъ родомъ изъ Испаніи (род. во 2 г. по Р. Х.), сынъ знаменитаго ритора Сенеки, который, говорятъ, обладалъ такою памятью, что однажды слышавши, могъ потомъ рецитировать 200 стиховъ. Громадное честолюбіе заставляло молодаго Сенеку искать образованія и карьеры. Достигнувъ при Клавдіѣ высокого положенія при дворѣ, онъ принужденъ былъ потомъ удалиться въ изгнаніе въ Корсику, пока снова не былъ вызванъ ко двору матерью Нерона Агриппиной, чтобы, наконецъ, при опять перемѣнившемся счастіи, добровольно лишить себя жизни (65 г. по Р. Х.). Какъ жизнь перваго основателя стоицизма Зенона соотвѣтствовала строгимъ принципамъ его философіи,— такъ жизнь Сенеки, человѣка тщеславнаго и корыстолюбиваго, противорѣчила ей.

Человѣкъ, по ученію стоиковъ, долженъ стремиться только къ мудрости, къ познанію божественнаго и человѣческаго, располагая всю свою жизнь сообразно съ этой мудростью. Высшее благо, высшая цѣль нашихъ стремленій состоитъ именно въ томъ, чтобы мы приспособляли нашу жизнь къ общему, міровому закону, и жили сообразно съ гармоніей вселенной. «Слѣдуй природѣ, живи согласно съ природой»—вотъ нравственный принципъ стоиковъ; это значитъ: живи согласно съ твоей разумной природой — насколько она не сдѣлалась искусственной или фальшивой, а сохранилась въ своей естественной простотѣ; будь въ твоемъ знаніи и въ твоей волѣ тѣмъ, чѣмъ создала тебя природа т. е. разумною частью разумнаго цѣлаго. Ты долженъ быть самимъ разумомъ и находиться въ общеніи съ разумнымъ міровымъ цѣлымъ, а не слѣдовать безразсудству и собственному произволу. Этимъ ты приготовишь себѣ жизнь, которая будетъ течь спокойнымъ и прекраснымъ потокомъ... Удовольствіе, какъ усыпленіе нравственной энергіи, въ которой единственно и заключается счастіе, есть въ глазахъ стоика зло, одна помѣха для счастливой жизни. Удовольствіе не есть дѣятельность, но страдательное состояніе души. Добродѣтель есть единственная цѣль и высшее благо человѣка, а потому для нравственной, т. е. для счастливой жизни безразличны всѣ внѣшнія блага: здоровье, богатство, слава и т. п. Они могутъ быть употребляемы какъ разумно, такъ и неразумно, служа источникомъ какъ добра, такъ и зла; слѣдовательно, они сами по себѣ не составляютъ никакого блага. Добродѣтельный человѣкъ не будетъ несчастливъ, не имѣя внѣшнихъ благъ или лишившись ихъ: съ нимъ будетъ внутреннее благо—добродѣтель, а съ нею — и внутреннее счастіе. Добродѣтель есть разумность, правильный образъ дѣйствій, сообразный съ природой вещей; порокъ есть противоположность разуму, природѣ и истинѣ. Добродѣтеленъ тотъ, кто владѣетъ всѣми добродѣтелями безъ исключенія; слѣдовательно, всѣ хорошіе поступки одинаково правильны и хороши, и всѣ дурные—одинаково неправильны и дурны; а потому нѣтъ

степеней въ хорошемъ и дурномъ, въ добродѣтели и порочности, между которыми находится абсолютная противоположность.

Проникнутый высокими принципами этого ученія, Сенека искренно желалъ возрожденія римскаго общества, которое могло быть поднято только посредствомъ лучшаго воспитанія молодыхъ поколѣній. Находясь въ изгнаніи, онъ писалъ трогательное письмо къ своей матери: «Тебя не коснулась, говоритъ онъ ей, страшная болѣзнь нашего времени — нравственная распущенность. Тебя ослѣпляли не драгоцѣнные камни и богатства, а высшія человѣческія доблести. Тебя, воспитанную въ строгихъ и добрыхъ правилахъ старины, не совращала съ пути страсть къ подражанію опасной новизнѣ. Тебѣ нечего было стыдиться предъ своими дѣтьми, подобно другимъ тщеславнымъ и бездушнымъ женщинамъ. Твоимъ лучшимъ украшеніемъ всегда была добродѣтель». Какъ ни высоки были нравственныя и воспитательныя начала, изложенныя имъ въ его сочиненіяхъ de animi tranquilitate, de clementia, de brevitate vitae и др., они не могли найти примѣненіе при воспитаніи ученика его Нерона, какъ по недостатку нравственнаго характера въ самомъ воспитателѣ, такъ и по неблагопріятности условій окружающей жизни. Стоитъ вспомнить, что до Сенеки единственными воспитателями Нерона были, — танцовщикъ и цирюльникъ, и что мать его отравила своего мужа, когда сыну ея, будущему императору, было всего 17 лѣтъ.

Такимъ образомъ, уровень нравственности, а вмѣстѣ и воспитанія, падалъ въ римскомъ обществѣ въ то самое время, когда оно достигало высшей степени умственнаго развитія, и когда лучшіе люди брались за обработку воспитательныхъ теорій. Но развращеніе нравовъ, замѣчаетъ Шлоссеръ, вовсе не бываетъ слѣдствіемъ цвѣтущаго состоянія образованности, какъ это нерѣдко думаютъ, а представляетъ только одновременное и параллельное ей явленіе, происходящее отъ однѣхъ съ нею причинъ. Возрастаніе народнаго богатства, какое мы видимъ въ Римѣ, произвело неравенство состояній и умножило средства къ

наслажденіямъ; а разумно-естественная простота, о которой взывали стоики, постепенно исчезла и изъ жизни, и изъ воспитанія. Обновленіе римскаго общества могло совершиться не иначе, какъ въ совершенно иныхъ формахъ, принятіе которыхъ подготовляли приверженцы стоицизма и неоплатонизма — въ формахъ христіянства.

Воспитаніе у народа израильскаго.

Великое семитическое племя, къ которому принадлежатъ и евреи, есть по преимуществу племя религій, назначенное быть источникомъ ихъ рожденія и распространенія. Всѣ три религіи, до сихъ поръ игравшія самую важную роль въ исторіи и отличающіяся особенною живучестью, плодовитостью и прозелитизмомъ, — еврейская, христіянская и мусульманская — всѣ онѣ произошли между народами семитическими, главнѣйшимъ представителемъ которыхъ является *израильскій* народъ. Своими ярко-оригинальными чертами онъ выдѣляется изъ числа другихъ дохристіянскихъ народовъ, и если во многомъ еще носитъ на себѣ печать востока, за то съ другой стороны во многомъ превосходитъ не только востокъ, но даже Грецію и Римъ. Все міросозерцаніе этого теократическаго народа выходитъ изъ внутреннихъ потребностей духа, обращеннаго къ высшимъ нравственнымъ цѣлямъ жизни. Мысль о единомъ Богѣ, а чрезъ него и—о единомъ человѣчествѣ, впервые была съ такой энергіей заявлена и проведена въ исторіи именно евреями. «Слыши Израилю — говорится въ V книгѣ Моисея — Господь Богъ нашъ, Господь единъ есть». Строгій монотеизмъ евреевъ дѣлаетъ ихъ представителями новаго, общечеловѣческаго принципа; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ-же придаетъ ихъ религіи нѣсколько исключительный характеръ. Евреи внесли въ исторію и жизнь самый существенный элементъ — подчиненіе всего единому Богу. Такимъ образомъ, отличи-

тельнѣйшими чертами Израиля являются: глубина и искренность религіознаго чувства и религіознаго познанія, высота нравственныхъ воззрѣній, мудрое признаніе человѣческаго достоинства и высоты человѣческаго назначенія.

Какъ вся жизнь евреевъ была проникнута строго-религіозными началами и построена на божественныхъ заповѣдяхъ, такъ и воспитаніе было строго-религіозное. Законъ, данный Богомъ своему народу, опредѣлялъ весь бытъ его; а потому внѣ этого закона не могло быть другихъ воспитательныхъ требованій. Какъ Егова воспитывалъ въ Законѣ избранный народъ свой; такъ и отецъ воспитывалъ дитя свое, стараясь запечатлѣть въ его душѣ этотъ дарованный свыше Законъ, а вмѣстѣ съ нимъ — безусловное повиновеніе, страхъ и полную преданность Еговѣ, постоянно напоминая дитяти объ этихъ обязанностяхъ, и самъ стараясь прежде всего соблюдать Законъ въ собственномъ семействѣ. Дитя почиталось, какъ священный даръ Божій,—а это обязывало родителей воспитывать его въ Богѣ и для Бога. Отецъ долженъ былъ въ своей семьѣ поступать такъ же, какъ Егова поступаетъ со своимъ народомъ. Онъ былъ для нея священникомъ и представителемъ божественной воли: подобно Еговѣ распредѣлялъ наказанія, чтобы заблудившихся вновь наставить на истинный путь, и, подобно Ему, съ строгостью наказанія соединялъ отеческую любовь и милость. «Начало премудрости есть страхъ Божій» — вотъ основный принципъ воспитанія у евреевъ, которое по существу своему было исключительно семейное. Почерпая въ нѣдрахъ семьи всѣ самыя прочныя нравственныя начала, воспитаніе у народа израильскаго получало въ то же время характеръ замкнутости, подавляло общественный смыслъ и служило причиной тому, что еврей былъ скорѣе хорошимъ семьяниномъ, чѣмъ хорошимъ гражданиномъ.

Такъ какъ семейныя отношенія уподоблялись отношеніямъ Еговы къ своему народу, поэтому отъ юношества строго требовалось почтеніе къ родителямъ. «Чти отца твоего и матерь твою, да благо ти будетъ, и да долголѣтенъ будеши на землѣ» — эта заповѣдь рано и

глубоко напечатлѣвалась въ душѣ дитяти. Родители какъ бы заступали для него мѣсто самого Бога, и почтительность предъ родителями сливалась съ благовѣніемъ и страхомъ предъ Богомъ: «Око, оскорбившее отца и ослушавшееся мать выклюютъ вороны при источникѣ и пожрутъ молодые орлы». Произнесшій хулу на отца или мать всенародно подвергался проклятію и осуждался на смертную казнь; такая же участь постигала и того, кто осмѣливался ударить отца или мать. Почтеніе и страхъ дѣтей предъ родителями переносились вообще и на отношенія младшихъ къ старшимъ, ибо, по словамъ Іова, у дѣдовъ—мудрость, и у старцевъ—разумъ. Съ предписаніемъ почитать родителей тѣсно связывалось другое предписаніе: «Предъ лицемъ сѣдаго возстани и почти лице старче.» Все воспитаніе у народа израильскаго, по аналогіи съ отношеніями его къ Еговѣ, основаніемъ которыхъ служитъ страхъ Божій, основывалось также на страхѣ: трость и лоза были его постоянными спутниками. Родительскій авторитетъ сохранялся надъ дѣтьми до самого вступленія ихъ въ бракъ. Отецъ могъ по собственному выбору не только назначать мужа своей дочери, но при извѣстныхъ условіяхъ—и жену своему сыну. Дочерей можно было продавать, но только кому нибудь изъ своего же народа, и притомъ вслѣдствіе бѣдности. (Исходъ гл. XXI). Женщина, вообще, не была совершенно свободна: ея свобода обусловливалась множествомъ восточныхъ требованій и обычаевъ. Обыкновенной формой вступленія въ замужество была продажа, такъ какъ отецъ могъ вполнѣ располагать судьбой своей дочери. Впрочемъ, по отношенію къ Еговѣ, женщина была вполнѣ самостоятельна и несла предъ нимъ такую же отвѣтственность, какъ мужчина. (Исх. XXI. 7—II. Быт. III. 16). Хотя дочери въ домѣ отца своего и предоставлялось право давать обѣты, но они получали значеніе только тогда, когда отецъ допускалъ ихъ и тѣмъ придавалъ имъ силу; даже съ замужней женщины мужъ могъ снять всѣ данные ею обѣты, нимало не нанося вреда дѣлу спасенія ея души. Многоженство допускалось вначалѣ, однако со времени па-

тріарховъ оно уже вышло изъ обыкновенія и закономъ было опредѣлено, чтобы напр. первосвященникъ бралъ за себя только одну жену, такъ что моногамія на дѣлѣ преобладала.

Обученіе по преимуществу состояло въ усвоеніи Закона и въ познаніи тѣхъ благодѣяній, которыя Егова оказалъ своему народу, и воспоминанія о которыхъ сохранились въ его первобытной исторіи. Пѣніе и танцы (послѣдніе въ особенности для дѣвушекъ и женщинъ) признавались лишь во славу Еговы; а такъ какъ дѣти могли принимать самостоятельное участіе въ отправленіи богослуженія, поэтому они, вѣроятно, рано уже учились читать и отчасти писать. Отецъ кромѣ того училъ сына своему ремеслу, которое по обычаю переходило преемственно изъ рода въ родъ, и упражнялъ его въ умѣньи владѣть оружіемъ, потому что каждый еврей по достиженіи 20-лѣтняго возраста обязывался военной службой. Дочери учились у своей матери печь и варить кушанья, кроить и шить платье и т. п., и кромѣ того брали уроки въ пѣніи, игрѣ на струнномъ инструментѣ и въ танцахъ. Эти общія основы еврейскаго воспитанія съ теченіемъ времени развивались далѣе и достигли высшей степени своего развитія преимущественно въ періодъ судей, много заботившихся объ образованіи своего народа. Нравы сложились окончательно и окрѣпли до того, что впослѣдствіи ни напоръ времени, ни вліяніе различныхъ цивилизацій не были въ состояніи совершенно сломить ихъ.

Сообразно высшему значенію мужчины у евреевъ, рожденіе мальчика привѣтствовалось съ большею радостію, чѣмъ рожденіе дѣвочки. Новорожденное дитя тотчасъ купали въ соленой водѣ и повивали. Надъ мальчиками на восьмой день совершалось обрѣзаніе, и затѣмъ онъ признавался гражданиномъ своего теократическаго государства, въ которомъ не было другихъ законовъ, кромѣ божественнаго Закона Еговы. При этомъ новорожденное дитя получало имя, которое часто зависѣло отъ случайныхъ обстоятельствъ, а иногда заключало въ себѣ высокій религіозный смыслъ. Выборъ имени зависѣлъ, кажется, болѣе отъ отца, чѣмъ отъ матери, которая и при-

нимала на себя первыя заботы о новорожденномъ, нося его по обычаю на груди впродолженіе цѣлыхъ трехъ лѣтъ. На ея-же попеченіи лежало — возбудить религіозное чувство въ ребенкѣ и научить его заповѣдямъ. Когда половое различіе опредѣлялось достаточно рѣзко, мальчики отдѣлялись отъ дѣвочекъ, и воспитаніе тѣхъ и другихъ принимало различныя направленія. Дочь оставалась подъ руководствомъ матери, которая продолжала развивать въ ней религіозность и хозяйственность, и кромѣ того должна была сообщить ей извѣстное художественное образованіе. Послѣднее считалось необходимостью не только для знатныхъ, но и для всѣхъ сословій вообще; оно состояло изъ музыки (напр. игра на кастаньетахъ), пѣнія и танцевъ. Танцы изучались не для удовольствія только, не изъ угожденія одному сладострастію; но—для прославленія Еговы при извѣстныхъ торжественныхъ случаяхъ. Воспитаніе не допускало ни роскоши, ни наслажденія, которыя были почти изгнаны изъ жизни израильскаго народа. Богъ Израиля — Богъ грозный и ревнивый, которому должно было поклоняться въ страхѣ и трепетѣ; онъ оберегалъ свой народъ, гремѣлъ громомъ и молніей, когда являлись у него первыя побужденія предаться роскошному идолопоклонству востока съ его соблазнительной символикой природы. Фантазія поэтому не могла пуститься въ игру миѳологическими образами, а безпрекословно должна была обращаться къ единому, грозно-карающему Богу. На этомъ основаніи самыя искусства, входившія въ кругъ женскаго образованія, должны были соединяться съ благоговѣйно-религіознымъ чувствомъ, служа только выраженіемъ его и подчиняясь строгому культу.

Сынъ, достигнувъ отроческаго возраста, нѣсколько выходилъ изъ тѣсной семейной сферы и поступалъ подъ ближайшее руководство отца. Отецъ обучалъ его земледѣлію или скотоводству, охотѣ или рыбной ловлѣ, иногда также горшечному, валяльному, красильному ремеслу, или плотничьему и кузнечному. Систематическаго обученія гимнастикѣ не было: оно замѣнялось упражненіями на

оружіи, а также—въ музыкѣ и танцахъ, съ тѣмъ же примѣненіемъ ихъ, какъ и у дѣвушекъ. Дальнѣйшее образованіе состояло, главнымъ образомъ, въ изученіи Моисеевыхъ книгъ и вообще исторіи израильскаго народа. На знаніе Закона обращалось особенное вниманіе. Мальчику строго запрещалось мучить животныхъ, раззорять птичьи гнѣзда и т. п. При умѣренности во всемъ, особенно въ пищѣ, требовалась опрятность; — но главнымъ предметомъ отцовскихъ попеченій было возбужденіе въ сынѣ религіознаго чувства и пріученіе его къ религіознымъ обычаямъ и праздникамъ. На праздникѣ кущей мальчики пѣли «Осанну» и махали особо приготовляемыми къ этому торжеству пучками, состоящими изъ извѣстныхъ растеній; они принимали также участіе въ отправленіи пасхи, и передъ субботой должны были приготовлять яства. Наконецъ, ихъ брали въ ежегодно отправляемое праздничное путешествіе къ скиніи, а потомъ къ Іерусалимскому храму, — чтобы въ сердцахъ ихъ прочно, на всю жизнь запечатлѣвались отрадныя воспоминанія о томъ, какъ въ этихъ праздничныхъ караванахъ собирались во славу Еговы всѣ семейства, гдѣ снова радостно встрѣчались всѣ родные и друзья, гдѣ всѣ сливались въ одинъ народъ во имя своей общей святыни. Такимъ образомъ, воспитаніе у евреевъ было вмѣстѣ и обученіемъ, которыя жизненно проникали другъ друга, при чемъ все воспитаніе получало національно-историческій характеръ. Въ праздничныхъ церемоніяхъ, процессіяхъ и т. п. узнавалъ молодой еврей: что сотворилъ Богъ для своего избраннаго народа отъ самаго начала его существованія, и какъ прославилъ Онъ и наградилъ достойнѣйшихъ его представителей.

Общественныхъ школъ долго совершенно не существовало у евреевъ. Высшее образованіе, состоявше изъ искусства писать, изъ піитики, медицины, начатковъ философіи и глубокаго изученія Закона, сыновья знатнѣйшихъ фамилій получали отъ священниковъ, или отъ особыхъ домашнихъ учителей; дѣти же пророковъ и священниковъ—въ отдѣльныхъ школахъ. Такія школы которыя

существовали уже при Самуилѣ, и которыя, благодаря ему, достигли цвѣтущаго состоянія, находились во многихъ городахъ, напр. въ Габеѣ, Рамѣ, Виѳлеемѣ, Іерихонѣ, Гилгалѣ и др. Въ нихъ юноши, а нерѣдко и взрослые, жили вмѣстѣ со своими учителями, иногда въ числѣ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ; нѣкоторые изъ учениковъ содержались на общественный счетъ. Здѣсь изучалась также музыка и поэзія, имѣвшая у евреевъ особый, своеобразный характеръ, вытекающій изъ ихъ религіознаго міросозерцанія. Такъ какъ у евреевъ не было миѳологіи съ ея многобожіемъ, то это обстоятельство сдѣлало положительно невозможнымъ возникновеніе эпоса, потому что героическая эпопея немыслима безъ видимыхъ, осязательныхъ боговъ, дѣйствующихъ лично и опредѣляющихъ участь людей. Точно также чувство совершенной зависимости отъ Еговы не позволило развиться еврейской драмѣ, которая требуетъ свободнаго дѣйствія, самостоятельной личности; а въ сознаніи евреевъ существовала только одна самостоятельная личность — личность Бога, обладающаго абсолютной свободой. Оттого производительная сила евреевъ все болѣе удалялась внутрь, все болѣе сосредоточивалась въ чувствѣ. Не смотря на этотъ кругъ, ограниченный лиризмомъ, еврейская литература развиваетъ удивительное могущество и силу; она, по выраженію Шерра, вырывается какъ потокъ крови изъ сердца страдальческаго народа, который прошелъ черезъ школу несчастія, лишь изрѣдка обращался къ свѣтлой сторонѣ жизни, и съ робкимъ вопросомъ останавливался предъ темной завѣсой, закрывавшей отъ него тайны бытія. Веселый, жадный къ наслажденію сенсуализмъ востока хотя и прорывался иногда, но его неумолимо подавлялъ строгій спиритуализмъ евреевъ, отвращавшійся отъ земли съ ея опасными обольщеніями и неотступно стремившійся къ соединенію съ Богомъ въ духовномъ мірѣ. Эта воинственная, неусыпная борьба противъ сильнаго своимъ обаяніемъ чувственнаго міросозерцанія и придаетъ еврейской поэзіи то до глубины души дѣйствующее могущество рѣчи, тотъ гремящій гнѣвъ и сильное рвеніе, наконецъ, ту роскошь

образовъ, которыхъ краски, по удачному сравненію Фортляге, врѣзываются въ фантазію и долго горятъ тамъ, какъ горячіе цвѣта въ оконной живописи старыхъ готическихъ храмовъ. Естественно, что изученіе своей національной поэзіи неотразимо дѣйствовало на воспитаніе еврейскаго юношества, для которого кромѣ того было обязательно тщательное изученіе Закона, какъ главнаго и высшаго предмета. Все это имѣло цѣлью—вызвать и укрѣпить въ юношѣ истинно-теократическій духъ, пріучивъ его къ сосредоточенному размышленію, къ изслѣдованію писанія, къ молитвѣ и прославленію Бога, къ религіозному настроенію, къ воздержному самообладанію. Отъ юноши требовали: кротости, покорности, мудрости, мужества, твердости воли и обращенія всѣхъ помысловъ къ небу.

Особенно цвѣтущаго состоянія достигли эти религіозныя школы, бывшія обыкновенно частными учрежденіями, въ царствованіе Давида, которому также столь обязаны были своимъ развитіемъ поэзія и музыка евреевъ съ ихъ глубоко-религіознымъ характеромъ. Давидъ (около 1030 г. до Р. Х.) самъ создавалъ свои возвышенные псалмы, самъ пѣлъ ихъ и сопровождалъ ихъ пѣніе дивною игрою на арфѣ. Онъ образовалъ въ свое царствованіе 4,000 пѣвцовъ изъ сословія левитовъ. По отношенію къ воспитанію онъ самъ является учителемъ и совершеннѣйшимъ образцомъ для своего народа, подавая ему примѣръ пламенной вѣры въ Бога, въ его величіе, милосердіе, попеченіе, снисходительность и долготерпѣніе. Псалмы Давида—это, безспорно, самое поэтическое выраженія духа народа израильскаго. Въ нихъ звучитъ полный чувства тонъ религіи Еговы «свѣтящей, какъ уголь среди ночи, въ отуманенной горестью душѣ, которую только изрѣка освѣщаетъ солнце счастія.» Лирика псалмопѣвца, неудержимо увлекающая сердце слушателя, то элегически жалобная, то возвышенная, перенеслась потомъ изъ іудейства въ христіянство и осталось образцомъ церковной поэзіи. Въ своихъ псалмахъ Давидъ выразилъ весь духъ своего народа, и тѣмъ могущественно

подвинулъ его образованіе и упрочилъ коренныя свойства его природы. Кромѣ того, Давидъ собственной жизнью доказалъ, что счастіе прямо зависитъ отъ внутренняго состоянія души человѣка, отъ его нравственной силы; что жизнь есть непремѣнно борьба, въ которой каждый долженъ остерегаться паденія. Въ блестящее время царствованія Соломона, любившаго роскошь и великолѣпіе, еврейское воспитаніе подверглось радикальному измѣненію. Распространившееся вліяніе языческихъ нравовъ пошатнуло внутреннюю жизнь израилькаго народа, такъ что уже при царѣ Іосафатѣ, около 900 лѣтъ до Р. Х. необходимо было разсылать по Іудеѣ священниковъ и левитовъ для возстановленія падающаго богослуженія Еговы. Царство Израильское стало распадаться и внѣшнимъ, и внутреннимъ образомъ; въ 588 г. до Р. Х. палъ и былъ разграбленъ великолѣпный Іерусалимъ, горько оплаканный Іереміею, и евреямъ оставалось только, сидя на рѣкахъ валилонскихъ, плакать о своей утраченной свободѣ. Народъ еще продолжалъ свое существованіе, но оно было уже совершенно иное, а слѣдовательно—стало инымъ и еврейское воспитаніе.

Главнымъ несчастіемъ для народа израильскаго было то, что, потерявъ свою политическую независимость, онъ вмѣстѣ прекратилъ и свое самостоятельное духовное развитіе. Находясь въ плѣну у халдѣевъ, евреи усвоили себѣ много новыхъ, религіозныхъ представленій и вѣрованій, и у нихъ возникла особая, апокрифическая литература. Древняя чистота вѣры и нравовъ значительно нарушилась, смѣшавшись съ чуждыми элементами. Но тѣмъ сильнѣе старались евреи, по возвращеніи своемъ изъ плѣна, строго соблюдать древній Законъ и его правильное толкованіе. Они ревниво стали охранять свое священное писаніе отъ всякой новизны, строго придерживаясь буквѣ, и съ ортодоксальною боязнью слѣдили за уклоненіями установленнаго пониманія своего Закона. Это дѣло охраненія его впослѣдствіи взяло на себя особое ученое сословіе, члены котораго принимали почетное названіе раввиновъ, т. е. учителей, желавшихъ возвратить

религіозное міросозерцаніе своего народа ко временамъ Эздры, или даже самого Моисая. Ученость этихъ книжныхъ людей обнимала все, относящееся къ Закону, и получила исключительный теолого-юридическій характеръ. Они сообщали желающимъ истинный, сокровенный смыслъ Закона; они разъясняли въ немъ разныя сомнительныя мѣста, особенно по отношенію къ вопросамъ практической жизни; они сообщали народу служебные приговоры и рѣшенія синедріона, въ засѣданіяхъ котораго иногда принимали участіе; они также завѣдывали учебными заведеніями для юношей, приготовлявшихъ себя къ званію раввиновъ; многіе даже занимались частною дѣятельностью, въ нужныхъ случаяхъ являясь въ качествѣ юрисконсультовъ. Главнымъ занятіемъ ихъ, однако, было: изученіе священныхъ книгъ, ихъ переписываніе и исправленіе, истолкованіе библіи на основаніи древнихъ авторитетовъ, поученіе народа въ синагогахъ, возникавшихъ вслѣдствіе отдаленности храма, образованіе взрослаго юношества, завѣдываніе текущей гражданской и религіозной литературой, равно какъ разными публичными чтеніями, корреспонденціей и т. п. Законъ они окружили массою традиціонныхъ понятій, такъ что онъ болѣе и болѣе превращался изъ «религіи духа» какъ называлъ его Гегель, въ пестрое множество разныхъ внѣшнихъ, пустыхъ формальностей и церемоній. О ненарушимомъ сохраненіи этихъ традицій ученые книжники заботились съ такимъ же рвеніемъ, какъ о богодарованномъ Законѣ, и этимъ рвеніемъ успѣли до того возвыситься надъ необразованною массою, пріобрѣли въ ея глазахъ такое уваженіе, что ихъ авторитетъ сталъ не только выше родительскаго, но даже началъ считаться непогрѣшимымъ почти наравнѣ съ авторитетомъ богодарованныхъ заповѣдей. Для еврея не было, наконецъ, высшаго призванія, какъ— сдѣлаться раввиномъ. Въ одномъ изъ ученыхъ трактатовъ того времени (у Хорайота) именно говорится: «Священникъ по своему сану стоитъ выше левита; левитъ выше прочихъ сыновъ Израиля; обыкновенный израильтянинъ выше мамзера (т. е. происшедшаго отъ наруше-

нія брака или отъ кровосмѣшенія); по крайней мѣрѣ это такъ, если всѣ названныя личности равны между собой и въ прочихъ отношеніяхъ. Но въ случаѣ, если мамзеръ былъ ученикомъ мудрецовъ, а первосвященникъ не проходилъ школы у раввиновъ; то такой мамзеръ имѣетъ преимущество передъ такимъ первосвященникомъ. Кто отдастъ дочь свою въ замужество за раввина, или удѣлитъ ему часть изъ своего имущества, тотъ уподобится тѣмъ, которые находятся въ общеніи съ Божествомъ. Кто оспариваетъ своихъ учителей, тотъ говоритъ противъ Божества. Кто входитъ въ разладъ со своимъ учителемъ, тотъ входитъ въ разладъ съ Божествомъ. Кто порицаетъ своего учителя, тотъ порицаетъ Божество.»

На образованіе народа это ученое направленіе привилегированнаго класса не имѣло никакого вліянія. Все воспитаніе евреевъ и теперь оставалось по прежнему исключительно семейнымъ. Чтобы обезпечить пребываніе массы народа въ границахъ Закона и преданій, молодыя поколѣнія воспитывались на буквѣ, и притомъ чисто-механически; это произвело въ школахъ особенный родъ еврейской схоластики. Первая школа для дѣтей была основана Іисусомъ, сыномъ Ямлы, вскорѣ послѣ разрушенія Іерусалима (70 г. по Р. Х.); вслѣдъ затѣмъ школы стали возникать во множествѣ, такъ какъ еврей получилъ вѣру, что онъ не наслѣдуетъ вѣчной жизни, если не отдастъ дѣтей своихъ на обученіе. «Каждый городъ и каждое мѣстечко, неимѣющія школы — говорилось въ узаконеніи — будутъ подвергнуты отлученію; а если и это не поможетъ, то будутъ разрушены, ибо они противорѣчатъ раввинскому изрѣченію, по которому: дыханіемъ дѣтскихъ устъ въ школѣ — держится міръ.» Для 25 дѣтей опредѣлялся особый учитель; для 40—ему назначался помощникъ; для 50 — было два учителя. Они должны были держать ввѣренныхъ имъ дѣтей въ страхѣ и любви; ученики не смѣли пропускать времени, назначеннаго для ученія, чтобы не навлечь на себя гнѣва и проклятія Іереміи. Еврейскій учитель не имѣлъ права брать плату за свой трудъ, ибо самъ великій учитель — Моисей тру-

дился безвозмездно. Плату онъ могъ брать не собственно за обученіе, но лишь за потраченное время. Раввины завѣдывали не только народными школами, но также и синагогами, и наказывали каждаго, кто не въ ихъ духѣ и смыслѣ толковалъ Законъ, пророковъ и вообще ветхозавѣтныя книги.

Ученыя школы находились преимущественно въ *Александріи*, гдѣ получила цвѣтущее развитіе іудейско-александрійская религіозная философія; затѣмъ—въ *Вавилонѣ*, гдѣ около втораго вѣка по Р. Х. раввиномъ Акиба была отчасти собрана, отчасти сочинена каббала, представлявшая фантастическое смѣшеніе философскихъ мыслей и религіозныхъ представленій, перепутанныхъ съ разнородными суевѣріями и раввинскоми вымыслами; и, наконецъ,—въ *Іерусалимѣ*, ученая школа котораго внѣшнимъ образомъ стояла выше другихъ, находясь въ центрѣ верховнаго управленія и богослуженія, внутри же была раздираема духомъ честолюбія, властолюбія и зелотизма. Вообще съ теченіемъ времени еврейская религія, вмѣстѣ съ прочими началами еврейской національности, падала все болѣе и болѣе. Образовалось множество философскихъ сектъ, и изъ различныхъ ученій ихъ, изъ азіятскаго мистицизма, греческихъ философовъ и древнихъ народныхъ сказаній именно и сложилось тайное ученіе каббалистики. Другая мало по малу образовавшаяся секта состояла изъ талмудистовъ, т. е. приверженцевъ новаго толкованія. Въ ученыхъ школахъ раввины объясняли ветхій завѣтъ на основаніи новѣйшихъ воззрѣній на него, смѣшанныхъ со старинными преданіями, изъ чего впослѣдствіи и возникъ талмудъ (наставленіе), имѣвшій своихъ послѣдователей и приверженцевъ какъ въ Палестинѣ (въ Яффѣ и Тиверіадѣ) такъ и въ Вавилоніи (въ самомъ Вавилонѣ, Зарѣ др.). Первымъ собирателемъ талмуда былъ Іегуда святой, стоявшій во второмъ вѣкѣ по Р. Х. во главѣ Тиверіадской академіи. Толкованіе первой части талмуда — мишны (т. е. «повторенія» стараго закона въ новой формѣ) было предметомъ обученія въ высшихъ школахъ. Впослѣдствіи всѣ

эти комментаріи были записаны, и изъ нихъ въ третьемъ вѣкѣ въ Палестинѣ возникла вторая часть—гемара (т. е. совершенное объясненіе). Со временемъ она получила въ Вавилонѣ новую сокращенную обработку, и этотъ вавилонскій текстъ, также заключавшій много посторонней примѣси, въ VI вѣкѣ сложился окончательно, такъ что подъ именемъ талмуда разумѣютъ именно эту послѣднюю его редакцію, въ которой онъ продолжалъ существовать и въ средніе вѣка. Тогдашніе раввины продолжали его изученіе въ томъ же строго-національномъ направленіи.

Въ раввинскихъ школахъ такіе предметы какъ: математика, естествознаніе, исторія и политика, исключались изъ круга преподаванія. Эти науки были не только въ презрѣніи, но даже формально запрещались. Изучались главнымъ образомъ теологическія и юридическія науки, имѣвшія своимъ основаніемъ Законъ, причемъ камментаторы ихъ терялись во множествѣ софистическихъ тонкостей, и придерживались мертвой буквы, ища въ ученыхъ сочиненіяхъ разныхъ авторитетовъ особаго, тайнаго смысла. Учитель никогда не спрашивалъ ученика; ученикъ же, напротивъ того, имѣлъ право обращаться къ нему съ частыми вопросами. Въ изложеніи и доказательствахъ преобладалъ символизмъ. Учащіеся сидѣли предъ раввиномъ на землѣ и сперва могли только слушать, стараясь запомнить слышанное а потомъ уже спрашивать. Проучившись такимъ образомъ много лѣтъ, отличнѣйшій ученикъ удостоивался возложенія и принимался въ классъ Хаберима, гдѣ онъ сидѣлъ на низкомъ стулѣ подлѣ каѳедры раввина. Теперь онъ долженъ былъ при каждомъ изрѣченіи присоединять свой голосъ, и обязывался не говорить и не распространять ничего, кромѣ того,что онъ усвоилъ отъ своего учителя. Пройдя Хаберимъ, ученикъ, наконецъ, самъ получалъ званіе раввина. «Ты теперь учитель!» говорилъ ему раввинъ, возлагая руку на его голову, и передавая ему ключъ и книгу, какъ символы права—толковать писаніе. Въ качествѣ раввина, онъ могъ теперь отъ своего собственнаго имени выражать свое мнѣніе

въ поученіяхъ, но въ тоже время обязанъ былъ учить другихъ въ смыслѣ книги Халаха т. е. придавать Закону лишь то значеніе, какое было установлено въ ученыхъ школахъ перваго и втораго столѣтія.

Раввины служатъ представителями того сухаго, мертваго, извращеннаго и измельчавшаго, мистическаго іудаизма, который и понынѣ сохранился въ необразованныхъ классахъ этого скитальческаго народа. Благодаря упругости своего характера и своему стремленію къ знанію, этотъ «народъ безъ отечества» заимствовалъ знаніе всюду гдѣ могъ: у грековъ, римлянъ, персовъ, арабовъ и христіянъ, пока, наконецъ, не нашелъ себѣ втораго отечества во всемірной и всепримиряющей гуманности христіянства. По своимъ дарованіямъ онъ заслуживаетъ нашего полнаго участія, тѣмъ болѣе, что онъ, навсегда утративъ свой историческій геній, уже не принадлежитъ болѣе къ исторической жизни современныхъ народовъ и напоминаетъ собою какъ бы печальную руину когда-то высокаго и великолѣпнаго зданія. Прогрессъ какъ въ общемъ дѣлѣ цивилизаціи, такъ и въ воспитаніи, для его разсѣянныхъ представителей возможенъ на столько, на сколько они будутъ сливаться съ другими народами въ духѣ всемірныхъ христіянскихъ началъ.

Заключеніе дохристіянскаго періода.

Такимъ образомъ, изъ исторіи педагогики въ дохристіянское время видно, что какъ у греко-римскихъ народовъ, такъ и у евреевъ, внутреннее, духовно-нравственное образованіе перешло подъ конецъ во внѣшнюю, схоластическую ученость и въ ней замерло. Національный элементъ, на которомъ держалось у нихъ все дѣло воспитанія, постепенно изсякъ. Религія подверглась разложенію и не оказала въ самый критическій періодъ народной жизни ни поддержки, ни утѣшенія. Философія тщетно старалась замѣнить ее, ища гармонію между міромъ, человѣкомъ и божествомъ, и не находя ея ни въ душѣ человѣка,

лишившейся своего внутренняго содержанія, ни въ мистическомъ созерцаніи абсолютнаго. Искусство поступило на службу пользѣ и удовольствію, нисколько не расширяя царства идеаловъ. Физическое и духовное воспитаніе потеряло связь, распалось, и въ александрійскій періодъ замѣнилось модною ученостью. Общественная и семейная жизнь стала искать однихъ утонченныхъ наслажденій и чувственности. Можно сказать, что древній міръ потерялъ центръ тяжести и не могъ долѣе держаться; послѣдній часъ этого отжившаго общества долженъ былъ пробить. Зародышемъ новаго была *христіянская идея*. И дѣйствительно, христіянство покорило старый міръ возвышенностью своего нравственнаго ученія. Оно было предназначено самой исторіей, какъ необходимая духовная реакція противъ неукротимой, грубой чувственности и крайняго эгоизма. Человѣчество нуждалось въ печальномъ, но цѣлительномъ постѣ, чтобы отдохнуть отъ шумныхъ оргій, отъ одуряющей борьбы страстей и своекорыстія. Здѣсь повторилось тоже явленіе, какое происходитъ всегда, когда новый принципъ выступаетъ противъ стараго со всею свѣжестью, рѣзкостью и энергичностью своей юношеской силы. «Христіянство—говоритъ Жанъ-Поль Рихтеръ — какъ будто въ судный день истребило весь чувственный міръ со всѣми его прелестями; снесло его въ одинъ надгробный холмъ, сдѣлало изъ него ступень небесной лѣствицы, а на мѣсто его воздвигло міръ духовный: настоящее, земное принесено было въ жертву будущему — небесному.» Однако все общечеловѣческое, все существенное было спасено при этомъ міровомъ переворотѣ, и изъ дохристіянскаго времени постепенно проросло въ христіянское, продолжая свое дальнѣйшее развитіе.

Когда греческое воспитаніе при Птолемеяхъ получило ученый, внѣшне-блестящій характеръ, востокъ вошелъ въ общеніе съ западомъ, и восточныя сокровища знанія получили новую обработку въ греческомъ духѣ. Тоже повторилось и съ римскою образованностью, когда она при императорахъ, одновременно съ паденіемъ народныхъ началъ Рима, сдѣлалась достояніемъ другихъ на-

родовъ, получившихъ права гражданства, и уравнивала людей въ духѣ общей гуманности. Іудаизмъ въ своихъ ученыхъ школахъ также постепенно объединялъ въ себѣ всѣ элементы языческой цивилизаціи, и въ сферѣ науки отчасти сливался съ язычествомъ (паганизмомъ). Пророки народа израильскаго своими откровеніями пролагали путь новому гуманно-христіянскому воспитанію. Даже древнѣйшіе историческіе народы востока не остались безъ вліянія въ дѣлѣ развитія воспитательныхъ идеаловъ. Китайцы послѣдовательно провели принципъ семейнаго воспитанія съ его безусловнымъ послушаніемъ. Кастическіе индійцы и воинственные персы первые доказали важное значеніе обученія и воспитательной дисциплины, которыя не менѣе уважались и у преданныхъ символизму жрецовъ Египта. Затѣмъ начала воспитанія нашли свое дальнѣйшее примѣненіе и развитіе въ систематическихъ упражненіяхъ грековъ, стремившихся къ гармоническому развитію тѣла и духа, а послѣ нихъ—въ семейно-практическомъ направленіи римской образованности, чтобы завершиться строго-религіозными требованіями у народа израильскаго. Такъ дохристіянское воспитаніе прошло всѣ фазы въ границахъ національности, которая, наконецъ, потеряла уже значительную долю своей исключительности въ послѣднія времена Рима съ его широкою гражданственностью, приготовивъ этимъ путь вступающему въ міръ христіянству, сдѣлавшему человѣка гражданиномъ всего міра, а всѣхъ людей — братьями. Національный принципъ воспитанія не погибъ, но только сталъ на второй планъ; но съ тѣмъ большею силою выступилъ принципъ индивидуальности, нашедшей въ христіянской идеи свое полное освобожденіе. На этомъ основаніи дохристіянскій періодъ исторіи педагогики не является случайнымъ, изолированнымъ, а входитъ, какъ существенный моментъ, въ исторію дальнѣйшаго гуманно-христіянскаго воспитанія, также прошедшаго въ своемъ развитіи много новыхъ фазъ.

Христіянская эпоха гуманнаго воспитанія.

Значеніе христіянства для воспитанія.

Новая христіянская образованность (а не религія сама по себѣ) родилась вначалѣ изъ смѣшенія іудейскихъ и христіянскихъ понятій, идей и преданій съ падавшею языческою поэзіею, древнимъ краснорѣчіемъ, превратившимся въ безсодержательное фразерство, и съ греко-римскою философіею, исказившеюся въ діалектику и мистицизмъ. Всѣ болѣе жизненные элементы древней языческо-еврейской цивилизаціи получили новую окраску и переработались подъ вліяніемъ всеобъемлющей христіянской идеи, заключающейся въ откровенной религіи Христа и въ твореніяхъ главнѣйшихъ отцовъ церкви. Христіянство — это религія вочеловѣчившагося Бога и обожествленнаго человѣка, религія искупленія и примиренія человѣчества съ Божествомъ въ духѣ вѣчной, абсолютной истины. Въ постиженіи этой истины заключается вся сущность отношеній между Богомъ и человѣкомъ. Истинное познаніе какъ міра, такъ и самого себя, начинается познаніемъ единства божественной и человѣческой природы, и значенія воплощенія Бога, какъ вѣчной истины. Точно также и принципъ истиннаго воспитанія можетъ быть понятъ лишь тогда, когда должнымъ образомъ понятъ будетъ человѣкъ въ его достоинствѣ и значеніи. Въ язычествѣ человѣкъ значилъ только какъ средство для другихъ, посторонне-практическихъ цѣ-

лей, какъ напр. для государства, и уважался лишь на столько, на сколько онъ былъ полезенъ для государства, отечества, касты, сословія и т. д. По христіянской же идеѣ, напротивъ того, абсолютное достоинство человѣка заключается прежде всего въ немъ самомъ, такъ какъ въ человѣкѣ, созданномъ по образу и подобію Божію, непрестанно пребываетъ самъ Богъ; такъ какъ онъ, по божественному происхожденію своему, ближайшею задачею себѣ ставитъ сознательное уподобленіе себя Богу, къ которому онъ относится, какъ любящее и послушное чадо — къ благому и справедливому отцу. Соединиться съ Богомъ — вотъ главное назначеніе для каждаго человѣка, которое олицетворилъ въ себѣ Христосъ, открывшій человѣчеству эту новую божественную религію, и которое Онъ поставилъ, какъ требованіе по отношенію къ каждому, сказавъ: «Будьте же вы совершенны, какъ совершенъ Отецъ вашъ небесный» (Матѳ. V. 48). Въ этой основной истинѣ христіянства заключается признаніе и оправданіе безконечнаго достоинства каждой человѣческой личности: здѣсь выражено равенство и братство всѣхъ людей въ Богѣ, какъ это объяснено откровеннымъ словомъ Божіимъ. По духу этой истины человѣкъ имѣетъ право на уваженіе уже потому, что онъ человѣкъ, сознаваемый въ качествѣ самостоятельной, Богомъ признанной личности, и все человѣчество является единымъ нравственнымъ цѣлымъ, члены котораго взаимно связаны между собою узами любви и справедливости. Вмѣстѣ съ этимъ, въ силу той же истины, должны пасть всѣ формы жизни, основанныя на одномъ своекорыстіи, ведущемъ ко враждѣ и насилію. Предъ Богомъ, какъ предъ общимъ Отцемъ, всѣ люди-дѣти равны: этимъ уничтожается рѣзкая противоположность между господиномъ и рабомъ, мужемъ и женой и т. д., такъ какъ эти естественныя различія не опредѣляютъ болѣе истиннаго достоинства человѣка, какъ самостоятельной личности.

Сообразно съ этимъ христіянскимъ принципомъ, вмѣстѣ съ жизнью глубже понимается и воспитаніе, измѣнившееся соотвѣтственно своей истинной сущности. У

всѣхъ дохристіянскихъ народовъ, какъ мы видѣли, задача воспитанія опредѣлялась вообще національностью; въ христіянствѣ — ея общимъ опредѣленіемъ служитъ *человѣчность*. Главная цѣль, которую поставляетъ себѣ христіянская педагогика, есть подражаніе и послѣдованіе Христу, одинаково обязательное и одинаково доступное для всѣхъ націй и состояній, и для обоихъ половъ. Христіянство заключаетъ въ себѣ тотъ духовно-жизненный принципъ, который по своей общности находитъ примѣненіе ко всѣмъ отношеніямъ и условіямъ, и обнимаетъ собою всѣ истинныя стремленія духа въ наукѣ, искусствѣ и жизни.

Въ откровенной религіи Христо глубочайшимъ и совершеннѣйшимъ образомъ выражается внутренняя природа человѣка; а потому христіянская педагогика ставитъ себѣ задачей приблизить человѣка къ Богу, пользуясь при этомъ всемъ, что представляетъ лучшаго какъ наука — такъ и искусство, какъ природа — такъ и жизнь человѣческаго общества, и стараясь вызвать въ тѣлесно-духовномъ организмѣ питомца полную гармонію всѣхъ силъ и способностей, такъ чтобы мышленіе его направлялось къ истинѣ, воля — къ свободѣ и благу, чувство — къ любви, при постоянномъ участіи разума. Но для этого конечный духъ человѣка долженъ познать міръ въ его ничтожествѣ прежде, чѣмъ онъ будетъ въ состояніи познать самую истину и въ ней — Бога; естественный человѣкъ долженъ сознать себя въ своей грѣховности прежде, чѣмъ онъ можетъ стать совершеннымъ человѣкомъ и возвыситься къ Богу. Вслѣдствіе этого христіянство сперва становится во враждебное отношеніе къ міру, но только для того, чтобы побѣдить его истиной и привести его къ ней. Потому-то человѣку необходимо было сперва аскетически отринуть чувственный міръ, и въ пламенномъ порывѣ вѣры возлетѣть къ небу, чтобы потомъ принести на землю все небесное, истинное, совершенное,—все, что принимаетъ въ свое лоно и охраняетъ вселенская церковь.

Въ этомъ заключается весь глубокій смыслъ, вся побѣдоносная сила христіянства, которая привела его къ тор-

жеству въ борьбѣ съ многоучеными и блестяще-образованными защитниками язычества, прибѣгавшими также ко всевозможнымъ кровавымъ насиліямъ языческаго фанатизма и языческой нетерпимости. Эти защитники, въ родѣ напр. Юліана, при всемъ своемъ образованіи, не понимали природы человѣка; они не могли побѣдить ее, не могли удовлетворить ея высшимъ потребностямъ, какъ удовлетворила имъ новая религія Христа. Чтобы оживить умиравшія національныя вѣрованія, софисты падавшаго древняго міра старались замѣнить простой смыслъ древней и чувственной религіи мечтаніями неоплатонизма; простому ученію Христа, доступному всякому, они противопоставляли отвлеченную религіозную систему, принципы которой были понятны только ученымъ и оставались тайною для непосвященныхъ. Они не понимали различія между христіянскимъ ученіемъ, самый аллегоризмъ котораго былъ необходимъ и полезенъ для того времени, и чисто научною системою мистическихъ философовъ-неоплатониковъ, которая была безполезна для жизни, ничего не говоря уму, будучи непонятна для простаго здраваго смысла, и безплодна для дѣятельной любви. Такъ напрасныя усилія нѣкоторыхъ римскихъ императоровъ разными полицейскими мѣрами ввести у язычниковъ благотворительныя учрежденія, подобныя христіянскимъ, ясно показываютъ, что не помощи правительства и не искусству духовенства обязано было христіянство своимъ преобладаніемъ, а что, напротивъ, возвышенное ученіе о безкорыстной любви и равенствѣ всѣхъ предъ Богомъ какъ нельзя болѣе соотвѣтствовало обстоятельствамъ того времени и вѣчнымъ потребностямъ человѣческой природы. Однимъ же изъ могущественнѣйшихъ средствъ водворенія между людьми новаго, лучшаго ученія было, какъ и есть, воспитаніе подростающихъ поколѣній, слѣдуя примѣру божественнаго Учителя. Такого высокаго примѣра не завѣщала людямъ языческая древность; а имъ-то именно и были сильны новые христіянскіе воспитатели.

Іисусъ Христосъ, какъ учитель и воспитатель человѣчества.

Іисусъ Христосъ, Богъ и вмѣстѣ совершеннѣйшій человѣкъ, стоитъ во главѣ всего созданнаго имъ новаго, христіянскаго времени. Онъ представляетъ собою то, чѣмъ долженъ быть каждый человѣкъ: — единство мыслей, чувствъ и дѣйствій въ Богѣ. Онъ же даровалъ и вѣчный идеалъ для воспитанія: каждый христіянинъ долженъ, смотря по прирожденнымъ ему способностямъ, стараться уподобиться Христу, т. е. побѣдить въ себѣ своекорыстную природу и образовать изъ себя свободную личность, стоящую въ сознательныхъ и разумныхъ отношеніяхъ къ Богу, людямъ и природѣ. Это требованіе Христосъ осуществилъ въ собственной жизни и утвердилъ примѣромъ, какъ истинный учитель и воспитатель человѣчества. Онъ открылъ людямъ самую глубокую мудрость, что Богъ есть Духъ, которому и поклоняться должно духомъ и истиною, возвѣстилъ самую высокую истину, что Богъ существенно живетъ въ человѣкѣ, и указалъ самое достойное призваніе: «Возлюби Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ и всею душею твоею, и всею крѣпостію твоею, и всѣмъ разумѣніемъ твоимъ,—это первая и большая заповѣдь; вторая подобна ей: возлюби ближняго твоего, какъ самого себя» (Луки X. 27). Это—абсолютная истина, ученіе для всѣхъ временъ, усвоеніе и примѣненіе котораго опредѣляетъ назначеніе для всего человѣчества. Христосъ, совершеннѣйшій образецъ учителя какъ человѣчества, такъ и каждаго отдѣльнаго человѣка, есть вмѣстѣ и идеалъ для воспитанія развивающагося человѣка-дитяти; въ примѣрѣ Его мы видимъ образецъ для правильнаго развитія дитяти. (Лук. II. 40. 52). Исторія Его дѣтства именно показываетъ, что истинно почитающій Бога непремѣнно чтитъ и своихъ родителей, и въ то же время съ самоотверженіемъ служитъ общей нравственной цѣли жизни. Онъ, еще будучи отрокомъ, *обнаружилъ живое сознаніе того, что царство Божіе выше*

семейныхъ узъ: «Или вы не знали, что мнѣ должно быть въ томъ, что принадлежитъ Отцу моему?» (Луки II. 49). Но, не смотря на то, Онъ подчинялъ свой свободной духъ родительской волѣ, когда она вызвала его изъ храма, гдѣ хотѣлось ему помедлить. Посѣщеніемъ храма Онъ освятилъ это дѣло религіи; пребываніемъ между учителями — почтилъ науку; послушаніемъ родителямъ — призналъ покорность сыновней любви; сперва выслушивая и потомъ вопрошая—Онъ указалъ путь, по которому идетъ и всегда должно идти раскрытіе и усвоеніе взякой живой истины. Такъ «Іисусъ преуспѣвалъ въ премудрости, и возрастѣ, и въ любви у Бога и человѣковъ» (Луки II. 52). Достигнувъ даже наивысшей степени богочеловѣческаго развитія, Онъ никогда не забывалъ тѣхъ, на груди которыхъ провелъ свое младенчество: среди предсмертныхъ мукъ на крестѣ, Онъ поручилъ Матерь свою любимѣйшему изъ учениковъ своихъ.

Дѣтскій возрастъ съ его естественностью долженъ быть идеальнымъ міромъ и для каждаго истиннаго учителя. Іисусъ Христосъ долженъ служить для него образцомъ совершеннаго учителя и по мудрости, и по любви, и по вѣрѣ въ свое ученіе, и по его осуществленію. Глубочайшую мудрость Онъ выражалъ всегда въ самой доступной и вмѣстѣ въ самой совершенной формѣ. Привлекательно, понятно, ясно и убѣдительно было его ученіе для дѣтски-чистыхъ душъ его слушателей, такъ какъ оно отвѣчало сущности человѣка. Примѣры свои Онъ черпаетъ изъ природы—этого вѣрнаго отраженія всего вѣчнаго и родственно-близкаго для человѣка; доказательства свои Онъ основываетъ на законахъ и требованіяхъ человѣческаго разума. Своими сравненіями и образами Онъ дѣйствуетъ прямо на сердце, и чрезъ него направляетъ волю своихъ учениковъ. Въ поученіяхъ своихъ Онъ заимствуетъ содержаніе непосредственно изъ самой жизни, а потому и вліяетъ ими прямо на жизнь. Его слово духовно и жизненно: оно могущественно возбуждаетъ дремлющія силы души и устремляетъ ихъ къ самоотверженной нравственно-религіозной дѣятельности. Какова цѣль ученія — таковы были и Его средства, если со-

вершенство учителя можно измѣрять числомъ и достоинствомъ его учениковъ, — то и въ этомъ отношеніи Христосъ является совершеннѣйшимъ и вѣчнымъ Учителемъ человѣчества, число послѣдователей котораго быстро росло, постоянно растетъ и вѣчно будетъ расти на землѣ. Проповѣдуя всѣмъ вѣрующимъ людямъ приближеніе царства Божія, Христосъ предъ всѣми чистыми, воспріимчивыми сердцами раскрываетъ и свое сердце, и, замѣчая въ своихъ слушателяхъ самоотверженную любовь и преданность, посвящаетъ ихъ въ глубочайшія тайны своей религіи. И не всѣмъ въ одинаковой формѣ предлагаетъ Онъ свое ученіе: предъ народомъ говоритъ Онъ въ притчахъ; предъ тѣснымъ же кружкомъ испытанныхъ учениковъ своихъ Онъ ограничивается одними краткими изрѣченіями. Но даже и лучшимъ ученикамъ онъ сообщаетъ не все вдругъ, а каждый разъ лишь столько, сколько могутъ воспринять они духомъ; оканчивая бесѣду съ ними, онъ, конечно, могъ бы еще много сказать имъ, но — они не были бы въ состояніи усвоить массу новыхъ истинъ, пока не созрѣли въ душѣ уже слышанныя.

Въ ученіи и въ дѣлахъ этого совершеннѣйшаго Учителя вообще заключаются всѣ вѣчныя основы педагогики, которымъ въ будущемъ предстоитъ лишь дальнѣйшее развитіе и примѣненіе. Такъ какъ назначеніе свое Христосъ видѣлъ не въ уничтоженіи прежняго закона, а въ его усовершенствованіи; поэтому Онъ не только не пошатнулъ основанія нравственной жизни и воспитанія — брака, но, напротивъ того, сдѣлалъ значеніе его изъ внѣшне-формальнаго — внутренне-духовнымъ. «Я говорю вамъ, что всякій, кто смотритъ на женщину съ вожделѣніемъ, уже прелюбодѣйствовалъ съ нею въ сердцѣ своемъ.» (Мѳ. V. 28). «Оставитъ человѣкъ отца своего и мать свою, и прилѣпится къ женѣ своей, и будутъ двое одна плоть.». (Ефес. V, 31). Въ отношеніи дѣтей онъ требуетъ высокаго уваженія и признанія ихъ личнаго достоинства. «Истинно говорю вамъ: кто не приметъ царства Божія, какъ дитя, тотъ не войдетъ въ него.» «И обнявъ ихъ,

возложилъ руки на нихъ, и благословилъ ихъ.» Марк. X, 15. И онъ сказалъ: «кто приметъ одного изъ малыхъ сихъ въ Мое имя, тотъ Меня приметъ; а кто соблазнитъ одного изъ малыхъ сихъ, вѣрующихъ въ Меня, тому лучше было бы, если бы жерновный камень повѣсили ему на шею, и бросили его въ море.» Марк. IX, 42. «Смотрите, не презирайте ни одного изъ малыхъ сихъ, ибо сказываю вамъ, что ангелы ихъ на небесахъ всегда видятъ лице Отца Моего небеснаго.» Мѳ. XVIII, 10. Дѣти съ ихъ преданностію и покорностью, съ ихъ безпритязательной простотой и невинностью, съ ихъ простосердечіемъ и любовью, съ ихъ откровенною прямотою и воспріимчивостью ко всему прекрасному и божественному, являются въ глазахъ Христа образцомъ высочайшаго совершенства, какого только можетъ сознательно достигнуть человѣкъ,—тогда какъ дѣти обладаютъ этимъ совершенствомъ безсознательно. Поэтому Онъ взываетъ къ своимъ ученикамъ о томъ, чтобы они опять сдѣлались такими, какъ дѣти, освободились отъ всякаго тщеславія и честолюбія; поэтому же на вопросъ ихъ: кто будетъ изъ нихъ большій въ царствѣ Божіемъ?—Онъ отвѣчаетъ: «Кто умалится, какъ это дитя, тотъ и будетъ бо̀льшій въ царствѣ небесномъ.» Мѳ. XVIII, 4. Родителямъ Христосъ проповѣдуетъ о преданной любви въ дѣлѣ воспитанія ихъ дѣтей и указываетъ на отца, который даже блуднаго сына по его возвращеніи принимаетъ радостно въ свои объятія. Но въ то же время, остерегая отъ ложной любви къ дѣтямъ, которая ради нихъ забываетъ о высшей цѣли для человѣка, Онъ напоминаетъ, что любящій сына или дочь свою болѣе Его, недостоинъ Его. Мѳ. X, 37. Христосъ признаетъ всю важность тѣлесно-духовнаго воспитанія дѣтей, однако воспитаніе духа въ Его глазахъ выше и важнѣе развитія тѣла и пріобрѣтенія вещественныхъ сокровищъ: ибо «какая польза человѣку, если онъ пріобрѣтетъ весь міръ, а душѣ своей повредитъ?» Мѳ. XVI, 26. «Не собирайте себѣ сокровищъ на землѣ, гдѣ моль и ржа истребляютъ, и гдѣ воры подкапываютъ и крадутъ. Но собирайте себѣ со-

кровища на небѣ, гдѣ ни моль, ни ржа не истребляютъ, и гдѣ воры не подкапываютъ и не крадутъ. Ибо гдѣ сокровище ваше—тамъ будетъ и сердце ваше.» Мѳ. VI, 19—21. «Ищите же во первыхъ царства Божія и правды Его — и все это (земное) приложится вамъ.» Мѳ. VI, 33. Но какъ же достигается это царство? «Царство Божіе не пища и питіе, но—праведность, и миръ, и радость во св. Духѣ.» «Вотъ свѣтъ живой, который просвѣщаетъ всякаго человѣка, идущаго въ міръ!» Рим. XIV, 17. На этихъ основаніяхъ установилъ Христосъ вѣчно-истинное *понятіе о воспитаніи: его принципъ и цѣль.* Воспитаніе человѣка по духу Евангелія есть извлеченіе его изъ низменности и чувственности, и возвышеніе его къ божественному совершенству чрезъ развитіе въ человѣкѣ истины, свободы и любви въ ихъ гармоническомъ единствѣ. Этотъ христіянскій принципъ, не различающій ни національностей, ни состояній, ни пòловъ, стоитъ въ главѣ всевозможныхъ воспитательныхъ теорій, такъ какъ онъ совпадаетъ съ стремленіемъ человѣческаго духа къ свободѣ и самобытности, находитъ полное примѣненіе въ практикѣ, подходя ко всевозможнымъ условіямъ, и не отвергаетъ никакихъ духовныхъ потребностей, выражающихся въ искусствѣ и наукѣ; онъ, этотъ принципъ, исключаетъ лишь то, что враждебно и опасно нравственной свободѣ человѣческаго духа.

Евангельская педагогика.

Новозавѣтная исторія наглядно представляетъ намъ картину первоначальнаго состоянія и распространенія христіянства. Древнѣйшая христіянская община была въ *глазахъ язычниковъ только новой сектой среди іудейства,* которая вѣрила въ уже пришедшаго, Богомъ обѣтованнаго Мессію, искупившаго родъ человѣческій. Апостолъ Іоаннъ, и затѣмъ апостолъ Павелъ, обладавшій всею *ученостью тогдашняго времени и правами римскаго* гражданина, особенно ясно развили въ своихъ твореніяхъ всемірное значеніе новой откровенной религіи, въ про-

тивоположность іудейскому партикуляризму, и показали новымъ христіянамъ, что ихъ божественный Учитель пострадалъ ради спасенія *всего* человѣчества. Такимъ образомъ христіянство явилось въ глазахъ людей тѣмъ, чѣмъ оно и должно было быть, т. е. всеобщей, всемірной религіей, въ которой примиреніе человѣка съ Богомъ возможно единственно чрезъ Христа, т. е. чрезъ неуклонное послѣдованіе Ему въ духѣ истины, свободы и любви. Но кромѣ этого субъективнаго условія необходимо еще объективное — милость и благость Божія къ людямъ, ниспославшая имъ Искупителя, такъ что небесная награда за гробомъ не зависитъ отъ одной воли человѣка, но — отъ божественной воли. Человѣкъ, по ученію боговдохновеннаго апостола Павла, будучи созданъ по образу и подобію Божію, стоитъ во главѣ творенія и представляетъ собою микрокосмъ. Сотворенный изъ земли и одушевлевленный духомъ Божіимъ, онъ обладаетъ вѣчно-живою душею, которая служитъ связью между духомъ и матеріею. Она находится въ крови, источникѣ физической жизни; духовная же дѣятельность ея сосредоточивается въ сердцѣ и головѣ. Жизнь духа существенно обнаруживается въ мышленіи, желаніи и чувствованіи; мышленіе направляется къ познанію Бога и всѣхъ вещей, пробуждаетъ чувство и опредѣляетъ волю.

На этой именно теологіи и антропологіи Евангелія основывается и новая евангельская педагогика. Она начинается вновь установленными понятіями о бракѣ, какъ о таинствѣ, прообразующемъ союзъ Христа со своею общиной, т. е. церковью. Моногамія навсегда признана и освящена. Мужъ, оставаясь главою семьи, подобно Христу—главѣ церкви, является въ семьѣ не владыкою, а защитникомъ и попечителемъ: «мужья, возлюбите своихъ женъ, какъ и Христосъ возлюбилъ церковь (собраніе вѣрующихъ) и предалъ себя за нее.» Эфес. V, 25. Отношеніе родителей къ дѣтямъ должны быть подобны отношенію Бога къ людямъ т. е. основываться на любви и справедливости. Дѣти только поручаются отъ Бога на попеченіе родителей, которые поэтому отвѣт-

ственны за ихъ душевное развитіе. Въ обхожденіи съ дѣтьми, даже въ самыхъ наказаніяхъ, предписывается кротость и любовь: «И вы, отцы, не раздражайте дѣтей вашихъ, но воспитывайте ихъ въ ученіи и наставленіи Господнемъ.» (Эфес. VI, 4.) За это дѣти обязываются повиновеніемъ и почтеніемъ къ родителямъ, не изъ одного страха наказанія, не изъ расчета только, но—изъ любви и страха Божія: «Вы, дѣти, почитайте родителей вашихъ, ибо это легко вамъ.» Воспитатель и учитель призванъ отъ Бога, ибо заповѣдь «паси овцы моя!» относится и къ нему. «Повинуйтесь наставникамъ вашимъ — говорится къ обучаемымъ—и будьте покорны, ибо они неусыпно пекутся о душахъ вашихъ, какъ обязанные дать отчетъ.» (Евр. XIII, 17.) Но *истинный воспитатель долженъ прежде воспитать* самого себя въ истинѣ и добродѣтели: «Ты учишь другихъ, а не учишь себя самого; ты проповѣдуешь, что не должно красть, а самъ крадешь.» Отъ учителя и воспитателя требуется самоотверженіе и вѣра въ свое дѣло и въ высшую помощь. «Я потрудился болѣе всѣхъ—говоритъ апостолъ Павелъ,—но не столько я, сколько благодать Божія, пребывающая во мнѣ.» Христіянскіе апостолы и проповѣдники, подобно древнимъ пророкамъ, ходили по селамъ и городомъ и, собирая вокругъ себя тѣсный кругъ учениковъ, учили юношей и взрослыхъ, образуя изъ нихъ будущихъ учителей, и посылая ихъ или во вновь образующіяся общины, или къ іудеямъ и язычникамъ на дѣло проповѣди. Такимъ образомъ, они практически осуществляли новозавѣтные принципы духовно-нравственнаго воспитанія, и притомъ съ тѣмъ успѣхомъ, который всюду сопровождалъ первоначальное распространеніе христіянства и упрочилъ его въ возраждающемся человѣчествѣ.

Характеръ воспитанія въ первыхъ христіянскихъ общинахъ.

Къ концу перваго столѣтія послѣдователи новаго ученія уже были разсѣяны по Малой Азіи, Греціи, Италіи,

по островамъ Средиземнаго моря и по сѣверному берегу Африки, а около 200 года—уже по всѣмъ провинціямъ Римскаго государства. Черезъ 300 лѣтъ по Р. Х. половина населенія Римской имперіи уже была христіянскою, и тысячи христіянъ собирались въ крѣпкія общины въ пограничныхъ съ нею земляхъ. Безотрадная пустота падавшаго язычества съ одной стороны, и внутренняя сила христіянской истины съ другой, достаточно объясняютъ побѣду этой новой, спасительной религіи. Тѣмъ высокимъ правамъ, которыя предоставляла она человѣку, какъ гражданину всего человѣчества, не могли быть противопоставлены права и преимущества римскаго гражданства, и ея духовную силу не могла побѣдить внѣшняя, матеріяльная сила ея гонителей. Среди крѣпкихъ духомъ христіянскихъ общинъ развивалась дивная, небывалая жизнь. Ихъ граждане были счастливы своими правами еще въ иномъ, неземномъ царствѣ, и ихъ пламенное одушевленіе не могло быть охлаждено ничѣмъ земнымъ. У нихъ нерѣдко не было частной собственности, столь часто порождающей вражду и эгоизмъ, но все было общее; и хотя многіе изъ нихъ принадлежали къ бѣднымъ и низшимъ классамъ общества, однако между ними никто не терпѣлъ матеріяльной нужды, такъ какъ люди богатые продавали свои дома и поля, и слагали имущество свое въ общую кассу — достояніе бѣдныхъ и неимущихъ. Принципъ солидарности здѣсь впервые выступилъ въ исторіи съ такимъ величіемъ и выполнялся съ такою послѣдовательностью, стремясь къ своему дальнѣйшему развитію; мѣсто прежняго начала разъединенія въ интересахъ здѣсь заступило начало дружнаго, гармоническаго соединенія. Въ этихъ необыкновенныхъ для тогдашняго міра общинахъ практически, съ упорною энергіей проводилась мысль — «всѣ для каждаго, и каждый для всѣхъ, какъ въ нравственномъ, такъ и въ матеріяльномъ отношеніяхъ», ибо каждый отвѣчалъ предъ Богомъ за душу своего ближняго, котораго онъ могъ спасти, какъ за свою собственную. Своекорыстіе не могло развиваться тамъ, гдѣ всѣхъ соединяла воедино братская любовь, —

вышедшая изъ основной христіянской идеи о сыновнихъ отношеніяхъ человѣка къ Богу.

Семейная жизнь, столь же воспитательно дѣйствовавшая на юношество въ духѣ новыхъ началъ, устроилась на подобіе храма Божія. Общее духовное пѣніе и общее чтеніе священнаго писанія входили въ кругъ ежедневныхъ занятій христіянской семьи. Отношенія между мужемъ, женою и дѣтьми уравнивались также одинаковостью отношеній ихъ къ Богу. Прежнее отверженіе собственныхъ дѣтей, ихъ корыстная продажа или хладнокровное умерщвленіе стали теперь невозможны и преступны. Даже сироты и подкидыши нашли убѣжище въ чужихъ семействахъ, какъ въ родныхъ, или—во вновь устроенныхъ благотворительныхъ учрежденіяхъ, несуществовавшихъ въ язычествѣ даже въ цвѣтующую пору его цивилизаціи. Церковные соборы прямо вмѣнили въ обязанность епископамъ, діаконамъ и священникамъ, стоявшимъ въ главѣ общинъ, принимать къ себѣ такихъ безпріютныхъ дѣтей, поручать опекунамъ или даже воспитывать на счетъ церкви. Число сиротскихъ домовъ для сиротъ и найдышей впослѣдствіи постоянно росло; въ IV столѣтіи былъ учрежденъ первый воспитательный домъ въ Константинополѣ, а въ VIII—уже въ Миланѣ. Въ дитяти уважались его человѣческія права, его человѣческая личность, отражающая въ себѣ образъ Божій. Женщина-мать видѣла для себя высочайшій образецъ въ Богоматери Маріи. Самыя слуги въ домѣ разсматривались не какъ рабы, а какъ ближніе, и обязывались также содѣйствовать дѣлу воспитанія дѣтей. Естественное чувство материнской любви нашло себѣ самое идеальное выраженіе, самую крѣпкую нравственную поддержку, только въ христіянствѣ, когда женщина получила преобладающее вліяніе на нравственное воспитаніе подростающихъ поколѣній. То, что прежде было исключеніемъ, въ христіянствѣ стало основнымъ принципомъ, и воспитательная роль матери стала даже выше мужской. Мать-христіянка благоговѣла предъ природой дитяти, которую превознесъ и возвеличилъ самъ божественный Учитель

своимъ словомъ и примѣромъ. Она вѣрила, что къ ея ребенку самимъ Богомъ назначенъ особый Ангелъ-Хранитель, и потому тѣмъ самоотверженнѣе отдавалась своему призванію — раскрыть образъ Божій въ своемъ дитяти, т. е. привести его къ всестороннему совершенству. Вслѣдствіе этого предметомъ первыхъ ея попеченій было не мертвое наученіе буквѣ закона, но напечатлѣніе христіянскаго благочестія и христіянской любви въ сердцѣ дитяти.

Весь внутренній бытъ первоначальной христіянской семьи былъ крайне простъ, въ противоположность прежней языческой роскоши. Мать, даже при богатомъ состояніи, сама кормила дѣтей своихъ; если же она сама погибала на дѣлѣ мученичества, она была увѣрена, что дитя ея не останется безъ призрѣнія со стороны общины. Попеченіе о сиротахъ считали своимъ особеннымъ призваніемъ христіянскія дѣвушки. И въ пищѣ, и въ одеждѣ, и во всей обстановкѣ пріучали дѣтей къ простотѣ, стараясь внушить имъ, что все внѣшнее имѣетъ значеніе лишь на столько, на сколько оно служитъ выраженіемъ внутренняго. Дѣвочки учились у матерей домашнему хозяйству и благотворительности; сыновья обучались отцами ремесламъ и мужественному служенію идеѣ. Примѣры частаго мученичества и добровольныхъ христіянскихъ подвиговъ глубже дѣйствовали на юношескую волю, чѣмъ всѣ увѣщанія и наказанія. Особенно въ обыкновеніи было дѣло посѣщенія больныхъ и заключенныхъ, по дарованной Христомъ заповѣди. Вообще семейное воспитаніе нашло самыя твердыя основанія и достигло самаго полнаго развитія только въ христіянствѣ; все оно построилось теперь на любви и уваженіи къ дѣтской природѣ, а слѣдовательно — и на уваженіи къ свободному развитію человѣческой личности. Чистѣйшимъ источникомъ этихъ началъ служитъ Евангеліе. «Педагогъ — говоритъ Пальмеръ, — знающій наизусть и Руссо съ Дистервегомъ, и Нимейера съ Шварцемъ, и Песталоцци съ Фрёбелемъ, еще далеко не стоитъ на прямой дорогѣ, если онъ не узналъ и не оцѣнилъ высокихъ началъ новозавѣтной педагогики.»

Школы въ первые вѣка христіянства.

Апостолы и первые послѣдователи Христа были преимущественно заняты проповѣдью Евангелія взрослымъ, избирая мѣстомъ для этого и іудейскія синагоги, и языческія аудиторіи, и городскія площади, и улицы. На дѣтей они желали дѣйствовать посредствомъ родителей. Но такъ какъ крещеніе каждаго предполагало знаніе вѣры, а потомъ и священнаго писанія, читать которое стало теперь необходимостью; то это обстоятельство вызвало въ христіянствѣ возникновеніе особенныхъ школъ, существовавшихъ одновременно, рядомъ съ языческими. По свидѣтельству лучшихъ писателей древности, ученые въ періодъ упадка Римской имперіи все болѣе и болѣе проникались духомъ ремесла и пошлостью низшихъ классовъ общества, и не только утратили самостоятельность воззрѣній и сознаніе своего личнаго достоинства, но стали терять даже свое внѣшнее значеніе въ обществѣ. Ставъ въ полную зависимость отъ публики и отъ своихъ учениковъ, учителя начали заботиться не о самомъ знаніи, а лишь о томъ вліяніи, какое оно можетъ доставить; ученики же, занятые одною формою, не обращали вниманія на самое содержаніе. Главною цѣлью домашняго воспитанія сдѣлалось даже не образованія ума и изящнаго вкуса, а одно пріобрѣтеніе средствъ къ жизни. Наконецъ образовался взглядъ на науку, какъ на что-то замкнутое само въ себѣ. Переставъ быть источникомъ истиннаго, внутренняго образованія, и главнымъ элементомъ внутренней жизни, наука сдѣлалась сухою школьною мудростью, дѣломъ одной памяти. Общество удовлетворялось собираніемъ однихъ матеріяловъ; всѣ знанія были заключены въ энциклопедіи и учебники. Подобное состояніе науки и ученаго сословія неизбѣжно должно было отразиться и на воспитаніи юношества. Вліяніе христіянской литературы на образованость начинается нѣсколько позже появленія книгъ Новаго Завѣта. Но какъ скоро христіянство проникло въ высшія сословія, сама собою возникла потребность за-

зомъ въ формѣ выучиваемыхъ на память вопросовъ и отвѣтовъ (катихизиса).

Кромѣ катихуменатовъ другихъ школъ въ первыя времена христіянства вовсе не существовало. Если родители не могли сами научить своихъ дѣтей читать, писать и считать, и не имѣли средствъ содержать для нихъ особаго учителя, въ такомъ случаѣ они посылали ихъ въ публичныя языческія школы. Христіянскіе юноши въ первые вѣка христіянства также посѣщали высшія ученыя заведенія язычества и изучали языческихъ классиковъ; многіе даже старались основательно усвоить себѣ все формальное образованіе и ораторское искусство грековъ и римлянъ. Сами духовныя лица, какъ напр. Григорій Богословъ и Василій Великій, находились въ дружественныхъ отношеніяхъ съ софистами. Когда же прекратились преслѣдованія на христіянъ, получившихъ такимъ образомъ возможность спокойно продолжать свое внутреннее развитіе, когда христіянская религія стала терпима въ Римѣ (325) при Константинѣ Великомъ, который, наконецъ, самъ на смертномъ одрѣ принялъ крещеніе; — тогда нѣкоторые представители возстали противъ обученія дѣтей у язычниковъ, и требовали полнаго и основательнаго христіянскаго образованія для христіянскаго юношества. Это и было первымъ поводомъ къ учрежденію новыхъ, самостоятельныхъ христіянскихъ школъ. Уже въ концѣ II столѣтія извѣстенъ Протогенъ, который въ качествѣ учителя успѣшно занимался высшимъ образованіемъ христіянскихъ юношей. Въ возникшихъ потомъ у христіянъ собственныхъ начальныхъ школахъ учебными предметами были: чтеніе, письмо, пѣніе псалмовъ и изученіе на память текстовъ священнаго писанія, что тогда было необходимо для соблюденія его въ чистотѣ, сохранить которую было трудно по недостатку книгъ и по самой новизнѣ его среди языческой жизни и образованности.

Въ высшемъ, ученомъ образованіи въ первые вѣка христіянства языческіе и христіянскіе элементы, какъ видно, тѣсно соприкасались и входили другъ въ друга.

Но вскорѣ явилось стремленіе точнѣе опредѣлить отношеніе этихъ двухъ факторовъ образованности и соединить ихъ, въ чемъ можно, внутреннимъ, органическимъ образомъ. Эту задачу примиренія язычества и христіянства въ высшемъ образованіи, въ наукѣ, приняли на себя: знаменитая *Школа катихетовъ* въ Александріи и потомъ отвергнутые церковью гностики. И дѣйствительно, Александрія была самымъ удобнымъ мѣстомъ для сближенія греческой науки и христіянства, такъ какъ здѣсь былъ главный центръ древнеклассической учености; здѣсь іудей Филонъ старался гармонически согласовать ученіе Моисея съ философіей Платона; здѣсь язычники и іудеи, философы и риторы, духовные и свѣтскіе,—всѣ общими силами стремились разработать науку до возможной глубины и многосторонности. Этой-же цѣли отчасти стала служить и школа катихетовъ. Сначала она была устроена только для взрослыхъ язычниковъ, желавшихъ перейти въ христіянство, и потому нуждавшихся въ основательномъ ознакомленіи съ нимъ. Но мало по малу въ ней начали открывать ученыя чтенія о христіянствѣ, наконецъ присоединили къ этому основательное преподаваніе философскихъ наукъ, стараясь также привлечь въ школу какъ христіянскихъ юношей, такъ и молодыхъ языческихъ ученыхъ, которыхъ желали приготовить и обратить въ христіянство, вступившее теперь на путь ученой пропаганды. Такимъ способомъ, школа катихетовъ превратилась въ собственно-теологическую академію, гдѣ ученымъ образомъ истолковывалось священное писаніе. Но вмѣстѣ съ тѣмъ она обнимала и всѣ другія христіянско-воспитательныя цѣли, соединяя христіянскую образованность съ изученіемъ пригоднаго для нея матеріяла изъ языческой литературы: такъ здѣсь занимались и классической филологіей, которая и ведетъ отсюда свое начало въ нашихъ теологическихъ школахъ, и тогдашней эклектической философіей неоплатонизма, пользуясь всею этою ученостью къ защищенію христіянства противъ язычества, равно какъ и къ критическому очищенію источниковъ христіянскаго вѣроученія, къ его экзегетическому истолкованію.

По этой-же причинѣ изъ языческихъ писателей установился особый выборъ, опредѣляемый христіянской точной зрѣнія на нихъ, такъ что одни изъ классиковъ заняли первое мѣсто въ кругѣ тогдашняго учено-христіянскаго образованія, другіе же отодвинулись на второй планъ. «Свѣтскія науки, говоритъ Василій Великій, подобны листьямъ, которые служатъ украшеніемъ для древа христіянскаго познанія и охраною для плодовъ его.» На этомъ основаніи Александрійская школа катихетовъ считала для себя главнымъ предметомъ — истолкованіе священнаго писанія, но вмѣстѣ съ тѣмъ принимала въ кругъ преподаванія: философію, геометрію, грамматику и риторику. Учители ея, не занимавшіе никакихъ особенныхъ церковныхъ должностей, не получавшіе никакого опредѣленнаго жалованья, кромѣ вознагражденія со стороны слушателей, могли добровольно выступать на эту дѣятельность, или назначать себѣ помощниковъ. Метода обученія ихъ вначалѣ состояла въ вопросахъ и отвѣтахъ, въ катихизированіи; отсюда — и названіе ихъ «школы катихетовъ», и названіе ихъ науки — «катихетики.» Искусство христіянской проповѣди, которая имѣла цѣлію назиданіе простой, необразованной массы, и требовала поэтому особой обработки формы, также простой и общедоступной, теоретически изучалось въ гомилетикѣ. Такъ вначалѣ подъ катихетикой (κατηχεῖν—обучать) разумѣлось только извѣстное обученіе, необходимое для того, чтобы сообщить катихуменамъ начальное познаніе основныхъ догматовъ христіянской религіи и приготовить ихъ къ принятію христіянства, послѣднимъ результатомъ котораго было крещеніе; теперь же понятіе катихетики получило въ Александріи самое обширное значеніе, обнимавшее весь кругъ ученаго и практическаго образованія христіянскаго юношества. Учители катихетовъ брали на себя обязанность какъ христіянско-философскаго образованія свѣтскихъ людей, такъ и приготовленія будущихъ духовныхъ учителей вѣры къ ихъ церковному призванію. Для послѣднихъ знаніе философіи почиталось тѣмъ необходимѣе, что она признавалась полезнѣйшимъ средствомъ

для должнаго, основательнаго знанія и пониманія христіянской религіи.

Вліяніе отцевъ церкви на христіянскую педагогику.

Теоретической педагогики въ собственномъ смыслѣ въ первые вѣка христіянства вовсе не существовало. Размышленія главнѣйшихъ отцевъ церкви о воспитаніи не представляли строгой, опредѣленной системы. Они состояли изъ отдѣльныхъ требованій и поясненій о сущности воспитанія, одинаково необходимыхъ для выполненія со стороны каждаго христіянина въ его ближайшемъ кругу. Всѣ требованія эти сводились къ сохраненію христіянской религіи, такъ какъ она исключительно занимала духъ ея пламенныхъ послѣдователей; всѣ же свѣтскія науки и искусства сами по себѣ въ ихъ глазахъ не имѣли никакого значенія. Иные, какъ мы видѣли, признавали ихъ служебную пользу по отношенію къ христіянству;— иные же, напротивъ того, рѣзко противополагали христіянскую науку языческой и осуждали на погибель все языческое, все свѣтское.

Оригенъ, Іоаннъ Златоустъ и Василій Великій.

Блестящимъ представителемъ перваго, примирительнаго направленія былъ *Оригенъ* (родился въ 185 году), знаменитый александрійскій учитель, основнымъ принципомъ котораго было — не учить ничему такому, чего онъ самъ не старался бы осуществить въ собственной жизни, чтобы вліять на своихъ учениковъ сколько словомъ, столько же и примѣромъ. Оригенъ много трудился надъ распространеніемъ христіянства, имѣлъ вліяніе даже при римскомъ дворѣ, и въ дѣйствіяхъ своихъ вообще руководствовался принципами стоической философіи. Онъ, при громадныхъ дарованіяхъ, обладалъ обширною ученостью того времени и вмѣстѣ съ учителемъ своимъ Климентомъ Александрійскимъ избралъ своею задачею — сблизить древнюю поэ-

зію и философію съ христіянствомъ, и представить послѣднее въ научной формѣ, чтобы доказать его истину ученому и высшему сословію того времени, уже наклонному къ мистицизму. Оригенъ, дѣйствительно, приблизилъ христіянское ученіе къ духу тогдашняго общества, ставъ творцомъ новой науки и новаго искусства. На христіянство онъ смотрѣлъ, какъ на единственную истинную философію и поэзію, какъ на ученіе, скрытое въ произведеніяхъ всѣхъ лучшихъ мыслителей и поэтовъ древности; а потому онъ значительно ослабилъ общедоступность ученія Христа, совершенно яснаго здравому смыслу и сердцу каждаго. Эта примѣсь поэтическаго и философскаго элемента не вполнѣ согласовалась съ направленіемъ церкви, но, во всякомъ случаѣ, Оригенъ угадалъ здѣсь потребность тогдашняго образованнаго общества и расположилъ его въ пользу христіянства. Направленіе это перешло даже въ средніе вѣка, съ ихъ символизмомъ, мистицизмомъ и наклонностью къ аллегоріи и мечтательности.

Преподаваніе Оригена было отчасти акроаматическое, отчасти діалогическое. За свое религіозное обученіе онъ никогда не бралъ вознагражденія отъ учениковъ, сколько бы труда оно ему ни стоило, и вообще довольствовался самыми скудными средствами къ жизни. Такъ извѣстно, что онъ составилъ собраніе классиковъ, имъ самимъ прекрасно переписанныхъ, и продалъ его за сумму, изъ которой получалъ по 4 обола (около 20 коп.) ежедневно, проживъ такимъ образомъ много лѣтъ беззаботно и независимо. Одинъ изъ его современниковъ, Григорій Тавматургъ, въ своей похвальной рѣчи въ честь великаго учителя, такими чертами изображаетъ способъ его обученія: Прежде чѣмъ Оригенъ приступалъ къ самому обученію своихъ учениковъ, онъ испытывалъ ихъ съ помощію извѣстныхъ вопросовъ и старался устранить въ нихъ замѣченные недостатки. Этимъ онъ предварительно располагалъ и подготовлялъ ученика къ принятію истины, и затѣмъ уже, какъ земледѣлецъ, своевременно сѣялъ въ хорошо обработанную и тучную почву, которая обѣ-

щала богатый плодъ. Потомъ онъ преподавалъ своему ученику діалектику—съ цѣлью упражнять въ немъ логическую силу сужденія; но не ту діалектику, какая преподавалась обыкновенными учителями, а ту, которая была одинаково необходима для всѣхъ: для грековъ, и варваровъ, для образованныхъ и необразованныхъ, короче — для каждаго человѣка, какое бы онъ ни избралъ себѣ призваніе въ жизни. Съ діалектикой онъ соединялъ естествовѣдѣніе, но такимъ образомъ, что онъ разъяснялъ каждый отдѣльный предметъ, какъ-бы разлагая его, и съ помощію яснаго толкованія приводя къ его первымъ элементамъ; онъ обращалъ вниманіе на отдѣльныя части предмета, всѣ вмѣстѣ и каждую порознь, на всѣ его измѣненія и соотношенія, поступая такъ съ тою цѣлью, чтобы ясностью изложенія и изслѣдованіемъ основаній каждаго явленія вызвать въ ученикѣ вмѣсто неразумнаго — разумное удивленіе предъ вселенной и предъ высочайшимъ совершенствомъ природы. Далѣе въ системѣ Оригена слѣдовали: геометрія, какъ самое прочное основаніе для другихъ учебныхъ предметовъ, и астрономія, которая, изучая надземный міръ, ведетъ человѣка къ возвышенному, небесному. Послѣ этихъ подготовительныхъ наукъ ученикъ знакомился съ нравоученіемъ (этикой), причемъ Оригенъ собственною личностью доказывалъ всѣмъ божественную красоту добродѣтели и скромности. Въ особенности старался онъ обратить духъ ученика къ внутреннему самопознанію, пріучить его заботиться прежде всего о собственномъ духовномъ совершенствѣ и искать блаженства въ Богѣ. Затѣмъ Оригенъ читалъ съ ученикомъ произведенія древнихъ философовъ и поэтовъ, за исключеніемъ однако тѣхъ, которые отвергали Бога или провидѣніе, и потому могли осквернить молодую душу. Впрочемъ онъ все таки желалъ, чтобы ученики его познакомились со всевозможными философскими воззрѣніями: имъ потомъ дозволялось изслѣдовать все съ полною свободою, чтобы они могли всесторонне расширить область своего духа и въ избыткѣ наслаждаться всѣми духовными сокровищами. Самъ онъ зорко слѣдилъ за развитіемъ сво-

ихъ учениковъ и руководилъ ими, когда имъ, какъ бы во время путешествія, встрѣчалось что нибудь превратное, обманчивое и ложное. Онъ дѣлалъ это, какъ искусный мастеръ, *которому въ философской области нѣтъ уже ничего новаго или незнакомаго*, который самъ постоянно *находится въ спокойной безопасности*, и *только подаетъ* руку помощи тѣмъ, которымъ грозитъ опасность утонуть въ *заблужденіи*. *Вся система обученія* у Оригена заканчивалась толкованіемъ священнаго писанія, съ которымъ связывалась христіянская гностика. Здѣсь онъ выходилъ изъ божественности священнаго писанія, которое онъ разсматривалъ, какъ совершенное, гармоническое созданіе, отдѣльныя части котораго звучатъ, какъ струны на псалтырѣ пророка Давида. Въ священномъ писаніи, съ его кажущимися противорѣчіями, онъ различалъ троякій смыслъ: буквальный, нравственный и духовный, по аналогіи съ тройственностью человѣческой природы — тѣломъ, душею и духомъ. Буквальный смыслъ доступенъ и весьма полезенъ для наивной массы вѣрующихъ; заключающійся въ словахъ нравственный смыслъ благотворно дѣйствуетъ на душу вѣрующаго; внутренній же, мистическій смыслъ заключаетъ въ себѣ идеи, требующія глубочайшаго пониманія. Каждое отдѣльное мѣсто писанія носитъ въ себѣ этотъ сокровенный, духовный смыслъ; но не каждое можетъ быть понято буквально: часто буква, форма сама по себѣ не имѣетъ значенія и получаетъ его только какъ оболочка для идеальнаго содержанія. «Во всемъ надо искать этого божественнаго, сокровеннаго *смысла*, и *объяснять аллегорически все*, что на первый взглядъ кажется непонятнымъ и невозможнымъ.»

Въ томъ же направленіи, хотя не съ такими же крайностями старался пользоваться языческою ученостью св. *Іоаннъ*, прозванный за свое красновѣчіе *Златоустомъ* (род. въ 347 г.). Отецъ его былъ главнокомандующимъ римскаго войска въ Сиріи, и умеръ вскорѣ послѣ рожденія Іоанна, который сталъ предметомъ попеченій безмѣрно-любившей его матери. Она поручила образованіе его лучшимъ наставникамъ того времени, и въ томъ

числѣ извѣстному языческому ритору Либанію. По окончаніи воспитанія Іоаннъ углубился въ чтеніе священныхъ книгъ и посвятилъ себя христіянству. Мысли свои о воспитаніи онъ изложилъ съ своихъ «гомиліяхъ» (бесѣдахъ) и въ извѣстномъ сочиненіи «о монашествѣ». Образецъ воспитательной дѣятельности онъ видѣлъ въ примѣрѣ Іисуса Христа, который снизошелъ до человѣчества, чтобы возвести его до Божества. «Поэтому-то и высшее искусство воспитанія—говоритъ онъ—состоитъ въ томъ, чтобы сперва спуститься до пониманія воспитываемаго, а потомъ уже возвышать его. Есть большая польза въ снисхожденіи во всемъ. Такъ, напр. учимся мы и искусствамъ, не все вдругъ воспринимая отъ учителя; а потому не удивляйся, если это условіе имѣетъ вообще столь большую силу въ житейскихъ дѣлахъ, ибо и въ дѣлахъ духовныхъ можно видѣть все значеніе этой мудрости приниженія. Точно такъ Іудеи могли лишь мало по малу входить въ образованіе и освобождаться отъ языческаго служенія. Точно также послѣ появленія Христа, когда пришло время для распространенія его ученія, этому способу слѣдовали всѣ апостолы, не тотчасъ проповѣдуя о самыхъ высокихъ предметахъ». «Христосъ не вдругъ раскрылъ свое божество и сперва былъ признанъ только пророкомъ или святымъ человѣкомъ, а потомъ уже словомъ и дѣломъ обнаружилъ вполнѣ то, чѣмъ Онъ былъ.» «Смотри, какъ Христосъ всегда раскрывалъ не все вдругъ, но сначала ставилъ своего слушателя въ затрудненіе, чтобы онъ самъ доискивался смысла сказаннаго; и затѣмъ, не умѣя помочь себѣ, тщетно напрягая свой разумъ, онъ съ гораздо большимъ рвеніемъ принималъ искомое, когда оно раскрывалось ему, и тѣмъ болѣе возбуждался къ внимательному слушанію. Такимъ же образомъ поступай и при воспитаніи. Когда родилось на свѣтъ дитя, слѣдуй примѣру Анны: она тотчасъ принесла своего сына въ храмъ. Которая изъ матерей не пожелала бы скорѣе, чтобы сынъ ея, хотя однажды, сдѣлался Самуиломъ, нежели сталъ тысячу разъ обладателемъ всей римской имперіи? Вѣра и пламенное рвеніе

матери могутъ все сдѣлать. Старайся не о томъ, чтобы образовать изъ твоего сына искуснаго оратора, но воспитывай его въ духѣ христіянской мудрости. Здѣсь все зависитъ отъ характера, отъ поступковъ, а не отъ словъ; только одинъ характеръ можетъ сдѣлать его достойнымъ царства Божія и обогатить его истинными благами. Не языкъ его упражняй, а очищай его душу. Говорю это не съ тѣмъ, чтобы запрещать тебѣ сообщить своему сыну литературное образованіе, но только хочу предупредить тебя, чтобы не одно оно было предметомъ твоей заботливости. Не думай, что съ помощію писанія долженъ образовывать себя одинъ монахъ, ибо въ подобномъ образованіи по преимуществу нуждаются тѣ мальчики, которые предназначаются для мірской дѣятельности. Какъ въ искусствѣ кормчаго нуждается не столько тотъ, кто всегда стоитъ въ гавани, сколько тотъ, кто постоянно носится по морю; такъ же точно можно сказать по отношенію къ монаху и къ мірскому человѣку. Первый находится въ свободной отъ бурь гавани; второму же приходится много бороться съ бурями и теченіями, и если даже ему самому не грозитъ никакая опасность, то онъ долженъ быть всегда готовъ другихъ привести чрезъ писаніе къ тихому пристанищу. Поэтому безумно полагать, будто обученіе религіи еще не нужно для дѣтей: этотъ возрастъ въ особенности нуждается въ немъ, такъ какъ онъ легко воспринимаетъ все, что слышитъ, и на юной душѣ все отпечатлѣвается, какъ печать на воскѣ. Жизнь ребенка уже съ перваго момента начинаетъ наклоняться или къ добру, или ко злу; если же на самомъ порогѣ жизни станемъ охранять дитя отъ дурнаго, и направлять на лучшій путь,—добро сдѣлается его внутреннимъ качествомъ и станетъ какъ бы его природою, такъ что онъ самъ добровольно не перейдетъ ко злу. «Все злое возникаетъ въ дѣтяхъ вслѣдствіе нашего нерадѣнія, когда мы съ самаго начала не возбуждаемъ въ нихъ страха Божія. Такъ мы нерѣдко допускаемъ дѣтямъ посѣщать зрѣлища, но не ведемъ ихъ въ церковь; а если иногда мальчикъ и идетъ въ неё, то безъ цѣли и пользы, для одного пре-

провожденія времени или развлеченія. Не такъ это должно быть. Вѣдь спрашиваемъ же мы, чему учились дѣти въ школѣ: точно такъ же должны мы поступать, посылая ихъ въ церковь, или, что еще лучше, ведя ихъ туда съ собою. Но всего этого мы не исполняемъ, и на нужнѣйшія наши обязанности смотримъ, какъ на побочныя. Если же кто и обращается къ нашей душѣ съ напоминаніемъ, мы только смѣемся ему; а потому неудивительно, что все идетъ превратно, и мѣсто родителей нерѣдко должны заступать власти».

Со всею ревностью проповѣдывалъ Златоустъ объ обязанности родителей воспитывать своихъ дѣтей, и особенно рѣзко и сильно говорилъ противъ роскоши и тогдашнихъ зрѣлищъ, которыя служили продолженіемъ языческаго богослуженія, праздно губили время и имущество зрителей, часто подавали поводъ къ распрямъ и убійствамъ, развращали нравы и разрушали семейную нравственность. Главныя заботы о воспитаніи онъ возлагалъ на мать, такъ какъ отца отвлекаютъ отъ этого разныя дѣла: путешествія, форумъ и разныя общественныя обязанности. Женщина же, свободная отъ подобныхъ заботъ, можетъ тѣмъ полнѣе отдаваться своему педагогическому призванію. Рядомъ съ семействомъ важными мѣстами христіянскаго воспитанія служатъ для того времени монастыри, рано вводившіе мальчиковъ въ новый, христіянскій образъ жизни. «Въ монастыряхъ, говоритъ Іоаннъ Златоустъ, всѣ ведутъ такую жизнь, которая достойна неба; въ нихъ всѣ живутъ подобно ангеламъ, въ постоянномъ мірѣ, въ непрерывномъ покоѣ, въ неизмѣнной радости. Тамъ не говорятъ о «моемъ» и «твоемъ»: тамъ все общее. Какъ высоко стоятъ манастыри съ ихъ обученіемъ и воспитаніемъ въ сравненіи съ языческими школами! Въ послѣднихъ наблюдается, чтобы дѣти сперва ознакомились съ науками, а потомъ уже съ воздержнымъ, аскетическимъ образомъ жизни. Но кто знаетъ, успѣваютъ ли они достигнуть зрѣлаго возраста? И что пользы посылать ихъ къ такимъ учителямъ, у которыхъ они пріобрѣтутъ скорѣе тяжелый грузъ, чѣмъ истинную науку, и въ погонѣ за

ничтожнымъ утратятъ самое важное? Но не слѣдуетъ ли изъ этого, что должно ниспровергнуть разсадники науки? Я не говорю этого. Я требую только, чтобы не ниспровергалась добродѣтель. Когда душа добродѣтельна, то для нея безвредно незнаніе науки; если же душа порочна, то она потерпитъ вредъ, не смотря на все краснорѣчіе языка. Когда приложена уже забота о самомъ необходимомъ для дѣтей, тогда можно позаботиться и о наставленіи ихъ въ наукахъ». Поборники христіянства вообще заботились о томъ, чтобы поднять чисто-воспитательный элементъ, почти не существовавшій ни въ семьѣ, ни въ школѣ въ періодъ упадка классической образованности.

Идеи Златоуста о воспитаніи развивалъ также св. *Василій Великій*, нѣсколько отдѣливъ аскетическое понятіе отъ педагогическаго, находившіяся у его предшественника въ безразличномъ соединеніи. Василій былъ сынъ достаточныхъ родителей, родомъ изъ Каппадокіи, и въ дѣтствѣ находился подъ сильнымъ вліяніемъ сестры своей Макрины. Любовь къ просвѣщенію привлекла его потомъ въ Аѳины, гдѣ онъ встрѣтился и тѣсно сблизился съ Григоріемъ Назіанзиномъ. Оба они жили во время императора Юліана, получили высшее тогдашнее образованіе въ школѣ языческихъ софистовъ и воспользовались имъ для искренняго служенія дѣлу христіянства. Эта искренность отличаетъ ихъ отъ софистовъ, которые часто не вѣрили въ то, о чемъ говорили, и заботились прежде всего о внѣшности и эффектѣ. Печальныя событія того времени, когда христіяне еще преслѣдовались, и когда между ними развилось аскетическое направленіе, проповѣдывавшее умерщвленіе чувственности, не могли не оказать особеннаго вліянія на Василія, сочиненія котораго весьма важны для изученія внутренняго состоянія тогдашней эпохи. Наклонность къ созерцательной жизни и монашеству преобладала между христіянами, и богословскіе интересы занимали собою людей всѣхъ половъ, возрастовъ и состояній. Василій путешествовалъ съ благочестивою цѣлью по Египту и Палестинѣ, и потомъ удалился въ

прекрасное уединенное мѣсто въ Понтѣ—для аскетическихъ подвиговъ. Впослѣдствіи онъ занималъ самыя высокія должности въ церковной іерархіи, уже начинавшей враждовать между собою, и оставилъ послѣ себя много сочиненій (умеръ въ 378 г.). Энергическою дѣятельностью своею онъ много содѣйствовалъ распространенію византійскихъ понятій и увеличенію вліянія духовенства на государственную и семейную жизнь, въ особенности же на низшіе классы народа.

Василій Великій не отрицалъ пользы языческой учености, къ которой относился съ такою-же любовью и одушевленіемъ, какъ и къ монашеству. Въ словѣ своемъ «къ христіянскимъ юношамъ», онъ именно требуетъ отъ нихъ любви къ грекамъ. «Не удивляйтесь—обращается онъ къ нимъ—если я скажу вамъ, что не смотря на то, что вы ежедновно посѣщаете учителей и обращаетесь съ превосходнѣйшими изъ древнихъ мужей, живущихъ въ оставленныхъ ими произведеніяхъ, — я все таки нашелъ для васъ нѣчто, еще полезнѣйшее. Я пришелъ сюда именно съ цѣлью сообщить вамъ это, и посовѣтовать вамъ, чтобы вы не отдавали разъ навсегда вашего духа этимъ мужамъ, какъ корабль отдается кормчему, и не слѣдовали за ними всюду, куда бы они ни повели васъ; но черпали изъ нихъ только полезное для себя, зная, на чемъ остановиться, и что пройти мимо. Христіянинъ долженъ искать сокровищъ будущей жизни, къ которой ведетъ священное писаніе, посвящающее насъ въ сокровеннѣйшія таинства. Но пока мы бываемъ слишкомъ молоды, чтобы понимать его глубокій смыслъ, мы упражняемъ въ себѣ силу духовнаго зрѣнія разными другими сочиненіями, какъ бы его тѣнями и отраженіями. Въ это время мы бываемъ похожи на тѣхъ, которые упражняются въ военной школѣ, и когда пріобрѣтутъ нужную ловкость въ движеніи рукъ и въ прыганьи, потомъ въ битвѣ пользуются плодами этой игры. Намъ же, какъ должно полагать, предстоитъ величайшая изъ всѣхъ битвъ, къ которой мы должны готовиться изъ всѣхъ силъ, и ради которой должны познакомиться и съ поэтами, и съ истори-

вами, и съ ораторами, и, наконецъ, со всемъ, что только можетъ оказать пользу нашей душѣ. Ибо какъ красильщики сперва тщательно приготовляютъ то, что имъ предстоитъ выкрасить, и уже потомъ наводятъ блестящій пурпуръ или иной цвѣтъ; такъ мы, не смотря на то, что пламя добродѣтели должно неугасимо горѣть въ нашей душѣ, должны прежде усвоить себѣ эту внѣшнюю науку язычества, чтобы потомъ отдаться вполнѣ изученію священнаго, откровеннаго ученія Христа; ибо только привыкнувъ видѣть солнце въ зеркалѣ воды, можемъ мы поднять взоръ нашъ къ самому источнику свѣта. Такъ я слышалъ отъ одного мужа, основательно знакомаго со смысломъ поэтовъ, что всѣ поэтическія произведенія Гомера представляютъ немолчную хвалебную пѣснь добродѣтели, къ которой приводитъ въ Гомерѣ все, что не относится къ постороннимъ вещамъ. И такъ, если въ наукахъ (христіянской и языческой) имѣется какая либо родственная связь, то намъ знаніе ихъ становится особенно полезно; если же и нѣтъ ея, то уже самое сознаніе различія между ними, вытекающее изъ ихъ взаимнаго сравненія, можетъ не мало содѣйствовать укрѣпленію истины.»

Василій Великій вмѣняетъ монахамъ въ особенную обязанность воспитаніе дѣтей. Монашескую жизнь онъ старается обрисовать поэтическими красками. «Выйти изъ міра вовсе не значитъ удалиться изъ изъ него тѣломъ, но—освободить душу свою отъ порабощенія заботами житейскими. Занятіе отшельника есть подражаніе ангеламъ. Восходитъ ли солнца — и онъ встаетъ для труда, не прерывая умственной молитвы, или размышляя надъ чтеніемъ священнаго писанія, чтобы пріобрѣсти добродѣтель. Разговоры инока должны быть чужды всякаго пустословія и спора: скромны, тихи и привѣтливы. Смиреніе его обнаруживается въ осанкѣ, поступи, потупленномъ взорѣ, самой простой одеждѣ, едва достаточной, чтобы прикрыться отъ холода и жара. Въ пищѣ надо искать только удовлетворенія голода. Изъ 24 часовъ дня одинъ только пусть отдается заботамъ житейскимъ; сонъ же да будетъ

кратокъ, легокъ, и полночь для отшельника должна быть какъ утро для прочихъ,—чтобы въ безмолвіи природы еще съ большимъ вниманіемъ можно было предаваться размышленіямъ и т. д.» Монастырское воспитаніе Василій Великій назначаетъ преимущественно для сиротъ, а также допускаетъ къ нему и другихъ, по желанію родителей. Для такихъ дѣтей назначается особое помѣщеніе; образъ жизни долженъ соотвѣтствовать ихъ возрасту; надзоръ слѣдуетъ поручать пожилымъ, опытнымъ людямъ, испытаннымъ въ терпѣніи. Если питомецъ провинился, оскорбилъ кого нибудь словомъ, солгалъ, и вообще сдѣлалъ недозволенное,—его должно исправлять постомъ и молчаніемъ. Если онъ обнаружилъ гнѣвъ противъ кого нибудь, то долженъ не только испросить у него прощеніе и примириться, но и оказать ему изъ любви разныя услуги, смотря по степени оскорбленія. Если онъ вкусилъ пищу не въ урочное время, то лишается половины своей дневной порціи; а если за трапезой жадно глотаетъ, то долженъ голоднымъ смотрѣть, какъ другіе дѣлаютъ это съ пристойностью. Помѣщеніе для мальчиковъ и дѣвочекъ должно быть отдѣлено отъ монашескаго жилища, чтобы поддержать въ дѣтяхъ чувство уваженія къ наставникамъ, ибо въ отсутствіи взрослыхъ они скорѣе увлекаются дурными наклонностями или предаются самодовольству, считая себя лучше другихъ. По мнѣнію Василія Великаго надо наблюдать за дѣтьми издали и во время приходить съ наставленіемъ и наказаніемъ. Въ воспительной системѣ его уже есть зародыши того крайняго, аскетически-суроваго направленія, которое развилось потомъ въ средневѣковомъ католицизмѣ.

Въ одной изъ бесѣдъ своихъ Василій Великій высказываетъ утѣшеніе одной матери, потерявшей единственнаго сына: здѣсь мы видимъ вырабатывавшійся тогда христіянскій взглядъ на отношеніе родителей къ дѣтямъ и къ располагающему ихъ судьбою общему отцу—Богу. »Былъ у тебя сынъ-юноша,—говоритъ онъ къ плачущей матери,—единственный преемникъ имѣнія, утѣшеніе старости, украшеніе рода, цвѣтъ сверстниковъ, подпора дома,—и онъ-то похищенъ смертію въ самомъ прелестномъ возрастѣ.

«Возможно ли, спросишь ты меня, возможно ли въ такой скорби не предаваться слезамъ и отчаянію? возможно ли приносить въ это время благодареніе Богу?» — «*Возможно, если разсудишь, что ближайшій отецъ твоему* сыну, разумнѣйшій попечитель и строитель жизни — Богъ. Почему же разумному Владыкѣ не дозволяемъ мы распоряжаться своимъ достояніемъ, но досадуемъ, какъ бы лишаемые собственности, и сожалѣемъ объ умершихъ, какъ будто имъ дѣлается обида? Но ты разсуждай такъ, что дитя не умерло, а только отдано назадъ, что другъ не скончался, но отправился въ путь, и ушелъ отъ тебя впередъ по той же дорогѣ, по которой и намъ идти будетъ надобно. Когда въ первый разъ извѣстили тебя о рожденіи сына, то если бы кто тогда спросилъ у тебя: что такое родилось? — не сказала ли бы ты, что родился человѣкъ? А если человѣкъ, то, конечно, и смертный. Что же тутъ необыкновеннаго, если смертный умеръ? Что изъ окружающаго насъ постоянно? Что въ природѣ неподвижно и неизмѣнно? Возведи взоръ на небо, посмотри на землю — и они не вѣчны. Чтожъ удивительнаго, если мы, составляя часть міра, испытываемъ то, что свойственно всему міру?»

Блаженный Іеронимъ и св. Августинъ.

Мы видѣли, что со стороны Іоанна Златоуста и Василія Великаго языческая наука была терпима рядомъ съ христіянствомъ, по отношенію къ которому они ставили её въ служебную роль. Св. Іеронимъ и Августинъ, напротивъ того, ставятъ её въ рѣшительную противоположность къ христіянству и осуждаютъ на конечную гибель.

Блаженный Іеронимъ (умеръ въ 420 г.) изложилъ свой строгій взглядъ на воспитаніе, поставляемое имъ вмѣстѣ съ другими отцами церкви выше обученія, въ письмѣ своемъ къ *Лэтѣ*, которой онъ даетъ совѣты относительно малолѣтней дочери ея Павлы. Главною зада-

чею воспитанія онъ ставитъ страхъ Божій, и совѣтуетъ пріучать дѣтскій языкъ пѣть псалмы. Въ женскомъ воспитаніи, по его мнѣнію, надо дѣйствовать особенно осторожно, удаляя изъ общества дѣвочки рѣзвыхъ мальчиковъ; даже сверстницы-подруги опасны для нея, такъ какъ могутъ привить къ ней свѣтскія привычки. Обученіе, однако, надо начинать игрой, давая буквы изъ воску или слоновой кости и называя ихъ, но не придерживаясь алфавита. «Смѣшивай чаще буквы между собою—говоритъ онъ,—такъ чтобы дитя узнавало ихъ не столько по тону, произнося наизусть, сколько по формѣ. Въ видѣ поощренія надо соединять ихъ потомъ въ слоги, что очень нравится этому возрасту. При обученіи должно допускать сверстниковъ для возбужденія соревнованія. Въ случаѣ лѣности дитяти надо не бранить его, но возбуждать его духъ ободреніемъ, ибо оно такъ же радуется, когда одерживаетъ надъ собою побѣду, какъ и унываетъ въ случаѣ неудачи. Болѣе всего надо остерегаться, чтобы обученіе не надоѣло ему: въ противномъ случаѣ возникаетъ отвращеніе, которое, укоренившись въ дѣтскомъ возрастѣ, остается и послѣ. Самыя имена, избираемыя обыкновенно при обученіи складамъ, должно брать не случайно, но совниманіемъ, и преимущественно пользоваться именами пророковъ и апостоловъ. Въ учители слѣдуетъ избирать человѣка зрѣлаго, съ испытанною нравственностью и съ познаніями, и я не полагаю, чтобы свѣдущій человѣкъ могъ стыдиться принять на себя такую же обязанность въ отношеніи родственной и благородной дѣвушки, какую принялъ Аристотель въ отношеніи сына царя Филиппа, съ цѣлью—собственно лично сообщить дитяти основанія всякаго знанія, прибѣгая къ помощи развѣ одного переписчика книгъ. Безъ уваженія этого малаго въ дѣлѣ образованія невозможно достигнуть и ничего большаго и важнѣйшаго. Самый тонъ въ сообщеніи первыхъ звуковъ и первоначальныхъ правилъ у образованнаго учителя будетъ уже иной, чѣмъ у необразованнаго. Поэтому ты должна обращать вниманіе, чтобы дочь твоя вслѣдствіе вздорной болтовни съ няньками не пріучилась къ дурному произношенію словъ,

или чтобы она не играла золотомъ и пурпуромъ: первое вредитъ языку, второе — характеру; вообще она не должна привыкать въ нѣжномъ возрастѣ ни къ чему такому, *отъ чего ей придется отвыкать впослѣдствіи.* Даже въ одеждѣ и во всѣхъ внѣшнихъ условіяхъ дитя должно сознавать, кому оно посвящено. Не надѣвай ей серегъ; не украшай посвященный Христу образъ ея никакими бѣлилами и румянами; не стѣсняй ея шеи ни золотомъ, ни жемчугомъ; не отягощай ея головы драгоцѣнными камнями и не крась ей волосъ,—чтобы не приготовить ея къ геенѣ огненной. Пусть она будетъ обладать другаго рода перлами, за которыя купитъ потомъ единственный, драгоцѣннѣйшій перлъ». «Когда же дочь твоя станетъ подобно жениху своему возрастать въ мудрости, зрѣлости и милости у Бога и людей, — тогда пусть идетъ она вмѣстѣ съ родителями своими въ храмъ истиннаго Отца своего, и потомъ уже не оставляетъ его. Не пускай ее никогда ходить по улицамъ; не позволяй ей открыто вкушать пищу, хотя бы это было на пиру въ родительскомъ домѣ, чтобы она не видала лакомыхъ для себя яствъ. Не смотря на то, что многіе полагаютъ, будто высшая добродѣтель состоитъ въ презрѣніи видимаго богатства, я все-таки полагаю, что воздержаніе будетъ вѣрнѣе, когда мы вовсе не видимъ предметовъ нашихъ желаній. Въ періодъ достиженія болѣе зрѣлаго возраста слишкомъ строгое воздержаніе вредно: въ это время, смотря по необходимости, можно пользоваться ваннами, умѣренно употреблять вино для пищеваренія и укрѣплять себя мясной пищей, чтобы не ослабить своихъ ногъ прежде, чѣмъ онѣ научатся ходить. Высказываю это только какъ дозволеніе, но не какъ предписаніе, ибо я скорѣе боюсь слабости, чѣмъ учу роскоши». «Къ музыкѣ дочь твоя должна быть глуха: она даже знать не должна, для чего дѣлаются флейты, лиры и цитры. Ежедневно заставляй её говорить уроки, изъ которыхъ она, какъ изъ цвѣтовъ, должна вить себѣ вѣнокъ знанія священнаго писанія. Греческому стихосложенію она должна учиться, но тотчасъ же приступать и къ изученію отечественнаго языка (ла-

тинскаго); въ противномъ случаѣ, если нѣжный ротъ ея не будетъ пріученъ къ нему во время, ея языкъ будетъ искаженъ чуждыми звуками и оборотами. Ты сама должна быть для нея лучшей учительницей; тебѣ прежде всего должно удивляться неопытное дитя. Отъ своей матери и отъ своего отца она не должна перенимать ничего грѣховнаго. Безъ тебя дочери твоей не слѣдуетъ ходить ни въ церкви мучениковъ, ни въ собранія. Ни одинъ юноша, ни одинъ мущина съ завитыми волосами не долженъ играть съ ней взглядами. Для этого её надо поручить пожилой дѣвушкѣ, испытанной вѣрности, честности и стыдливости, которая бы дѣйствовала не неё собственнымъ примѣромъ и пріучала её по ночамъ вставать на молитву и пѣніе псалмовъ, а по утрамъ—на хвалебные гимны. Въ 3-мъ, 6-мъ и 9-мъ часу она, какъ воительница Христа, должна выходить на поле битвы, и, зажегши лампаду, приносить вечернюю жертву. Такъ пусть минуетъ для нея день; такъ пусть въ трудѣ застанетъ её и ночь. Чтеніе пусть смѣняется молитвой, молитва—чтеніемъ. Время будетъ быстро проходитъ для нея, когда оно будетъ наполнено столь разнообразною дѣятельностью. Она станетъ учиться приготовлять волну, вязать сѣти, плести корзинки, крутить веретено и выводить нити, и привыкнетъ, напротивъ того, презирать шелковыя ткани, дорогіе платки, и затканное золото. Пусть приготовляетъ она лишь такія ткани, которыя грѣютъ тѣло, а не украшаютъ его. Пищей для нея пусть служатъ овощи и иногда рыба; но я отвергаю, особенно для юношескаго возраста, слишкомъ строгій и продолжительный постъ, такъ какъ бываетъ, что жиръ и даже овощи должны запрещаться по цѣлымъ недѣлямъ». «Вмѣсто драгоцѣнныхъ камней и шелковыхъ тканей пусть полюбить она божественныя заповѣди. Прежде всего она должна учить псалтырь, а потомъ, оставивъ его пѣсни,—перейти къ притчамъ Соломона. У духовнаго пастыря она должна научиться попирать ногами все то, что принадлежитъ міру сему. Пусть она соревнуетъ Іову въ добродѣтели и терпѣніи, а за тѣмъ переходитъ къ Евангелію, которое

она никогда не должна выпускать изъ своихъ рукъ; дѣянія и посланія апостольскія слѣдуетъ ей усвоить съ особеннымъ стараніемъ. Когда же она наполнила сердце свое этими сокровищами, ей слѣдуетъ запечатлѣть въ своей памяти: пророковъ, пятикнижіе Моисея, книги царей и также книгу Эздры. Въ заключеніе она можетъ читать возвышенную пѣснь пѣсней, въ которой она не поняла бы, если бы стала читать вначалѣ, скрытый въ словахъ внутренній смысль, и даже понесла бы вредъ». Пользоваться средствами и пособіями, завѣщанными классическимъ міромъ, Іеронимъ не считалъ необходимымъ при христіянскомъ воспитаніи.

Здѣсь мы уже встрѣчаемъ тѣ враждебные наукѣ элементы, которые развила въ себѣ впослѣдствіи западная церковь, и которые еще чужды главнѣйшимъ представителямъ собственно восточной церкви: Іоанну Златоусту и Василію Великому съ Григоріемъ Назіанзиномъ. Въ дѣятельности и вліяніи Амвросія изъ Медіолана (Милана) и Августина это направленіе выступаетъ еще рѣзче и весьма ясно отзывается на воспитаніи католическаго юношества послѣ раздѣленія церквей. Амвросій, какъ могущественный епископъ, иногда оказывалъ вліяніе на свѣтскаго представителя государства и умѣлъ пользоваться своихъ значеніемъ въ народѣ для достиженія своихъ церковныхъ цѣлей. Западная іерархія уже давно подготовляла преобладаніе духовенства въ государствѣ и обществѣ. Амвросій въ своихъ сочиненіяхъ подчиняетъ политическій элементъ богословскому, перемѣшиваетъ мораль Цицерона съ христіянскими разсужденіями, и, вмѣсто примѣровъ изъ жизни греческихъ и римскихъ героевъ—приводитъ событія изъ ветхозавѣтной исторіи. Онъ всюду проводитъ ту же мысль, которая была подготовлена его предшественниками, а именно, что во всякомъ чувственномъ проявленіи надо искать сверхчувственнаго значенія, и непонятное буквально — понимать аллегорически. Въ повѣствованіи книгъ ветхаго и новаго завѣта онъ всегда находитъ особенную философію и поэзію, нерѣдко вдаваясь въ мистицизмъ. Вообще сочиненія его, столь распростра-

ненныя въ средніе вѣка, не удаляя людей отъ священнаго писанія и отчасти облегчая его пониманіе, сильно дѣйствовали на ихъ чувство и воображеніе. Но примѣръ того, какъ обособлялась христіянская образованность, болѣе и болѣе принимая на западѣ клерикальный характеръ, и какъ вліяла она на тогдашнее воспитаніе, лучше всего можно видѣть на сочиненіяхъ Августина, которыя впродолженіе цѣлыхъ вѣковъ были главными источниками христіянской философіи и богословія, могущественно дѣйствуя на ходъ литературы и, даже на политическую исторію новыхъ народовъ.

Св. Августинъ (род. въ Африкѣ въ 353 г.) былъ сынъ знатнаго отца-язычника, управлявшаго Галліей, получилъ самое тщательное воспитаніе подъ вліяніемъ матери, учился въ Римѣ, и потомъ управлялъ нѣсколькими областями въ Верхней Италіи. По принятіи христіянства онъ скоро достигъ епископскаго сана и отличался особенною ревностью въ пользу своей новой религіи, пользуясь *большимъ вліяніемъ при римскомъ дворѣ (при Валентиніанѣ* и Ѳеодосіи Великомъ), а также при дворахъ франковъ и маркомановъ. Одно изъ главныхъ сочиненій Августина «о градѣ Божіемъ» (de civitate Dei), составленное по образцу сочиненія Платона «о государствѣ», основывается на той главной мысли, что человѣчество состоитъ изъ духъ частей: изъ рабовъ своей плоти, осужденныхъ на проклятіе, и изъ людей, живущихъ духомъ и предназначенныхъ къ блаженству. Отсюда онъ выводитъ понятіе о существованіи въ мірѣ двухъ царствъ, изъ которыхъ одно погибнетъ въ день страшнаго суда. Царствомъ гибели управляютъ дьяволъ и философы; главное основаніе его — эгоизмъ, приводящій человѣка къ забвенію Бога. Другое, свѣтлое царство, находящееся подъ управленіемъ Бога и духовенства, основывается на любви и приводитъ къ забвенію самого себя. Человѣческую природу Августинъ признавалъ испорченною, и всякую внѣшнюю дѣятельность, самую игру дѣтей—грѣховною. По мнѣнію его, весь древній Римъ, какъ грѣховное земное государство, находится подъ властью дьявола;

истинное-же, прочное счастіе обрѣтается только въ государствѣ Бога. Во всей римской исторіи и жизни онъ видитъ одинъ непрерывный рядъ несправедливостей и жестокостей, упуская изъ виду героическій и политическій характеръ древней исторіи. При печальномъ положеніи имперіи во время Августина, при грубости среднихъ вѣковъ, взглядъ его естественно находилъ себѣ особенное сочувствіе и сдѣлался потомъ господствующимъ, опредѣляя воззрѣнія средневѣковаго христіянскаго общества на язычество, его религію, философію и исторію.

Другое замѣчательное и весьма распространенное въ средніе вѣка сочиненіе Августина, имѣющее педагогическій интересъ, есть его «Признанія», въ которыхъ онъ изображаетъ ходъ своего внутренняго развитія отъ юности до совершившейся въ немъ перемѣны и перехода въ христіянство (въ 400 году). Сочиненіе это рисуетъ намъ также картину тогдашняго воспитанія, нравственное состояніе общества и характеръ ученыхъ школъ. Изъ него-же мы узнаемъ, что отецъ Августина, Патрицій, былъ человѣкъ пылкій и чувственный, а мать его, Моника—кроткая, любящая и благочестивая женщина, которая впродолженіе всей своей жизни съ изумительною заботливостью, съ энергіею и самоотверженіемъ старалась внушить своему сыну понятія объ истинной вѣрѣ и объ истинномъ Божествѣ. Памяти своей матери онъ посвящаетъ цѣлый рядъ очаровательныхъ главъ, и проситъ своихъ читателей не забывать въ молитвахъ его родителей. Августинъ, наслѣдовавъ огненную натуру своего отца, сначала отдался честолюбію и чувственности со всемъ пыломъ юности, чтобы потомъ съ ужасомъ и отвращеніемъ отъ своей прежней жизни перейти въ ту область свѣта и покоя, на которую постоянно указывала ему его мечтательная мать. «Еще ребенкомъ—разсказываетъ онъ въ своихъ признаніяхъ—я крикомъ вымогалъ себѣ все вредное для себя, и неисполнявшихъ моихъ прихотей старался принудить силой. Только слабость моего дѣтскаго организма не позволяла мнѣ приводить въ исполненіе мои злыя желанія; но дѣтская душа моя была уже оскверр-

нена. Я самъ видѣлъ однажды капризнаго младенца, который еще не умѣлъ говорить, но уже съ злой, ѣдкой миной смотрѣлъ на своего брата, питавшагося грудью матери. Матери и няньки, конечно, скажутъ, что это потомъ проходитъ съ годами; но можно ли объяснять это невинностью, когда младенецъ уже не выноситъ своего сверстника еще на лонѣ питающей его матери?» «Но вотъ я вступилъ въ отроческій возрастъ. Теперь я былъ уже не безъязыкимъ младенцемъ, но болтливымъ мальчикомъ. Все это я еще помню, и я наблюдалъ потомъ, какъ я учился говорить. Взрослые не учили меня этому такъ, какъ учили меня многому другому впослѣдствіи. Съ помощію дарованной мнѣ Тобою, Боже, силой старался я плачемъ и подобными звуками или жестами выразить мои потребности. Но такъ какъ я не могъ выразить все, чего желалъ, тогда какъ другіе могли это; то я произносилъ въ моей памяти то слово, которымъ они называли извѣстный предметъ, и если они при этомъ словѣ обращались къ чему нибудь, я замѣчалъ, что это именно и долженъ быть тотъ предметъ, который они полагали. Я пріучалъ мой ротъ къ подобнымъ же звукамъ и, наконецъ, выговаривалъ слово. Такъ шелъ я далѣе въ шумной жизни, завися отъ личности моихъ родителей и отъ поступковъ взрослыхъ людей». «Затѣмъ отдали меня въ школу, чтобы ознакомить меня съ науками, пользы которыхъ я, бѣдный, не понималъ, получая въ то же время удары за лѣность въ ученіи. Родители одобряли это, и многіе, избиравшіе еще до насъ ту-же участь, приготовили для насъ этотъ тернистый путь; мы должны были проходить его съ трудомъ и мученіемъ, которые были столь умножены (въ школѣ) для сыновъ Адамовыхъ. Но Ты, Господи, сподобилъ насъ встрѣтить людей, которые къ Тебѣ взывали, и отъ нихъ-то научились мы, какъ могли, познавать Тебя, великаго Бога; и Ты услышалъ насъ и пришелъ на помощь не смотря на то, что чувства наши были прежде далеко отъ Тебя. Будучи еще мальчикомъ, я сталъ прибѣгать къ Тебѣ, моей защитѣ и убѣжищу, и постарался разрѣшить узы языка моего; я

недостойный съ немалымъ усердіемъ молилъ Тебя, чтобы мнѣ не получать болѣе ударовъ въ школѣ. И такъ какъ Ты не услышалъ меня, ибо это привело бы меня лишь къ суемудрію; то другіе взрослые люди, и даже сами мои родители, не желавшіе мнѣ ничего дурнаго, смѣялись надъ моими страданіями, надъ моимъ тогдашнимъ великимъ и тяжкимъ горемъ. Какъ есть люди, которые, горя рвеніемъ къ Тебѣ, смѣются надъ тѣми, которые слишкомъ боятся разныхъ орудій пытки и молятъ объ уничтоженіи ихъ; такъ родители наши смѣялись надъ мученіями, какія причиняли намъ мальчикамъ учителя наши. И мы не менѣе боялись этихъ мученій и молили отвратить ихъ отъ насъ, но все таки часто оказывались виновными, когда писали, или читали, или размышляли при обученіи менѣе, чѣмъ отъ насъ требовалось. Нельзя сказать, чтобы намъ не хватало памяти или разсудка, ибо и тѣмъ и другимъ Ты, Господи, обильно наградилъ насъ по нашимъ лѣтамъ; но насъ забавляла игра, и за нее-то карали насъ тѣ, которые сами непристойно предавались тому же самому. Но развлеченія взрослыхъ обыкновенно называютъ занятіями; когда же дѣлаютъ это мальчики, ихъ наказываютъ за это. Я перенесъ розги за то, что любилъ играть въ мячикъ и тѣмъ отвлекался отъ заучиванія свѣденій, которыми я долженъ былъ потомъ играть еще сквернѣйшимъ образомъ. И сѣкъ меня тотъ, кто самъ мучился завистью и досадой, когда другой ученый побѣждалъ его въ какомъ нибудь спорѣ, точно такъ же, какъ сердился я, когда товарищи побѣждали меня въ игрѣ мячикомъ». «Но я согрѣшилъ, Господи Боже мой, и противъ родителей и учителей! Ибо я былъ непослушенъ имъ не потому, что я нашелъ для себя нѣчто лучшее, но потому лишь, что я любилъ игру, что мнѣ пріятна была въ игрѣ гордость побѣды, что я охотно ласкалъ мой слухъ разными лживыми сказками; и чѣмъ больше я чувствовалъ влеченія ко всему этому, тѣмъ сильнѣе завлекало меня опасное любопытство къ зрѣлищамъ и къ разговорамъ старшихъ. Часто я, побѣждаемый суетнымъ исканіемъ превосходства, обманомъ добывалъ себѣ побѣду въ игрѣ;

и когда я другихъ ловилъ на томъ же, что дѣлалъ самъ, — я не хотѣлъ простить имъ этого и былъ неукротимъ; если же другіе меня обличали, я готовъ былъ скорѣе поссориться, чѣмъ уступить. И это ли — дѣтская невинность? Нѣтъ, Господи Боже мой! а скорѣе именно то, что начинаясь отъ воспитателей и учителей, отъ орѣховъ, мячиковъ и воробьевъ, выражается потомъ въ начальникахъ и князьяхъ, въ золотѣ, добычѣ и рабахъ. Впослѣдствіи, въ зрѣломъ возрастѣ, за первымъ точно такъ же слѣдуетъ послѣднее; какъ за розгами—еще жесточайшія наказанія.» «При обученіи Виргилій былъ моимъ любимцемъ. Съ наслажденіемъ слѣдилъ я за странствованіями Энея; съ жаркими слезами оплакивалъ я смерть Дидоны, которая изъ любви умертвила себя. Моимъ представленіямъ рукоплескали; во мнѣ видѣли будущаго поэта. Учиться по-гречески, однако, я не чувствовалъ никакой охоты: такъ милъ былъ мнѣ Виргилій; Гомеръ же былъ несносенъ для меня. Я полагаю, что и греческимъ мальчикамъ Виргилій понравился бы точно также, какъ мнѣ Гомеръ, когда бы имъ пришлось изучать его по моему: ибо трудности, сопряженныя вообще съ изученіемъ чуждаго языка, отравили бы горечью всю сладость греческихъ басень. Я не понималъ самыхъ словъ, а меня страхомъ, жестокостію и наказаніемъ, настойчиво принуждали заучивать ихъ. Такимъ же образомъ «дважды одинъ—два, дважды два — четыре», было для меня отвратительной пѣсней».

Изъ этого достаточно видно, что Августинъ былъ врагъ всего чисто-формальнаго въ образованіи, врагъ филологіи и математики. Чувство влекло его ко всему живому, ко всему, что давало пищу для воображенія и сердца. «Не слова собственно обвиняю я, ибо они всегда одинаково останутся избранными и драгоцѣнными сосудами, но—то вредное въ нихъ вино, которымъ поили насъ сами опьяненные имъ учители; однако я самъ сталъ потомъ охотно пить его. Я, несчастный, даже радовался этому, и меня называли за это полнымъ надеждъ мальчикомъ. Право, не дымъ ли и вѣтеръ было все это? Развѣ не существовало многаго другаго, на чемъ

можно было бы упражнять мой умъ и мой языкъ? Хвала Тебѣ, Господи! Ты священымъ писаніемъ воздѣлалъ потомъ ниву сердца моего и поднялъ ея слабый ростокъ; но мнѣ еще рано было предаваться тщеславному бездѣлью, мнѣ, постыдной добычѣ суетнаго прошедшаго. Да, не однимъ только способомъ можно приносить жертвы падшимъ ангеламъ!... Увы мнѣ! Кто могъ противостоять тебѣ, потокъ людскаго обычая? И скоро ли ты совершенно изсякнешь? Долго ли ты будешь уносить сыновъ Евы въ то обширное, ужасное море, переплыть которое не посиламъ даже на утлой ладьѣ счастія?... Посмотри, Господи Боже, съ Твоимъ долготерпѣніемъ, какъ тщательно соблюдаютъ сыны человѣческіе всѣ правила языка,— но какъ пренебрегаютъ они вѣчными законами вѣчнаго спасенія. Доходитъ до того, что когда ученикъ или учитель говоритъ противъ грамматическихъ правилъ, онъ болѣе обращаетъ на себя общее вниманіе, чѣмъ когда онъ дѣйствуетъ противъ Твоихъ заповѣдей, болѣе—чѣмъ человѣкъ, ненавидящій своего ближняго». Ставъ юношей, Августинъ со всею страстностію этого возраста кинулся въ чувственную любовь, которую онъ не отличалъ отъ истинной, чистой любви къ женщинѣ, и въ которой онъ горько раскаявается въ своихъ Признаніяхъ. «Я становился все порочнѣе, чтобы не заслужить порицанія отъ моихъ заблудшихъ сверстниковъ, и даже когда не имѣлъ случая подражать имъ, я лгалъ на себя, чтобы казаться тѣмъ порочнѣе, чѣмъ чище былъ я на дѣлѣ». Въ одномъ изъ сочиненій своихъ онъ даетъ поэтому слѣдующіе совѣты юношамъ: «Должно соблюдать строгую осторожность въ выборѣ людей, съ которыми мы желаемъ обращаться; всего же лучше имѣть обращеніе со старцами испытанной добродѣтели. Обращеніе съ сверстниками, конечно, пріятнѣе; но со старшими — безопаснѣе. Подъ руководствомъ ихъ нравы юношей дѣлаются кроткими и укрѣпляются въ добродѣтели. Какъ незнающій мѣстности обыкновенно пускается въ путь съ знающими ее; такъ и юноши должны вступать въ новый для нихъ путь жизни въ сопровожденіи старцевъ, и имѣть ихъ наставниками и свидѣ-

телями своей жизни». Другой совѣтъ: «Храните, дѣти мои, дружество съ ближними, ибо нѣтъ ничего на свѣтѣ прекраснѣе дружбы: она—утѣшеніе жизни, когда имѣешь кому открыть свое сердце; сообщить тайное и повѣрить сокровенное, когда имѣешь вѣрнаго собрата, который сочувствуетъ твоему счастію, сострадаетъ несчастію, подаетъ совѣты въ опасности. Перенесите за друга, если нужно, и горе: дружба снискивается не деньгами, но любовью, не цѣною, но доброжелательствомъ. Богатые часто бываютъ безъ друзей, тогда какъ бѣдняки не имѣютъ въ нихъ недостатка, ибо гдѣ хитрая лесть, тамъ нѣтъ истинной дружбы».

Знакомство съ произведеніями Цицерона привело его отъ сладострастной, бурной жизни къ философскому созерцанію безсмертной истины. Слова «Гортензія», опредѣляющія высоту и достоинство философіи, пробудили дремлющія чувства Августина къ новой жизни. Добро и истина стали теперь предметомъ его внутреннихъ стремленій, и все, что прежде занимало и забавляло его, показалось ему ничтожнымъ. «Но я не нашелъ въ этомъ произведеніи, говоритъ онъ, имени Христа, тогда такъ имя это проникло въ мое дѣтское сердце вмѣстѣ съ молокомъ матери. Девять лѣтъ я тщетно искалъ его (въ манихейскомъ ученіи), вводилъ другихъ въ заблужденіе, былъ то гордъ, то суевѣренъ, и ничтоженъ во всемъ. То искалъ я суетной славы предъ народомъ, какъ актеръ; то вновь старался очистить свою душу». Наконецъ Августинъ сталъ отчаяваться отыскать ту истину, которая удовлетворилабы его, и послѣ тяжелой внутренней борьбы перешелъ на сторону новой тогдашней академіи. Неоплатонизмъ вновь увлекъ его пылкій духъ, освободившійся отъ мучительнаго скептицизма, и, весь проникнутый платоновскимъ идеализмомъ, Августинъ приступилъ, наконецъ, къ объясненію христіянскаго ученія, которому онъ отдался всецѣло. «Но мнѣ недоставало еще главнаго, что только и можетъ сообщить истинное пониманіе христіянства, и безъ чего каждый приметъ одну скорлупу безъ зерна—недоставало основанной на смиреніи любви». Философія Пла-

тона надѣлила его идеалами, восхитившими его духъ, но не могла сообщить ему силы побѣдить въ себѣ матерію. Она не освободила его, не уничтожила въ немъ того внутренняго разлада, которымъ страдала его жизнь. со всѣми ея колебаніями. Посланія апостола Павла, за изученіе которыхъ онъ взялся, разрѣшили ему загадку его природы, *обративъ его къ вѣрѣ, ибо «вѣра предшествуетъ разуму»* (fides praecedit intellectum). Къ знанію Августинъ перешелъ теперь уже отъ вѣры. «Что это люблю я, когда люблю Бога? Я спросилъ землю, и она отвѣчала мнѣ: «Это не я, что ты любишь»; я спросилъ море и его пучины, и всѣхъ живыхъ существъ, и они отвѣчали мнѣ: «Не мы твой Богъ: ищи его надъ нами». Я спросилъ вѣющій воздухъ,—и все воздушное пространство, со всѣми его обитателями, сказало: «ты заблуждаешься, я не Богъ твой!» *Я спросилъ небо, солнце, мѣсяцъ и звѣзды: «И мы не* Богъ твой, котораго ты ищешь!»—отвѣчали они. Тогда спросилъ я всѣ вещи, которыя только могли входить въ кругъ моего зрѣнія: «Скажите же мнѣ, не вы ли Богъ мой, и что вы можете сказать объ Немъ?»—и они воскликнули всѣ громкимъ голосомъ: «Онъ создалъ насъ!» Мой вопросъ — это мое невѣдомое влеченіе; а ихъ отвѣтъ — ихъ бытіе и красота».

Въ своихъ Признаніяхъ Августинъ раскрываетъ намъ цѣлую *психологію человѣческаго сердца, изъ которой* педагогъ можетъ почерпнуть болѣе, чѣмъ изъ множества теоретическихъ разсужденій о воспитаніи. Они обнаруживаютъ всю силу первыхъ впечатлѣній дѣтства, все могущество материнскаго вліянія на ребенка. Они раскрываютъ далѣе внутреннюю борьбу человѣческаго духа, ищущаго для себя прочныхъ основъ. Они показываютъ также, какъ единое слово, единая мысль, высказанная кѣмъ-либо изъ великихъ мыслителей прошедшаго, встрѣчаясь съ дремлющими въ душѣ человѣка идеями, можетъ проложить ей совершенно новый путь, когда мысль эта вдругъ приводитъ въ сознаніе то, что прежде было предметомъ одного неопредѣленнаго влеченія, и вдругъ разрушаетъ все, что прежде признавалъ и любилъ человѣкъ. Они показываютъ

намъ, наконецъ, какъ природа человѣка послѣ періода дѣтской наивности переходитъ въ періодъ внутренняго раздвоенія и мучительной борьбы, и какъ внутреннія силы духа бушуютъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ богаче и подвижнѣе природы человѣка, пока онъ, наконецъ, утомленный бурями, не броситъ якоря въ спокойной пристани вѣры.

Ходъ воспитанія въ восточной церкви.

Послѣ Августина римское общество получило совершенно теологическое направленіе. Умственные, научные и вообще духовные интересы отступаютъ на задній планъ. Не смотря на усиливающееся господство церкви, жизнь наполняется насиліемъ и управляется метеріяльными потребностями, вызывающими аскетическую реакцію въ немногихъ избранныхъ натурахъ. Въ бурномъ движеніи «переселенія народовъ» падаютъ въ прахъ школы грамматистовъ, грамматиковъ и риторовъ. Церковный клиръ въ IV, V и VI столѣтіяхъ остается единственнымъ носителемъ образованія и заводитъ школы, которыя также принимаютъ исключительный теологическій характеръ какъ на западѣ, такъ отчасти и на востокѣ. Всѣ науки перерабатываются въ интересахъ вѣры и становятся въ служебное отношеніе къ теологіи, утративъ всякую свободу и самостоятельность изслѣдованія.

Въ Византійской имперіи забота о воспитаніи и обученіи массы народной уступаетъ научнымъ стремленіямъ немногихъ покровительствуемыхъ императорами ученыхъ, лишенныхъ, однако, всякаго творческаго таланта. Къ научнымъ спорамъ примѣшивается страстное раздраженіе. Однако на востокѣ, и въ лонѣ православной церкви, никогда не переставали поддерживать остатки классическаго знанія и творчества, тогда такъ на западѣ современемъ явилась извѣстная отговорка ученыхъ: «græca sunt — non leguntur» (это по-гречески — не читается). Юношество, готовящееся къ государственной службѣ, въ Византіи знакомилось и съ Гомеровскими пѣснями, и съ поли-

тическими сочиненіями греческихъ мыслителей. Здѣсь писали не одни духовные, но также и свѣтскіе люди, императоры, государственные мужи, даже женщины,—и писали именно на греческомъ языкѣ. Здѣсь греческая философія изучалась даже въ монастыряхъ съ ихъ школами; здѣсь положено было основаніе христіянскому искусству, въ особенности музыкѣ и зодчеству. Въ восточной имперіи не совершенно исчезли и императорскія школы, какъ это было на западѣ при переселеніи народовъ. Отсюда, напротивъ того, занесены были идеи гражданскаго права на западъ во время крестовыхъ походовъ съ ихъ торговыми интересами (Болонья). Вообще въ Византійской церкви, наслѣдницѣ древнеклассическихъ сокровищъ, сохранялась, не смотря на зарождающуюся теологію, чистая, безкорыстная, объективная любовь къ наукамъ. Но школы все таки не получили должнаго развитія, такъ какъ онѣ не были продуктомъ внутренной потребности, но возникали и падали по прихоти своихъ высокихъ защитниковъ; такъ какъ онѣ не стояли во взаимной связи съ жизнью, но ограничивались извѣстнымъ кругомъ диллетантовъ и меценатовъ; такъ какъ, наконецъ, содержаніемъ ихъ не всегда *была эллинская жизнь, но также — формализмъ* и своего рода схоластика. Какъ бы однако ни было, при всемъ консерватизмѣ константинопольской церкви, крѣпко державшейся установленной догмы и обряда, духъ нетерпимости, односторонней исключительности и властолюбія какъ въ сферѣ политической жизни, такъ и воспитанія, былъ чуждъ ей сравнительно съ церковью римской, овладѣвшей всѣми отправленіями жизни тогдашняго западнаго, еще варварскаго человѣчества. Государственная власть въ Византіи обладала могуществомъ и окружена была великолѣпіемъ и роскошью (Юстиніанъ). Византійскія школы были поддерживаемы императорами, которые снабжали ихъ учителями и библіотеками на счетъ государственной казны. Сообщаемое этими школами образованіе основывалось на христіянствѣ съ его литературой и на греческихъ классикахъ. Однако въ обученіи преобладалъ мертвый формализмъ. Учрежденія эти, говоритъ Бернгарди,

еще существовавшія даже въ VIII столѣтіи, представляются огромнымъ зданіемъ, помѣщавшимся между императорскою сокровищницею и Софійскимъ храмомъ, и снабженнымъ библіотекою. Здѣсь собиралась коллегія или факультетъ изъ 12 духовныхъ лицъ—въ качествѣ учителей наукъ; въ ихъ главѣ стоялъ императорскій директоръ, который вмѣстѣ съ подчиненными ему учеными имѣлъ рѣшительный голосъ въ придворной сферѣ. Предметами изученія служили: грамматика, риторика и философія. Что касается грамматики, то она была низведена на степень сжатаго, сокращеннаго ученія о формахъ, и заключалась въ компендіяхъ, въ сухихъ извлеченіяхъ изъ разныхъ ученыхъ сочиненій, напр. изъ Геродіана. Дальнѣйшая научная разработка ея была невозможна, такъ какъ новыхъ самостоятельныхъ изслѣдованій въ этой области болѣе не существовало. Точно также риторика ограничивалась одними болѣе или менѣе сухими и отвлеченными комментаріями къ такимъ писателямъ, какъ Гермогенъ и Афтоній, и сопровождалась довольно однообразными упражненіями, имѣвшими ничтожное практическое вліяніе на стиль. Наконецъ, философія, отклонившаяся отъ Платона, была поставленна въ служебную роль по отношенію къ догматикѣ, и основывалась на парафразахъ и комментаріяхъ къ Аристотелю. Слѣдовательно и въ этой области знанія былъ полный застой. Изъ классиковъ предметомъ обученія и чтенія у людей образованныхъ служили прежде всего: Гомеръ, Гезіодъ, Пиндаръ, а также нѣкоторыя, усердно переписываемыя драмы Эсхила, Софокла и Эврипида; затѣмъ—Аристофанъ, отчасти Менандръ и другіе комики; изъ александрійскихъ поэтовъ—идилликъ Ѳеокритъ и даже Ликофронъ; сочиненія Діонисія Періегета употреблялись, какъ учебная книга для юношества. Изъ прозаиковъ были въ ходу: Фукидидъ и отчасти Геродотъ, Демосѳенъ съ его политическими рѣчами, и въ нѣкоторой степени Либаній; также высоко цѣнились біографіи Плутарха и произведенія Діона Кассія. Однако весь этотъ классицизмъ своеобразно перемѣшивался съ христіянско-церковными элементами. Потребностямъ чтенія большин-

ства, не получавшаго ученаго образованія, удовлетворяла библія съ твореніями главнѣйшихъ отцевъ церкви. Отсюда развилась привычка къ ихъ формамъ, оборотамъ и словамъ, и произошелъ тотъ двойственный складъ византійской рѣчи, въ которой яркій восточный тонъ, заимствованный изъ ветхозавѣтныхъ книгъ, сливается, и притомъ не всегда гармонически, съ тонкимъ изяществомъ аттическаго стиля. Всѣ прочія науки, за исключеніемъ филологіи, существовали съ самомъ искаженномъ видѣ. *Римская исторія превратилась въ собраніе сказокъ*, и самое римское право было уже обезображено еще при Юстиніанѣ, такъ какъ его наемные юристы, начиная съ Трибоніана, *выпускали изъ этого памятника римской* юриспруденціи все, что напоминало собою принципы древней свободы, и оставляли только то, что было сообразно съ новыми понятіями о правахъ верховной власти. Математика уважалась не какъ наука, а только только ради ея практическаго примѣненія. Медицина находила множество компиляторовъ, но была лишена того эмпирическаго метода, при отсутствіи котораго, конечно, не могли существовать и естественныя науки вообще.

Собственно народное образованіе въ Византіи, какъ мы сказали, стояло на самой низкой степени. Главная задача при воспитаніи ребенка состояла въ пріученіи его къ воздержанію, и все обученіе сводилось къ интересамъ вѣры, такъ какъ жизнь человѣка имѣла значеніе лишь на столько, на сколько *она посвящалась небу; въ дѣйствительной* же земной жизни, тѣмъ менѣе преобладала грубость, какъ плодъ невѣжественности и неразвитости массы. *У монаховъ были въ употребніи картины*, которыми они пользовались при обученіи дѣтей и неграмотныхъ христіянской религіи, и которыя назывались «книгами малолѣтнихъ». Священное писаніе изучалось обыкновенно буквально и на память. Вообще говоря, какъ во всей жизни народовъ, входившихъ въ составъ Византійской имперіи, такъ и въ воспитаніи преобладалъ застой, которому, однако, были обязаны своимъ сохраненіемъ остатки древняго классицизма, и главное—догматы и

формы первобытной апостольской церкви, закрѣпленныя вселенскими соборами. Греко-восточная церковь, не препятствуя своимъ авторитетомъ внутреннему развитію образованности, несостоявшемуся по другимъ причинамъ, все таки была, съ ея монастырями, библіотеками и школами, ревностною хранительницею античныхъ сокровищъ, которыя въ свое время должны были перейти въ достояніе возродившагося къ новой жизни запада. Она же передала свято сбереженное ею христіянство другимъ, сѣверовосточнымъ народамъ, чтобы призвать и ихъ къ дѣлу развитія христіянской цивилизаціи, смотря по степени ихъ природныхъ дарованій и по условіямъ ихъ собственной исторической жизни. Но, исполняя эту миссію, сама Византія политически и умственно замерла, отчасти вслѣдствіе внутреннихъ государственныхъ неурядицъ и страшныхъ злоупотребленій власти, отчасти подъ ударами нахлынувшихъ на нее тюркскихъ племенъ, а за ними—пламенно-фанатическихъ поклонниковъ Магомета. Кромѣ того, судьба Византійской имперіи, всегда остававшейся вѣрной христіянству, равно какъ и судьба средневѣковаго запада, ясно показываютъ, что для истиннаго человѣческаго прогресса недостаточно было одной вѣры, которая безъ знаній можетъ обратиться въ суевѣріе и формализмъ, уживаясь даже съ варварской грубостью нравовъ;—точно такъ же, какъ павшій классическій міръ, лишившись вѣры, а вмѣстѣ съ нею и нравственной силы, не могъ развиваться далѣе на одномъ знаніи. Истинный прогрессъ и истинное воспитаніе возможны только при гармоническомъ развитіи человѣчества, какъ въ умственномъ, научномъ, такъ и въ религіозно-нравственномъ отношеніяхъ, между которыми необходимо то же равновѣсіе, какое необходимо между умомъ и чувствомъ каждаго отдѣльнаго человѣка.

Значеніе арабовъ въ исторіи образованности и воспитанія.

На движеніе западной образованности одновременно съ греко-восточной церковью имѣли также огромное влія-

ніе арабы съ ихъ научно-религіозными стремленіями. Когда изъ государства аравитянъ возникъ новый магометанскій міръ, востокъ снова пріобрѣлъ важное значеніе для всемірной цивилизаціи и еще разъ сталъ во главѣ человѣчества на пути развитія наукъ, искусствъ и просвѣщенія. Эта новая восточная культура, возникшая среди даровитѣйшаго изъ семитическихъ племенъ — арабскаго, послѣ крестовыхъ походовъ привилась и къ европейскимъ народамъ, наслѣдовавшимъ римскую образованность. По своему происхожденію и основному характеру она сама не была чисто арабскою, а произошла въ то время, когда въ Азіи, Африкѣ и Испаніи литература арабовъ слилась съ греческою, и когда къ нимъ перешли отъ персовъ и индійцевъ философія, астрономія и поэзія. Главнымъ же виновникомъ движенія арабско-магометанской образованности, разлившейся потомъ далело за предѣлами Аравіи, былъ геніальный Магометъ (род. въ 571 г. по Р. Х.). Онъ выступилъ также съ идеею единаго Бога, и потому соединилъ множество арабскихъ племенъ въ одинъ народъ, который и былъ возведенъ имъ на степень первенствующаго на востокѣ. Не смотря на односторонность и исключительность мусульманской религіи, принаровленной къ духу и потребностямъ восточныхъ народовъ, она вначалѣ возбудила ихъ къ новой духовной жизни. Въ покоренной арабами Испаніи (въ 711 г.), въ особенности при Омеядахъ, утвердившихъ свой тронъ въ самой Кордовѣ, науки и искусства подъ вліяніемъ усвоенныхъ арабами греческихъ образцовъ достигли высокаго, цвѣтущаго состоянія; самымъ просвѣщеннымъ покровительствомъ наукамъ отличались, какъ извѣстно, Аббасиды, и величайшій изъ нихъ—Гарунъ-аль-Рашидъ.

Въ то же время разцвѣли и арабскія школы, ставшія выше тогдашнихъ собственно-европейскихъ по своему научному направленію. Высшія школы пользовались покровительствомъ власти наравнѣ съ другими общеобразовательными заведеніями для народа. При каждой мечети непремѣнно находилась школа. Въ ней преподавались вмѣстѣ съ чтеніемъ и письмомъ также начала грам-

матики, изучались произведенія старыхъ и новѣйшихъ національныхъ поэтовъ, и заучивались на память правила корана, столь богатаго поэтическимъ элементомъ. Вообще арабы были одарены вкусомъ къ литературнымъ занятіямъ. Уже во времена Пророка страсть къ изученію языка и поэзіи въ нихъ была такъ сильна, что многія племена занимались собираніемъ своихъ національныхъ пѣсень съ такимъ же стараніемъ, какъ и генеалогіей своихъ вождей и благородныхъ коней. Коранъ, всецѣло выразившій духъ арабовъ, только закрѣпилъ ихъ національныя особенности, и при обученіи въ народныхъ школахъ занималъ главное мѣсто. Въ сѣверной Африкѣ, по разсказамъ путешественниковъ, до сихъ поръ сохранился обычай, по которому мальчики должны прочитать весь коранъ, и тотъ изъ нихъ, кто первый выполнилъ эту задачу, торжественно, при знакахъ общаго одобренія водится по всему городу; при этомъ поютъ и просятъ о наградѣ отличившемуся, на что вся процесія хоромъ отвѣчаетъ утвердительнымъ «аминь»! Въ другихъ мусульманскихъ странахъ родители возятъ своего отличившагося въ знаніи корана сына на богато-убранномъ конѣ, въ сопровожденіи музыки и съ священною книгою въ рукахъ. Какъ ни изыскано это поощреніе, но оно доказываетъ высокое уваженіе арабовъ къ дѣлу религіознаго образованія. При обученіи въ школахъ испанскихъ мавровъ, особенно при упражненіяхъ въ изустномъ и письменномъ изложеніи или въ грамматикѣ, преподаваніе шло въ строгой системѣ и методически. Даже на различіе звуковъ въ словахъ обращалось большое вниманіе, и для доказательства подбирались нужные примѣры или заучивались подходящіе сюда стихи.

Когда юношество прошло такую школу, достигнувъ 14-15 лѣтняго возраста, молодые люди въ остальное время, приблизительно до вступленія въ 20-лѣтній возрастъ, для дальнѣйшаго своего образованія предпринимали путешествія и посѣщали знаменитыхъ ученыхъ, которые обыкновенно читали свои лекціи публично. Лекціи эти относились къ научной грамматикѣ, къ теологіи или юрис-

пруденціи съ ихъ вспомогательными науками, къ церковномому праву, къ логикѣ, философіи, діалектикѣ, къ толкованію корана и священныхъ преданій и т. д. Впослѣдствіи молодые арабы вступали въ особыя академіи, большая часть которыхъ предназначалась для такихъ наукъ, какъ теологія, юриспруденція, филологія и философія. Для естественныхъ наукъ существовали отдѣльныя учрежденія; медицину было принято изучать въ больничныхъ домахъ. Профессора и студенты жили вмѣстѣ, въ одномъ зданіи. Лекціи или читались свободно, или диктовались, а слушатели записывали. Эти арабскія академіи въ Испаніи были также посѣщаемы западными христіянами, и отсюда вышло то научное направленіе, которое благодѣтельно отразилось и на наукѣ, въ особенности — философіи, математикѣ, медицинѣ, и на всей внутренней жизни возрождающагося запада. Изъ сочиненія одного арабскаго ученаго, о которомъ умоминаетъ въ своей исторіи Шлоссеръ, отчасти видѣнъ методъ изученія корана и схоластической теологіи въ высшихъ духовныхъ школахъ халифата. Для пониманія корана ученый этотъ, вѣроятно самъ бывшій профессоромъ арабской академіи, требуетъ изученія не менѣе 25 предметовъ, а именно: грамматическаго производства словъ, долготы слоговъ и знанія буквъ; умѣнья исправлять ошибки переписчиковъ; твердаго знанія числа суръ, главъ, стиховъ словъ, и буквъ, содержащихся въ коранѣ; такого же знанія важнѣйшихъ мѣстъ его текста; умѣнья отличать сходныя слова по смыслу и по правописанію; знанія комментаріевъ, архаизмовъ, и вообще малоупотребительныхъ оборотовъ рѣчи, и грамматической конструкціи или словосочиненія; умѣнья правильно произносить слова, не измѣняя буквъ, если различно произносимыя буквы придаютъ слову различный смыслъ; знанія всѣхъ варіянтовъ корана, или подробной исторіи его текста; объясненія точнаго и переноснаго значенія словъ, аллегорій и сравненій; пониманія изящества и красоты рѣчи съ указаніемъ на все оригинальное, возвышенное или изящное въ смыслѣ и языкѣ корана; умѣнья тотчасъ

же указать родъ этихъ красотъ, не задумываясь въ прiисканiи подобныхъ имъ примѣровъ; способности находить въ самомъ коранѣ доказательства его божественнаго происхожденiя; знанiя искусства полемики; готовности указать связь между отдѣльными строфами корана; знанiя хронологiи божественныхъ откровенiй; умѣнья отличать обветшавшее само по себѣ отъ уничтоженнаго духовными властями; объясненiя видимыхъ противорѣчiй; знанiя историческихъ фактовъ, къ которымъ относится каждый стихъ; знанiя этики или нравственной философiи корана; знакомства съ преданiями, а также знанiя: логики, метафизики, магометанскаго церковнаго права и, наконецъ, мистическаго, аллегорическаго и теологическаго смысла словъ, въ отличiе отъ обыкновеннаго. Исторiя возникшихъ и развившихся у арабовъ наукъ, ведущихъ свое начало изъ высшихъ школъ Византiйской имперiи (въ Низибѣ, Антiохiи, Эдессѣ) интересна въ томъ отношенiи, что ею объясняется направленiе и составъ западно-европейскихъ наукъ въ перiодъ схоластики и отчасти въ эпоху возрожденiя.

Научной педагогики у арабовъ не существовало точно также, какъ и въ греко-восточной церкви. Замѣчателенъ однако одинъ арбскiй писатель *Ибнъ-Тофаилъ* (умеръ въ 1190 г. въ Севильѣ), который за свое сочиненiе «Сынъ природы» (Хай-ибнъ-Токданъ) можетъ быть названъ арабскимъ Руссо. Сочиненiе это было впослѣдствiи признано образцовымъ у всѣхъ образованнѣйшихъ магометанскихъ народовъ и тщательно комментируемо, было переведено на европейскiе языки, и нѣсколько разъ—на англiйскiй, откуда перешло, наконецъ, и въ нѣмецкую литературу (Эйхгорнъ, 1782 г.). Основанiемъ его служитъ та мысль, что человѣкъ, выросшiй внѣ человѣческаго испорченнаго общества, и не получившiй никакого знакомства съ положительной религiей, можетъ въ совершенствѣ достигнуть познанiя Бога изъ природы. Ученiе положительной религiи, напротивъ того, есть ничто иное, какъ «принаровленiе къ понятiямъ толпы». Ученiе это по своей сущности, конечно, не разнится отъ истины и не можетъ

быть отрицаемо; но оно облекается въ чувственные образы и обращаетъ слишкомъ много вниманія на внѣшніе формы и обряды, угрожая наказаніемъ или обѣщая награду, такъ что оно имѣетъ въ виду преимущественно дурныхъ людей, которые иначе не могутъ быть обузданы, такъ какъ имъ недоступна истина сама по себѣ. Отъ природы же человѣкъ чистъ, а слѣдовательно можетъ самъ познать божественную истину во всей ея чистотѣ и непосредственности.

На этихъ идеальныхъ началахъ желаетъ Ибнъ-Тофаилъ воспитать своего «сына природы». Это—мальчикъ, который былъ рожденъ на одномъ изъ острововъ Индѣйскаго океана царскою сестрою, заключенною въ башнѣ за свою любовь. Тотчасъ по рожденіи онъ былъ положенъ въ ящикъ и брошенъ въ море; но волны выкинули его на одинъ необитаемый островъ, гдѣ лань вскормила его своимъ молокомъ. Живя въ вмѣстѣ съ животными и птицами, мальчикъ, побуждаемый инстинктомъ самосохраненія, научился многому, такъ что на седьмомъ году уже самъ съумѣлъ приготовить себѣ одежду. Съ этого времени его чувства и мысли развивались все болѣе и болѣе, пока онъ не достигнулъ «трижды-семилѣтняго» возраста. Разсматривая и изучая организацію растеній, животныхъ и камней, онъ пришелъ къ познанію высочайшаго существа, созерцанію котораго онъ отдался съ пламеннымъ экстазомъ. Смотря по степенямъ его возраста, идетъ постепенно и его развитіе, начиная съ самаго наивнаго познанія вещей и—до наивысшаго. Самыя первыя его познанія исходятъ непосредственно отъ внѣшнихъ чувствъ: физика была первой открытой имъ наукой. Мало по малу отъ частнаго переходитъ онъ къ общему, отъ явленій—къ причинамъ. Первое, что вошло въ область его уже духовнаго созерцанія была формапредметовъ, такъ какъ формы суть тѣ силы, которыя внутренно пребываютъ въ нихъ, и которыя предрасполагаютъ ихъ къ свойственной имъ дѣятельности. Всякое дѣйствіе исходитъ отъ формы, тогда какъ матерія играетъ только страдательную роль, и все разнообразіе формъ сводится къ одной начальной причинѣ, дѣйствую-

щей во всѣхъ вещахъ въ ихъ совокупности. Такъ «сыну природы» ясно раскрылось то, о чемъ гласитъ изрѣченіе корана: «Я есмь его слухъ, которымъ онъ слышитъ, и его зрѣніе, которымъ онъ видитъ». Однако онъ еще сомнѣвается: существуетъ ли одна только причина всего сущаго, или ихъ множество. Онъ углубляетъ свою мысль въ созерцаніе всей природы съ ея звѣзднымъ міромъ. Ему становится очевиднымъ, что весь чувственный міръ долженъ имѣть предѣлы, ибо въ вещественной природѣ все ограничено. Разсматривая форму всѣхъ предметовъ, онъ находитъ ее сферическою, и во всемъ открываетъ внутреннюю, взаимную связь. Онъ замѣчаетъ движеніе небеснаго свода, и не сомнѣвается, что вселенная также живетъ, какъ и всякое другое живое существо. Результатомъ его размышленій является тогда увѣренность, что для объясненія единства во всемъ вещественномъ мірѣ надо предположить единую причину, единаго виновника, который не связанъ ни съ однимъ отдѣльнымъ предметомъ — и вмѣстѣ присущъ каждому предмету; который *находится ни внѣ, ни внутри видимаго міра; который* пребываетъ въ простотѣ и необходимости, свободенъ отъ всякаго несовершенства и неизмѣненъ самъ въ себѣ. Теперь «сынъ природы» въ цѣлесообразности міра видитъ всюду слѣды божественнаго духа. Его сердце, его разумъ, отвлекшись отъ внѣшняго, чувственнаго міра, совершенно обращаются къ міру внутреннему, сверхчувственному, духовному. Вмѣстѣ съ этимъ онъ начинаетъ размышлять о своемъ собственномъ мышленіи, погружается въ самого себя. Онъ постигаетъ, что его внѣшнія, матеріяльныя чувства не въ силахъ были открыть сверхчувственную, нематеріяльную истину, ибо матеріяльнымъ можно соприкасаться только съ матеріей, и только духомъ—обнимать истину. Самая сила воображенія, способная воспроизводить въ насъ одни чувственные образы, также не можетъ познать сверхъ-естественнаго, каковымъ является нематеріяльная истина. Мы можемъ и должны безъ помощи нашихъ тѣлесныхъ органовъ чувствъ, сущностью нашего мыслящаго духа проникать въ высшій, духовный міръ; а

отсюда слѣдуетъ заключить, что эта сущность нашего духа сама нетѣлесна, и что все, воспринимаемое нами отъ тѣлеснаго, еще не составляетъ нашей истинной сущности. Матерія измѣнчива и ничтожна. Сдѣлаться свободнымъ отъ ея разрушительныхъ вліяній, какъ свободны отъ нихъ звѣзды — это стало теперь высшей задачей для «сына природы», къ разрѣшенію которой онъ направилъ всѣ силы своего духа. Тѣлесное, полагалъ онъ, есть основаніе разнообразія и разъединенія; въ нашей же простой, нетѣлесной, познавательной силѣ и познающее, и познаваемое есть едино,—и въ этомъ уподобляемся мы тѣмъ небеснымъ, блаженнымъ свѣтиламъ. Потребностямъ своего тѣла онъ удовлетворяетъ только въ самомъ простомъ, естественномъ и необходимомъ. Чувственность и фантазія подчиняются разуму. Онъ стремится отвлечь себя отъ познанія одного внѣшняго и созерцать лишь свою внутреннюю сущность. Онъ старается какъ бы исчезнуть самъ въ себѣ, чтобы его мысль о совершеннѣйшемъ не была уже ничѣмъ смущаема. И онъ слышитъ въ себѣ внутренній вопрошающій голосъ: кому же принадлежитъ, наконецъ, высшее господство надъ всѣмъ? — и получаетъ отвѣтъ: Единому, всемогущему Богу. Погрузившись въ это созерцательное состояніе, онъ видитъ и слышитъ то, чего не видѣло ничье око, чего не слышало ничье ухо, и что не входило еще ни въ чье человѣческое сердце. Онъ постигаетъ безразличіе, тождество своей сущности съ сущностью высочайшаго существа. Въ Богѣ раскрывается ему все. Божественный свѣтъ разливается всюду; различными существами воспринимается онъ различно, смотря по ихъ воспріимчивости, и только чистыми — во всей его чистотѣ; и не смотря на то, онъ всегда остается все тѣмъ же свѣтомъ. Теперь «сынъ природы» своимъ духовнымъ окомъ видитъ образъ божественнаго существа, самъ не различаясь отъ Бога, и въ то же время не будучи совершенно единой съ нимъ сущности, которая есть духъ, обитающій въ высшихъ надзвѣздныхъ сферахъ, красота и величіе. Созерцая съ этой высоты, на которую онъ вознесся, весь остальной міръ, «сынъ природы» видитъ во всемъ — и въ не-

бесныхъ свѣтилахъ, и въ разнообразіи предметовъ природы, и въ душѣ человѣка—одно лишь отраженіе этого чистѣйшаго, безсмертнаго духа или Бога... Нѣтъ сомнѣнія, что Ибнъ-Тофаилъ былъ знакомъ съ ученіемъ александрійскихъ философовъ, которымъ онъ слѣдовалъ въ своемъ психологическомъ романѣ. Впрочемъ, большинство арабскихъ ученыхъ придерживалось Аристотеля, какъ онъ понимался въ періодъ схоластики. Теорія Кордовскаго араба Аверроэса (Эбнъ-Рошда) по вопросу объ отношеніи души къ тѣлу, составленная имъ по Аристотелю, принята была даже въ христіянскихъ школахъ и господствовала до XIV столѣтія.

Когда фанатизмъ христіянъ уничтожилъ арабовъ въ Европѣ, а дикія орды сломили политическое могущество ихъ въ Азіи, тогда погибла и высокая культура этого даровитаго народа, процвѣтавшая въ многочисленныхъ школахъ, подъ покровительствомъ умныхъ государей, сохранившись развѣ въ однѣхъ библіотекахъ, но оставивъ послѣ себя замѣтный слѣдъ въ образованности не только востока, но и запада.

Воспитаніе подъ абсолютнымъ авторитетомъ западной церкви.

Германцы.

Средневѣковой западъ, не смотря на феодализмъ и католическое господство надъ жизнью, не смотря на кулачное право и схоластику, все же остается представителемъ духовнаго прогресса въ то время, когда Востокомъ окончательно овладѣлъ азіятскій застой. Главная роль въ поступательномъ движеніи тогдашней духовной жизни безспорно принадлежитъ германскому генію. Переживъ періодъ переселенія, утвердившись на занятой ими классической территоріи, и создавъ себѣ политическія и соціальныя формы, германскія племена съ большой энергіей отдались новой христіянской религіи и стали усердно усвоивать и перерабатывать остатки древне-классической образованности, внеся въ нее много новыхъ, свѣжихъ элементовъ, на присутствіе которыхъ еще указывалъ своимъ развращеннымъ соотечественникамъ геніяльный историкъ Рима—Тацитъ.

Личная свобода, признаваемая одинаково за всѣми и каждымъ, была основаніемъ въ жизни и нравахъ древнихъ германцевъ; она же опредѣляла характеръ и направленіе и всего древнегерманскаго воспитанія. Дѣти, отреченіе отъ которыхъ могло имѣть мѣсто только при самыхъ крайнихъ обстоятельствахъ, напр. при голодѣ, искони были на попеченіи матери. Вмѣстѣ съ ея моло-

комъ они всасывали тотъ смѣлый, свободный духъ, который одинаково отличалъ какъ мальчиковъ, такъ и дѣвочекъ, какъ мущину, такъ и женщину. Патріархальная простота, доходившая до суровости, преобладала во всемъ бытѣ. Дѣти господъ и рабовъ росли вмѣстѣ, на полномъ просторѣ; даже о ихъ одеждѣ и опрятности мало заботились, такъ что они рано предоставлялись сами себѣ и рано пріобрѣтали самостоятельность. Только дочь долѣе оставалась подъ вліяніемъ матери, и въ случаѣ необходимости готова была идти вмѣстѣ съ нею на всѣ опасности. Женщина у древнихъ германцевъ не считалась рабою и не была лишена правъ на образованіе: такъ она училась читать руны, писать,—тогда какъ мущина-воинъ пренебрегалъ подобными занятіями, считая ихъ даже болѣе приличными женщинѣ. Вообще наука и искусства еще не имѣли твердой почвы; духъ искалъ удовлетворенія единственно въ религіозномъ созерцаніи природы, и всѣ измѣненія видимаго міра находили объясненіе въ миѳологическихъ представленіяхъ о разныхъ божествахъ. Лѣченіе основывалось на однихъ симпатическихъ средствахъ, на суевѣрномъ колдованіи, и даже цѣлебныя силы растеній объяснялись таинственными вліяніями: непонятая природа еще держала въ оковахъ нераскрывшійся и непобѣдившій ее духъ. — Знатные родители имѣли обычай поручать своихъ дѣтей, достигшихъ семилѣтняго возраста, на воспитаніе родственникамъ или друзьямъ: на сѣверѣ мальчиковъ чаще отдавали ихъ дядямъ съ материнской стороны. Гимнастика и музыка у древнихъ германцевъ имѣли тоже образовательное значеніе въ жизни и воспитаніи, какъ у грековъ въ ихъ героическій періодъ; однако музыка стояла на первомъ планѣ. Мальчикъ учился владѣть липовымъ щитомъ, натягивать тетиву на лукѣ, приготовлять стрѣлы, мѣтко попадать въ цѣль, справляться съ копьемъ, ловко ѣздить на конѣ, биться на мечахъ. По достиженіи зрѣлаго возраста, онъ признавался въ народномъ собраніи «способнымъ носить оружіе», т. е. совершеннолѣтнимъ. Съ этой поры и впродолженіе всей жизни онъ уже не разставался съ оружіемъ — короткимъ ко-

пьемъ для нападенія, и огромнымъ щитомъ для обороны. Съ ними шелъ германецъ въ битву, полуобнаженный, большею частію пѣшій, но иногда и на конѣ. Тутъ же, за боевыми рядами, стояла и его жена съ дѣтьми, поддерживая въ немъ мужество и воспламеняя къ побѣдѣ. *Война, охота, народное собраніе и судъ—вотъ та сфера*, въ которой вращалась и имѣла значеніе свободная личность древняго германца.

Искони проникнутые этимъ національнымъ принципомъ свободы, германцы тѣмъ способнѣе были принять религію Христа, и особенно въ то время, когда они, отчасти утративъ подъ римскимъ вліяніемъ свои старинные добрые нравы и обычаи, не находили болѣе удовлетворенія въ своихъ прежнихъ воззрѣніяхъ, въ своемъ патріархальномъ бытѣ. Уже страдая внутренней душевной пустотой, лишившись твердыхъ нравственныхъ основъ, германцы встрѣтили въ христіянскомъ принципѣ какъ-бы свой прежній первыбытной принципъ, но еще въ большой чистотѣ и абсолютности. Сущность христіянства гармонировала съ ихъ простой, еще несовершенно испорченной природой, и имъ не трудно было сознательно принять то ученіе, по которому человѣческая личность уже сама по себѣ имѣетъ безконечное достоинство, отражая въ себѣ божественную сущность. Теперь призваніемъ германскаго духа стало — направлять свои силы къ усвоенію римско-христіянской образованности. Но неблагопріятныя историческія условія помѣшали правильному развитію дорогихъ задатковъ свободнаго германскаго воспитанія. Римско-католическая церковь и императорская власть содѣлались тѣмъ средоточіемъ, около котораго стала вращаться жизнь германскаго народа. Оба эти центра—клерикальный и политическій — стремились къ исключительному господству: церковь искала водворенія въ обществѣ идеальнаго единства; государство — реальнаго. Отсюда произошло одно разъединеніе, и борьба церкви съ государствомъ, разъединившая всю общественную жизнь запада, отозвалась и на воспитаніи. Мѣсто германскаго единства заступилъ полный ожесточенія разладъ: властолюбивое папство старалось

отторгнуть отъ императора его вассаловъ; императоры, съ своей стороны, обороняли непокорныхъ епископовъ отъ папскаго гнѣва и проклятія. Каждая сторона желала пріобрѣсти какъ можно больше сторонниковъ; вѣрнѣйшимъ средствомъ для достиженія этой цѣли естественно оказалось воспитаніе юношества. Клерикальная партія, обладавшая высшей нравственной силой и составлявшая въ то время интеллигенцію, избрала религію своимъ орудіемъ, и построила на ней всю систему воспитанія и обученія. Христіянство, съ его высочайшими началами свободы и любви, было мало помалу низведено до служенія іерархическимъ интересамъ римско-католическаго двора съ его роскошью и развратомъ. Такъ было до того времени, пока энергическое протестантство, съ Евангеліемъ въ рукахъ, не начало своего протеста, само впавши въ противоположную крайность философской абстракціи въ религіи.

Періодъ клерикально-схоластическаго воспитанія.

На всемъ этомъ періодѣ въ исторіи воспитанія европейскаго человѣчества, за исключеніемъ большей части славянскихъ племенъ, лежитъ печать папскаго и церковнаго вліянія, какъ и на всемъ духовномъ развитіи тогдашняго общества. Самостоятельной науки, которая была или подавлена, или забыта, не существовало вовсе. Въ школахъ, находящихся въ завѣдываніи духовенства, всѣ предметы изученія опредѣлялись тѣмъ тѣснымъ кругомъ, въ который входили такъ называемыя свободныя искусства (artes liberales), т. е. шесть перешедшихъ изъ древности наукъ (disciplinæ liberales): грамматика, риторика, ариѳметика, геометрія, музыка и астрономія,—и три собственно философскихъ науки древности (disciplinæ philosophicæ), а именно: логика, физика и этика, сокращенныя въ одну, седьмую, принаровленную къ школьному употребленію. Физика слишкомъ напоминала язычество, чтобы считаться пригодною для христіянской школы; этика вполнѣ могла быть замѣнена христіянскимъ ученіемъ о

нравственности (sacra pagina); одна логика съ діалектикой была допущена въ кругъ школьныхъ наукъ — по своей безвредности. Эти artes такимъ образомъ были признаны, и то ради теологіи, по отношенію къ которой они разсматривались въ качествѣ прислужницъ (ancillæ). Кромѣ того, самый составъ этихъ *семи* учебныхъ предметовъ имѣлъ священное символическое значеніе: храмъ Божій *покоился на семи столпахъ* (священники, діаконы, поддьяконы, аколиты, эксорцисты, учители и привратники); нравственная жизнь утверждалась на 7 добродѣтеляхъ: трехъ теологическихъ (trivium) и четырехъ философскихъ duadrivium), которымъ соотвѣтствовали 7 таинствъ, такъ что вѣрѣ соотвѣтствовало крещеніе, надеждѣ — мѵропомазаніе, любви — причащеніе; затѣмъ справедливости — покаяніе, постоянству — элеосвященіе, мудрости — священство, умѣренности — бракъ. Собственно школьное trivium, т. е. грамматика, діалектика и риторика, почиталось необходимымъ для каждаго образованнаго человѣка; quadrivium, напротивъ того, обнимавшее музуку, ариѳметику, геометрію и астрономію, проходили лишь тѣ, *которые уже прошли trivium и желали получить* высшее образованіе. Вся метода обученія была крайне формальною, механическою. Она состояла: въ диктовкѣ, повтореніи со словъ учителя, въ связномъ разсказѣ, диспутированіи и заучиваніи; не рѣдко переходила въ одну внѣшность, въ буквоѣдство, въ погоню за натянутыми опредѣленіями, въ крайнюю изысканность объясненій; однимъ словомъ, вся школьная мудрость состояла въ безсвязномъ, безтолковомъ многознаніи, въ пустомъ, надутомъ схематизмѣ. Обученіе начиналось латинской грамматикой, составленной Донатомъ; потомъ слѣдовали латинскіе классики, подъ которыми разумѣлись, впрочемъ, одни жалкіе компиляторы и комментаторы знаменитыхъ римскихъ писателей; для чтенія во всѣхъ школахъ по преимуществу употреблялась книга Боэція «de consolatione», считавшаяся впродолженіе всѣхъ среднихъ вѣковъ лучшей послѣ библіи. Это сочиненіе Боэція «о философскомъ утѣшеніи», написанное имъ въ темницѣ, имѣло

форму разговора между заключеннымъ и олицетворенной философіей, и состояло отчасти изъ стиховъ, отчасти изъ риторической прозы. Астрономія заключалась въ 24 стихахъ, сложенныхъ Циціаномъ Янусомъ, и выучиваемыхъ молодыми людьми на память. Въ музыку входили псалмы, церковныя пѣсни и т. под. Учиться и говорить было принято только по-латыни. Другими школьными книгами служили, напр. четыре книги двустишій—Катона, заключавшія краткія нравственныя изрѣченія относительно почтенія къ Богу, къ родителямъ, родственникамъ, учителямъ и т. д.; Сатириконъ—Капеллы, представлявшій собою сборникъ или христоматію; книга о семи наукахъ—Кассіодора; энциклопедіи Исидора, Бэды, Рабана Мавра. Большая часть учебныхъ книгъ для облегченія памяти писалась обыкновенно, а потомъ даже исключительно стихами. Такъ одна грамматика, явившаяся около 1212 года, заключала въ себѣ 10,560 стиховъ. Даже содержаніе ветхаго и новаго завѣта предлагалось ученикамъ не въ подлинникѣ, а въ латинскихъ гекзаметрахъ. Изъ латинскихъ писателей читались преимущественно церковные; но тамъ и сямъ, въ монастыряхъ, еще сохранился вкусъ къ Виргилію, Овидію, Горацію, Цицерону, Саллюстію, Сенекѣ, Лукану, Теренцію, и др. За то греческіе писатели были почти позабыты. Кромѣ латинскаго языка въ средневѣковыхъ церковныхъ школахъ отчасти изучали еще еврейскій, и въ нѣкоторой степени греческій, и притомъ исключительно грамматическимъ способомъ. Такъ по-латыни ученики прежде всего упражнялись въ чтеніи, потомъ проходили о количествѣ слоговъ, и главнымъ образомъ изучали формы склоненій и спряженій со всѣми ихъ неправильностями и исключеніями. При чтеніи писателей обращалось вниманіе на удареніе, размѣръ, этимологію, орфографію, аналогію, тропы, барбаризмы и т. под. Каждый стихъ писателя разсматривался въ грамматическомъ, метрическомъ и историческомъ отношеніяхъ. Схоластическая мелочность доходила до того, что нѣкто Теренціанъ Мавръ въ книгѣ своей «de litteris et syllabis carmen sotadicum» въ стихахъ изобразилъ дѣятельность рта при

произношеніи каждой буквы. Убійственнѣе всего было то, что всѣ правила, какъ въ грамматикѣ, такъ и во всѣхъ другихъ наукахъ, сообщались ученикамъ для заучиванія въ готовой, догматической формѣ, а не извлекались ими самостоятельно изъ собственной практики. Мышленіе оставалось при этомъ незатронутымъ: работали однѣ пассивныя способности учениковъ. Самыя диспутаціи производились заученнымъ образомъ, на мертвомъ латинскомъ языкѣ.

Старшій учитель въ монастырскихъ и каѳедральныхъ школахъ носилъ разныя названія: схоластика, схолястера, шульмейстера, дидаскала или магнисколы (въ Италіи). Такой учитель преподавалъ взрослымъ юношамъ, жившимъ въ особыхъ алюмнатахъ или воспитательныхъ институтахъ, разныя схаластическія науки, философію и теологію, языки и литературу. Впослѣдствіи, когда число готовящихся къ церковнымъ обязанностямъ слишкомъ увеличилось, схоластикъ только наблюдалъ за ходомъ обученія, разсматривалъ и утверждалъ учебныя программы, производилъ экзамены, и поставлялъ себѣ помощниковъ или младшихъ учителей, наблюдалъ за переписчиками, исправлялъ книги, по субботамъ производилъ школьную расправу и занималъ учениковъ назидательнымъ чтеніемъ церковныхъ писателей. Доходы схоластика были значительны, составляясь изъ подарковъ учениковъ, и онъ пользовался высокимъ почетомъ и уваженіемъ. Люди даже знатнаго происхожденія стремились къ занятію такой должности. Схоластикъ или схоластеръ былъ вмѣстѣ прелатомъ и носилъ цвѣтную мантію; помѣщался онъ въ одной изъ курій монастыря, въ лучшихъ покояхъ. Ему подчинялся ректоръ— rector sholarium, ludi rector, ludi magister, — учитель въ собственномъ смыслѣ. Ближайшею обязанностью его было — сообщить ученикамъ тривіяльныя познанія, особенно чтеніе, письмо, счисленіе и латинскую грамматику. Но такъ какъ схоластеръ обыкновенно самъ почти не занимался обученіемъ; то ректоръ училъ и другимъ высшимъ наукамъ. На немъ же лежала обязанность наблюдать, чтобы въ хорѣ, въ школѣ, въ процессіяхъ, на улицахъ и т. д.

ученики говорили между собою не иначе, какъ по-латыни. Во время праздничныхъ и разныхъ торжественныхъ церемоній онъ шелъ во главѣ школы. За схоластеромъ и ректоромъ слѣдовалъ канторъ, который обучалъ пѣнію, указывалъ матеріялъ для чтенія въ праздничные дни, составлялъ церковный календарь, и, смотря по своимъ познаніямъ и дарованіямъ, преподавалъ разные учебные предметы. Въ преподаваніи помогали учителямъ, особенно въ многочисленныхъ школахъ, такъ называемые циркаторы, т. е. старшіе изъ учениковъ, которые и въ школѣ, и внѣ ея должны были имѣть строгій надзоръ за подчиненными имъ товарищами. За отличіе учители, не смотря на ихъ степени происхожденія, могли достигать званія епископа и пріобрѣтать большія поземельныя владѣнія.

Ученики такихъ церковныхъ школъ обыкновенно избирали себѣ потомъ духовное званіе. Для простаго, трудящагося народа главнымъ мѣстомъ обученія служила церковь; феодальные владѣтели вообще считали лишнимъ учить своихъ подвластныхъ читать и писать. Только со времени Карла Великаго, по его настоянію, монастыри стали заботиться объ образованіи народной массы; но епископы не находили въ этомъ особеннаго интереса для себя. Дѣтямъ знатныхъ родителей были, однако, вполнѣ доступны монастырскія и каѳедральныя школы; но и въ нихъ все обученіе, его объемъ и направленіе зависѣли отъ благоусмотрѣнія духовенства. Для принцовъ дѣлалось исключеніе: они занимались еще гимнастикой и изучали законы; съ географіей они знакомились въ путешествіяхъ, бывшихъ въ придворныхъ обычаяхъ того времени. Впрочемъ, и сынъ знатныхъ родителей обыкновенно выносилъ изъ школы не болѣе, какъ умѣнье читать, знаніе наизусть нѣкоторыхъ церковныхъ пѣсень, нѣкоторое знакомство съ монашеской литературой и, въ особенности, высокое благоговѣніе предъ духовнымъ сословіемъ и его главой — папой. Духовенство заботливо пополняло свои ряды лучшими силами: когда иной мальчикъ обнаруживалъ охоту и способность къ ученію и могъ быть пригоденъ для духовнаго званія, — его тотчасъ брали на воспитаніе, въ

случаѣ же бѣдности даже на полное иждивеніе церквей и монастырей, тщательно обучая и воспитывая его сообразно будущему призванію. Папа Иннокентій III назначилъ бѣднымъ ученикамъ, оказавшимъ нравственные и ученые успѣхи, хорошія степендіи и разрѣшилъ имъ долѣе обыкновеннаго оставаться въ школахъ, чтобы они могли «послѣ трудныхъ занятій, посвящаемымъ свободнымъ искусствамъ, побольше отдыхать въ церкви».

Знатныя дѣвушки по обычаю поручались воспитательницѣ, заботившейся о всемъ ея образованіи. Она учила свою воспитанницу приличіямъ, наставляла въ нравственности и пріучала вести хозяйство, ткать, прясть и т. под. Иногда для образованія дѣвушки приглашался особый учитель изъ духовнаго званія, обыкновенно монахъ; или ее совершенно отдавали въ монастырскую школу. Такими школами были женскія монастыри, бравшія на себя воспитаніе и обученіе дочерей знатныхъ лицъ. Главными предметами обученія считались: назидательныя легенды, молитвы, библейскія исторіи, а также разныя утонченныя женскія рукодѣлья, отъ которыхъ требовалось изящество. Иногда дѣвушкамъ давалось въ руки и Евангеліе, но еще въ большее распоряженіе предоставлялся имъ псалтырь. Однако чтенію и письму обыкновенно ихъ не учили: этими искусствами считалось приличнѣе заниматься уже замужней женщинѣ. Исторія сохранила имена многихъ знатныхъ женщинъ, неумѣвшихъ читать и писать. Въ VIII столѣтіи въ женскихъ монастыряхъ уже стали учить по-латыни; дочь Карла Великаго не только основательно знала латинскій языкъ, но даже греческій, преподавателемъ котораго былъ къ ней назначенъ одинъ евнухъ. Дочь Генриха I Баварскаго могла читать Горація и Виргилія. Впослѣдствіи многія монахини знали по-латыни, и въ одномъ средневѣковомъ романѣ выводится француженка Дорама, знавшая языки: латинскій, ломбардскій, романскій, бретонскій и др., всего до 14. Мущины знакомились съ живыми иностранными языками во время походовъ и путешествій, которыя вообще считались полезными для молодыхъ людей, особенно у скандинавовъ.

Женщина, напротивъ того, оставалась замкнутою въ семейной жизни; для нея считались полезными только знанія костюмовъ, приличій, хозяйства, и отчасти религіозныхъ обрядовъ. Неотъемлемыми принадлежностями, символами благовоспитанной женщины даже въ знатныхъ домахъ были — веретено и ключи.

Воспитательная дисциплина въ средневѣковыхъ школахъ, заправляемыхъ духовенствомъ, была одинаково сурова и строга въ отношеніи какъ богатыхъ, такъ и бѣдныхъ дѣтей, нося на себѣ мрачный, монастырскій характеръ. Розги служили общепринятымъ исправительнымъ средствомъ. Въ С. Галленѣ существовалъ между духовенствомъ обычай, по которому каждый провинившійся, хотя бы онъ былъ и взрослый, раздѣтый привязывался къ столбу и бичевался. Настоятель монастыря могъ виновнаго брата заставить впродолженіе восьми дней ѣсть на землѣ съ собаками. Робертъ Сарбонскій разсказываетъ, что въ Парижѣ палка примѣнялась какъ къ исправленію учениковъ, такъ и младшихъ учителей (parvi magistri) въ низшихъ школахъ, когда ихъ ученики по субботамъ дурно отвѣчали на вопросы повѣрявшаго ихъ начальника, который назывался «magnus magister». И не смотря на всю строгость, даже жестокость дисциплинарно-исправительныхъ мѣръ, цѣль далеко не достигалась. Юношество коснѣло въ грубости и отличалось неукротимой дикостью. Между старшими и младшими учениками часто происходили такія побоища, что оканчивались смертью или увѣчьемъ. Такъ извѣстенъ фактъ, что въ 865 г. малолѣтній ученикъ Фульбертъ въ монастырской школѣ св. Петра былъ до смерти убитъ доской однимъ изъ его товарищей. Когда въ 937 г. С. Галленскіе ученики должны были подвергнуться строгому взысканію за шалости, совершенныя ими на праздникѣ св. Марка, одинъ ученикъ старшихъ класовъ, изъ страха розогъ и для спасенія своихъ товарищей отъ истязанія, подкинулъ огонь и сжегъ монастырь со всѣми его книгами. Въ Бернѣ городская стража обязана была прекращать уличные без-

порядки, производимые мальчиками, и имѣла право въ крайнемъ случаѣ убивать ослушниковъ.

Но бывали иногда и такіе дни, когда запуганное, забитое юношество могло отдаваться забавамъ и развлеченію. Такъ ученикамъ монастырскихъ школъ дозволялось играть въ мячикъ въ особо-устроенныхъ для того помѣщеніяхъ, бѣгать въ запуски, вступать въ единоборство съ обнаженными и намазанными масломъ руками; перетягиваться на палкѣ, раздѣлившись на двѣ отдѣльныя партіи; перекидываться камнями подъ защитою панцыря и т. п. Кромѣ того справлялись разные школьные праздники, напр. на пасхѣ, въ новый годъ, на святкахъ, въ день св. Георгія; въ эти дни ученики составляли также разныя процессіи, наряжаясь воинами, ремесленниками, поселянами, или изображая собою семь свободныхъ искусствъ, для чего допускались даже маски. На такихъ праздникахъ обыкновенно были и драмматическія представленія, содержаніе для которыхъ встарину бралось изъ Теренція, или изъ церковныхъ драматурговъ; на сцену выводились разныя библейскія и историческія личности, или даже аллегорическія и отвлеченныя понятія, какъ вѣра, надежда, любовь и т. п. Драмы имѣли нравственное содержаніе, которому соотвѣтствовали и ихъ названія, напр. «Награжденная скромность благочестивыхъ дѣвъ». Форма и расположеніе въ подобныхъ драмахъ заимствовались у языческихъ поэтовъ древности.

Школы клерикально-схоластическаго періода.

Приходскія и общинныя школы если и существовали въ это время, то далеко не имѣли твердаго основанія. Народъ не имѣлъ никакого влеченія къ знанію, а духовенство — къ обученію народной массы, не смотря на то, что папы стали рано заботиться объ учрежденіи школъ при церквахъ. Главнымъ мѣстомъ образованія служили, какъ было упомянуто, школы при монастыряхъ и каѳедральныхъ соборахъ. Первымъ ихъ основателемъ

былъ Бенедиктъ изъ Мурсіи, основавшій (въ 529 г.) въ Калабріи на горѣ Казино свой орденъ, который развился до того, что въ XV столѣтіи насчитывалъ поразительно-огромное число вышедшихъ изъ его школъ духовныхъ лицъ, а именно: 4,000 епископовъ, 1,600 архіепископовъ, 200 кардиналовъ, 24 папы и 15,700 настоятелей; передъ французской революціей орденъ этотъ владѣлъ 37,000 домовъ. Въ бенедиктинскихъ монастыряхъ нашли себѣ надежный пріютъ «семь свободныхъ искусствъ» и отсюда распространились черезъ Италію и Сицилію — по Галліи, Испаніи, Англіи, Франціи и Германіи. Законъ строго опредѣлялъ строй жизни и воспитанія принадлежащихъ къ ордену членовъ; главнѣйшими его основаніями были: постоянное затворничество, общее имущество, добровольное воздержаніе, нищета, цѣломудріе, безусловное повиновеніе старшимъ, безпрерывная дѣятельность, молитвенныя упражненія, занятіе полезными ремеслами и чтеніе душеспасительныхъ книгъ. Настоятель или отецъ игуменъ, какъ бы заступающій въ монастырѣ мѣсто Христа, долженъ былъ и въ рѣчахъ, и въ поступкахъ служить образцомъ для своихъ подчиненныхъ, которые дожны были безпрекословно исполнять его приказанія, хотя бы они казались имъ несправедливыми, и опущеннымъ къ землѣ взоромъ, наклоненной головой выражать постоянную скорбь о своей грѣховности. Покорность — вотъ что требовалось прежде всего, ибо «унижающій себя возвысится, а возвышающійся — униженъ будетъ». Все время, всѣ занятія дня и ночи опредѣлялись точно и до малѣйшей подробности; порядокъ наблюдали до того, что даже книги изъ библіотеки выдавались для чтенія не иначе, какъ по порядку, и прочитывались непремѣнно отъ начала до конца. Воскресные дни посвящались преимущественно ученымъ занятіямъ. Это направленіе монашеской жизни рано и старательно прививалось къ дѣтямъ, которыя назывались «pueri oblati», т. е. посвященными Богу. Уклоненія ихъ отъ исправности и порядка, ошибки въ чтеніи и пѣніи, невѣжливость, лѣность, непочтительность — наказывались

розгами; за болѣе важными проступками слѣдовало бичеваніе. Все это примѣнялось къ дѣтямъ отъ 5 и 7 — до 15 лѣтъ, безъ различія ихъ состоянія, званія и возраста. Изъ общепринятыхъ въ то время школьныхъ наукъ въ бенедиктинскихъ школахъ обращалось наибольшее вниманіе на составленіе, изученіе и переписку разныхъ хроникъ, анналовъ, біографій и некрологовъ, — такъ что для исторіи бенедиктинцы оказали важныя услуги.

Вначалѣ въ монастыряхъ св. Бенедикта учились только pueri oblati, предназначавшіеся для духовнаго званія; но потомъ, вслѣдствіе тогдашней потребности и недостатка въ школахъ, вслѣдствіе преобладающаго въ то время въ самомъ обществѣ стремленія удаляться отъ міра съ его грѣхомъ и посвящать себя исключительно дѣлу спасенія души; наконецъ, вслѣдствіе вліянія этого ордена на общественную жизнь, связь съ которой у него не прерывалась, — многіе спѣшили поручать бенедиктинцамъ воспитаніе сыновей. Въ школы ихъ вступали дѣти знатныхъ рыцарей, бароновъ и князей — будущіе государственные люди; для такихъ дѣтей, непосвящавшихъ себя монашеству, были устроены даже особыя помѣщенія, и былъ опредѣленъ отдѣльный учебный курсъ (scholæ interiores et exteriores). Въ VIII столѣтіи школы ордена уже пользовались обширною и высокою извѣстностью, тогда какъ школы при приходахъ (parochi), заправляемыя бѣлымъ духовенствомъ, считались свѣтскими и мало уважались за грубость и невѣжество, которыя въ нихъ преобладали. Это побудило епископа города Меца — Хродеганга (умеръ 766 г.) ввести въ подобныя школы, находившіяся при главныхъ церквахъ и соборахъ, бенедиктинскій монастырскій уставъ (canon), бенедиктинскую систему въ воспитаніи и обученіи юношества. Императоръ Карлъ Великій и знаменитый германскій ученый Рабанъ-Мавръ, а потомъ саксонскіе короли, ревностно поддерживали эти школы. Они также приготовляли своихъ питомцевъ какъ къ духовному, такъ и къ свѣтскому поприщу, и отличались такимъ же мрачнымъ, суровымъ,

монастырскимъ характеромъ; единственная ихъ заслуга состоитъ въ томъ, что онѣ все же содѣйствовали распространенію знанія внѣ монастырскихъ стѣнъ, преимущественно въ большихъ городахъ. Здѣсь уже изучались нѣкоторые древне-классическіе писатели, какъ римскіе, такъ отчасти и греческіе, и сочинялись въ подражаніе имъ стихи на двухъ мертвыхъ языкахъ; математика и даже физика включались въ кругъ учебныхъ предметовъ; изъ искусствъ были въ употребленіи пѣніе, музыка и живопись. Знаменитый Бруно ревностно занимался въ Утрехтѣ преподаваніемъ греческаго языка и литературы. Въ небольшихъ городахъ возникли особые институты или семинаріи, сперва близкія къ церковнымъ, а послѣ крестовыхъ походовъ давшія начало свободнымъ городскимъ школамъ, вступившимъ въ состязаніе съ первыми. Для монастырскихъ, каѳедральныхъ и приходскихъ школъ этого времени особыя услуги оказали: въ Англіи Бэда (Venerabilis, умеръ 735 г.) и Алкуинъ, призванный потомъ Карломъ Великимъ и пользовавшійся огромнымъ вліяніемъ при его дворѣ; въ Германіи, — епископъ Бонифацій, разлившій образованіе по Тюрингіи, и въ особености Рабанъ-Мавръ, прозванный за свою учено-педагогическую дѣятельность «primus præceptor Germaniæ».

Заботы Карла Великаго о школахъ, въ распространеніи которыхъ онъ видѣлъ лучшій залогъ для крѣпости и величія своего государства, заставили этого мудраго государя искать содѣйствія у всѣхъ лучшихъ людей его времени, которыми онъ окружилъ свой дворъ. Онъ первый сталъ энергически заботиться объ учрежденіи школъ для простаго народа, который въ нихъ наиболѣе нуждался, но, подавленный житейскими нуждами, не имѣлъ достаточно средствъ, досуга и умѣнья для ихъ водворенія. Замѣчательно, что не глава церкви — папа, а глава государства первый обратилъ безкорыстное вниманіе на образованіе народа въ особыхъ, принаровленныхъ къ его потребностямъ *народныхъ школахъ*. Древнѣйшая и знаменитѣйшая изъ высшихъ школъ, независимыхъ отъ цер-

кви, была также учреждена великимъ государемъ франковъ; это—его «придворная школа» (schola palatina), въ которой учились его собственные сыновья вмѣстѣ съ сыновьями его сановниковъ, и которая обнимала всѣ тогдашнія науки, начиная грамматикой, и оканчивая астрономіей. Для распространенія искусствъ, особенно пѣнія и церковной музыки, Карлъ Великій открылъ особыя семинаріи. Самъ онъ также любилъ заниматься науками, былъ большой почитатель древнихъ греческихъ и римскихъ классиковъ, и вообще стоялъ впереди своего вѣка. Онъ уважалъ призваніе духовенства, но уже понималъ всю его испорченность: его властолюбіе, корыстолюбіе, ханжество, продажность, коварство и другія качества, успѣвшія такъ глубоко укорениться въ лонѣ католицизма. Въ одномъ изъ своихъ послѣднихъ капитуляріевъ, вообще свидѣтельствующихъ о его обширной дѣятельности на пользу государства и народнаго образованія, онъ предлагаетъ епископамъ слѣдующій вопросъ: «Состоитъ ли отрѣченіе отъ міра исключительно въ томъ, чтобы не носить оружія и не вступать въ битву? Отрекся ли отъ міра тотъ, кто только и думаетъ день и ночь объ увеличеніи своего богатства, и для достиженія этой цѣли угрожаетъ адомъ или обѣщаетъ царство небесное, заставляя, такимъ образомъ, простодушныхъ бѣдняковъ и богачей отдавать себѣ свое законное наслѣдство, а потомъ пускаться на воровство и разбой? Отрекся ли отъ міра тотъ, кто изъ корыстолюбія прибѣгаетъ къ подкупу, чтобы заставить другихъ быть клятвопреступниками и лжесвидѣтелями,—кто, побуждаемый жадностью къ деньгамъ, для управленія свѣтскими дѣлами своего епископства избираетъ человѣка несправедливаго, безбожнаго, жестокаго и корыстолюбиваго? и т. д.» Не смотря на то, что англосаксъ Алкуинъ, другъ и сотрудникъ Карла Великаго, не былъ монахомъ, онъ назначилъ ему доходы со многихъ богатыхъ монастырей. Сочиненія Алкуина о методѣ преподаванія, въ которыхъ онъ излагаетъ нѣкоторые предметы въ формѣ разговора, доказываютъ сколько огромную схоластическую ученость этого человѣка, столько

же и умѣнье его принаровиться къ духу и понятіямъ того времени. Самъ Карлъ называлъ его своимъ любезнымъ учителемъ во Христѣ, а сыновья, дочери, сестры этого государя носили имена сыновей и дочерей Алкуина, дружбою котораго онъ болѣе гордился, чѣмъ всемъ своимъ необъятнымъ государствомъ. Алкуинъ побудилъ Карла основать изъ его ученыхъ друзей общество для усовершенствованія наукъ, имѣвшее устройство ордена, въ которомъ каждый членъ назывался именемъ какого нибудь древняго писателя или другаго знаменитаго человѣка. Но усилія Карла Великаго распространить образованіе въ народѣ не находили поддержки въ сочувствіи тогдашнихъ епископовъ и аббатовъ; въ одномъ изъ своихъ указовъ, въ большинствѣ случаевъ не достигавшихъ цѣли, онъ самъ прибавляетъ: «учителями должно назначать только тѣхъ, которые имѣютъ охоту и способности учиться сами и желаніе учить другихъ». Одной императорской власти, очевидно, недоставало государю для водворенія его добрыхъ намѣреній,—хотя однажды онъ могъ приказать духовенству признать вѣрнымъ исправленный имъ самимъ текстъ одной книги. Онъ старался также самъ написать нѣмецкую грамматику. Другими учеными сотрудниками Карла были: Павелъ Діаконъ, Петръ Пизанскій, Эгингардъ и аббатъ Адельгардъ — большею частью иностранцы, пересаживавшіе на германскую почву плоды чужой, но высшей цивилизаціи. Хотя преемники Карла не умѣли поддержать его начинаній въ его распавшейся имперіи; однако въ IX и X столѣтіяхъ Германія уже принадлежала къ числу образованнѣйшихъ странъ Европы. Братъ Оттона I — Бруно снова открылъ «придворную школу», а такіе писатели древности, какъ Виргилій, Горацій, Овидій, Теренцій, Цицеронъ, Саллюстій — стали основательнѣе изучаться даже въ монастырскихъ школахъ. Ученое направленіе шло въ Германію изъ Италіи и Англіи. Извѣстно, что сами папы были часто поборниками науки, хотя и схоластической: такъ Сильвестръ II (Гербертъ) обладалъ обширнымъ литературнымъ образованіемъ, занимался астрономіей, вычислялъ движеніе земли и другихъ

планетъ, изготовлялъ глобусы, солнечные часы, и трудился надъ медициной. Въ Англіи для народнаго образованія много сдѣлалъ Альфредъ Великій, заботившійся одинаково о развитіи всѣхъ классовъ общества. Для людей свѣтскихъ онъ велѣлъ перевести множество латинскихъ сочиненій на англійскій языкъ, и учредилъ множество не только латинскихъ школъ, но и такихъ, въ которыхъ всѣ учились читать и писать на родномъ языкѣ. Для англійской науки оказалъ много услугъ тотъ же Алкуинъ до переселенія своего во Францію: въ отечествѣ онъ былъ начальникомъ знаменитой высшей школы въ Іоркѣ, которая обладала одною изъ немногихъ библіотекъ, существовавшихъ тогда на западѣ, и въ которой преподаваніемъ занимались почти всѣ лучшіе тогдашніе ученые по части высшихъ наукъ и преимущественно теологіи.

Однако монастырскія, каѳедральныя и вообще церковныя школы, бывшія въ исключительномъ завѣдываніи духовенства, скоро распались какъ въ Англіи, такъ и въ Германіи, и притомъ почти одновременно. Школы эти съ теченіемъ времени сдѣлались весьма богаты, а вмѣстѣ съ тѣмъ учителя ихъ—монахи слишкомъ лѣнивы и небрежны. Начальники домовъ (соборовъ) просто высасывали своихъ богатыхъ учениковъ при всякомъ удобномъ случаѣ. Вмѣсто схоластика стали употреблять ректора, вмѣсто кантора—сукцентора (помощника), и, наконецъ, открыто занялись продажей учительскихъ мѣстъ. Этому упадку клерикальныхъ школъ въ особенности содѣйствовали францисканцы и доминиканцы, выступившіе на сцену въ XIII столѣтіи. Обративъ особенное вниманіе на образованіе народной массы, эти монахи стали дѣйствовать преимущественно на грубую, чувственную фантазію низшихъ классовъ, не заботясь объ ихъ умственномъ развитіи, и привязавшись къ внѣшнему, хотя и великолѣпному формализму, подъ которымъ погибъ живой духъ знанія и религіи. Школы орденовъ св. Франциска и св. Доминика дѣлились на собственно орденскія, воспитывавшія юношество въ интересахъ этихъ орденовъ (scholæ claustri), и каноническія, доступъ въ которыя былъ от-

крытъ всѣмъ желающимъ. Метода обученія и въ тѣхъ и въ другихъ была крайне-схоластическая; въ низшихъ школахъ все состояло въ заучиваніи «Отче нашъ», символа вѣры и др. молитвъ, церковныхъ мелодій и латыни; только въ рѣдкихъ случаяхъ ученики францисканцевъ и доминиканцевъ знакомились съ такъ называемыми artes logicales et naturales, т. е. самой убійственной схоластической философіей, подавлявшей всякую свободу мышленія. Единственная заслуга этихъ «школъ памяти» заключается въ томъ, что онѣ помѣщались въ самыхъ городахъ, отличаясь своею общедоступностью, и что учителя ихъ монахи сочинили немало популярныхъ учебниковъ. Изъ нихъ же вышли впослѣдствіи бродячіе хоры учениковъ (scholares vagantes et medicantes) и распространилась особая монашеская латынь, страсть къ стихотворной наукѣ и т. п., весьма характерическія особенности тогдашней средневѣковой образованности. Съ этими схоластическими, мертвящими элементами, укоренившимися на почвѣ западной школы, рано или поздно должна была начаться борьба: и она дѣйствительно началась, продолжаясь отчасти до настоящаго времени.

Характеръ и значеніе рыцарскаго воспитанія.

Со времени крестовыхъ походовъ, когда впервые возникло въ средневѣковомъ человѣчествѣ новое, болѣе жизненное ученое направленіе, обнаруживаются и первыя попытки освобожденія жизни и школы отъ вліянія папства, или вѣрнѣе — католицизма. Коренные принципы древне-германской свободы такъ или иначе должны были заявить себя и проложить себѣ путь къ дальнѣйшему развитію. Хотя клерикальныя школы еще продолжали свое существованіе, но въ нихъ не было жизненнаго начала: оно лежало въ новыхъ, свѣтскихъ школахъ, отъ которыхъ зависѣло обновленіе жизни и воспитанія. Наука и методы ея преподаванія въ этихъ независимыхъ отъ католическаго духовенства школахъ вначалѣ были тѣ же разсудочно-схоласти-

ческія; но принципъ индивидуальнаго мышленія былъ здѣсь ранѣе признанъ, обѣщая дальнѣйшее усовершествованіе всего воспитательнаго дѣла. Явленіе это вытекло не изъ предвзятой идеи, но изъ самихъ условій феодальной жизни, которыя были далеко иныя, чѣмъ въ средѣ католическаго духовенства съ его школами. Порывъ прежде окованнаго ими духа былъ, правда, односторонній; чувство и фантазія, вырвавшись на просторъ, еще неуспѣли найти себѣ должной нормы; въ науку и религію внесся поэтическій, мечтательный, отчасти сентиментальный элементъ: но это былъ первый порывъ, крайность, вызванная другою крайностью. Однако надо замѣтить, что и самъ романтизмъ среднихъ вѣковъ, представителемъ котораго является рыцарство, не вполнѣ былъ свободенъ отъ вліянія католицизма, и во многихъ отношеніяхъ только въ немъ находитъ свое объясненіе, особенно на югѣ Европы. Тамъ христіянская религія въ ея католическихъ формахъ обратилась въ религію чувственную, которая, соотвѣтствуя пылкому темпераменту южныхъ племенъ, создала себѣ цѣлую миѳологію. Она воспользовалась, говоритъ Шерръ, языческими преданіями, поставила во главѣ своей миѳологіи Мадонну, продолжала языческіе обычаи и праздники подъ христіянскими именами, и если не освящала, то допускала наслажденіе жизнью до такой степени, что даже грѣшнику открывала путь въ небесное царство чрезъ широкія врата церковной молитвы — покупаемой деньгами. Но рядомъ съ этимъ естественно шелъ и самый суровый аскетизмъ. Надо также признать, что католицизмъ умѣлъ пріобрѣсти и сочувствіе народа: съ одной стороны онъ избавлялъ народъ отъ голодной смерти, учреждая для него благотворительныя заведенія, а съ другой—избавлялъ его отъ феодальной тиранніи и отъ совершеннаго огрубленія, доставляя ему эстетическое наслажденіе пышнымъ церемоніаломъ своего богослуженія. Стараясь дѣйствовать на чувство и воображеніе необразованной массы, стоявшей далеко отъ его школъ, католицизмъ обратилъ свои церкви въ театры, представляя въ нихъ разныя религіозныя мистеріи. Онъ же породилъ христіянское искусство: живопись, скульп-

туру и музыку, поступившія на служеніе церкви. Романтизмъ, проникнутый католическимъ мистицизмомъ и сохранившимися элементами древней свободы, основываетъ какъ бы особый культъ любви, средоточіемъ котораго дѣлаетъ женщину, занявшую теперь совершенно другое положеніе, чѣмъ въ античномъ мірѣ. Въ рыцарствѣ любовь къ Богу и женщинѣ соединяется съ страстью къ независимости и геройскимъ подвигамъ — а все это не могло не отозваться на воспитаніи тогдашняго «благороднаго» юношества.

Хотя средневѣковой рыцарь получалъ свое образованіе также въ зависящихъ отъ духовенства школахъ; но для него кромѣ семи «artes» существовали еще семь особыхъ предметовъ обученія (probitates — отсюда homo probus, preud homme), а именно: верховая ѣзда, плаванье, стрѣльба изъ лука, фехтованье, охота, шахматная игра и искусство писать стихи. Эти предметы служили для будущаго воина необходимой гимнастическо-военной подготовкой и были извѣстны среди германскихъ племенъ еще до ихъ знакомства съ христіянскими народами юга. Впослѣдствіи эти гимнастическія искусства получили при дворахъ герцоговъ и королей западной Европы огромное значеніе и блестящее развитіе, которому ни мало не препятствовало христіянство. Такимъ образомъ, въ воспитаніе рыцарскаго сословія входилъ тотъ важный, здоровый элементъ, отсутствіемъ котораго такъ страдали собственно-клерикальныя школы.

Первыя семь лѣтъ дѣти рыцаря оставались на попеченіи матери, ближайшими помощницами которой были кормилица и нянька. Главная забота прилагалась къ тому, чтобы ребенокъ развилъ въ себѣ даръ слова и усвоилъ хорошія манеры. Мальчики въ своихъ играхъ рано пріучались къ турнирамъ и вообще рыцарскимъ подвигамъ; а дѣвочки, пройдя періодъ игры, перенимали отъ своей матери искусство прясть, ткать, вязать, шить, кроить и хозяйничать въ домѣ. Тутъ же въ замкѣ обыкновенно содержался особый законоучитель (Burgpfaff), который кромѣ религіи преподавалъ дѣтямъ чтеніе и письмо. От-

носительно дѣвушекъ заботились, чтобы глубже укоренить въ нихъ тѣ мысли и чувства, подъ вліяніемъ которыхъ онѣ будутъ жить впослѣдствіи: такъ отъ нихъ вовсе не скрывали, что значитъ «любовь» (Minne, l'amour), и даже въ школахъ на своихъ доскахъ онѣ много писали о значеніи и святости любви. Дѣвушка должна была учиться также иностраннымъ языкамъ: изъ живыхъ особенно важнымъ почитался въ Германіи французскій, а изъ мертвыхъ — латинскій. Далѣе дѣвушкѣ необходимо было умѣть пѣть, играть на арфѣ, и въ особенности быть искусной въ рукодѣльяхъ, какъ напр. въ приготовленіи ковровъ, панцырей и рыцарскаго платья вообще. Часто дѣвушка отправлялась ко двору или въ замокъ какого нибудь знатнаго и богатаго рыцаря, чтобы усвоить здѣсь хорошія манеры и научиться, какъ должно держать себя въ каждомъ случаѣ: дома, на улицѣ, за столомъ, въ игрѣ и танцахъ, какъ обращаться съ высшими и низшими, съ мущинами и женщинами; здѣсь же она должна была проникнуться чувствомъ гордости, научиться дорожить своимъ происхожденіемъ и своими славными предками. Находясь при дворѣ, она постоянно жила въ обществѣ хозяйки дома, которая слѣдила за ея воспитаніемъ и нравственностью, стараясь образовать изъ нея личность кроткую, пріятную, спокойную и разумную, и отъучая её отъ болтливости и необдуманности въ поступкахъ.

Еще больше заботъ посвящалось сословному образованію мальчика. По достиженіи семи лѣтъ, когда въ немъ уже нѣсколько складывался характеръ («baz—versan» —по тогдашнему выраженію), его обыкновенно также передавали въ чужое благородное семейство для усвоенія всего благороднаго, рыцарскаго. Чѣмъ выше было происхожденіе мальчика, тѣмъ въ знатнѣйшій домъ отдавали его родители, стараясь устроить его по возможности къ княжескому или королевскому двору. Такъ въ Испаніи остготскіе магнаты отсылали своихъ сыновей въ Толедо, гдѣ находился дворъ короля. Но главнымъ средоточіемъ, около котораго собиралось знатное юношество, былъ великолѣпный дворъ франкскихъ королей, и въ «придвор-

ной школѣ» Карла Великаго вмѣстѣ съ его сыновьями получало образованіе все, что было знатнѣйшаго въ тогдашнемъ рыцарствѣ. Такимъ образомъ, высокіе замки феодальныхъ владѣтелей служили для дворянства главными разсадниками образованности, мѣстами рыцарскихъ игръ и тѣлесныхъ упражненій, отличаясь интеллектуальнымъ и политическимъ превосходствомъ надъ всѣми другими сословіями — кромѣ духовенства. Они были, замѣчаетъ Крамеръ, тѣми свѣтящимися точками, отъ которыхъ распространялась новая, своеобразная образованность, тѣми сборными пунктами, къ которымъ стекались поэты и пѣвцы; они были высшими школами для тогдашняго благороднаго юношества. Такъ было въ особенности въ XI столѣтіи, въ то время, когда король Альфонсъ Кастильскій, при содѣйствіи французскихъ рыцарей, одержалъ рѣшительную побѣду надъ маврами. Духовное и общественное развитіе, въ особенности поэзія и пѣсни побѣжденныхъ арабовъ Испаніи, возбудили удивленіе въ ихъ побѣдителяхъ, — и они перенесли съ собою «веселую науку» (gaya scienza) въ свою родину. Самое утонченное образованіе, проникнутое поэтическими элементами арабовъ, получило особенное значеніе въ южной Франціи: это было естественно при богатствѣ этой страны, при огненномъ, подвижномъ характерѣ ея жителей. Этотъ энтузіазмъ, перешедшій изъ Франціи также въ Германію и Англію, вызвалъ къ жизни героическіе сказанія, интересъ къ сказкамъ и баснямъ, поэтическія состязанія и изобрѣтеніе пѣсень. Съ рыцарскими турнирами, къ которымъ такъ тщательно готовились юноши, соединялись пріятныя заботы «дворовъ любви» и «судовъ любви»: все это смягчало нравы и давало изящную форму общественной жизни. Какъ въ ученыхъ школахъ того времени происходили диспуты о предметахъ схоластической философіи, такъ и на рыцарскихъ праздникахъ дамы, рыцари и трубадуры разбирали разные вопросы о любви, напр. можетъ ли существовать настоящая любовь между мужемъ и женой? Которую даму больше любимъ, при-

сутствующую или отсутствующую? Что скорѣе возбуждаетъ любовь: глаза или сердце? и т. п.

Такой же характеръ приняла рыцарская образованность и въ Германіи при энергическомъ правленіи Гогенштауфеновъ, особенно Фридриха Барбароссы; свѣтское начало, представителемъ котораго было рыцарство, также высвободилось изъ подъ исключительнаго вліянія духовенства, и снова получило вѣсъ и значеніе. Рыцарство, оставаясь въ основѣ своей чисто-христіянскимъ учрежденіемъ, и здѣсь скоро стало во враждебное отношеніе къ религіозному аскетизму, который проповѣдывала римско-католическая церковь. Рыцарство настоятельно требовало для себя блеска и наслажденія въ жизни; крестовые походы сближали между собою европейскія народности и уничтожали въ нихъ исключительность въ жизни и въ воспитаніи. Средоточіемъ рыцарской образованности здѣсь стала преимущественно Тюрингія съ ея знаменитыми миннезингерами и поэтическими турнирами. Когда вмѣстѣ съ норманнами пришли въ Англію и труверы, образованность и поэзія англійскаго рыцарства приняли тотъ же романтическій характеръ, который былъ господствующимъ въ Испаніи, Италіи, Франціи и Германіи. Въ то время, когда англосаксонскіе монахи писали въ тиши келій свои латинскія книги,—минстрели уже пѣли на новомъ языкѣ, изъ котораго образовался нынѣшній англійскій, и народная баллада сдѣлала своимъ содержаніемъ баснословные подвиги рыцарей.

Рыцарскому юношеству предстояло усвоивать и продолжать эту новую образованность, далеко отклонившуюся отъ охватившей-было западъ католической схоластики. Его ожидали уже не трудные подвиги монашескаго аскетизма, а подвиги храбрости, вызываемые чувствомъ любви къ Богу и женщинѣ. Съ семи лѣтъ, поступивъ ко двору и постоянно живя въ замкѣ, мальчикъ носилъ названіе garzuni, garçon, page, въ Германіи — Jungherrelin или Bube. Его ближайшею обязанностью было—находиться въ услуженіи своего господина и госпожи дома, пріучаясь къ хорошимъ нравамъ, труду и повиновенію. Онъ со-

провождалъ рыцаря на охотѣ и въ путешествіи, употреблялся для посылки съ письмами и приказаніями, прислуживалъ за столомъ, принималъ коней отъ пріѣзжавшихъ къ его господину рыцарей, поддерживалъ стремя, когда садился рыцарь на коня. Госпожа дома или другая знатная дама учила его христіянской религіи и искусству любить. Впрочемъ, все обученіе и вообще образованіе мальчика велось не теоретически, какъ въ монастырскихъ школахъ, а свободно, подъ вліяніемъ примѣра и совѣта старшихъ. Чувство собственнаго достоинства, уваженіе къ своему званію — вотъ что старались прежде всего возбудить въ душѣ пажа. Въ часы, свободные отъ своихъ служебныхъ обязанностей за столомъ, на охотѣ или въ конюшнѣ, пажъ обучался разнымъ видамъ турнира, подъ руководствомъ особаго учителя, и уже въ игрѣ принимался за копье и самострѣлъ. Иногда толпа сверстниковъ, загородивъ путь другой толпѣ такихъ же маленькихъ воиновъ, старалась мужественно отбить всѣ ихъ нападенія; битва и побѣда рано начинали воспламенять дѣтскій духъ мальчика, между тѣмъ какъ соразмѣрно съ возрастомъ и рыцарскія игры усложнялись для него съ возрастающею трудностью. Большая часть рыцарей далѣе и не шла въ своемъ образованіи; желавшіеже болѣе ознакомиться съ науками вступали въ клерикальныя школы и принимались за грамматику. Но собственно-рыцарское образованіе этимъ далеко не оканчивалось, и знатнаго пажа обыкновенно ожидала еще новая, высшая ступень.

Съ 14-лѣтняго возраста будущій рыцарь становился оруженосцемъ и назывался въ разныхъ странахъ различно: armigeri, damoiseau, Knappe, Jungherr, Edelknecht, Wappner и т. д. Посвященіе его въ это новое званіе совершалось торжественно. Одѣтый въ бѣломъ, съ горящими восковыми свѣчами въ рукахъ, подводился онъ родителями къ алтарю, гдѣ священникъ вручалъ ему шпагу и шарфъ для нея, надѣваемый черезъ плечо; вмѣстѣ съ этимъ юноша пріобрѣталъ также лестное право носить серебряныя шпоры. Въ Германіи при

этомъ обрядѣ онъ получалъ еще пощечину: это значило, что малодой человѣкъ уже выходилъ изъ періода тѣлесныхъ наказаній, и съ этого времени, въ крайнихъ случаяхъ, могъ подвергнуться лишь удару мечемъ со стороны своего разгнѣваннаго господина. Дальнѣйшія права и обязанности оружносца опредѣлялись тогдашнимъ «ordre de chevalerie», въ которомъ между прочимъ говорится: «Сыну рыцаря приличествуетъ, чтобы онъ, сдѣлавшись оруженосцемъ, учился ходить за лошадьми; чтобы онъ, прежде чѣмъ станетъ самъ господиномъ, былъ сперва подчиненнымъ: въ противномъ случаѣ онъ никогда не будетъ господиномъ, сознающимъ всѣ преимущества своей власти». Или далѣе: «Какъ тотъ, кто желаетъ сдѣлаться портнымъ или плотникомъ, долженъ прежде учиться у мастера этого ремесла; такъ точно каждому благородному, желающему быть впослѣдствіи добрымъ рыцаремъ, должно прежде самому имѣть своимъ учителемъ рыцаря». Вступивъ въ званіе оруженца, молодой человѣкъ долженъ былъ всюду, подобно тѣни, слѣдовать за своимъ рыцаремъ и всегда быть готовымъ по его знаку или по желанію его жены отправлять при дворѣ обязанности, названія которыхъ отчасти сохранились до сихъ поръ, какъ напр.—форшнейдера, штальюнкера, штальмейстера и т. под. Оруженосцу дозволялся свободный доступъ къ своему господину и къ своей госпожѣ; онъ ревностно старался заслужить ихъ милость, ихъ благосклонность, понравиться ихъ знатнымъ гостямъ, и вообще всѣмъ придворнымъ лицамъ; всѣмъ рыцарямъ и оруженосцамъ, пріѣзжавшимъ ко двору его господина, онъ обязывался оказывать услуги и почести. Говорить съ утонченною вѣжливостью, отвѣчать свободно и съ достоинствомъ, ловко и во время умѣть занять гостей—это составляло для молодаго человѣка главную задачу, разрѣшенію которой учила его сама жизнь, служившая для него наилучшей, самой практической школой. На особенной обязанности его также лежало—объѣзжать боевыхъ и другихъ коней рыцаря. Самыя трудныя игры, сообщавшія его тѣлу и нужную ловкость, и военный закалъ, состязаніе на конѣ въ верховой ѣздѣ и въ умѣньи

владѣть копьемъ, наука и искусство охоты и тому подобныя упражненія служили для него дальнѣйшей подготовкой къ турнирамъ. Послѣдніе, въ свою очередь, были только слабымъ подобіемъ битвы, въ которую онъ, привыкнувъ наконецъ къ трудамъ и опасностямъ, долженъ былъ сопровождать своего государя-рыцаря, и тогда уже получалъ возможность испытать свои собственныя силы, доказавъ на дѣлѣ: способенъ ли онъ бросаться на все смѣлое, трудное и опасное.

Пройдя степень оруженосца, юноша достигалъ высшей точки, которой только могъ достигнуть человѣкъ свѣтскій и благородный по происхожденію. Ударъ мечомъ отъ руки его государя сообщалъ ему рыцарское достоинство,—и съ этого времени его жизнь всецѣло посвящалась дѣлу чести, истины и церкви. Онъ давалъ клятвенное обѣщаніе: во 1-хъ, съ благоговѣніемъ чтить Бога и служить ему, всѣми силами стоять за святую вѣру и быть готовымъ скорѣе принять тысячу смертей, чѣмъ измѣнить христіянству; во 2-хъ, вѣрно и послушно служить своему феодальному государю, и храбро сражаться за него и за отечество; въ 3-хъ, всегда защищая справедливость, быть внимательнымъ къ уважительнымъ жалобамъ и просьбамъ слабыхъ, беззащитныхъ, обиженныхъ, въ особенности вдовъ, сиротъ и дѣвушекъ; въ 4-хъ, самому никого не оскорблять и не посягать на чужое добро; въ 5-хъ, никогда ничего не предпринимать изъ низкихъ побужденій зависти, корысти и награды, служа исключительно славѣ и доблести; въ 6-хъ, безкорыстно бороться за общественное благо, за общую пользу; въ 7-хъ, предъ цѣлымъ свѣтомъ сохранять безупречно свою честь, и особенно—честь своихъ товарищей; въ 8-хъ, самому уважать и любить своихъ товарищей, всегда будучи готовымъ оказать имъ помощь и защиту; въ 9-хъ, давъ обѣтъ служить своей дамѣ, — будь она замужняя или дѣвушка — охранять ее отъ всѣхъ опасностей, отъ всякихъ оскорбленій, и ради ея спасенія жертвовать всемъ, даже самой жизнью и проч.» Съ этой христіянско-идеальной точки зрѣнія смотрѣлъ на жизнь истинный рыцарь, для

котораго, кромѣ военной и вообще практической дѣятельности, важнымъ предметомъ являлась еще поэзія: ей нерѣдко посвящали себя знатнѣйшіе изъ средневѣковыхъ рыцарей и государей. Пѣвцы странствовали повсюду, распѣвая каждый на своемъ родномъ нарѣчіи, а роскошные турниры, свадьбы и другіе многолюдные праздники рыцарей часто соединяли въ одномъ мѣстѣ всѣхъ пѣвцовъ различныхъ нарѣчій. Дама царила на этихъ праздникахъ, и ея одобрѣніе считалось выше всѣхъ наградъ для рыцаря. Многіе отдавались также религіозному энтузіазму, вступая въ различные духовные ордена. Но, не смотря на всю эту роскошь, на богатство жизни въ средѣ утонченнаго, блестящаго рыцарства, здѣсь все еще не было главнаго, самаго жизненнаго элемента, безъ котораго не мыслимъ истинный прогрессъ — здѣсь не было ни науки, ни школы; а потому рыцарство, само по себѣ, точно также, какъ и духовенство съ его схоластикой, не представляло вѣрныхъ залоговъ для развитія европейской образованности.

Вмѣстѣ съ рыцарствомъ должна была пасть и его воспитательная система, хотя обветшалые отрывки отъ нея продолжаютъ еще свое существованіе даже до настоящаго времени. Рыцарство оказало единственную заслугу только въ томъ отношеніи, что дало отпоръ всеподавляющему господству римско-католической церкви и своими свободными элементами укрѣпило на борьбу съ нею государство. Послѣ изобрѣтенія пороха, радикально измѣнившаго военное дѣло, послѣ возвышенія богатаго и образованнаго городскаго сословія, принявшаго подъ свою защиту интересы науки и гражданства, исключительно-военное, узко-сословное воспитаніе оказалось болѣе ненужнымъ и скорѣе вреднымъ, чѣмъ полезнымъ для жизни. Рыцарское обожаніе дамы также не дало женщинѣ нужныхъ правъ, служа болѣе ея кросотѣ, чѣмъ ея общечеловѣческимъ интересамъ. По мѣрѣ возвышенія средняго сословія, рыцарство постепенно вырождалось и, наконецъ, дошло до того, что рыцарь нерѣдко не умѣлъ самъ писать, считая это искуство даже ниже своего достоин-

ства. Въ необходимыхъ случаяхъ, напр. при заключеніи договоровъ, гордый своею безграмотностью рыцарь ограничивался однимъ приложеніемъ своей гербовой печати, которая всегда вырѣзывалась на рукояткѣ его шпаги, или просто прикладывалъ къ бумагѣ свою обмоченную въ чернила руку, или, наконецъ, поручалъ расписаться отъ своего имени какому нибудь капеллану или писцу, съ присоединеніемъ общеупотребительной тогда формулы: «ибо самъ, вслѣдствіе своего рыцарскаго достоинства, писать не умѣю». Въ XVI столѣтіи въ средѣ дворянства уже не оказывалось ни однаго ученаго, ни одного художника, ни кого, кто бы сколько нибудь отличался знаніемъ аграномическаго, торговаго или промышленнаго дѣла. За то предшествовавшее этой эпохѣ время кулачнаго права и открытаго грабежа (XIII — XIV ст.) нашло въ рыцарскомъ сословіи самыхъ горячихъ поборниковъ насилія и варварства. Въ особенности много страдало отъ рыцарскихъ подвиговъ сословіе крестьянъ, цѣлыя деревни которыхъ безнаказанно грабились или до тла выжигались. Одни города могли оказывать сопротивленіе произволу буйнаго и невѣжественнаго дворянства среднихъ вѣковъ, — а потому и воспитаніе, и образованность нашли въ нихъ болѣе надежное для себя пристанище.

До какой степени выродилось знатное средне-вѣковое дворянство, до какого низкаго уровня упала его образованность, — это прекрасно видно изъ записокъ одного именитаго силезскаго рыцаря, который откровенно разсказываетъ о ходѣ своего воспитанія. Приведемъ отрывокъ изъ этого разсказа.

«Когда мнѣ пошелъ 9 годъ — повѣствуетъ баронъ Гансъ фонъ Швейнихенъ — и когда я сталъ нѣсколько понимать вещи, съ 1561 года началъ я ходить къ одному деревенскому писарю, чтобы впродолженіе двухъ лѣтъ учиться у него читать и писать. По возвращеніи изъ школы я долженъ былъ пасти гусей. Скоро мнѣ надоѣло бѣгать за ними; я завязывалъ имъ всѣмъ носы, такъ что они стали очень смирны и скоро начинали чувствовать жажду: за это изобрѣтеніе матушка подарила мнѣ шил-

лингъ; но затѣмъ мнѣ болѣе не поручали пасти гусей. Теперь я получилъ другую обязанность — отыскивать по конюшнямъ и сараямъ снесенныя курами яйца, и матушка поощряла мое усердіе. Между тѣмъ я уже началъ нѣсколько читать, хотя и заикаясь; могъ даже писать буквы, хотя и каракулями; а потому въ слѣдующемъ году мой любезный батюшка отправилъ меня въ Лигницъ ко двору Фридриха III, съ молодымъ сыномъ котораго я долженъ былъ продолжать свое образованіе у особаго домашняго учителя. Нашъ prœceptor имѣлъ отдѣльную комнату, сидя въ которой мы проходили Rosarium, учились также читать по-латыни, и ежедневно выучивали по 4 вокабулы, а въ концѣ недѣли повторяли. Учитель держалъ насъ строго; но такъ какъ матушка часто присылала мнѣ геллеры, то я часто откупался у учителя: бѣднякъ любилъ молодыхъ дѣвушекъ, а денегъ у него не было. При немъ за все время меня высѣкли не болѣе двухъ разъ. Я учился читать и писать по-нѣмецки и по-латыни, кромѣ того заучивалъ на память катихизисъ и заповѣди, и принималъ дѣятельное участіе въ придворныхъ развлеченіяхъ. Когда мнѣ исполнилось 14 лѣтъ, отецъ послалъ меня еще учиться въ Гольдбергъ. Здѣсь я учился годъ съ четвертью, повторяя старое и упражняясь въ латинскомъ разговорѣ — что было для меня особенно мучительно. Однако за все это время я не получалъ ни шиллинга, получая лишь удары отъ наставника моего Барта, который, впрочемъ, очень уважалъ меня и билъ прутомъ по рукамъ за то, что я не умѣлъ читать Теренція; при этомъ онъ приговаривалъ: выучи въ другой разъ — не то я спущу тебѣ штаны! Но такъ какъ я больше любилъ верховую ѣзду, чѣмъ книги, и все таки не могъ вырваться изъ Гольдберга; то я скоро захворалъ и вернулся домой. Вернувшись, я въ 14 дней забылъ все, чему учился годъ съ четвертью, и съ большей охотой занялся верховой скачкой и другими заботами, которыя раздѣлялъ съ отцомъ, упражняясь иногда и въ нѣмецкомъ письмѣ. Съ 1567 г. отецъ въ первый разъ купилъ мнѣ мечъ и разрѣшилъ мнѣ пить вино, за ко-

торое я усердно принялся вмѣстѣ съ наѣзжавшими къ намъ гостями и т. д.»

Воспитаніе и обученіе въ городскихъ школахъ.

Въ противоположность рыцарскому идеализму, послѣ крестовыхъ походовъ возникло въ обществѣ особое, реалистическое направленіе, которое было гораздо плодотворнѣе для жизни, чѣмъ романтизмъ съ его мечтательностью. Самая здоровая, самая дѣятельная часть общества стала всѣми силами высвобождаться изъ положенныхъ ему стѣсняющихъ границъ и направилось къ свободному, самостоятельному развитію. Представителемъ этого новаго, реалистическаго направленія явилось, какъ уже было упомянуто, сословіе горожанъ или гражданъ, состоявшее преимущественно изъ ремесленниковъ и купцовъ. Оно взяло на себя тѣ задачи, которыя не были разрѣшены ни духовенствомъ, ни рыцарствомъ, и образовало такъ такъ назыв. tiers-état, dritten Stand. — Въ XIII и XIV столѣтіяхъ это третье сословіе уже достигло цвѣтущаго состоянія, почти одновременно въ Италіи, Франціи и Германіи. Развившееся въ городахъ богатство, въ соединеніи съ уваженіемъ къ наукѣ и къ искусству, вызвало къ жизни и особыя школы, принаровленныя къ нуждамъ и потребностямъ гражданъ.

Въ городскихъ школахъ, конечно, не могла вдругъ рухнуть схоластика, замѣнить которую было нечѣмъ: учебные предметы, учителя и методы обученія остались почти тѣ же, что и въ клерикальныхъ школахъ; но католическое духовенство уже не имѣло здѣсь прежняго авторитета. Чтеніе и письмо стали здѣсь преподавать на родномъ языкѣ; въ обученіе невольно вошли историческіе и географическіе элементы, знаніе которыхъ было прямо примѣнимо къ практической жизни. Въ Миланѣ, Брешіи, Флоренціи и другихъ итальянскихъ городахъ городскія общины еще въ первой половинѣ XII столѣтія обратили большое вниманіе на лучшее обученіе юно-

шества; спустя не много времени стали возникать городскія школы и въ Германіи: въ Любекѣ (1161), Гамбургѣ (1187), Штетинѣ (1390), Лейпцигѣ (1395) и другихъ, преимущественно торговыхъ городахъ. Первоначально онѣ назывались просто «школами письменности» (Schriefscholen), въ которыхъ юношество училось писать и вести торговую корреспонденію, упражняясь также въ счетѣ и знакомясь нѣсколько съ исторіей и географіей, знаніе которыхъ необходимо въ торговомъ дѣлѣ. Обученіе происходило на отечественномъ языкѣ. Изъ этихъ школъ впослѣдствіи и образовались французскія collèges и нѣмецкія Bürgerschulen; но вначалѣ онѣ были не болѣе, какъ элементарныя или подготовительныя школы, изъ которыхъ дѣти могли прямо переходить въ такъ назыв. латинскія школы, принимавшія дѣтей отъ 7 — 8 лѣтъ свободно, безъ различія званія и состоянія. Приблизительно въ тоже время города положили основаніе и отдѣльнымъ женскимъ школамъ, которыя не задолго до реформаціи уже существовали напр. въ Любекѣ и Нюрнбергѣ. Центромъ преподаванія здѣсь служила грамматика и религія; все обученіе вращалось на диктовкѣ и заучиваніи на память; книги еще въ XV ст. были до того дороги, что ученикамъ было не подъ силу покупать ихъ; даже обученіе письму часто задерживалось дороговизною бумаги. Чтенію и письму, какъ можно предполагать, въ это время стали обучать уже одновременно. Каждый учитель въ своемъ методѣ былъ независимъ: его не стѣсняли никакія предписанія, такъ какъ методологической теоріи еще не существовало вовсе. Вслѣдствіе этого даровитые учителя свободно располагали пріемами обученія и выработывали много хорошаго; за то большинство, состоявшее изъ людей бездарныхъ и невѣжественныхъ, производило на дѣтей убійственное вліяніе. Хотя многія школы, обставленныя хорошими учителями, пріобрѣли блестящую извѣстность въ свое время; но въ большей части вся дисциплина держалась на палкѣ и розгѣ, которыми и пріучали дѣтей къ порядку, вниманію и прилежанію.

Скоро города вступили въ открытую борьбу съ католическимъ духовенствомъ за свои школы, такъ какъ оно настойчиво требовало сохраненія въ нихъ установленной прежде, рутинной системы, которая называлась тогда «ars clericalis». Вообще тогдашнее духовенство еще полагало, что только оно имѣетъ право заводить и содержать школы для народа. Въ городахъ съ каѳедральными церквами схоластикъ все еще считался главнымъ наблюдателемъ надъ школами и учителями, давалъ имъ инструкціи, постоянно отъ времени до времени посѣщалъ учебныя заведенія, и даже распредѣлялъ наказанія какъ ученикамъ, такъ и учителямъ. Такая ревность тогдашнихъ схоластиковъ-инспекторовъ объясняется тѣмъ, что они по обычаю пользовались извѣстнымъ доходомъ со школъ, и потому самостоятельность послѣднихъ могла невыгодно отозваться на матеріяльныхъ средствахъ патрона. Между тѣмъ городскіе магистраты оказывали сопротивленіе подобному, не всегда полезному вмѣшательству церковной іерархіи въ ихъ дѣла, и за это были обыкновенно обвиняемы духовенствомъ въ распространеніи революціонныхъ началъ среди юношества,—какъ видно изъ процессовъ того времени между городскими магистратами и церковными властями. Какъ бы ни было, однако на дѣлѣ городскія школы еще въ XIV столѣтіи были подчинены схолястеру дома (собора): схолястеръ не только имѣлъ главный надзоръ за ними, но и нерѣдко бралъ изъ ихъ кассы часть денегъ на собственныя надобности. Если же гдѣ патронатъ находился въ рукахъ мѣстнаго свѣтскаго владѣтеля (въ Германіи—Landesherr), городскія власти откупались отъ него или разными личными услугами, или даже значительными суммами денегъ. Такимъ образомъ патронатъ постепенно переходилъ въ руки магистратовъ, а послѣдніе поручали надзоръ за школами обыкновенно также духовному лицу, къ которому питали довѣріе, или — одному изъ своихъ болѣе опытныхъ членовъ. Въ маленькихъ городахъ, однако, такимъ школьнымъ инспекторомъ былъ чаще всего приходскій священникъ, такъ какъ онъ превосходилъ другихъ по образованію.

Большая часть городскихъ школъ вообще имѣла ремесленно-цеховое направленіе, и кромѣ учителя въ нихъ полагался еще ректоръ. Учительскія должности занимали преимущественно францисканскіе или доминиканскіе монахи, неужившіеся въ своихъ монастыряхъ, неудавшіеся студенты, выгнанные клерики (причетники) и вообще разные авантюристы. Плату получали они самую ничтожную, и хотя мало годились къ дѣлу воспитанія, но за то знали латынь, грамматику и церковное пѣніе, и даже могли читать Виргилія. Ректоръ опредѣлялъ штатныхъ учителей, провизоровъ (locati) и собственно учителей азбуки (stampuales). За свои церковныя обязанности учителя получали особое вознагражденіе; но ихъ доходы во всякомъ случаѣ были ниже, тѣмъ у духовенства: старшій учитель въ городской школѣ получалъ 40 гульденовъ въ годъ, канторъ — 25, а помощникъ — даже 20! Недостающее приходилось пополнять разными сборами съ учениковъ: собственно за обученіе, потомъ на квартиру, дрова и т. под. нужды учителю, который, впрочемъ, долженъ былъ еще дѣлиться своимъ доходомъ съ ректоромъ. Иногда ректоры, шульмейстеры и канторы получали отъ города даровыя квартиры при школѣ, — но это бывало рѣдко. Такъ какъ постоянныя мѣста были по большей части непрочны, то въ Германіи постепенно образовался особый классъ «странствующихъ учителей», нанимавшихся по свободному договору съ общиной или родителями учить дѣтей на извѣстный срокъ. Учительство обратилось въ ремесло, и бродячіе шульмейстеры, учившіе сегодня здѣсь, завтра — тамъ, исполняли свои обязанности, конечно, однимъ внѣшнимъ образомъ и мало заботились объ образовательности и методахъ обученія. Кромѣ того, эта наклонность многихъ учителей къ бродячей жизни вызывалась еще духомъ того времени, когда общество само не имѣло должнаго спокойствія вслѣдствіе еще неуспѣвшаго сложиться гражданскаго порядка.

Странствующіе школяры.

Между тѣмъ потребность образованія всѣми живо чуствовалась; все стремилось къ живому знанію. Мальчики и юноши по всему свѣту искали науки, перенося всевозможныя лишенія, и нерѣдко извлекая изъ своихъ странствованій одинъ вредъ: правильнаго обученія, нравственнаго надзора за молодыми людьми не было никакого, и къ нимъ прививалась грубость, одичалость, страсть къ приключеніямъ, и вообще испорченность. За недостаткомъ вѣрныхъ средствъ къ жизни, и бродячимъ учителямъ, и ученикамъ-странникамъ обыкновенно приходилось просить милостыню и всячески выманивать грошъ или кусокъ хлѣба. Молодые люди ходили цѣлыми толпами, и назывались «Scholares vagantes» или бакхантами, изъ которыхъ старшіе смотрѣли на младшихъ, какъ на своихъ подчиненныхъ вассаловъ. Послѣдніе обязывались жизнью и смертью: вѣрно служить своимъ старшимъ товарищамъ, исправлять въ отношеніи къ нимъ всѣ обязанности прислуги въ качествѣ Knappen или Knechten, въ случаѣ нужды нищенствовать или воровать для нихъ, и всячески забавлять и развлекать ихъ. Этотъ родъ воровства, въ отличіе отъ обыкновеннаго, въ охотничьемъ уставѣ, сложившемся въ средѣ такихъ бакхантовъ, назывался «стрѣльбой,» вслѣдствіе чего народъ и самихъ странствующихъ школяровъ часто называлъ «стрѣлками» (ABCSchützen). Но какъ ни мало при этомъ выигрывала собственно наука, и вообще какъ ни плохо подобный порядокъ вещей соотвѣтствовалъ воспитательному идеалу, — явленіе это ясно доказывало, что средневѣковое человѣчество уже болѣе не довольствовалось тѣсной монастырской кельей; что та суровая строгость, съ которою монахи подавляли юношескій духъ, вызвала въ немъ реакцію, порывъ къ безграничной свободѣ; что, наконецъ, замиравшая схоластическая наука ощутила потребность сближенія къ жизню, — хотя и не умѣла сразу достигнуть этой цѣли. Главнымъ стимуломъ, побуждав-

шимъ юношество къ странствованію, было желаніе слышать преподаваніе многихъ учителей, составившихъ себѣ извѣстность въ тогдашнемъ ученомъ мірѣ. Однимъ словомъ, броженіе это, не смотря на всѣ его крайности, увлеченія и искаженія, было признакомъ новыхъ духовныхъ стремленій, продуктомъ новой, свободной науки, старавшейся выбиться изъ наложенныхъ на нее католицизмомъ схоластическихъ оковъ.

Замѣчательно, что общественная благотворительность, направленная прежде къ обогащенію церквей и монастырей, теперь направилась преимущественно къ удовлетворенію настоятельной потребности знанія и образованія. Городскіе магистраты и зажиточные граждане въ Германіи наперерывъ старались оставить по себѣ добрую память разными пожертвованіями и стипендіями въ пользу бѣднаго учащагося юношества, предлагая ему или бѣднымъ родителямъ, особенно вдовамъ: безплатныя жилища, даровой столъ, платье и т. под. Этому стремленію общества къ образованію обязаны своимъ происхожденіемъ особые пріюты для воспитанія бѣдныхъ или осиротѣвшихъ дѣтей. Первыя учрежденія въ этомъ родѣ извѣстны: въ Брюгге (1290), въ С. Бертенѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Бургундіи. Нерѣдко также и высшія духовныя лица поддерживали это дѣло общественной благотворительности; напр. епископъ камбрейскій, учредившій домъ для бѣдныхъ дѣтей въ 1374 г. Теперь на то же дѣло выступаютъ и *женщины*—въ качествѣ благотворительницъ, воспитательницъ и учительницъ юношества, искавшаго знанія, но не имѣвшаго достаточныхъ къ тому средствъ, и исторія сохранила не мало именъ какъ такихъ достойныхъ женщинъ изъ знатнаго и вообще богатаго сословія, такъ и выведенныхъ ими образованныхъ дѣятелей въ наукѣ и жизни; таковы: Agnès Bernauer, Philippine Welser, Ottile Clantes и др. дамы, вышедшія изъ средняго сословія. Въ этомъ отношеніи отличились раньше другихъ въ особенности нидерланскія дамы, которыя еще въ XI столѣтіи образовали особыя «женскія общества» для распространенія образованія, развившіяся еще болѣе въ XIII сто-

лѣтіи. Около того же времени появились подобныя общества въ Швейцаріи; въ Брюсселѣ встрѣчаемъ уже особыя школы для дѣвочекъ, имѣвшія ревностныхъ учительницъ. Всѣ эти общества, получившія свое начало въ кругу свѣтскаго класса, основаны были на чистыхъ религіозныхъ принципахъ и въ устройствѣ своемъ имѣли характеръ орденовъ, члены которыхъ носили званіе «сестеръ» и «братьевъ». Въ передовыхъ членахъ общества было вообще замѣтно желаніе возстановить жизнь на тѣхъ же началахъ, на которыхъ она держалась въ древнѣйшихъ, первобытныхъ христіянскихъ общинахъ.

Общимъ стремленіемъ къ распространенію и улучшенію образованія объясняется и появленіе книги извѣстнаго своей ученостью *Винцента Бовэ* (Beauvais — † 1264)—«Утѣшеніе души». Книга эта, снабженная также картинами, представляетъ первый опытъ теоретической педагогики въ средніе вѣка. По мнѣнію Винцента, языческіе писатели должны быть исключены изъ круга учебныхъ предметовъ; но его собственные педагогическіе взгляды, заимствованные, очевидно, изъ древнихъ классическихъ писателей, противорѣчатъ его требованію и отличаются большою ясностью и глубиною. При обученіи — говоритъ онъ — требуются три главныхъ условія: дарованіе, упражненіе и воспитательная дисциплина. Дарованіе предполагаетъ отъ природы хорошія умственныя способности и хорошую память въ дѣтяхъ. Упражненіе изощряетъ духъ, дѣлаетъ его тонкимъ, гибкимъ, такъ сказать шлифуетъ его и предохраняетъ отъ ржавчины. Воспитательное воздѣйствіе на ученика приводитъ усвоиваемую имъ науку въ согласіе съ жизнью. При обученіи питомецъ долженъ стараться усвоивать за собою слѣдующія качества: чувство преданности, чистоту стремленій, любовь къ истинѣ, спокойный, трезвый взглядъ на жизнь и охоту къ скромному научному изслѣдованію. Только такое обученіе будетъ дѣйствовать вполнѣ образовательно на юношество и будетъ примѣнимо ко всякому роду жизни. При распредѣленіи разнаго учебнаго матеріяла должно обращать вниманіе, чтобы каждый читалъ или

изучалъ только то, что соотвѣтствуетъ его возрасту и будущему призванію. Каждое искусство, каждое знаніе должно содѣйствовать познанію Божественнаго существа. Занятіе наукой не исключаетъ заботы о тѣлѣ, которое также нельзя забывать съ тою цѣлью, чтобы оно могло надлежащимъ образомъ служить душѣ человѣка. Вмѣстѣ съ образованіемъ ума слѣдуетъ тѣснѣйшимъ образомъ соединять образованіе сердца, ибо знаніе безъ добродѣтели, безъ хорошей нравственности, не только не полезно, но скорѣе вредно. Мудрость состоитъ именно въ соединеніи знанія съ добродѣтелью. Чтобы мальчикъ достигъ этой мудрости, его надо не силой приводить къ добрымъ поступкамъ, не ради ханжества, но — возбуждать и укрѣплять въ немъ естественное чувство добра ради его самого. Для этой цѣли существуютъ въ воспитаніи только два самыя надежныя средства, входящія въ область дисциплины: отученіе отъ злаго и пріученіе ко всему доброму путемъ привычки и убѣжденія.

Значеніе университетовъ въ учебно-воспитательномъ отношеніи.

Въ періодъ, когда христіянско-мавританская образованность изъ Испаніи и Италіи стала распространяться по остальной западной Европѣ; когда изъ феодальнаго порядка вещей начало возникать и возвышаться постоянное государство, и когда города, выдѣлившись изъ остальной общественной жизни, стали въ оппозицію и къ римско католическому духовенству, продолжавшему развивать схоластику, и къ рыцарству съ его романтическими подвигами, въ этотъ замѣчательный періодъ безкорыстнаго стремленія къ знанію, на югѣ Европы возникли и первые университеты. Съ перваго же своего появленія, относящагося еще къ концу XI и началу XII столѣтія, эти замѣчательныя, своеобразныя учрежденія заявили себя стремленіемъ къ чистому знанію, къ распространенію науки между всѣми призванными, къ какому бы состоянію и званію

они ни принадлежали. Ихъ назначеніе было—разсѣять мало по малу средневѣковой мракъ и, по выраженію Велькера, принять подъ свою защиту свободную образованность и дѣло научнаго развитія всей европейской культуры. Таковы дѣйствительно были вначалѣ тѣ раввинскія школы, распространенныя по сѣверной Африкѣ, Испаніи и Франціи, и въ особенности тѣ блестящія школы арабовъ, которыя такъ рано стали возвышаться надъ клерикально-схоластическими школами тогдашняго европейскаго человѣчества, и которыя отчасти передали это направленіе образовавшимся подъ ихъ вліяніемъ христіянскимъ университетамъ. Но сложное зданіе университета построилось не вдругъ: въ новомъ научномъ духѣ начали свою дѣятельность сперва факультетскія школы въ Италіи и Франціи, еще не имѣвшія права на громкое названіе «universitas litterarum»; это названіе могли онѣ принять уже нѣсколько позже.

Университеты возникли сами собою, безъ содѣйствія власти духовной или свѣтской, и представляли свободные союзы (корпораціи) ученыхъ мужей и любознательныхъ юношей. Въ нихъ собирались всѣ тѣ, которые не предназначали себя къ боевой жизни, такъ какъ устное преподаваніе и записываніе лекцій было единственнымъ средствомъ въ эту эпоху, когда книгъ не было, а существовавшія добывались съ трудомъ. Знаменитый учитель дѣлался центромъ умственнаго движенія, — какъ это можно видѣть на примѣрѣ Абеляра († 1142) и его возлюбленной Элоизы, распространившихъ философское направленіе среди французскаго юношества. Главѣ католической церкви не нравилось новое научное стремленіе юношества, и книги ученыхъ не только запрещались, но и торжественно сожигались вслѣдствіе шедшихъ изъ Рима распоряженій. Однако эти мѣры и преслѣдованія были напрасны: тѣмъ тѣснѣе соединялись члены новыхъ ученыхъ корпорацій, вступленіе въ которыя сопровождалось извѣстными формами и обязательствами. Преслѣдуемый ученый могъ когда угодно оставить свою каѳедру и переѣхать въ другое мѣсто, будучи увѣренъ, что ученики его всюду по-

слѣдуютъ за нимъ. Составъ школы того или другаго свободнаго учителя бывалъ самый разнообразный: къ нему стекались и молодые, и взрослые люди, изъ всевозможныхъ странъ и государствъ, изъ всевозможныхъ званій и сословій; — но большинство состояло изъ бѣдняковъ, которымъ нечего было терять въ случаѣ гоненій и преслѣдованій со стороны еще могущественнаго тогда католическаго духовенства. Государи, ища себѣ поддержки въ этихъ сильныхъ своею интеллигенціею корпораціяхъ противъ римскаго авторитета, стали, наконецъ, поддерживать ихъ своимъ вліяніемъ и средствами. Такъ, когда въ Болоньи образовалась подобная высшая школа, имѣвшая преимущественно характеръ юридическаго факультета, и когда число учениковъ въ ней постоянно росло, Фридрихъ I (въ 1158 г.) даровалъ ей значительныя права и привилегіи. Уже къ концу XII столѣтія въ Болонскомъ университетѣ насчитывалось до 12,000 студентовъ, большинство которыхъ собиралось сюда издалека. Не менѣе знаменита была такая же школа въ Салерно, (schola Salernitana), основанная еще въ концѣ XI столѣтія однимъ крещенымъ евреемъ Константиномъ Африканскимъ (изъ Карѳагена), и имѣвшая главнымъ предметомъ изученія медицину. Сюда стекались отовсюду тысячи студентовъ для изученія врачебнаго дѣла, и множество знатныхъ и богатыхъ больныхъ — для полученія изцѣленія. Салерно и Болонья именно и были тѣми первыми учеными пунктами, изъ которыхъ стала развиваться средневѣковая христіянская наука свободно, независимо отъ церковныхъ интересовъ и къ неудовольствію католической іерархіи. Около того же времени возникла обширная ученая школа въ Парижѣ, имѣвшая сначала видъ монастырской, но почти свободная отъ оковъ монашескаго духа. Скоро она сама собою превратилась въ университетъ, когда въ ней собрались представители разныхъ наукъ со своими школами или аудиторіями, и образовали одно цѣлое. Въ общемъ въ ней преобладало теологическое направленіе; во главѣ другихъ наукъ и искусствъ стояла теологія; большинство учащихъ и учащихся принадлежало къ ду-

ховному сословію. Парижскій университетъ пріобрѣлъ такую ученую извѣстность, что въ него, какъ въ величайшій храмъ науки, спѣшили юноши изъ всѣхъ частей западной Европы: здѣсь были неаполитанцы, нидерландцы, шотландцы, ирландцы, англичане, нѣмцы, поляки, чехи, и другіе иностранцы. Каждая народность держалась вмѣстѣ, и студенты жили въ особыхъ домахъ, смотря по своему національному происхожденію.

Тѣ же потребности времени вызвали появленіе университетовъ и въ Германіи, основываемыхъ отчасти свѣтскими или духовными государями, отчасти городскими магистратами. Явленіе это было общимъ и въ другихъ странахъ: Франціи, Испаніи, Португаліи, Англіи, покрывшихся университетами по образцу Парижскаго, и усвоившихъ тотъ же духъ, то же направленіе, лишь съ незначительными національными оттѣнками. Западные славяне также рано приняли участіе въ этомъ всеобщемъ духовномъ движеніи, и славянскій университетъ въ Прагѣ, основанный чешскимъ королемъ Карломъ IV (въ 1347), превосходитъ старшинствомъ всѣ собственно-нѣмецкіе. Привилегіи Пражскаго университета были утверждены и папою, и нѣмецкимъ императоромъ; въ устройствѣ своемъ онъ былъ полнымъ снимкомъ съ Парижскаго. Въ Прагѣ два профессора преподавали государственное и церковное право, одинъ — медицину, три — философію и «свободныя искусства». Этотъ составъ расширился только впослѣдствіи. Вслѣдъ затѣмъ явились университеты въ Вѣнѣ (1365), въ Гейдельбергѣ (1386), въ Кёльнѣ (1388), въ Эрфуртѣ (1392), въ Вюрцбургѣ (1403), въ Лейпцигѣ (1409) и т. д. Къ концу XV столѣтія въ одной Германіи уже было до пятнадцати университетовъ, изъ которыхъ почти всѣ устроились по образцу Пражскаго: только Тюбингенскій, подражаніемъ которому были потомъ Виттенбергскій и Хельмштедскій — по образцу Болонскаго.

Исторія науки, впослѣдствіи преобразовавшейся въ университетахъ на новыхъ свободныхъ началахъ, не входитъ непосредственно въ исторію воспитанія, хотя нельзя

не признать, что она имѣла прямое вліяніе на ходъ обученія. Замѣтимъ только, что кругъ наукъ, составлявшихъ предметъ тогдашняго преподаванія, дѣлился: на собственно науки, (scientiae), подъ которыми разумѣлась теологія съ ея различными отраслями, и на искусства (artes), т. е. на знанія, необходимыя для общаго образованія. Центромъ академическаго изученія все еще была по преимуществу схоластика, занимавшая современные умы. Формальному образованію служили: логика, діалектика и догматика; богословскія науки, какъ и всѣ другія, большею частью состояли изъ мертвой массы безсвязныхъ фактовъ, отдѣльныхъ положеній. Съ самой библіей мало кто былъ знакомъ. Самостоятельными науками, нашедшими себѣ пріютъ въ университетахъ, выступаютъ: юриспруденція и медицина, имѣвшія ближайшее примѣненіе къ жизни и могущественно содѣйствовавшія общественному прогрессу. Въ основаніе юриспруденціи легло римское право, а потомъ — и каноническое. Медицина получила свое начало отъ остатковъ греческой и арабской учености, и хотя близко граничила съ магіей, но все же раскрывала болѣе правильный взглядъ на природу, которая прежде казалась средневѣковому человѣку ужасной сферой нечистыхъ, враждебныхъ стихій.

О свободномъ изслѣдованіи въ наукѣ, о развитіи ума посредствомъ науки еще не было мысли: многоученые мужи могли думать и говорить только словами авторитетовъ — in verbis magistri. Ученикъ записывалъ и буквально заучивалъ текстъ, продиктованный учителемъ, и потомъ излагалъ ему эту мудрость его же словами. Сама наука была загромождена хламомъ ненужныхъ мелочей, изысканныхъ тонкостей. Впослѣдствіи блажайшее знакомство съ Аристотелемъ придало много умственной жизни университетамъ и содѣйствовало появленію въ нихъ такихъ наукъ, какъ физика, хотя и она страдала крайне-умозрительнымъ направленіемъ. Исторія все еще состояла или изъ нелѣпыхъ сказокъ, или изъ голыхъ именъ и чиселъ. Даже отечественнымъ языкомъ университетское сословіе вовсе не занималось: все говорило и писало

только по-латыни, исказивъ латинскій языкъ невольными вліяніями на него языка живаго, отечественнаго, и сдѣлавъ его даже неудобопонятнымъ (кухонная латынь).

Таково было это средневѣковое studium universale;— но все же эта ревность къ наукѣ, вызвавшая собою появленіе ея хранилищъ — университетовъ, не прошла безслѣдно для европейской образованности. Духъ былъ возбужденъ. Даже споръ номиналистовъ и реалистовъ, представлявшій, по видимому, одни пустыя пренія о логическихъ тонкостяхъ, оказывается знаменательнымъ фактомъ въ то время, когда 65 книгъ считались замѣчательною библіотекою, а собраніе въ 200 томовъ — неслыханной рѣдкостью; когда все остальное человѣчество жило вооруженнымъ, или находилось подъ тяжелымъ гнетомъ то свѣтскаго, то духовнаго господства, и когда лишь небольшой кружокъ людей заботился о философскомъ изслѣдованіи законовъ природы и жизни. Споръ шелъ именно о томъ, слѣдуетъ ли предполагать, вмѣстѣ съ Платономъ, что идеи предшествуютъ вещамъ и составляютъ ихъ сущность, и что не должно ли поэтому приписывать бытіе одной идеи, которая доступна человѣку только во внѣшнемъ проявленіи (реалисты); — или, напротивъ того, вещи (res) и понятія (nomina) существуютъ вмѣстѣ и не отдѣлимы одно отъ другаго, какъ полагалъ еще Аристотель (номиналисты), т. е. проще: прирождены ли идеи, или образуются потомъ изъ внѣшнихъ ощущеній? Впрочемъ, весь этотъ ожесточенный споръ имѣлъ тогда значеніе только по примѣненію къ теологіи, и именно къ вопросу о св. Троицѣ (Ансельмъ и Росцелинъ).

По отношенію къ университетскому юношеству наука дѣйствовала не вполнѣ воспитательно: нравы были грубы; вражда раздѣляла учащихся на множество лагерей; но и это неулегшееся броженіе въ средѣ свободной молодежи было по своимъ послѣдствіямъ плодотворнѣе прежняго оцѣпенѣлаго застоя монастырскихъ школъ съ ихъ суровою, всеподавляющею дисциплиною. Не смотря на то, что большинство студентовъ не принадлежало къ дворянскому или рыцарскому сословію, обычаи рыцарства явно отра-

зились на ихъ бытѣ, который вмѣстѣ съ тѣмъ имѣлъ еще сходство съ развившимися въ тогдашнихъ городахъ цеховыми корпораціями. Жизнь студенчества носила печать замкнутости и часто возмущалась страстью молодыхъ людей къ похожденіямъ и удальству. Всѣ члены университетской коллегіи — разсказываетъ Дольхъ, — и учащіе и учащіеся in corpore, составляя нѣчто цѣлое, въ тоже время дѣлились между собою по принципу національности, и кромѣ общихъ собраній и праздниковъ, имѣли еще свои частныя, національныя. Такъ въ Парижѣ въ 1206 году все университетское сословіе дѣлилось: на франковъ, норманновъ, пикардійцевъ и алеманновъ. Нѣмецкая нація занимала въ иноземныхъ университетахъ этого времени младшее, послѣднее мѣсто, но скоро пріобрѣла и большое уваженіе, и важныя права, напр. право наравнѣ съ другими всегда носить при себѣ шпагу или кинжалъ. Въ Болоньи нѣмецкая нація стала потомъ избирать себѣ своего особаго ректора; а въ Падуи между 25-ю различными націями заняла одно изъ первыхъ мѣстъ: имѣла два голоса на общихъ собраніяхъ и не платила пошлинъ; въ Сіеннѣ студенты изъ нѣмцевъ уже имѣли собственный судъ. Въ половинѣ XIII столѣтія въ Парижѣ явился новый принципъ дѣленія на три факультета (теологическій, юридическій и философскій), и началъ борьбу съ прежнимъ національнымъ, надолго, однако, удерживавшимъ свои права. Особенно вѣрною хранительницею старинныхъ, средневѣковыхъ нравовъ студенчества явилась Германія. Пражскіе студенты дѣлились на четыре главныя націи: богемскую, венгерскую, польскую и баварскую, изъ которыхъ въ каждую входило еще нѣсколько близкихъ народностей; такъ къ польской націи принадлежали: поляки, силезцы, литовцы и, по свидѣтельству историковъ, даже русскіе. Въ собственно-нѣмецкихъ университетахъ студенты дѣлились также и по факультетамъ, и по племенному происхожденію, болѣе отражавшемуся въ ихъ внутреннемъ бытѣ. Для удобства и дешевизны студенты стали жить въ особо учрежденныхъ для нихъ со стороны властей коллегіяхъ или *бурсахъ*. Сначала бурсами назывались въ

Парижѣ собственно стипендіи, а потомъ это названіе перенеслось и на самыя учрежденія, члены которыхъ— bursati — были мало по малу подчинены строгому надзору: они по закону не смѣли выходить изъ дому безъ позволенія, проводить ночь внѣ бурсы, измѣнять формѣ платья, или говорить на иномъ языкѣ, кромѣ латинскаго. Наконецъ, содержаніе молодыхъ людей, особенно изъ богатыхъ семействъ, обратилось во Франціи, и еще болѣе въ Германіи, въ выгодный промыселъ: начальники бурсъ усердно бѣгали по площадямъ, шинкамъ и постоялымъ дворамъ, чтобы вербовать себѣ нахлѣбниковъ. По уставамъ того времени, bursarius не могъ имѣть при себѣ оружія и денегъ; игра, знакомство съ дурными женщинами и т. п. наказывались денежнымъ штрафомъ, тюремнымъ заключеніемъ или изгнаніемъ изъ коллегіи. Содержаніе въ бурсахъ было скудно, предписанія и надзоръ стѣснительны. Между тѣмъ законъ, желавшій ограничить буйство и распущенность молодежи, постановлялъ, что тотъ, кто не жилъ въ бурсѣ, не былъ буршемъ,— не имѣлъ права числиться членомъ университетскаго сословія и пользоваться его привилегіями. Въ большинствѣ случаевъ студенты, между которыми бывали люди довольно пожилые, не могли выносить всей строгости предписаній, подававшихъ, такимъ образомъ, поводы къ безпорядкамъ, возмущеніямъ и вообще неуваженію закона. Современники называютъ бурсы «жилищемъ праздности и пороковъ». Дѣйствительно, большинство студентовъ проводило болѣе времени въ погребкахъ и на улицахъ, чѣмъ въ коллегіи, расточало время и деньги. Нападенія на домы гражданъ, злоупотребленіе оружіемъ, грабежъ, воровство, дикій крикъ на улицахъ и даже въ аудиторіяхъ,—были явленіями обыкновенными, тѣмъ болѣе, что въ подобныхъ занятіяхъ и развлеченіяхъ упражнялись не одни студенты: на нихъ только порѣзче отражались общія черты средневѣковаго общества. Отличительной чертой академическаго быта были разные праздники и церемоніи, общія или частныя по факультетамъ и національностямъ; участіе въ нихъ принимали всѣ академическіе граждане: и

профессора, и студенты. На святкахъ студенты давали также театральныя представленія, маскарады,—и ихъ разгулъ подъ маской принималъ еще опаснѣйшіе размѣры, вызывая строгія преслѣдованія со стороны гражданъ и властей.

При вступленіи въ корпорацію каждый новичекъ долженъ былъ давать всѣмъ пиръ. Всеобщая расточительность студентовъ впослѣдствіи доходила до того, что купцамъ подъ строгимъ штрафомъ запрещалось давать имъ въ кредитъ болѣе положеннаго maximum; главнымъ же предметомъ роскоши было платье. Студенческій костюмъ вначалѣ былъ подраженіемъ придворному или рыцарскому, и стоилъ очень дорого. Такъ называемые «Plüderhosen» у нѣмецкихъ студентовъ въ XV столѣтіи часто бывали такъ роскошны, что на нихъ требовалось до 100 аршинъ тонкой матеріи; а потому противъ нихъ издавались эдикты государей, и духовенство проповѣдывало противъ нихъ съ церковной каѳедры. Пестрота и яркость цвѣтовъ играли главную роль въ студенческомъ костюмѣ среднихъ вѣковъ,—и это нерѣдко также преслѣдовалось закономъ какъ по отношенію къ студентамъ, такъ и — къ ихъ портнымъ. Разные способы пить пиво и вино съ странными обрядами и церемоніями составили, наконецъ, цѣлый уставъ, свято соблюдаемый нѣмецкими студентами. То же самое можно сказать о дуэляхъ, бывшихъ остатками рыцарскихъ турнировъ. Обрядъ принятія въ корпорацію сопровождался такими унизительными требованіями отъ новичковъ (пенналовъ, бакхантовъ, фуксовъ), что впослѣдствіи родители заблаговременно (отъ 3-хъ лѣтъ) отсылали своихъ дѣтей на трудную, но неизбѣжную депозицію, такъ какъ съ малолѣтными обходились милосерднѣе. Старшіе товарищи (schoristen, absoluti) страшно эксплоатировали младшихъ и даже заставляли ихъ воровать для себя,—что отчасти мы уже видѣли на примѣрѣ странствующихъ школяровъ: между студентами, за немногими свѣтлыми исключеніями, нравы были нелучше. Такимъ образомъ, университетская среда дѣйствовала не вполнѣ воспитательно на тогдашнее юношество, и ни эдикты,

ни карцеры, никакія административно-полицейскія мѣры не могли подавить въ немъ той грубости и испорченности, которыя стали по немногу исчезать лишь подъ вліяніемъ развившейся въ университетахъ и распространявшейся въ обществѣ науки.

Эпоха возрожденія классицизма.

Въ концѣ средневѣковаго періода, предъ началомъ новой исторіи, какъ вся жизнь, такъ и воспитаніе европейскаго человѣчества носятъ на себѣ характеръ переходнаго времени, когда старыя, отжившія формы еще перемѣшаны съ нарождающимися новыми. Городскія школы, вызванныя жизненными потребностями общества и уже носившія въ себѣ задатки дальнѣйшаго самобытнаго развитія въ будущемъ, все еще не совершенно свободны отъ клерикальнаго вліянія и схоластическаго метода. Университеты являются представителями отчасти рыцарскихъ традицій, отчасти цеховаго мѣщанства, и потому также опутаны разными условіями средневѣковаго формализма; громко заявивъ собою стремленіе къ свободѣ въ наукѣ и жизни, они еще не въ силахъ отрѣшиться отъ прошедшаго и выступить на прямой, открытый путь. Въ это знаменательное время начинавшагося общественнаго броженія и первыхъ робкихъ попытокъ воскресаетъ отверженная и почти позабытая римско-католическимъ христіянствомъ языческая старина, чтобы обновить своимъ дыханіемъ уснувшій-было человѣческій духъ, которому, послѣ усвоенія высочайшихъ христіянскихъ принциповъ, предстояло окончательно усвоить за собой сокровища древнеклассической цивилизаціи, почти исчезнувшей въ морѣ средневѣковаго варварства. Сокровища эти сберегала до сего времени одна восточная половина распавшейся римской

имперіи — Византія, какъ бы для того, чтобы въ критическую минуту своей гибели, когда палъ подъ оружіемъ оттомановъ и роскошный Константинополь (1453 г.), окончательно передать ихъ западу. Великіе учители классической науки и классическаго искусства должны были вновь научить человѣчество пониманію достоинства и красоты жизни, въ противоположность католическому аскетизму и католической схоластикѣ. Земная жизнь, представлявшаяся средневѣковому человѣку «юдолью плача и страданій» должна была явиться и явилась въ новомъ, обольстительномъ свѣтѣ подъ вліяніемъ древняго, классическаго міросозерцанія, увлекши своею красотою и отраженіемъ ея — искусствомъ самихъ представителей римско-католической церкви — папъ. Наступило время реакціи всему старому, время увлеченія всемъ еще болѣе старымъ, но — возродившимся къ новой жизни. Новые идеалы, замѣчаетъ Раумеръ, къ осуществленію которыхъ стало страстно стремиться западное человѣчество еще начиная съ XIV столѣтія, поставивъ новыя задачи, потребовали иныхъ средствъ и въ воспитаніи.

Педагоги переходнаго времени.

Теперь всѣ даровитѣйшіе, всѣ недовольные прежнимъ, кинулись на изученіе классицизма, — но уже не по схоластическимъ учебникамъ, а по первымъ источникамъ, непосредственное знакомство съ которыми потребовало знакомства съ заброшеннымъ прежде греческимъ языкомъ. Притомъ же и точка зрѣнія на науку и на искусство древнихъ теперь стала совершенно иная, которая болѣе не опредѣлялась интересами одной теологіи. Старинный греческій принципъ «наука ради науки, и искусство ради искусства» опять получилъ всю силу и естественно граничилъ съ другимъ, вовсе не противорѣчащимъ ему принципомъ «ради жизни», такъ какъ наука и искусство сами должны входить въ жизнь, какъ ея существеннѣйшій элементъ, — если подъ жизнью не разумѣть

одну ея утилитарную сторону. Этотъ переворотъ, давшій начало новой исторіи, конечно, совершился не вдругъ. Средневѣковой деспотизмъ, сковывавшій разумъ, чувство и волю человѣка, ранѣе всего былъ потрясенъ въ Италіи. Здѣсь уже въ XIV столѣтіи въ лицѣ Петрарки и Боккачіо начинается борьба прекраснаго древне-классическаго міра съ средневѣковою схоластикою, относительныя заслуги которой, наравнѣ съ заслугами рыцарства и католицизма, безпристрастно признаны современною исторіей. Петрарка съ своей стороны разрушилъ сухой схоластическій методъ, и плодомъ его занятій классицизмомъ явилось основанное имъ искусство живаго краснорѣчія, такъ какъ онъ смотрѣлъ на слово, какъ на непосредственное выраженіе души, и въ то же время стремился къ возстановленію чистой латинской прозы. Въ томъ же направленіи дѣйствовалъ и Боккачіо: ревностно собиралъ и переписывалъ классиковъ, изучалъ греческій языкъ и наслаждался Гомеромъ. Ученые выходцы изъ Греціи, бѣжавшіе въ Италію отъ турецкаго ига, нашли здѣсь поэтому уже нѣсколько подготовленную почву. Разные итальянскіе государи, равно какъ и республиканскія правительства, также принимали большое участіе въ дѣлѣ распространенія возрождавшейся образованности: Висконти и Сфорца — въ Миланѣ, Медичи — во Флоренціи, Альфонсъ — въ Неаполѣ, фамилія Гонзага — въ Мантуи и др. считали за честь — содѣйствовать изученію древности и покровительствовать ученымъ, имена которыхъ съ уваженіемъ вспоминаетъ исторія.

Увлеченіе греческимъ языкомъ было такъ велико, что извѣстный ученикъ Петрарки — *Витторино-да-Фельтре* (род. 1378 г.) считалъ его въ образованіи важнѣе латинскаго, которому онъ долженъ поэтому предшествовать въ школѣ. Дѣло воспитанія являлось въ глазахъ Витторино важнѣйшимъ средствомъ усовершенствованія всей общественной жизни. «Достоинство, награда и божественность учительскаго призванія — говоритъ онъ — заключается въ любви. Лучшее украшеніе человѣка составляютъ только мудрость и добродѣтель; все же прочее —

мнимый блескъ и мишура, и, слѣдовательно, вовсе не входитъ въ цѣль воспитанія». Когда принцъ Франческо Гонзага предложилъ успѣвшему составить себѣ извѣстность Витторино мѣсто наставника при своихъ дѣтяхъ, онъ явился къ нему съ смѣлою, открытою рѣчью: «Хотя я твердо рѣшился — говорилъ онъ — всегда удаляться отъ блеска двора, гдѣ такъ часто господствуетъ роскошь, изнѣженность и придворная спѣсь, вовсе несогласныя съ моимъ взглядомъ на вещи; но я надѣюсь, государь, что мой образъ мыслей найдетъ опору въ твоемъ просвѣщенномъ умѣ. Послушный призыву, я явился и останусь при особѣ твоей до тѣхъ поръ, пока ты пребудешь добродѣтельнымъ и не потребуешь отъ меня чего либо, недостойнаго насъ обоихъ». — «Твоя ученость и извѣстная всѣмъ нравственность — отвѣчалъ этотъ замѣчательный принцъ — побудили меня поручить тебѣ воспитаніе и образованіе моихъ дѣтей; я передаю ихъ въ твое полное распоряженіе, оставляя себѣ только имя отца и отеческую любовь къ нимъ». Ободренной надеждой осуществить составленную имъ педагогическую систему, за достоинство которой ручался также авторитетъ его классическихъ учителей, Витторино поселился въ Мантуанскомъ дворцѣ, великолѣпіе котораго поразило, но не ослѣпило скромнаго философа. Воздушныя галлереи, богатое убранство комнатъ, картины, всюду золото, серебро и мраморъ, роскошный столъ, многочисленность прислуги — все это обѣщало одно вредное вліяніе на молодыхъ принцевъ и не укрылось отъ вниманія итальянскаго педагога. Онъ рѣшился ввести новый порядокъ, соотвѣтствовавшій его системѣ: удалилъ лишнюю прислугу, допускалъ къ своимъ питомцамъ только неиспорченныхъ сверстниковъ, упростилъ столъ, платье, и обратилъ главное вниманіе на здоровое физическое воспитаніе, отъ котораго столь много зависитъ здоровье духа. Витторино сознавалъ, что схоластика монастырскихъ школъ съ ихъ угнетающей дисциплиной, убивая тѣло, убивала вмѣстѣ и духъ дѣтей. Закаляя своихъ питомцевъ разнообразной гимнастикой и пріучая ихъ къ простотѣ, онъ говаривалъ: «Надо заранѣе приготовить

себя ко всѣмъ неудобствамъ жизни: кто знаетъ, какая судьба ожидаетъ насъ въ будущемъ?» Заботясь объ улучшеніи методовъ преподаванія, Витторино вмѣстѣ съ другими образованными людьми своего времени считалъ тогдашнія школы «тюрьмами юношества». Также Понтанье говоритъ объ нихъ слѣдующее: «Если бы родители или лица правительственныя посѣтили школы во время уроковъ, они увидѣли бы гнѣвныя физіогноміи наставниковъ, неумѣющихъ обуздывать своихъ страстей, и услышали бы громкіе вопли наказываемыхъ. Неужели мѣры строгости способны возбудить въ робкомъ дитяти охоту къ ученію? Неужели наставники должны быть вооружены бичами? Какое ложное, безчеловѣчное понятіе!» Витторино, проникнутый греческими идеалами, былъ однимъ изъ первыхъ практическихъ реформаторовъ средневѣковой системы воспитанія.

Знаменитый филологъ *Гуарино*, у котораго учился по-гречески самъ Витторино-да-Фельтре, былъ замѣчательнѣйшимъ изъ гимназическихъ учителей того времени, и, согласно съ духомъ и потребностями своей эпохи, проводилъ мысль, что греческій и латинскій языки должны служить центромъ преподаванія въ ученыхъ школахъ. Павелъ Вергеріусъ занимался вопросомъ о нравственномъ воспитаніи дѣтей и въ сочиненіяхъ своихъ требовалъ, чтобы оно обнимало какъ духъ, такъ и тѣло питомца, чтобы обращалось вниманіе на индивидуальное призваніе каждаго, и, считая необходимымъ для юношества знаніе философіи, риторики, исторіи и музыки, въ то же время полагалъ, что естествовѣдѣніе болѣе всего сообразно съ потребностями развивающагося ума. Наконецъ, *Матѳей Вегіусъ* (род. 1407 г.) составилъ довольно полную систему воспитанія и обученія, построенную на новыхъ началахъ распространявшагося тогда въ Италіи гуманизма. Сознавая всю важность физическихъ условій развитія, онъ уже высказываетъ ту мысль, что воспитаніе должно начинаться одновременно съ зарожденіемъ младенца въ утробѣ матери, такъ какъ всѣ усилія сообщить естественное развитіе новорожденному не принесутъ много пользы,

если дитя родилось уже такимъ, что нельзя или очень трудно правильно вести его воспитаніе: точно такъ садовникъ, бросивъ на землю дурное сѣмя, при всемъ своемъ стараніи уже никогда не получитъ отъ него хорошаго плода. Поэтому мать по зарожденіи должна видѣть въ своей комнатѣ только прекрасные, а не безобразные предметы; должна употреблять въ пищу не слишкомъ острую или возбудительную пищу, и притомъ — въ умѣренномъ количествѣ; должна беречься отъ сильныхъ ощущеній и стараться сохранять спокойное состояніе духа. Діэтетика Вегіуса требуетъ, чтобы послѣ рожденія ребенка мать непремѣнно сама кормила его, ибо отъ качества первой пищи также отчасти зависитъ ходъ тѣлесно-духовнаго развитія ребенка. Вообще, основнымъ принципомъ воспитанія служитъ «золотая середина» во всемъ. Опытъ показываетъ, что дѣти, воспитанныя на угрозахъ и побояхъ, всегда обнаруживаютъ рабскія наклонности, дѣлаются мрачными, унылыми, или, напротивъ, пріобрѣтаютъ наглыя привычки. Чтобы предохранить дѣтей отъ всего дурнаго и пріучить ихъ ко всему хорошему, — для этого прежде всего необходимо знаніе дѣтской природы, тщательное изученіе всѣхъ свойствъ и способностей духа: тогда мы будемъ въ состояніи для устраненія разныхъ недостатковъ прибѣгать къ разнымъ, и притомъ соотвѣтствующимъ средствамъ, поступая точно также, какъ поступаетъ врачъ при леченіи различныхъ болѣзней. То же самое и въ нравственомъ отношеніи.... Послѣ семи лѣтъ дитя передается на руки наставнику, котораго не должно часто перемѣнять: какъ растеніе, безпрестанно пересаживаемое, легко портится, — точно также исказится и молодой умъ подъ вліяніемъ на него различныхъ пріемовъ, различныхъ школъ и учителей.

Уже изъ этихъ немногихъ примѣровъ видно, какъ измѣнились взгляды и требованія классически-образованныхъ людей относительно воспитанія, отъ котораго стало требоваться болѣе естественности и свободы. Человѣческая мысль начала расширяться, а вкусъ — очищаться. Какъ бы ни было, но при тогдашнемъ страстномъ увлеченіи вновь

открытою древностью, многіе не умѣли остаться справедливыми въ отношеніи прежнихъ формъ и основъ жизни; многіе, очарованные античными образцами, какъ бы отдались *язычеству*. *Протестъ противъ стараго, какъ и всегда* въ переходныя эпохи, былъ иногда слишкомъ рѣзокъ и нерѣдко переходилъ въ кощунство самыми священными предметами, предъ которыми благоговѣло средне*вѣковое человѣчество*. Даже *преемникъ* св. Петра папа Левъ X былъ увлеченъ моднымъ направленіемъ: «Вѣдь всему свѣту извѣстно, — сказалъ онъ однажды къ Бембо, — какъ выгодна была для насъ эта басня о Христѣ!» Боккачіо называлъ Христа «сыномъ Юпитера, побѣдившимъ царство Плутона».

Германія съ Нидерландами также пережила этотъ общій кризисъ, подготовившій реформацію римско-католической церкви. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательны: Рейхлинъ и Эразмъ Роттердамскій. Извѣстна характерическая поговорка перваго, достаточно опредѣляющая его *стремленія*: «*Я почитаю св. Іеронима, какъ ангела*; уважаю также и угодника Николая, какъ великаго учителя; но истинѣ поклоняюсь, какъ Богу»! *Эразмъ*, самый ревностный защитникъ классическаго знанія, которое онъ водворилъ въ Германіи, *занимался педагогическими вопросами*. «Когда положено уже достаточное основаніе знанію языка (греческаго), — требовалъ онъ, — должно тотчасъ переходить къ знанію самихъ вещей; лучшимъ же источникомъ, изъ котораго почерпаются науки, должны служить греческіе писатели. Цѣль грамматики вовсе не въ томъ заключается, чтобы соперничать съ Цицерономъ въ чистотѣ слога. Читая, ты долженъ все основательно продумывать, чтобы прочитанное обратилось въ твою плоть и кровь, а не было сложено въ одной памяти, какъ въ какомъ нибудь индексѣ; надо, чтобы духъ твой, напитавшись *разнообразной духовной пищей*, рождалъ *свободную*, самобытную рѣчь, которая была бы украшена не разными сборными цвѣтами и травами, но свойствами и стремленіями твоего собственнаго чувства, такъ чтобы читатель нашелъ въ твоемъ произведеніи не одни сши-

тые отрывки изъ Цицерона, а отраженіе твоего собственнаго духа, наполненнаго разнородными знаніями. Пчелы собираютъ медъ не изъ одного цвѣтка, а съ поразительнымъ рвеніемъ облетаютъ всевозможные цвѣты и травы, и не находятъ въ нихъ готоваго меду, но вырабатываютъ его своимъ ртомъ и внутренностями, производя его изъ самихъ себя, такъ что въ немъ не узнаешь потомъ ни запаха, ни вкуса отдѣльныхъ цвѣтовъ, съ которыхъ онъ собранъ ими». Такъ первые провозвѣстники классицизма, въ свое время дѣйствительно служившаго главнымъ источникомъ знанія и науки, относились къ нему совершенно иначе, чѣмъ привязанные къ буквѣ схоластики, не развивавшіе, а убивавшіе молодую мысль и естественное чувство своихъ учениковъ, для которыхъ древность являлась не съ своей прекрасно-жизненной, а съ сухой, мертвой стороны, ибо слово важно не само по себѣ, а только какъ «сосудъ мысли и чувства человѣка».

Стараніями Рейхлина и Эразма въ Германіи уже было потрясено зданіе схоластической теологіи, такъ какъ ученые эти обратились непосредственно къ Евангелію, и съ помощію еврейскаго языка — непосредственно къ ветхому завѣту. Защитники старой системы, называемые тогда «артистами» (отъ слова artes), вступили въ ожесточенную борьбу съ представителями новой системы, прозванными «поэтами» и «юристами». Въ школы всюду проникъ новый классицизмъ (гуманизмъ), стараясь вытѣснить схоластику; свѣдущіе учителя и хорошія книги стали высоко цѣниться въ обществѣ. Но учителей было мало: они сами должны были, если могли, переучиваться заново, ближе знакомясь съ этимологіей и синтаксисомъ древнихъ языковъ, особенно греческаго. Наибольшей новизной оказался позабытый Цицеронъ, научившій отличать чистую латынь отъ «кухонной»; многіе изъ современныхъ прогрессистовъ, изъ пристрастія къ древнимъ языкамъ, перекрещивали себя латинскими и греческими именами,такъ что напр. изъ Dèscartes выходилъ Carte-

sius, изъ Schwarzland — Melanchton, изъ Hausleuchte— Oekolampadius и т. п.

Движеніе это, однако, коснулось сперва только однихъ верхнихъ слоевъ общества, и особенно отразилось на учащейся молодежи. Дѣло поэтизированія веселаго разгула по университетамъ принадлежитъ, главнымъ образомъ, гуманистамъ, вступившимъ въ рѣшительное состязаніе съ средневѣковыми аскетическими понятіями, и студенты, кинувшись на чтеніе классиковъ въ подлинникахъ, въ тоже время жестоко преслѣдовали отсталыхъ профессоровъ и старались въ самой жизни осуществить эту новую эмансипацію. Крайности и увлеченія сдѣлались общимъ явленіемъ, когда старыя нравственныя основы рушились, а другихъ, лучшихъ, еще не было найдено. Университетскія лѣтописи за это время полны разсказами о несчастныхъ случаяхъ отъ разгула, буйства и пьянства; говорятъ, что самъ Рейхлинъ принадлежалъ къ одному обществу пьянства, носившему названіе «Trinkreich». Для собственно народнаго образованія гуманисты не оказали особенныхъ услугъ: объ этомъ дѣлѣ впослѣдствіи позаботились протестанты и ихъ противники — іезуиты. Выиграли однѣ ученыя школы, которымъ Меланхтонъ успѣлъ дать новую, крѣпкую организацію, еще болѣе удаливъ ихъ отъ народа. Само христіянское образованіе стало въ тѣснѣйшую зависимость отъ школы, въ которой Аристотель почти занялъ мѣсто Христа: такъ одинъ тюбингенскій лиценціатъ, во время ученой дѣятельности Меланхтона въ ихъ университетѣ, высказалъ мысль, что если бы вдругъ пропали всѣ книги ветхаго и новаго завѣта, то настоящее содержаніе ихъ могло бы быть вполнѣ замѣнено извлеченіями изъ этики Аристотеля. Епископъ Іоаннъ VI (изъ Заальгаузена) въ 1504 году приказывалъ ректорамъ школъ и ихъ помощникамъ, чтобы они въ своихъ школахъ занимались не объясненіемъ св. писанія, а изученіемъ «свободныхъ искусствъ». Но ни городскія школы, ни университеты, ни гуманисты этого времени еще не могли создать полной системы школьнаго образованія, вызвавъ пока одинъ разладъ между

церковью и школою, такъ какъ для ихъ полнаго возрожденія и примиренія недоставало національнаго элемента, забытаго въ погонѣ за классицизмомъ съ одной стороны, и въ оборонѣ схоластики — съ другой. Дѣло это довершилъ геніальный реформаторъ — Лютеръ; тому же содѣйствовали и многія другія благопріятныя условія, сопровождавшія начало новой исторіи. Лютеръ опять придалъ силу позабытому въ средніе вѣка принципу, что задача христіянской педагогики одна и та же для всѣхъ сословій, званій и половъ, для всѣхъ временъ и народовъ, и что задача эта опредѣленно поставляется Евангеліемъ. Послѣ изобрѣтенія пороха (1354 г.) пали остатки рыцарства, представлявшаго собою одну изъ стѣнъ сословнаго разъединенія. Еще благодѣтельнѣе отозвалось на ходѣ образованности изобрѣтенное Гуттенбергомъ книгопечатаніе (1452 г.), уничтоживъ ученую касту, наполнявшуюся преимущественно духовенствомъ. Наконецъ, открытіе *новаго свѣта* (1492 г.) еще болѣе расширило область человѣческаго духа, который сталъ сознательнѣе ощущать свою силу и стремиться къ самодѣятельности.

Вліяніе реформаціи на ходъ западнаго воспитанія.

Главная задача, на разрѣшеніе которой затрачены были всѣ интеллектуальныя силы средневѣковаго человѣчества, состояла въ томъ, чтобы усвоить за выступившими на историческое поприще романо-германскими племенами христіянскія начала, дѣло водворенія которыхъ приняла на себя римско-католическая церковь, воспользовавшись для этой цѣли также наукой и превративъ ее въ схоластику. Средневѣковое воспитаніе имѣетъ значеніе хотя неудавшагося, но тѣмъ не менѣе поучительнаго опыта въ примѣненіи религіи, науки и искусствакъ школѣ. Оно не поняло истинной, многосторонней природы человѣка ни самой по себѣ, ни по отношенію ея къ остальному внѣшнему міру, который еще оставался не разгаданнымъ: отсюда вытекли всѣ крайности и противорѣчія; отсюда

же—и та реакція, которая началась смутнымъ броженіемъ и, наконецъ, разрѣшилась реформаціей. Но тѣже средніе вѣка и ихъ представительница—церковь подготовили многіе нужные элементы для будущаго развитія: они создали приходскія и латинскія школы; имъ же обязаны своимъ происхожденіемъ и университеты. Въ средніе вѣка также нѣсколько установилось содержаніе учебной системы, въ которую вошли: религія, древніе и отчасти новые языки, а сословное воспитаніе, сперва клерикальное, а потомъ рыцарское, уже начало переходить въ общечеловѣческое. Крестовые походы сблизили народности и проложили путь къ водворенію наивысшаго, христіянско-гуманнаго принципа въ воспитаніи.

Послѣдней цѣли оказала особенно важную услугу *реформація*, благотворное вліяніе которой на педагогическое дѣло не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Стремясь къ освобожденію человѣка отъ тяготѣвшаго надъ нимъ господства римской церкви съ ея формализмомъ и развратившеюся іерархіей, реформація содѣйствовала и освобожденію школы отъ рутины, сотканной схоластикой, отъ гнета, насиловавшаго нравственную личность дѣтей. Она старалась вновь освѣтить потускнѣвшую въ католицизмѣ христіянскую идею свободы и любви, отвлечь человѣка отъ мертвой буквы, отъ внѣшней формы, и привести его къ сознанію истины, которая одна способна сдѣлать человѣка вполнѣ свободнымъ. Вслѣдствіе этого, реформація вызвала энергическую дѣятельность разума въ наукѣ и придала ему такую смѣлость, что онъ, наконецъ, внесъ раціоналистическое начало въ саму религію, внѣшнее проявленіе которой въ протестантизмѣ утратило много своихъ существеннѣйшихъ, необходимѣйшихъ сторонъ. Боясь злоупотребленія формой, реформаторы вдались въ философскую абстракцію, недоступную для большинства и вызвали въ западномъ обществѣ не мало такихъ недоразумѣній, исторія которыхъ отмѣчена кровью... Но, какъ бы ни было, начатая Лютеромъ реформа значительно опредѣлила должное отношеніе между государствомъ, церковью и школой, за которой были, нако-

нецъ, признаны права самостоятельнаго учрежденія, интересы котораго должны быть внутренно, органически связаны съ интересами церкви — представительницы религіознаго, и государства — представителя практическаго начала общественной жизни.

Духъ протестантизма всецѣло выражается въ словахъ, высказанныхъ еще Юстиномъ: «Христосъ есть вѣчный разумъ, которому можетъ содѣлаться причастенъ весь родъ человѣческій; а потому тѣ, которые живутъ по законамъ этого вѣчнаго разума, суть христіяне». Источникомъ чистѣйшаго, божественнаго разума служитъ Евангеліе, благую вѣсть котораго первые протестанты противъ католическаго формализма спѣшили распространить между людьми, и средствомъ для этой цѣли избрали кромѣ церковной проповѣди также воспитаніе вообще, и школу въ особенности. Въ то время, какъ католицизмъ продолжалъ воздвигать свои готическіе храмы, протестантизмъ сталъ усердно строить школы, требуя отъ каждаго христіянина знанія и пониманія своей религіи. Кромѣ того, признавая ту истину, что многоразличныя нужды и призванія жизни составляютъ только разное выраженіе и распредѣленіе царства Божія на землѣ, приверженцы протестантскаго ученія послѣдовательно пришли къ убѣжденію, что школа можетъ и должна удовлетворять всѣмъ многоразличнымъ потребностямъ практической жизни и существовать одинаково для всѣхъ, смотря по ихъ способностямъ и призванію. Принципъ сословности въ воспитаніи и обученіи теоретически былъ окончательно разрушенъ протестантизмомъ, тогда какъ до него каждое сословіе: духовное, военное (рыцарское), ученое и др. считали образованіе исключительно своей привилегіей и понимали его каждое по своему. Вслѣдствіе этого, въ основаніе всего общечеловѣческаго воспитанія должна была лечь непосредственно послѣ семьи *народная школа*, хотя формы ея еще не выработались, продолжая вырабатываться вплоть до настоящаго времени. Отвергая то притязательное господство церкви надъ школой и наукой, примѣромъ котораго служитъ католицизмъ, проте-

станты требуютъ отъ школы и вообще отъ воспитанія строгаго соблюденія религіознаго принципа, но такъ, чтобы онъ гармонировалъ съ естественнымъ влеченіемъ человѣка къ реальному знанію, чтобы чувство находилось въ равновѣсіи съ разумомъ, ибо первое находитъ удовлетвореніе въ вѣрѣ, а второй — въ наукѣ; воля же должна быть направлена къ осуществленію того блага, къ которому ведетъ человѣка продуманное чувство, и прочувствованное знаніе, и котораго осуществленіе доставляетъ человѣку высшее нравственное наслажденіе. Въ виду такого требованія, протестантизмъ почти уничтожилъ значеніе духовенства, какъ сословія, и, давая каждому въ руки библію, возвѣстилъ, что каждый можетъ читать ее на собственномъ, родномъ языкѣ, и понимать ее по своему крайнему разумѣнію; что въ этомъ отношеніи каждый самъ для себя священникъ;—но онъ удержалъ въ богослуженіи музыку и пѣніе, на которыя обратилъ особенное вниманіе, сдѣлавъ ихъ однимъ изъ главныхъ предметовъ народной школы. Точно также для поддержанія чистоты вѣры протестантизмъ призналъ необходимость точнаго изученія ея догматовъ: самъ Лютеръ, создавшій языкъ своей національной церкви, написалъ катихизисъ какъ для учителей, такъ и для дѣтей, для которыхъ лучшей «книгой для чтенія» онъ опредѣлилъ библію. Съ этого времени стали появляться иллюстрированныя изданія библіи, принаровленныя къ потребностямъ массы и народной школы (biblia pauperum). Съ тою же цѣлью, въ интересахъ той же народной школы, среди протестантовъ началась дѣятельная разработка учебниковъ и методъ по разнымъ предметамъ общаго обученія, пока, наконецъ, не вызвано было появленіе геніальнаго Песталоцци, вліяніемъ котораго запечатлѣна вся педагогика новѣйшаго времени. Но первый толчекъ, приведшій въ движеніе педагогическое дѣло, былъ данъ все таки реформаціей: въ этомъ-то — ея главная заслуга, оцѣнить которую должна исторія.

Что касается вопроса о *среднихъ* (латинскихъ) школахъ, непосредственно слѣдовавшихъ за народными; то

средства ихъ вслѣдствіе реформаціи значительно увеличились на счетъ отнятыхъ отъ духовенства церковныхъ и монастырскихъ имѣній. Классицизмъ, ненужный для массы общества, занялъ въ нихъ важное мѣсто, и самъ Лютеръ находилъ, что безъ знанія древнихъ языковъ, этихъ единственныхъ въ то время проводниковъ науки, высшіе интересы церкви и государства не могутъ быть достаточно поняты и уважены. Въ городскихъ, правительственныхъ и отчасти въ монастырскихъ школахъ, равно какъ въ академическихъ гимназіяхъ, классическіе языки, особенно латинскій, сдѣлались послѣ религіи главнѣйшими предметами преподаванія. Новый видъ школы — *гимназія*, заимствовавшая самое названіе свое изъ классической древности, вмѣстѣ съ разными «лицеями, атенеями, педагогіями, пропилеями», была именно продуктомъ увлеченія гуманизмомъ, исторія котораго тѣсно связана съ исторіей реформаціи. Первая попытка въ построеніи новой системы гимназическаго образованія принадлежитъ Меланхтону, котораго граждане Нюрнберга пригласили устроить у нихъ гимназію въ 1526 году. Ея курсъ, по мысли Меланхтона, обнималъ всѣ начальные предметы до риторики включительно. Черезъ 12 лѣтъ Страсбургъ, недовольный своимъ духовенствомъ, которое превратило соборъ въ трактиръ и съ особеннымъ цинизмомъ торговало отпущеніемъ грѣховъ, призвалъ къ себѣ изъ Парижа знаменитаго филолога, друга Эразма и Мелахтона, — Штурма, поручивъ ему возстановить уроненное духовенствомъ образованіе городскаго юношества. Штурмъ основалъ въ Страсбургѣ гимназію, планъ которой подробно изложенъ имъ въ книгѣ «de litterarum ludis recte aperiendis». Вскорѣ подобныя же учрежденія стали всюду распространяться вмѣстѣ съ протестантизмомъ, вводя юношей въ исчезнувшій, но прекрасный міръ Греціи и Рима. Цѣлью изученія классицизма, для пониманія котораго языки служили только средствомъ, было: пріученіе юношескаго духа къ соразмѣрности, стройности и гармоніи, къ пластикѣ слова и логикѣ мысли. Приверженцы классицизма, вводя его въ

новыя школы, самымъ именемъ своимъ напоминавшія эллино-римскій міръ, какъ бы желали воскресить и опять водворить его на землѣ; они старались преслѣдовать въ этихъ школахъ тѣ же образовательныя цѣли, которыя были сознаны и осуществлены въ жизни древнихъ. Но при этомъ недоставало лишь одного условія — живой жизни, ибо въ Греціи и Римѣ то же самое, что теперь производилось искусственно, существовало естественно, и Гомеръ — для эллина, Цицеронъ — для римлянина были совсѣмъ другими, чѣмъ для французскаго или германскаго юноши. По этой причинѣ гимназіи вскорѣ приняли исключительно ученый характеръ, а о гармоническомъ развитіи тѣла и духа, объ истинно-классической *«καλογαθία»* мало заботились ученые толкователи Гомера и Цицерона: на первомъ планѣ стояло формальное развитіе ума, или точнѣе—разсудка. Впрочемъ надо замѣтить, что первые провозвѣстники гуманизма, дѣйствительно носившаго болѣе полное и всестороннее понятіе о «человѣкѣ», чѣмъ какое проповѣдывала клерикальная наука, были далеки отъ крайности и много содѣйствовали расширенію педагогическаго идеала. Такъ еще Эразмъ требовалъ, чтобы грамматикъ, т. е. филологъ, зналъ многое, безъ чего онъ не въ состояніи понимать классиковъ всестороннимъ образомъ, и причислялъ сюда такія науки, какъ геометрію, ариѳметику, естествовѣдѣніе и др. Извѣстно также, что Меланхтонъ во время своей ученой дѣятельности въ Тюбингенѣ отнюдь не ограничивался одной филологіей, но кромѣ ея ревностно изучалъ: физику, математику, астрономію, исторію и медицину, такъ что по мнѣнію первыхъ гуманистовъ общее образованіе должно было заключать въ себѣ кромѣ древнихъ языковъ также другіе общеобразовательные предметы, не исключая и реальныхъ (Раумеръ). Благодаря главнѣйшимъ изъ реформаторовъ церкви и школы, получила самостоятельное значеніе и исторія, столь обогащающая юношество идеалами доблести, и наука о природѣ, раскрывающая нашему уму идею стройности, гармоніи и цѣлесообразности внѣшняго міра, въ которомъ геніальные представители новой, воз-

родившейся философіи видѣли отраженіе божественнаго разума. Неизвѣстное прежней схоластикѣ естествознаніе, за водвореніе котораго въ школу стоялъ ученикъ Меланхтона — Неандеръ, съ одной стороны удовлетворяло матеріяльнымъ интересамъ жизни, доведя промышленность, торговлю и ремесла до высшей, небывалой степени совершенства, съ другой стороны — обогатило человѣческій духъ знаніями и помогло разгадать и побѣдить прежде сковывавшую и пугавшую его природу, въ разнообразныхъ проявленіяхъ которой сокрыты одни вѣчные законы разума. Вслѣдствіе этого движенія науки къ изслѣдованію природы, ученіе о ней получило важное мѣсто въ школѣ, такъ вакъ естествовѣдѣніе, на ряду съ другими учебными предметами, доставляетъ самую здоровую пищу воображенію и на столько же возбуждаетъ, укрѣпляетъ и развиваетъ мысль, на сколько дѣлаютъ это чистыя формы языка,—хотя и въ другомъ направленіи. Соединеніе языкознанія съ естествознаніемъ со времени реформаціи стало болѣе всесторонно развивать духъ человѣка, чѣмъ это было въ періодъ схоластики, хранительницею и защитницею которой оставалась клерикальная школа. Потому-то не католицизмъ, а протестантизмъ первый призналъ права естествовѣдѣнія наравнѣ съ исторіей и языками въ высшихъ и среднихъ школахъ, создавъ особыя *реальныя школы*, въ которыхъ кромѣ языковъ получили значеніе: наука о природѣ, математика, исторія и географія; особенно выигралъ въ нихъ отечественный языкъ, презрѣнный и забытый схоластикой, такъ какъ онъ въ протестантизмѣ сталъ языкомъ церкви, науки и поэзіи, замѣнивъ собою мертвую латынь. Реальныя школы служили приготовительными для тѣхъ людей, которые, пройдя общій курсъ народной школы, желали посвятить себя спеціально-реальному призванію въ практической жизни, тогда какъ гуманистическія гимназіи стали играть роль приготовительныхъ школъ для тѣхъ, которые предназначали себя ученой дѣятельности въ интересахъ отвлеченной идеи. Такимъ образомъ, и реальныя, и классическія школы вышли изъ гуманизма и проте-

стантизма, какъ изъ своего общаго источника, открывъ просторъ свободѣ призванія каждаго,—хотя названіе гуманизма удержали за собой по преимуществу гимназіи классическія.

Университеты обязаны реформаціи тѣмъ, что они сдѣлались убѣжищемъ духовной свободы, выражающейся въ наукѣ въ ея обширномъ смыслѣ. Самъ Лютеръ, какъ академическій учитель, объявивъ выдачу дипломовъ обманомъ, подорвалъ ученую іерархію, еще зараженную схоластическо-клерикальнымъ направленіемъ. Эта новая академическая свобода проявилась: въ признаніи свободы учащихся (студентовъ), самостоятельно опредѣлявшихъ свое ученое призваніе, въ уваженіи личности и знанія, въ расширеніи правъ и отношеній во внутренней жизни университетскаго сословія in corpore. Относительно изученія теологіи университеты обратились къ первымъ источникамъ, знакомство съ которыми потребовало знакомства съ языками древнѣйшаго и чистѣйшаго текста священнаго писанія. Филологія, математика и наука о природѣ въ теоретическомъ и прикладномъ ихъ значеніи получили новое, небывалое значеніе. Особеннымъ уваженіемъ стала пользоваться свобода и самостоятельность научнаго изслѣдованія, независимо отъ уже существовавшихъ авторитетовъ: этимъ обусловливался прогрессъ въ наукѣ и жизни, и было положено начало совершенному уничтоженію схоластики. Въ университетахъ установилась та атмосфера, въ которой, по выраженію Фихте, всѣ плоды знанія стали развиваться и созрѣвать наилучшимъ образомъ. Университетская жизнь съ этого времени стала требовать только двухъ условій, отъ которыхъ зависитъ все: «свободы ученія и обученія.» Идеи реформаціи ярко отразились на тогдашнемъ студенчествѣ и вызвали то бурное движеніе, которое объясняется пылкостью и страстностью самой юношеской природы. Извѣстно, что студенты усердно помогали Лютеру жечь папскую буллу вмѣстѣ съ каноническимъ правомъ и были самыми ревностными адептами и пропагандистами реформаціонной идеи, охватившей тогда почти весь европейскій западъ.

Значеніе Лютера, какъ педагога.

Лютеръ (1483 — 1546), сознавая, что реформа жизни не мыслима безъ реформы воспитанія, посвятилъ много заботъ улучшенію школы въ своемъ отечествѣ, самъ написалъ энергическое воззваніе къ дворянству и городскому сословію, убѣждая бургомистровъ и всѣхъ лицъ вліятельныхъ оказать помощь своей національной школѣ, и самъ составилъ для нея учебный катихизисъ. «Между всѣми добрыми дѣлами — говоритъ онъ — наивысшее и наилучшее есть правильное воспитаніе молодаго поколѣнія. Для того, чтобы христіянство получило силу и вошло въ жизнь, надо именно начинать съ юношества, охотно служа ему, не раздражая его ни словомъ, ни дѣломъ, и приводя его къ добру. Заботиться объ этомъ гораздо полезнѣе, чѣмъ разрѣшать грѣхи, творить молитвы, посѣщать отдаленныя церкви и давать множество трудныхъ обѣтовъ». Такъ далеко шелъ Лютеръ въ признаніи важности и божественности дѣла воспитанія! Домашнее воспитаніе онъ совѣтуетъ непремѣнно дополнять школой, такъ какъ она по преимуществу образуетъ разумныхъ людей и содѣйствуетъ процвѣтанію общественной и государственной жизни. «Если число школъ возрастаетъ, то это ясно доказываетъ, что церковныя власти дѣйствуютъ правильно, ибо ученики и студенты суть сѣмена и источники церкви. Поэтому христіянскія школы должны содержаться и распространяться именно ради церкви, если только ей дороги интересы христіянской образованности». Надо замѣтить, что Лютеръ разумѣетъ здѣсь не враждебную его стремленіямъ римскую церковь, но то чистое понятіе о ней, водворенію котораго онъ посвятилъ свою дѣятельность. Въ его идеальной школѣ юношество приготовляется къ благочестію, ко всему высокому, благородному, полезному, однимъ словомъ, — ко всему христіянскому. Тѣмъ не менѣе школа должна существовать не исключительно для церкви, какъ іерархіи или сословія, а для свѣтскаго общества, совокупность членовъ

котораго и составляетъ содержаніе понятія всемірной церкви, какъ собранія вѣрующихъ во Христа. Школа способна обогатить учащихся такими всесторонними свѣдѣніями, такимъ опытомъ, какихъ не въ состояніи дать имъ семья: такъ одна всемірная исторія научитъ ихъ, чего надо избѣгать и къ чему стремиться въ жизни, направляя къ тому же и другихъ. «Вѣдь теряютъ же столько труда и времени лишь на то, чтобы научить дѣтей играть въ карты, пѣть и танцовать; отчего же не употребить столько же времени на то, чтобы выучить ихъ другимъ истинно-полезнымъ знаніямъ и искусствамъ, тѣмъ болѣе, что дѣти молоды, свободны, способны и расположены къ этому? Какъ самъ я жалѣю теперь, что въ свое время не читалъ ни поэтовъ, ни историковъ, и что меня никто этому не училъ? (Лютеръ провелъ лучшее время юности въ Августинскомъ монастырѣ въ Эрфуртѣ). За то теперь я долженъ читать всякую дрянь: схоластическихъ философовъ и софистовъ — а это мнѣ стоитъ большихъ трудовъ, здоровья и расходовъ, такъ какъ приходится самому извлекать для себя все полезное! Если же ты возразишь мнѣ, что нельзя же каждому отпускать своихъ дѣтей въ школу, такъ какъ ихъ ждетъ работа дома и проч. На это я скажу, что разумѣю не такія школы, въ которыхъ впродолженіе 20 или 30 лѣтъ учатъ грамматику Доната — и все таки ничего не знаютъ. Теперь другой свѣтъ и другія потребности. По моему мнѣнію дѣтей надо отпускать въ школу на два — три часа, а въ остальное время занимать ихъ дома, уча ремеслу, какое имъ понравится, или поручая разныя хозяйственныя заботы, но никакъ ни оставляя ихъ въ праздности. Дьяволъ именно любитъ людей тяжелыхъ и безполезныхъ, чтобы людямъ вообще не такъ хорошо жилось на свѣтѣ. При томъ же родители обыкновенно забываютъ, что они, имѣя способнаго сына, обязаны предъ Богомъ и обществомъ посылать его въ школу, отказавшись отъ произвола въ дѣлѣ его воспитанія».

Лютеръ первый положилъ также основаніе принудительной системѣ обученія (Schulzwang), понынѣ удержав-

шейся въ Германіи во всей силѣ. Онъ утверждалъ, что правительство обязано принуждать подданныхъ къ тому, чтобы они обучали своихъ дѣтей. Вѣдь можетъ же правительство принуждать, по крайней мѣрѣ всѣхъ способныхъ къ тому, браться за копье и ружье на случай войны; тѣмъ болѣе можетъ и должно оно принуждать посылать дѣтей въ школу. Если отецъ бѣденъ, ему можно помочь изъ церковныхъ имуществъ. «На это-то именно дѣло и должны бы богачи завѣщать свое имущество, опредѣляя стипендіи: это именно и значило бы— пожертвовать свои деньги прямо для церкви. Правда, ты при этомъ не освобождаешь умершихъ душъ изъ чистилища; но за то ты способствуешь этимъ водворенію на землѣ царства Божія, оказываешь услугу живущимъ и имѣющимъ жить людямъ, спасая ихъ заранѣе отъ чистилища и направляя ихъ къ небу. — Если бы было необходимо оставить высшія и монастырскія школы такими, какими онѣ теперь; то я скорѣе бы пожелалъ, чтобы ни одинъ мальчикъ никогда ничему не учился и былъ бы нѣмъ. Поэтому всѣ мои убѣжденія, всѣ мои желанія и просьбы направлены къ тому, чтобы эти «ослиныя учрежденія», эти «школы дьявола», на вѣки провалились въ бездну, или — превратились бы въ истинно-христіянскія школы. Такъ по милости Божіей въ наше время дѣти уже могутъ весело, играючи, учиться всему — будь то языки, искусства, исторія или иное что. Теперь наша школа уже не адъ и не чистилище, гдѣ бы насъ мучили разными casualibus и temporalibus, и гдѣ мы ничему не выучились, не смотря на всѣ мученія, розги, страхъ и тоску. Прежнія школы это — тюрьмы, адъ; прежнія учителя — тираны и палачи, которые сѣкли дѣтей безъ мѣры и пощады, принуждая ихъ учиться съ невыносимыми усиліями и съ ничтожною пользою. Хорошій учитель, напротивъ того, ведетъ дѣтей такимъ образомъ, чтобы они всему хорошему и полезному, всему, что честно и добродѣтельно, учились съ любовью и охотою. Честнаго, трудолюбиваго наставника, который усердно воспитываетъ и обучаетъ дѣтей, никогда нельзя до-

статочно наградить за эту услугу, заплативъ за это деньгами: это сказалъ еще язычникъ Аристотель. Если бы я самъ долженъ былъ отказаться отъ призванія проповѣдника и ученаго; то я не пожелалъ бы себѣ ничего другаго, какъ—сдѣлаться школьнымъ учителемъ. Я глубоко сознаю, что послѣ проповѣди это дѣло есть наиполезнѣйшее, наивысшее и наилучшее изъ всѣхъ другихъ дѣлъ. Я желалъ бы даже, чтобы никто не становился проповѣдникомъ прежде, чѣмъ онъ не побывалъ школьнымъ учителемъ».

Изъ всѣхъ предметовъ обученія первое мѣсто Лютеръ отводитъ *религіи*, знакомство съ которой должно, по его мнѣнію, начинаться съ Евангелія. «Гдѣ священное писаніе, — говоритъ онъ, — не станетъ во главѣ всего преподаванія, туда я никому не посовѣтывалъ бы отдавать своихъ дѣтей, ибо все, что не проникнуто духомъ и словомъ Божіимъ, должно потомъ рушиться. «Отче нашъ», символъ вѣры и 10 заповѣдей должны быть въ усердномъ и постоянномъ употребленіи у юнаго и простудушнаго народа, и притомъ безъ малѣйшаго измѣненія единаго слова: они должны сохранить одну и ту же вѣчную, неизмѣнную форму. Тогда можно объяснять и смыслъ, чтобы учащіеся знали, о чемъ тутъ говорится; но и это надо дѣлать постепенно, напр. сперва растолковать одну заповѣдь, потомъ другую и т. д., — иначе ты такъ обременишь учащихся, что они ничего не удержатъ. Притомъ же надо имѣть въ виду, къ кому что болѣе примѣняется: такъ ремесленникамъ и торговцамъ должно особенно внушать восьмую заповѣдь, запрещающую воровство и обманъ, и преимущественно пользоваться примѣрами и доказательствами изъ священнаго писанія. — Послѣ религіи важнѣйшій предметъ обученія составляетъ *языкъ*; изъ иностранныхъ же именно языкъ ветхаго завѣта — еврейскій, и новаго завѣта — греческій, обладающіе высокими совершенствами: не даромъ въ нихъ выразилось слово Божіе и перелилось въ другіе языки — эти «ножны, въ которыя влагается мечъ разума; хранилища, въ которыхъ сберегаются духовныя сокровища; сосуды, вмѣщающіе

самый божественный напитокъ; кладовыя, гдѣ хранится нравственная пища». Усвоивая языки, мы вмѣстѣ съ тѣмъ усвоиваемъ себѣ и всѣ заключающіяся въ нихъ сокровища. Затѣмъ, наряду съ ними должны стоять *реальныя науки*». «Теперь, — высказываетъ Лютеръ, — мы смотримъ вѣрнѣе на все созданное, чѣмъ это было во времена папства. Теперь мы даже на ничтожномъ произведеніи природы усматриваемъ всю красоту, всю премудрость созданія: даже персиковая косточка можетъ быть предметомъ самаго внимательнаго изученія». Математика по мнѣнію Лютера должна изучаться въ университетахъ. Относительно астрономіи онъ былъ, однако, противникомъ Коперника, — но оспаривалъ достовѣрность астрологіи, такъ какъ «Исавъ и Іаковъ, родившись подъ однимъ и тѣмъ же созвѣздіемъ, тѣмъ не менѣе были не похожи другъ на друга во всѣхъ отношеніяхъ». Особенно высоко ставитъ онъ значеніе исторіи: «когда подумаешь основательно, то ясно видишь, что изъ исторіи, какъ изъ живаго источника, вытекли всѣ права, всѣ искусства, добрые совѣты, осторожность, боязнь, утѣшеніе, мужество, знаніе, предусмотрительность, мудрость, однимъ словомъ все, что естъ доблестнаго въ человѣчествѣ, такъ что именно исторія показываетъ, какъ Богъ управляетъ міромъ, то наказывая, то награждая людей, смотря по ихъ заслугамъ. Поэтому историки—это полезнѣйшіе люди, самые лучшіе учителя, которыхъ нельзя достаточно уважать, хвалить и благодарить. Надо только, чтобы историкъ былъ честнымъ, благороднымъ человѣкомъ, который имѣлъ бы львиное сердце и не боялся говорить правду; чтобы онъ ради властей и друзей не умалчивалъ о порокахъ своего времени, какъ это обыкновенно бываетъ, и не преувеличивалъ его достоинствъ изъ любви къ отечеству, или изъ вражды къ другимъ народамъ. Такіе историки лишь помрачаютъ исторію и лишаютъ её образовательнаго значенія для юношества, превращая ее въ ложь и возбуждая подозрѣніе. Исторія, раскрывая истину, раскрываетъ дѣло Божіе и служитъ божественной истинѣ.—Діалектику Лютеръ также признаетъ необходимою, но съ извѣстнымъ ограниче-

ніемъ: такъ какъ она, при необходимыхъ для человѣка свѣдѣніяхъ по другимъ предметамъ, даетъ возможность и служитъ орудіемъ къ тому, чтобы правильно и сознательно передавать наши свѣдѣнія. Задача ея—научить человѣка дѣлать ясное, краткое и точное опредѣленіе предмета со всѣми свойственными ему признаками, и показать предметъ именно тѣмъ, чѣмъ онъ есть на дѣлѣ. Діалектика учитъ, — риторика видоизмѣняетъ и возбуждаетъ; первая принадлежитъ волѣ, — вторая разсудку. Діалектика говоритъ строго и просто, какъ просто выраженіе: «дай мнѣ пива»; тогда какъ риторика украситъ это выраженіе: «достань мнѣ изъ погреба тотъ пріятный напитокъ, который пѣнится и веселитъ людей». Краснорѣчіе вовсе не есть изысканное, искусственное украшеніе, но только та изящная отдѣлка рѣчи, которая рисуетъ намъ предметъ искусно, ясно и живо, какъ бы въ прекрасной картинѣ.—Тѣлесныя упражненія и музыку, по мнѣнію Лютера, необходимо вводить въ кругъ обученія и отнюдь не пренебрегать ими. «Древніе хорошо придумали и устроили,— говоритъ онъ,—вводя въ воспитаніе все то, что ведетъ къ добру и пользѣ, что препятствуетъ людямъ вдаваться въ роскошь, безтыдство, обжорство, пьянство или въ азартную игру. Поэтому и мнѣ болѣе всего нравятся два рода упражненій или забавъ: музыка и турниръ съ фехтованьемъ, борьбой и т. под., такъ какъ первая изъ этихъ забавъ отгоняетъ сердечныя тревоги и мрачныя мысли, а вторая дѣлаетъ члены гибкими, соразмѣрными, изящными, и укрѣпляетъ здоровье человѣка такими простыми средствами, какъ прыганье, бѣганье и т. под., а главное, что при подобныхъ упражненіяхъ не увлечешься ни кутежемъ, ни игрой въ кости. Кто любитъ музыку, тотъ способенъ на все хорошее; а потому ей необходимо учить въ школахъ, какъ лучшему изъ искусствъ. Школьный учитель непремѣнно долженъ умѣть пѣть, — иначе я не признаю его учителемъ.»

Такимъ образомъ, Лютеръ разобралъ всѣ учебные предметы и для каждаго обозначилъ мѣсто въ общей системѣ образованія, создавъ также и народную школу въ

Германіи. Но, допуская пользу естествовѣдѣнія, онъ центромъ обученія ставитъ религію и языки, преимущественно древніе, такъ какъ образовательное значеніе этихъ предметовъ и въ матеріяльномъ, и въ формальномъ отношеніяхъ было испытано, признано и оцѣнено всѣми. Въ томъ же направленіи дѣйствовали и сподвижники его въ дѣлѣ реформаціи: Меланхтонъ, справедливо называемый «praeceptor Germaniae», соединившій въ себѣ знанія и теологіи, и филологіи, и всѣхъ тогдашнихъ естественныхъ наукъ, которыя только вели свое начало отъ Аристотеля; Цвингли съ Кальвиномъ, столь же заботившіеся о реформѣ церкви, сколько и о реформѣ воспитанія внѣ Германіи, и наряду съ пламенными обличительными проповѣдями писавшіе также школьные учебники. Франція, Богемія, Швейцарія и Нидерланды были охвачены тѣмъ же религіозно-педагогическимъ духомъ, который такъ мощно развился въ сѣверной Германіи, и который заставилъ съ ужасомъ встрепенуться коснѣвшую въ развратѣ и невѣжествѣ римско-католическую іерархію.... Опять полилась человѣческая кровь во имя Учителя міра и любви; опять открылся на время разгулъ страстей и заблужденій,—но первая причина всего этого лежа никакъ не въ подвижникахъ реформаціи, а въ злоупотребленіяхъ римскаго двора, желавшаго удержать прежній, отжившій порядокъ вещей, и раздражавшаго человѣческое терпѣніе. Эта борьба, начавшаяся еще со времени возрожденія классицизма, еще не утихла даже до настоящаго момента, вызвавъ много геніяльныхъ дѣятелей науки и воспитанія, желавшихъ—не сохранить все старое, но взять изъ него только все лучшее и гармонически соединить его со всѣмъ новымъ, до чего только доработался разумъ человѣка. Такъ въ общемъ исторіи поступательное движеніе человѣческаго духа, его борьба и постепенное высвобожденіе, ни на мигъ не прекращались, и идея обновленія нерѣдко выходила оттуда, гдѣ менѣе всего можно было ожидать ее. Органическая связь настоящаго съ прошедшимъ въ сущности никогда не прерывалась: такъ съ дерева спадаютъ старые листья, но уже изъ готовыхъ почекъ непремѣнно

опять вырастаютъ новые. Если человѣчество иногда и утрачивало иную міровую идею, какъ бы затертую варварствомъ или злоупотребленіемъ, — то рано или поздно идея эта вновь воскресала, облекаясь только въ новыя, болѣе сообразныя формы, и народы, возрастившіе плоды классической образованности, трудились не напрасно. Западная Европа, переживъ средневѣковой періодъ, опять отыскала ихъ, хотя и не вдругъ, и не безъ ошибокъ.

Періодъ абстрактно-теологическаго воспитанія въ Германіи.

Сама реформація, стремясь къ достиженію полной свободы человѣческаго духа въ жизни и воспитаніи, скоро пришла къ противоположной крайности и создала своего рода іерархизмъ, своего рода рутину, державшуюся вплоть до XVIII столѣтія. Время это характеризуется преобладаніемъ исключительнаго теологическо-филологическаго направленія школы, тогда какъ философія, исторія и реальныя науки были на время задержаны въ своемъ развитіи. Въ интересахъ послѣднихъ выступили Бэконъ Веруламскій и Локкъ, уничтожившіе излишнее, запоздалое и вредное поклоненіе классическимъ авторитетамъ, такъ какъ послѣдніе, совершивъ свою миссію въ дѣлѣ возрожденія европейской образованности, наконецъ перестали удовлетворять дальнѣйшимъ стремленіямъ какъ теоретическаго, такъ и практическаго разума. Въ XVII столѣтіи Ратихій и Коменскій нѣсколько примѣнили то же самое къ воспитанію, придавъ ему болѣе жизненности. Вскорѣ же послѣ реформаціи протестантскіе клерикалы и іезуиты внесли новый элементъ въ педагогическое дѣло, элементъ, который, обладая и дурными и хорошими сторонами, отчасти содѣйствовалъ, но болѣе препятствовалъ правильному развитію педагогики, представители которой раздѣлились на нѣсколько школъ или партій.

Въ XVI и XVII столѣтіяхъ возникшее въ протестантизмѣ ортодоксальное направленіе повторило почти то же

самое, что мы видѣли въ католицизмѣ, и противъ чего боролась реформація. Церковь желала опредѣлить все, сообразно со своими не столько обще-христіянскими, сколько спеціяльно-церковными или конфессіональными интересами. По этой причинѣ все, что составляетъ вѣчно-живую сущность христіянства: теплота вѣры, заключающейся въ свободномъ чувствѣ человѣка, стремленіе къ божественной истинѣ, сила любви и нравственная свобода,— все это исчезло подъ мертвой буквой. Скрытый подъ формою божественный духъ пересталъ проникать человѣка, отъ котораго потребовалось одного слѣпаго подчиненія человѣческому авторитету. Чрезъ это произошла своего рода схоластика, убійственно дѣйствовавшая на мышленіе и чувство учащагося юношества. Церковное управленіе усвоило, такъ сказать, полицейскій характеръ, пугавшій своею мелочностью и придирчивостью, своею чрезмѣрною притязательностью, связывавшею школу и воспитаніе. При такихъ условіяхъ все обученіе превратилось въ запоминаніе буквъ, словъ и формулъ, такъ же мало служившее гимнастикой для духа, какъ это было въ клерикально-схоластическіе средніе вѣка, и какъ это еще продолжало быть въ странахъ, оставшихся вѣрными римскому католицизму. Такъ въ саксонскомъ школьномъ регламентѣ, ведущемъ свое происхожденіе еще отъ Меланхтона, дѣтямъ предписывалось ежедневно два раза ходить въ церковь и по вечерамъ пѣть псалмы на латинскомъ языкѣ, не смотря на то, что подобный излишній, стѣснительный формализмъ всегда и всюду приводилъ къ обратнымъ результатамъ въ сравненіи съ тѣми, къ которымъ желаютъ придти усердные, и даже честные регламентаторы. Уставы начали до мельчайшихъ подробностей предписывать учителямъ все, относящееся къ школьному дѣлу, особенно въ народной школѣ, и сдѣлали изъ нихъ не людей, свободно, самостоятельно стремящихся къ самоусовершенствованію, а — робкихъ чиновниковъ-формалистовъ. Не только учебныя книги, но даже методы преподаванія предписывались церковными властями, взявшими на свое попеченіе нѣмецкую школу. Послѣ науче-

нія дѣтей чтенію, письму и молитвамъ, уставъ приказывалъ давать имъ въ руки средневѣковыя книги Доната и Катона, которыхъ читать и толковать должно было такимъ образомъ, «чтобы учитель бралъ по одному или по два стиха, а дѣти выучивали ихъ къ слѣдующему уроку, пріобрѣтая чрезъ это богатый запасъ латинскихъ словъ, и чтобы слабѣйшія переучивали Доната и Катона по нѣскольку разъ». На слѣдующей ступени дѣти должны были по утрамъ заниматься исключительно латинской грамматикой и изучать Эзоповы басни; по вечерамъ же учитель долженъ читать съ ними Paedagogiam Mosellani, и по прочтеніи всей книги переходить къ отрывкамъ изъ colloquiis Erasmi. На слѣдующій вечеръ слѣдуетъ повторять то же самое, а когда дѣти по окончаніи ученія идутъ домой, учитель обязанъ задать имъ къ утру выучить какую нибудь латинскую поговорку, въ родѣ «amicus certus in re incerta cernitur». Придя утромъ въ школу, дѣти отвѣчаютъ учителю заученную сентенцію и опять приступаютъ къ Эзопу, вечеромъ — къ Мозеллану и т. д. въ томъ же порядкѣ. При чтеніи латинскихъ авторовъ учитель въ особенности долженъ заниматься склоненіемъ именъ, спряженіемъ глаголовъ и учить правиламъ конструкціи. За Эзопомъ слѣдовалъ Теренцій, за Теренціемъ — Плавтъ, за этимологіей — синтаксисъ, за синтаксисомъ — просодія; грамматическія правила заучивались наизусть, съ догматическою строгостью. На третьей, высшей ступени предметомъ заучиванія становились: Виргилій, Овидій, Цицеронъ, кромѣ грамматики — риторика, піитика, метрика, діалектика — и все на латинскомъ языкѣ. Такая предписанная школѣ метода, одинаковая и относительно религіознаго обученія, развивала въ дѣтяхъ способность къ усидчивому, пассивному труду, но поселяла отвращеніе къ наукѣ и обыкновенно навсегда убивала въ нихъ активность, стремленіе къ самодѣятельности и творчеству. Занимаясь древними языками, они ни мало не входили въ кругъ широкаго міросозерцанія древнихъ и ничего не видѣли въ нихъ дальше буквы, такъ что дѣйствительно-присущая древнимъ писателямъ образо-

вательная сила, столь могущественно подѣйствовавшая на возрождавшійся послѣ средневѣковаго сна человѣческій духъ, опять совершенно утратилась въ этихъ теологическо-филологическихъ школахъ. Религіозное и эстетическое чувства оставались въ юношествѣ совершенно не развитыми и порождали грубость, нравственную одичалость. Исторія брауншвейгскихъ и вюртембергскихъ школъ, бывшихъ за это время подъ управленіемъ ортодоксально-протестантской партіи, также подтверждаетъ достовѣрность этого печальнаго явленія.

Школьные регламенты относительно другихъ среднихъ и высшихъ школъ протестантской Германіи носили тотъ же характеръ, не чуждый даже академическимъ гимназіямъ и университетамъ, въ которыхъ истинныя реформаціонныя начала водворились также не вдругъ. Въ городскихъ школахъ, которыя первыя высвободились изъ-подъ авторитета католической церкви, религія и латынь занимали главное мѣсто. Обычай говорить по-латыни распространился до того, что мѣщане и ремесленники любили щеголять этимъ; даже по деревнямъ искали такихъ учителей, у которыхъ бы можно было брать частные уроки латинскаго языка. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ уже существовавшія «нѣмецкія» школы, обучавшія на родномъ языкѣ, были опять упразднены въ пользу латинскихъ. Различіе между высшими и низшими городскими школами состояло въ томъ, что въ первыхъ были приняты въ программу нѣкоторые предметы, необходимые для будущихъ теологовъ (греческій и еврейскій языки, риторика, логика); тогда какъ въ послѣднихъ программа была тѣснѣе; но въ пріемахъ преподаванія большой разницы не было. Упражненіе въ сочиненіи латинскихъ стиховъ играло важную роль въ высшихъ городскихъ школахъ. Гимназіи въ собственномъ смыслѣ имѣли спеціяльное цѣлью подготовленіе юношества къ университетской студіи. Впрочемъ, реакція одностороннему, схоластическому классицизму никогда совершенно не прекращалась въ Германіи со времени реформаціи. Такъ знатокъ не одного языка, но и самой жизни классическаго міра — *Іеронимъ*

Вольфъ считалъ полезнымъ изучать древность не ради языка, но ради реальнаго знакомства съ нею, ради развитія мышленія вообще и обогащенія ума и чувства въ особенности; онъ же возставалъ и противъ безсмысленнаго, механическаго зубренія при обученіи религіи, которое должно прежде всего дѣйствовать на сердце, согрѣвая его чувствомъ любви къ Богу и людямъ.

Точно также *Валентинъ Тротцендорфъ* былъ врагъ духовнаго сервилизма, требуя, чтобы воспитаніе основывалось на принципѣ свободы, — что онъ и старался осуществить въ своей школѣ (въ Гольдбергѣ). Тротцендорфъ усердно старался поднять физическое воспитаніе дѣтей и поощрялъ ихъ охоту къ гимнастикѣ. Однако школьное законодательство его времени формально воспрещало дѣтямъ купаться лѣтомъ, или кататься на льду и играть въ снѣжки зимой; нарушеніе же этого вреднаго закона подвергало виновныхъ наказанію: такъ задерживала школьная регламентація, исходившая отъ ортодоксально-протестантскаго духовенства, правильный ходъ педагогическаго дѣла, основнымъ принципомъ котораго должно быть уваженіе къ потребностямъ дѣтской природы! Тротцендорфъ, обладавшій знаніемъ и прекраснѣйшими качествами души, былъ кромѣ того одаренъ педагогическимъ талантомъ, такъ что всѣ его странности и причуды не роняли его авторитета въ глазахъ учениковъ: онъ былъ связанъ съ ними не внѣшними, какъ ректоръ, а внутренними узами любви и доброжелательства. Онъ уже понималъ, что обученіе есть своего рода искусство, которому надо учиться при помощи упражненія и размышленія. На этомъ основаніи онъ заставлялъ лучшихъ и старшихъ учениковъ учить въ низшихъ классахъ подъ его личнымъ наблюденіемъ и руководствомъ. Приготовляя такимъ раціональнымъ способомъ будущихъ учителей, Тротцендорфъ выработалъ и распространилъ свои методы не только по Германіи, но также имѣлъ вліяніе на школьное дѣло: въ Венгріи, Богеміи, Польшѣ, Литвѣ, Семиградскомъ княжествѣ—вездѣ, откуда только приходили къ нему учиться. Этотъ педагогическій толчекъ, сообщившій

движеніе школьному дѣлу за предѣлами Германіи, отчасти объясняетъ появленіе знаменитаго педагога-славянина Амоса Коменскаго, дѣятельность котораго обратно принесла много пользы реформированной нѣмецкой школѣ.

Состояніе народной школы въ Германіи и другихъ европейскихъ государствахъ.

Протестантская народная школа, это созданіе реформаціи, замѣчательна тѣмъ, что впослѣдствіи на ея почвѣ по преимуществу совершилось все, что есть лучшаго въ современной педагогикѣ. Не смотря на то, что протестантская церковь, отдѣлившись отъ католической, удержала за собой, какъ монополію, всѣ права на народную школу, и что идеи геніяльнаго реформатора—Лютера не скоро получили должное осуществленіе въ ея устройствѣ и жизни; но рано или поздно церковь должна была признать ея возмужалую самостоятельность... Такъ какъ по деревнямъ пасторы не имѣли достаточно возможности заниматься обученіемъ дѣтей, дѣло это по необходимости стали поручать ближайшимъ къ пастору церковно-служителямъ: дьячкамъ (Kirchner, Küster, Sigrist) или звонорямъ (Glöckner). Они главнымъ образомъ подготовляли дѣтей къ конфирмаціи, такъ какъ отъ каждаго конфирманда протестантская церковь требовала знанія своего вѣроисповѣданія, въ основаніе котораго былъ положенъ катихизисъ Лютера. Вначалѣ катихизація дьячка производилась съ цѣлой общиной, каждый членъ которой долженъ былъ ознакомиться съ сущностью ученія реформированной церкви, а потомъ—по преимуществу съ конфирмандами. Изъ этого естественно вытекла необходимость предварительно обучать дѣтей чтенію, письму, катихизису, библейской исторіи, пѣнію и молитвамъ. Когда же окончательно сложились основныя начала двухъ отраслей протестантской церкви: лютеранской и реформатской въ собственномъ смыслѣ, каждая сторона старалась о прочнѣйшемъ утвержденіи этихъ началъ въ народѣ;

тогда же возникла и необходимость основанія собственно-народныхъ школъ, дѣло обученія въ которыхъ перешло окончательно въ руки ближайшаго помощника и подчиненнаго пастора—кюстера. Послѣдній получилъ названіе «школьнаго мастера» (Schulmeister), сдѣлавшееся общимъ въ Германіи съ половины XVII столѣтія. Въ нѣкоторыхъ городкахъ и мѣстечкахъ реформація уже застала такъ называемыя «нѣмецкія школы», которыя также приняли общій протестантскій характеръ; школьное законодательство еще въ XVI столѣтіи признало народныя школы членами протестантской церкви, въ составъ которой онѣ вошли, какъ часть въ цѣлое. Забота о нихъ въ матеріяльномъ отношеніи лежала по прежнему на общинѣ, которая могла приглашать къ себѣ учителя, утверждаемаго, однако, суперинтендантомъ или консисторіей, слѣдившихъ за тѣмъ, чтобы получаемый учительское мѣсто обладалъ требуемыми познаніями и хорошею нравственностью. Такимъ образомъ, возникавшія по городамъ и селамъ народныя школы подчинились непосредственному завѣдыванію церкви, представители которой, конечно, не всегда правильно пользовались предоставленными имъ правами и прямо эксплуатировали отданнаго въ ихъ власть народнаго учителя.

Но если протестантская народная школа на дѣлѣ и получила свое существованіе, — то, съ другой стороны, внутреннее устройство ея было далеко несовершеннымъ: недоставало главнѣйшаго условія для ея прочнаго существованія и развитія—учительскихъ семинарій, въ которыхъ бы будущіе учители получали правильную, спеціяльную подготовку къ своимъ обязанностямъ. Только въ Страсбургскомъ церковномъ уставѣ 1598 года, совершенно исключительнымъ образомъ, въ одной главѣ трактовалось «de seminario Ecclesiæ», т. е. о такомъ церковномъ учрежденіи, гдѣ бы воспитывались будущіе церковно-и школьнослужители въ интересахъ протестантской церкви; упоминалось также и объ обязательности обученія въ народныхъ школахъ. Общая же обязательность обученія тѣмъ болѣе вызывала потребность въ

приготовленіи учителей и въ обезпеченіи ихъ содержанія со стороны общины, такъ что, гдѣ существовали подобныя условія — тамъ только упрочивались и народныя школы, на первое время, однако, помѣщавшіяся въ какихъ нибудь частныхъ домахъ, въ жалкихъ лачугахъ, въ которыхъ нерѣдко семейство учителя жило вмѣстѣ съ домашнимъ скотомъ; тутъ же скучивались и учившіяся дѣти; школа, хлѣвъ и квартира учителя нерѣдко существовали нераздѣльно. Въ менѣе богатыхъ, или въ не слишкомъ заботливыхъ общинахъ учителя за ежедневное двухъ-часовое обученіе получали по крейцеру (1 коп. сер.) съ ученика въ годъ, промышляя при этомъ и всевозможными другими способами, а главное — стараясь услуживать пастору. Послѣдній по отношенію къ дѣтямъ ограничивался обыкновенно тѣмъ, что иногда по праздникамъ, послѣ богослуженія, обучалъ дѣтей тутъ же въ церкви, или подлѣ нея подъ открытымъ небомъ, и время отъ времени заходилъ въ школу повѣрять учителя-дьячка. Въ деревняхъ обученіе ограничивалось одной зимой, такъ какъ лѣтомъ и учащіе, и учащіеся занимались полевыми работами, — что было совершенно необходимо въ ихъ сельскомъ бытѣ; въ городахъ же, напротивъ того, народная школа продолжалась и въ лѣтнее время. Въ саксонскомъ церковномъ уставѣ 1626 года уже говорится, что дѣти должны оставаться въ школѣ не менѣе 4 часовъ ежедневно. Возрастъ для вступленія въ школу строго не опредѣляется: могли вступать и 5-ти и 12-тилѣтнія дѣти. Только со времени раздѣленія протестантской церкви конфессіональная ревность іерархіи установила опредѣленный срокъ: когда именно дѣти должны начинать, и какъ долго продолжать школьное обученіе.

Учебными предметами были: катихизисъ, церковное пѣніе, чтеніе, письмо и отчасти счетъ. Школьные уставы предписывали раздѣлять дѣтей на три группы: къ первой причислялись начинающіе азбуку; ко второй — начинающіе складывать; къ третьей — начинающіе читать и писать. Каждая группа подраздѣлялась еще на меньшія, смотря по возрасту и познаніямъ, — для облегченія дѣла

учителю. При обученіи чтенію прежде всего обращалось вниманіе на твердое знаніе азбуки; съ этою цѣлью учитель спрашивалъ ее вразбивку, сличалъ между собою буквы по начертанію и требовалъ ихъ правильнаго произношенія отдѣльно и по складамъ, особенно въ концѣ словъ, гдѣ дѣти обыкновенно проглатываютъ звуки. Письмо начиналось уже послѣ чтенія, и притомъ съ прописей; но учитель обязанъ былъ прежде внимательно разсмотрѣть съ дѣтьми начертаніе каждой буквы, прописать ее на доскѣ и вначалѣ водить еще нетвердую руку ученика. Въ пѣніи дѣти упражнялись еженедѣльно въ положенные дни. Катихизисъ выучивался наизусть, но съ пониманіемъ: это предписывалось учителю закономъ. Спрашивался онъ такимъ образомъ: дѣти ставились по парно другъ противъ друга; одинъ задавалъ вопросы, а другой давалъ отвѣты въ заученномъ порядкѣ; потомъ они тоже самое дѣлали въ церкви предъ всей общиной. Необходимѣйшими книгами въ народной школѣ считались: катихизисъ, учебникъ пѣнія, и сборникъ псалмовъ и изрѣченій (изъ Сираха и новаго завѣта); лучшимъ сборникомъ долго почитался «Rosarium» Тротцендорфа. Наконецъ стали появляться книги по методикѣ первоначальнаго обученія: таково сочиненіе Икельзамера «О лучшемъ способѣ обученія чтенію и грамматикѣ», вышедшее въ свѣтъ еще въ 1520 году и требовавшее, чтобы чтенію учили безъ складовъ, столь препятствующихъ бѣглости и пониманію содержанія. Въ 1526 году появилась «Дѣтская книжка», заключавшая въ себѣ какъ бы все необходимое для народной школы: азбуку, дѣленіе буквъ на гласныя и согласныя, 10 заповѣдей, символъ вѣры съ толкованіемъ, о главнѣйшихъ таинствахъ: крещенія, причащенія и покоянія, цифры и счисленіе до 1000, съ краткими о томъ правилами, и, наконецъ, образчики писемъ.

Дисциплина въ народныхъ школахъ протестантовъ была крайне сурова, не уступая въ этомъ латинскимъ школамъ. Лучшими исправительными мѣрами считались розги, побои, ругательства, угрозы, насмѣшки надъ тѣ-

лесными недостатками и т. п. На базельскихъ учителей именно жаловались, что они иначе не называютъ своихъ учениковъ, какъ сволочью, и другими оскорбительными прозвищами (Pochen, Balgen, Schrauben), и иначе не обращаются съ ними, какъ съ пинками, затрещинами, драньемъ за волосы и за уши и т. д. Въ школьныхъ уставахъ этого времени предписывалось учителямъ: не бить дѣтей по головѣ, не заставлять ихъ въ наказаніе стоять на четвереньках или лакать, не драть жестоко за волосы и за уши, не давать щелчковъ по носу, не наказывать палками и дубинами и т. д., но въ необходимыхъ случаяхъ только сѣчь розгами по заднимъ частямъ тѣла. Наиболѣе жестокія и унизительныя истязанія примѣнялись къ дѣтямъ въ ортоксально-протестантскихъ народныхъ школахъ, такъ какъ ихъ цѣлью было — какъ бы практически доказать юношеству, что земля есть дѣйствительно «юдоль плача и страданій», и привести его къ сознанію безотрадности и ничтожества всего земнаго въ жизни. Моральныя сентенціи и изрѣченія проводились въ школѣ съ ужаснымъ насиліемъ, съ рѣвностью, достойною лучшей цѣли; учащіеся задыхались въ формализмѣ, возрастая въ невѣжествѣ, грубости и нравственной одичалости. Много прошло времени, пока люди, подобные Песталоцци, водворили въ протестанскую школу новый, лучшій порядокъ вещей.....

Въ Англіи, также современемъ освободившейся, благодаря своей государственной власти, отъ римско-католическаго господства, реформація произвела сильное умственное броженіе и дала начало борьбѣ религіозныхъ партій, изъ которыхъ каждая старалась проводить въ общество свои идеи. Однако народная школа явилась здѣсь много позже, чѣмъ въ чисто-протестантскихъ государствахъ. Въ 1688 году было учреждено англичанами общество подъ названіемъ «Sosiety for Promoting Christian Knowledge», которое въ числѣ другихъ благотворительныхъ цѣлей, служившихъ предметомъ его обширной дѣятельности, обратило также вниманіе на воспитаніе бѣдныхъ дѣтей. Тѣмъ не менѣе, до половины прошлаго

столѣтія народное образованіе было до того мало распространено въ Англіи, что на семь общинъ едва приходилось по одной школѣ; а потому исторія англійской народной школы, независимой отъ католическаго вліянія, относится уже къ позднѣйшему времени; впродолженіе же XVII и почти всего XVIII столѣтій вся дѣятельность образованнаго англійскаго общества по отношенію къ низшимъ классамъ народа имѣла по преимуществу христіянско-благотворительный характеръ. Только впослѣдствіи было понято, что лучшій способъ благотворить народу состоитъ въ томъ, чтобы дать ему возможность получить правильное образованіе, которое всегда благодѣтельно отзовется и на его нравственномъ, и на матеріяльномъ бытѣ.

Во Франціи правильно устроенныя народныя школы (écoles primaires) явились еще позже: первыя попытки распространить образованіе въ массахъ народа относятся уже къ первой половинѣ прошлаго столѣтія. Главное вниманіе римско-католической церкви, нашедшей, наконецъ, ревностнѣйшихъ поборниковъ въ орденѣ Лойолы, было обращено на подавленіе во Франціи шедшихъ изъ Германіи реформаціонныхъ идей, и на устройство всей воспитательной системы сообразно съ интересами римскаго двора. Дѣятельность іезуитовъ въ этомъ отношеніи заслуживаетъ если не подражанія, то полнаго удивленія, тѣмъ болѣе, что она обнимала своимъ вліяніемъ весь тогдашній римско-католическій міръ.

Главнѣйшія черты іезуитской педагогики.

Іезуитизмъ въ сферѣ католической церкви представляетъ отчасти тоже, что реформація — въ протестантской, оппозиція противъ которой дала ему и жизнь, и силу. Въ уставѣ ордена, утвержденномъ папою Павломъ III въ 1540 году, цѣль его опредѣляется «распространеніемъ и утвержденіемъ ученія Христа въ душахъ вѣрующихъ посредствомъ проповѣди и воспитанія юно-

шества въ вѣрѣ и въ богослуженіи, доставляющихъ духовное утѣшеніе человѣку». Но, не смотря на это благовидное прикрытіе, въ сущности всѣ стремленія іезуитовъ сводились къ тому, чтобы искусно пользоваться религіозными потребностями человѣка и обращать ихъ въ доходную статью для себя, не заботясь о нравственномъ его совершенствованіи. Овладѣть воспитаніемъ юношества значитъ—овладѣть людьми вообще, сдѣлавъ ихъ послушными кліентами: это вполнѣ понимали поборники «Societatis Jesu», а потому послѣ проповѣди и исповѣди дѣло воспитанія было третьимъ могущественнымъ ихъ орудіемъ. Это явствуетъ изъ многихъ папскихъ постановленій и изъ той энергической дѣятельности іезуитовъ на педагогическомъ поприщѣ, которая по истинѣ заслуживаетъ изумленія. Уже папа Юлій III (1550 г.) высказываетъ похвалу той ревности, какую оказали они «pueros et alios rudes salubria dogmata ad christiani hominis institutionem necessaria docendo». Прежде всего іезуиты обратили свое вниманіе на высшія школы и успѣли занять въ нихъ крѣпкое положеніе: это было тѣмъ болѣе необходимо, что отъ этихъ школъ болѣе всего зависѣло умственное направленіе общества, тогда какъ невѣжественная масса народа гораздо легче поддавалась іезуитскому вліянію, не будучи въ состояніи сознательно отнестись къ нему и оказать серьезный отпоръ. Интересы ордена непосредственно сходились съ интересами папъ, желавшихъ всячески возстановить и по возможности даже возвысить свой непогрѣшимый авторитетъ: вотъ почему они не скупились на права и привилегіи, которыми осыпали іезуитскія школы. Въ особенности щедръ былъ въ отношеніи къ нимъ папа Григорій XIII, защищая іезуитовъ отъ нападеній какъ со стороны другихъ монашескихъ орденовъ, видѣвшихъ въ нихъ опасныхъ конкуррентовъ,—такъ и со стороны университетовъ, отказывавшихъ имъ въ ученыхъ степеняхъ. Послѣднее обстоятельство было легко устранено тѣмъ, что римскій первосвященникъ даровалъ ордену право самому возводить достойнѣйшихъ въ ученыя степени баккалавровъ, магистровъ и докторовъ, откры-

вавшія имъ путь къ занятію каѳедръ и ректорскихъ должностей въ высшихъ школахъ.

Скоро іезуиты, какъ воспитатели юношества, пріобрѣли такую извѣстность, что многіе католическіе государи искали ихъ содѣйствія и оказывали имъ явное предпочтеніе предъ другими орденами, не умѣвшими избирать, подобно имъ, столь цѣлесообразныя средства при воспитаніи и направленіи юношества въ интересахъ духовной и свѣтской іерархіи. По изслѣдованіямъ Вейкера, уже черезъ сто лѣтъ послѣ своего возникновенія орденъ насчитывалъ въ Европѣ, кромѣ множества миссіонерскихъ и другихъ домовъ: 669 коллегій и 176 семинарій, водворяя въ нихъ принципы «безусловной покорности, смиренія и приниженія». Въ XVII столѣтіи іезуиты наводнили западную Европу, покрывъ ее густою сѣтью своихъ учрежденій и школъ; въ 1679 году въ католическихъ государствахъ Европы: Италіи, Португаліи, Испаніи, Франціи и отчасти Германіи разсѣяно было 17,665 членовъ ордена, изъ которыхъ почти половина принадлежала къ сословію духовенства. Инквизиція, распространяемая изумительною по своей энергіи дѣятельностью такихъ генераловъ ордена, какимъ напр. былъ неаполитанецъ Клавдій Аквавива, прочно установившій школьную систему іезуитовъ, окончательно опутала все тогдашнее католическое человѣчество, развѣ только за немногими исключеніями, овладѣла всѣми его стремленіями и сокровеннѣйшими помыслами. Церковь, школа и семья составляли ту сферу, въ которой главнымъ образомъ вращалась дѣятельность іезуитовъ, пока не проникла, наконецъ, даже въ сферу самого государства съ его политикой, администраціей и законодательствомъ. Протестантизму было часто не подъ силу бороться съ своимъ могущественнымъ противникомъ, не обладая одинаковымъ съ нимъ оружіемъ, завѣтный девизъ котораго гласилъ, что «цѣль оправдываетъ всевозможныя средства», и что «данная клятва, несогласная съ собственнымъ убѣжденіемъ, ничѣмъ не обязываетъ» (reservatio mentalis).

Учебныя заведенія іезуитовъ дѣлились на собственно

семинаріи, приготовлявшія будущихъ членовъ ордена, и на свѣтскія школы (конвикторіи, алюмнаты), обыкновенно также имѣвшія устройство закрытыхъ, глухихъ интерпатовъ и воспитывавшія мальчиковъ изъ свѣтскихъ сословій. Впрочемъ и въ семинаріи допускались дѣти изъ всевозможныхъ классовъ общества, такъ какъ большая часть послѣдователей Лойолы, принадлежа къ монашескому званію, не имѣла семьи, и орденъ долженъ былъ пополняться и расширяться на счетъ остальнаго общества. Іезуитская школа существенно отличалась отъ другихъ школъ какъ всемъ своимъ внутреннимъ устройствомъ, такъ въ особенности—дисциплиной. Плата за питомцевъ была относительно дешева; бѣднѣйшіе изъ нихъ воспитывались и обучались безвозмездно. Порядокъ и чистота во всемъ были образцовые; уходъ за больными — самый внимательный. Обращеніе съ питомцами отличалось кроткимъ дружелюбіемъ, внушавшимъ довѣріе къ воспитателямъ, старавшимся о томъ, какъ бы усыпить въ нихъ стремленіе къ умственной самостоятельности, которая замѣнялась исполнительностью. Главнымъ предметомъ изученія служилъ латинскій языкъ, и въ ученикахъ тщательно развивалась любовь къ чтенію классиковъ и сочиненію стиховъ. Кромѣ умѣнья свободно говорятъ по-латыни, отъ нихъ болѣе всего требовалась діалектическая ловкость въ диспутированіи, или точнѣе — искусство играть словами и разбивать чужую, хотя бы и вѣрную мысль.

Каждая іезуитская школа распадалась на два отдѣленія: высшее—studia superiora, и низшее — studia inferiora. Общее завѣдываніе было въ рукахъ ректора, которому подчинялись два префекта, по одному на отдѣленіе. Низшее соотвѣтствовало гимназіи и имѣло пять классовъ. Здѣсь начиналось латинской грамматикой и оканчивалось риторикой, — какъ это было въ системѣ, начертанной Штурмомъ для гуманистическихъ гимназій. «Не знаніе—говорилось въ уставѣ Аквавивы—а упражненіе въ разговорѣ и письмѣ составляетъ цѣль изученія грамматики; lege, scribe, loquere!—вотъ вся ея задача. Полнымъ знаніемъ языка обладаетъ лишь тотъ, кто

умѣетъ не только читать, но также писать и говорить на немъ». На этомъ основаніи для преподаванія употреблялись книги съ латинскими фразами, которыя были расположены въ извѣстномъ порядкѣ и заучивались учениками. «Рѣчь, испещренная множествомъ различныхъ красивыхъ выраженій, сама дѣлается прекраснѣе и совершеннѣе»,—а потому упражненіе въ латинскомъ разговорѣ занимало главное мѣсто въ школѣ, и строго запрещалось когда либо употреблять родной языкъ. «Дозволившіе себѣ сказать что либо на родномъ языкѣ должны быть подвергнуты за это пристыженію съ помощью какого нибудь внѣшняго знака, надѣваемаго на позоръ, и кромѣ того перенести другое, соединенное съ этимъ наказаніе; знакъ этотъ долженъ оставаться на виновномъ до тѣхъ поръ, пока онъ не передастъ его кому либо изъ своихъ товарищей, поймавъ его разговаривающимъ на «простомъ языкѣ» въ школѣ или на улицѣ, или хитро и ловко подведя его подъ этотъ промахъ». Подобное отчужденіе питомца отъ самаго близкаго и роднаго для него, и даже отъ своихъ товарищей, на счетъ которыхъ ему приходилось искать собственнаго избавленія или возвышенія, было въ прямыхъ интересахъ ордена, желавшаго создать изъ своихъ питомцевъ такихъ людей, которыхъ было бы можно противопоставить обществу, какъ чему-то внѣшнему, чужому. Изученіе классиковъ, состоявшее въ механическомъ переводѣ безсвязныхъ отрывковъ, считалось средствомъ улучшенія стиля, вовсе не вводя въ живое пониманіе классической древности. «Знакомство съ писателями древности,—именно говорилось въ уставѣ,—должно имѣть въ виду лишь языкъ эллиновъ и римлянъ, усвоеніе котораго образуетъ стиль: ничего болѣе и ничего далѣе». Съ тою-же цѣлью улучшенія стиля на первомъ планѣ ставилось подраженіе Цицерону: «а слѣдовательно тѣ, которые, исказивъ свой вкусъ, предпочитаютъ цицероновскому какой либо другой стиль, поступаютъ противно нашему уставу и нарушаютъ долгъ обедіенціи». «Въ рѣчахъ и сочиненіяхъ своихъ ученики не должны приводить ничего такого, что

не можетъ быть доказано авторитетомъ и примѣромъ признанныхъ и одобренныхъ писателей». Такимъ образомъ, искусство говорить и писать по этой іезуитской схоластикѣ состояло въ нанизываніи заученныхъ на память разныхъ отборныхъ фразъ, выхваченныхъ изъ разныхъ отрывковъ изъ «аппробованныхъ» писателей. Сочиненіе стиховъ состояло именно въ томъ, что ученикъ на разныя манеры комбинировалъ фразы Виргилія, Овидія, Горація и др., подгоняя ихъ подъ извѣстный размѣръ и мало заботясь объ общей мысли. Въ школахъ разыгрывались и латинскія драмы, но—не Плавта или Теренція, а также собственнаго производства въ томъ же родѣ. Точно также и учителя, и ученики гордились умѣньемъ говорить по-гречески и сочинять греческіе стихи. Математика, географія, отечественный языкъ и музыка, проникавшая всю жизнь и все воспитаніе эллинскаго юноши, въ іезуитскихъ школахъ были въ полномъ пренебреженіи. Преподаваніе логики и риторики было самое ограниченное, отличаясь тою же безплодностью, хотя іезуиты обращали особенное вниманіе на обогащеніе учениковъ свѣдѣніями, на «эрудицію», составлявшую даже особый учебный предметъ: «школьная эрудиція должна заимствовать свое содержаніе изъ исторіи и этнографіи народовъ, изъ сочиненій разныхъ авторитетовъ и вообще изъ наукъ, подчиняясь строгимъ требованіямъ на экзаменѣ; сюда именно входятъ: басни и историческіе разсказы, древности, оракулы, изрѣченія мудрецовъ, примѣры военной хитрости, знаменитые подвиги, изобрѣтенія, объясняющія какъ что произошло, нравы и учрежденія народовъ и т. д.» Въ низшихъ классахъ младшаго отдѣленія курсъ былъ одно-лѣтній, въ высшихъ—двухлѣтній.

Изъ этого видно, что старинная схоластика вполнѣ процвѣтала въ школахъ «ордена Іисуса» даже въ то время, когда гуманизмъ и реформація уже значительно успѣли очистить отъ нея свѣтскія, городскія школы. Только сатира не оставляла въ покоѣ этого царства умственнаго гнета, лицемѣрія и враждебнаго отношенія къ природѣ: сатирики, произведенія которыхъ въ родѣ

«битвы пороковъ съ добродѣтелью» и «битвы семи свободныхъ искусствъ» рѣзко осмѣивали и схоластическихъ ученыхъ и схоластическіе учебники еще до появленія, іезуитовъ, очевидно задерживавшихъ улучшеніе школы *).

Въ томъ же направленіи шло преподаваніе въ высшихъ іезуитскихъ школахъ, основаніемъ для которыхъ служила клерикально-схоластическая философія. Въ первомъ году изучалась логика по преимуществу; во второмъ — книги de coelo, первая книга de generatione и meteorologica; въ третьемъ году — вторая книга de generatione, книги de anima и metaphysis. Особый «профессоръ морали» читалъ объ Аристотелевой этикѣ. Профессоръ математики читалъ для слушавшихъ физику еще объ элементахъ Эвклидовой геометріи и нѣсколько о географіи или о сферахъ. Послѣ трехлѣтняго философскаго курса способнѣйшіе студенты переходили еще на четырехлѣтній теологическій. «Профессоръ священнаго писанія» долженъ былъ преимущественно знакомить своихъ слушателей съ вульгатой, только въ необходимѣйшихъ случаяхъ нѣсколько касаясь еврейскаго и греческаго текста, и приводя изъ другихъ источниковъ лишь то, что было благопріятно для ученія римской церкви;

---

*) Въ поэмѣ «bataille des sept arts» одинъ французскій авторъ заставляетъ сражаться грамматиковъ, поэтовъ, ораторовъ и историковъ древности съ одной стороны, а философовъ и діалектиковъ—съ другой. Діалектики нагружаютъ на свои походныя телѣги высшія и низшія монастырскія школы, разные trivium и quadrivium. Битва начинается при звукахъ военной музыки; но горла схоластиковъ требуютъ полосканья, для котораго весь Парижъ доставляетъ имъ вино. При первой стычкѣ Донатъ устремляется на Платона, а Аристотель на Присціана, котораго скоро выбиваетъ изъ сѣдла; но къ Присціану поспѣваютъ на помощь доктринала и грецизмъ, и такъ сильно ранятъ Аристотеля, что онъ продолжаетъ битву уже пѣшимъ. На помощь къ грамматикѣ являются всѣ латинскіе писатели; діалектика должна отступить, и ее берутъ въ плѣнъ. Она проситъ капитуляціи чрезъ парламантера, который говоритъ такъ неправильно, что его прогоняютъ и т. д. Правда, іезуиты нѣсколько отступили отъ схоластической системы, но методы обученія если и измѣнились, то еще къ худшему, такъ какъ они окончательно порабощали умъ и убивали всякую личную самостоятельность питомцевъ, долженствовавшихъ сдѣлаться въ послѣдствіи послушными кліентами ордена.

главное же вниманіе онъ долженъ былъ останавливать на сочиненіи 70 толковниковъ, пользовавшихся особеннымъ уваженіемъ. Профессоръ схоластической теологіи вообще не смѣлъ приводить ничего, что не согласовалось съ установленіями римско-католической церкви; академическія программы у іезуитовъ требовали утвержденія свыше въ то время, когда въ протестантскихъ университетахъ уже разцвѣтала свободная наука. Профессоръ казуистики обучалъ будущихъ служителей алтаря всему, что относилось къ обрядовой части и совершенію таинствъ, въ то же время преподавая ученіе о таинствахъ, званіяхъ и обязанностяхъ человѣка, строго держась установленныхъ авторитетовъ. Іезуиты были того убѣжденія, или по крайней мѣрѣ доказывали, что «только ихъ школы спасаютъ отъ той погибели, къ которой клонится дѣло воспитанія и обученія въ другихъ школахъ, угрожая также гибелью и разрушеніемъ для троновъ и государствъ». Наилучшее средство устраненія этой опасности іезуиты видѣли въ пріученіи юношества къ безусловному послушанію, первый примѣръ котораго долженъ показывать самъ учитель, оказывая повиновеніе даже самымъ несправедливымъ требованіямъ старшихъ. Личную волю каждаго должна замѣнять воля начальника и, наконецъ, папы—представителя воли Іисуса Христа, которую онъ, естественно, могъ понимать смотря по обстоятельствамъ и личному настроенію въ отношеніи къ подчиненнымъ. Для упражненія въ дѣлѣ покорности и послушанія, ученики должны были исполнять множество предписаній, развивавшихъ въ нихъ вмѣстѣ съ послушаніемъ также ханжество и лицемѣріе. Въ особенности много предписывалось извѣстныхъ молитвъ и религіозныхъ обрядовъ, убивавшихъ въ молодой душѣ живую силу вѣры и любви. Главнымъ наказаніемъ за ослушаніе признавалась также молитва, для которой запирали виновнаго въ капеллу на опредѣленное время, или, въ постные дни, заставляли слушать двойную обѣдню. Чрезъ это сама молитва являлась не удовлетвореніемъ внутренней потребности, а мѣрой наказанія, къ которому каждый человѣкъ

питаетъ естественное чувство отвращенія и боязни. Отличившіеся въ подвигахъ смиренія и молитвы получали открытое одобреніе и лестныя награды, возбуждавшія въ другихъ товарищахъ зависть и соревнованіе, которое вело къ хитрому притворству.

Соревнованіе вообще почиталось въ іезуитской педагогикѣ основнымъ и могущественнѣйшимъ воспитательнымъ средствомъ, на которое указывали всѣ школьные уставы и предписанія. «Кто умѣетъ искусно возбуждать соревнованіе, тотъ обладаетъ самымъ надежнымъ вспомогательнымъ средствомъ для отправленія учительской обязанности, ибо его одного почти достаточно, чтобы успѣшнѣйшимъ образомъ дѣйствовать на юношество. По этой причинѣ учитель долженъ высоко цѣнить это орудіе и усердно отыскивать пути, на которыхъ оно имѣетъ наибольшую силу. Лучше всего поступаетъ тотъ, который каждому ученику противоставляетъ особаго соперника и возбуждаетъ состязаніе между ними». Школа наблюдала только, чтобы это соперничество не выходило изъ границъ наружной вѣжливости, и всячески поощряла желаніе каждаго питомца отличиться на счетъ другихъ товарищей. Съ тою же цѣлью изъ нихъ назначались за отличіе: магистраты, преторы, цензоры, декуріоны—и подобное званіе имѣло огромный вѣсъ въ школѣ. Питомцамъ обыкновенно внушалось, что нѣтъ ничего почетнѣе, какъ превзойти товарища, и ничего постыднѣе, какъ дозволить другому превзойти себя въ знаніи, прилежаніи и поведеніи. Раздача школьныхъ наградъ должна была главнымъ образомъ возбуждать и поддерживать въ школѣ этотъ духъ соревнованія, или вѣрнѣе—взаимнаго недоброжелательства и искательства предъ старшими; на этомъ же основаніи раздача наградъ производилась въ опредѣленное время, съ пышною торжественностью, при огромномъ стеченіи публики. Имена побѣдителей торжественно провозглашались: они выходили предъ собраніе, на средину, и получали каждый свою заслуженную премію.... Другимъ, не менѣе важнымъ возбудительнымъ средствомъ служилъ у іезуитовъ школьный обычай, по которому лучшіе уче-

ники, сидѣвшіе въ классѣ выше своихъ товарищей, сохраняли и послѣ того, даже внѣ школы, свои почетныя мѣста впереди другихъ, менѣе отличившихся. Кромѣ того, имена отличившихся записывались на особыхъ выставленныхъ на показъ доскахъ, или прямо выставлялись на виду самыя ихъ работы — во славу и вѣчную память побѣдителей и къ огорченію побѣжденныхъ. Въ срединѣ школы, или въ особомъ углу, также ставили особенную позорную скамейку, носившую какое нибудь страшное названіе, въ родѣ «адской лѣстницы», и сажали на нее виновныхъ—на позоръ и посрамленіе. При томъ же на виновнаго надѣвали какой нибудь срамной знакъ, (дурацкій колпакъ, ослиныя уши и т. п.) и предоставляли ему право передать это украшеніе другому товарищу, котораго онъ превзойдетъ въ исполненіи заданной работы, или котораго уличитъ въ проступкѣ. За то тѣлесныя наказанія были рѣдко употребляемы въ школахъ іезуитовъ, предпочитавшихъ нравственныя мѣры, въ сущности приводившія питомцевъ къ самой крайней безнравственности, искажавшія и помрачавшія вконецъ чистоту юношеской природы. Если же необходимость и принуждала воспитателей къ розгамъ, то законъ предписывалъ: не сѣчь собственноручно, а призывать для этого особаго «корректора», — изъ опасенія потерять любовь и довѣріе въ глазахъ питомцевъ. И дѣйствительно, іезуиты умѣли пользоваться и дорожить преданностью и довѣріемъ юношества, стараясь ласково обращаться съ нимъ и незамѣтно приводить его къ конечной цѣли воспитанія — духовному рабству: въ этомъ и заключается самая характеристическая черта іезуитской педагогики.

Іезуиты также придавали большое значеніе внѣшней сторонѣ въ воспитаніи дѣтей, стараясь усвоить за ними приличіе манеръ и вообще придать имъ наружный лоскъ. Этой цѣли должны были служить театральныя представленія, которыя рано давали возможность дѣтямъ становиться въ различныя житейскія положенія, понимать условія жизни, и среди нихъ исправно выполнять выбранную себѣ роль: это вело къ искусному притворству, къ умѣнью

надѣвать на себя какую угодно личину. Съ неменьшею заботливостью относились іезуитскіе педагоги къ гимнастикѣ, видя въ ней прекрасное средство къ гармоническому развитію тѣла и укрѣпленію здоровья; учебныя заведенія ихъ были устроены съ строгимъ соблюденіемъ всѣхъ гигіеническихъ требованій. Время для серьезныхъ занятій искусно соразмѣрялось съ силами питомцевъ; весь день былъ распредѣленъ съ точностью, по часамъ и минутамъ, не оставляя простора для свободной дѣятельности дѣтей, которая въ глазахъ іезуитовъ не согласовалась съ основнымъ ихъ принципомъ «обедіенціи и субординаціи во всемъ». Каждое утро начиналось молитвой, впродолженіе которой и ученики, и учителя должны были стоять на колѣняхъ. Потомъ, занявшись классными уроками, которые также и начинались, и оканчивались молитвой, всѣ шли къ обѣднѣ, а послѣ нея каждый ученикъ готовилъ до обѣда заданный ему урокъ. Послѣ обѣда опять шли въ классы, за исключеніемъ только двухъ дней, когда учителя вели дѣтей на прогулку, играли съ ними въ мячикъ, лѣтомъ купались, гимнастировали и т. п. Впрочемъ, время для игры опредѣлялось ежедневно. Питомцы ни на минуту не оставались безъ присмотра, и каждый шагъ ихъ былъ извѣстенъ учителю, который насквозь зналъ потомцевъ, проникая во всѣ сокровеннѣйшіе изгибы ихъ души—ибо только при этомъ условіи, предписываемымъ самимъ закономъ, онъ могъ давать имъ должное направленіе, т. е. окончательно порабощать ихъ нравственную личность, какъ это было на дѣлѣ при узкости іезуитскихъ тенденцій, желавшихъ изъ дѣтей создать не хорошихъ людей, а исключительно — хорошихъ іезуитовъ. Они поэтому наблюдали не только внѣшніе поступки дѣтей, но самую ихъ физіогномію, характеръ и направленіе ихъ родителей, особенно матери, складъ ихъ семейной жизни со всѣми ея вліяніями и т. д., со всѣхъ сторонъ опутывая свободное развитіе мальчика самыми тонкими, невидимыми нитями. Но главнымъ образомъ пользовались они дѣломъ исповѣди, высоко-таинственной обрядъ которой представлялъ наи-

лучшій способъ вызнать, выпытать и по своему направить питомца. Если пріемъ этотъ удавался іезуитамъ въ отношеніи взрослыхъ, высокостоявшихъ, даже коронованныхъ особъ, — то могъ ли онъ не удаваться имъ въ примѣненіи къ еще слабой, податливой, довѣрчивой и воспріимчивой дѣтской природѣ! Кромѣ того, всѣ письма, получаемыя или отправляемыя питомцемъ, непремѣнно проходили черезъ руки наставниковъ и начальниковъ, которые дружно стремились оторвать дѣтское сердце отъ его близкихъ, друзей и родныхъ, и привязать его къ одному благодѣтельствующему ордену. Точно также старались іезуиты возможно раньше пріучить своихъ питомцевъ къ кровавому зрѣлищу сожженія и лютыхъ казней еретиковъ, вражду и ненависть къ которымъ они всячески раздували въ нихъ, не гнушаясь никакими мѣрами и ожесточая нѣжное сердце дитяти.

Такимъ образомъ, все обученіе іезуитовъ состоитъ въ безжизненномъ механизмѣ, въ развитіи одной памяти, загромождаемой обширной эрудиціей; за исключеніемъ холоднаго, практическаго разсудка, всѣ высшія умственныя способности тщательно подавляются; чувство оскверняется; воля изъ свободной дѣлается несвободною, но крѣпкою въ преслѣдованіи извнѣ предназначенной цѣли. Къ этому ведетъ все воспитаніе, основанное на слѣпомъ повиновеніи, на взаимномъ шпіонствѣ, на искательствѣ и прислужничествѣ младшихъ предъ старшими. Никогда еще христіянская религія, взывающая къ лучшимъ сторонамъ человѣческой природы, проповѣдующая вѣчныя начала истины, свободы и любви, не была такъ злоупотребляема, становясь орудіемъ для самыхъ исключительно-эгоистическихъ, низко-матеріяльныхъ цѣлей. Вся педагогическая система іезуитовъ основывается на возбужденіи и дальнѣйшемъ развитіи самыхъ темныхъ, нечистыхъ инстинктовъ человѣка: на честолюбіи, высокомѣріи, своекорыстіи. Мѣсто любви къ людямъ въ школѣ и жизни заступаетъ конфессіональная ненависть; мѣсто доброжелательства къ ближнему — злорадство, шпіонсто и доносничество; мѣсто довѣрія — ревнивая зависть, скрытность и холодная

осторожность; мѣсто единства — полное разъединеніе, однимъ словомъ—все то, что противно божественной сущности христіянства, что заглушаетъ въ душѣ человѣка чистѣйшіе идеалы, отдаляя его отъ неба и приковывая къ землѣ съ ея страстями, враждою, эгоизмомъ, ведущими человѣка лишь къ порабощенію, къ уничтоженію другъ друга. И все это подъ прикрытіемъ имени Христа! Конечно, самъ основатель этого мрачнаго ордена, фанатическій испанецъ Лойола, заморившій плоть свою въ бичеваніи и постѣ, никогда не полагалъ, что организованное имъ «братство Іисуса» будетъ направлено стараніями папъ и генераловъ ордена единственно къ тому, чтобы съ дѣтства порабощать духъ человѣка въ интересахъ одной іерархіи, и дѣйствовать на него ужасами инквизиціи въ поддержку деспотизма. И тѣмъ не менѣе, къ стыду и несчастію человѣчества, дѣятельность ордена, благодаря крѣпкой его внутренней организаціи и вполнѣ цѣлесообразной системѣ воспитанія, изъ Европы перенеслась въ другія части свѣта и развилась: по Африкѣ, Южной Америкѣ и Азіи; въ Египтѣ, въ Бразиліи, въ Индіи и Китаѣ іезуитская конгрегація «de propaganda fide» воздвигала великолѣпные католическіе храмы и многочисленныя школы, вырывая изъ народа и обращая въ свою пользу все, что было даровитѣйшаго въ юношествѣ. Число пламенныхъ миссіонеровъ іезуитизма за предѣлами Европы росло еще быстрѣе, чѣмъ въ самой Европѣ, гдѣ болѣе высокая образованность общества все же могла оказывать ему нѣкоторый отпоръ, особенно въ государствахъ некатолическихъ.

Мѣры въ пользу собственно народнаго образованія и увеличенія числа низшихъ школъ долго не отличались особенною производительностью даже въ католическихъ государствахъ: только на соборѣ въ Тридентѣ было вмѣнено въ обязанность епископамъ приказывать и, въ случаѣ необходимости, церковными штрафами (отлученіемъ, эпитиміей, деньгами) понуждать родителей посылать дѣтей въ воскресныя школы для наставленія ихъ въ догматахъ и правилахъ вѣры. Во Франціи Баптистъ-де-ля-Салль

(род. въ 1651 г.) учредилъ особое «школьное братство», обратившее свои заботы на образованіе среднихъ и низшихъ классовъ, и до того распространившее свои школы, что уже въ 1719 году въ нихъ было около 10,000 питомцевъ, преимущественно бѣдняковъ и сиротъ. «Члены братства — говорится въ его статутѣ — должны обучать дѣтей по предписаннымъ и вообще установленнымъ отъ ордена методамъ, ничего не измѣняя, и ничего не вводя новаго. Катихизація должна производиться каждодневно, а неисправно участвующіе въ ней ученики — исключаться. Къ наказаніямъ слѣдуетъ прибѣгать рѣдко, и притомъ съ полнымъ самообладаніемъ, безъ гнѣва, безъ оскорбленія и безъ розогъ; это должно соблюдать въ особенности при катихизаціи или обученіи молитвамъ, за исключеніемъ развѣ уроковъ чистописанія». Впрочемъ, относительно народной массы, какъ уже было сказано, іезуиты считали нужнымъ пользоваться только богослуженіемъ, проповѣдью и исповѣдью, достаточно упрочившими ихъ вліяніе; школа же требовала слишкомъ много надзора и не обѣщала такихъ выгодъ, какія притекали къ ордену и главѣ его — папѣ изъ другихъ, высшихъ классовъ общества. Тонкая, хитро расчитанная система іезуитской педагогики пустила такіе глубокіе корни, что слѣды ея до сихъ поръ сохранились на западѣ; но ея тайныя пружины, ея слѣдствія уже раскрыты исторіей. «Будемъ же осторожны! — говоритъ Раумеръ. Не станемъ упускать изъ виду ни ея цѣлей, ни ея мотивовъ, какъ ни тщательно прикрыты они наружною благовидностью. Хотя мясникъ пасетъ свое стадо на прекрасныхъ, зеленыхъ пажитяхъ, — можно ли видѣть въ этомъ любовь его къ своимъ овцамъ? А іезуиты въ своихъ коллегіяхъ отводили юношеству именно такія, самыя зеленыя, самыя обильныя пажити».

ГЛАВНѢЙШІЯ ПОГРѢШНОСТИ,

исправленіе которыхъ будетъ внесено въ текстъ новаго изданія.

					напечатано:	читай:
стр.	6	сверху	строка	1	индѣйцы,	индійцы
«	26	«	«	16	гіеротическое	гіератическое
«	49	«	«	17	духа	уха
«	58	«	«	77	Курота	Еврота
«	70	снизу	«	14	Фоцилиду	Фокилиду
«	73	«	«	5	панаѳенейскихъ	панаѳинейскихъ
«	177	«	«	5	буквѣ	буквы
«	198	«	«	16	идеѣ	дѣлу христіянства
«	211	сверху	«	16	предшественника	перваго
«	212	«	«	7	византійскихъ	христіянскихъ
«	221	снизу	«	7	мечтательная	любящая
«	274	«	«	2	къ жизню	съ жизнью
«	297	«	«	10	саму	самую
«	310	«	«	7	исторіи	въ исторіи
«	317	сверху	«	16	получаемый	получающій

Оглавленіе и списокъ источниковъ будутъ приложены въ концѣ втораго выпуска.

Цѣна 1 руб. 25 коп.

При покупкѣ **пяти** экземпляровъ и болѣе дѣлается 20% уступки.

На второй выпускъ выдается билетъ *безъ* уплаты денегъ впередъ.

Адресъ: Васильевскій Островъ, на углу Кадетской линіи и Средняго Проспекта, въ домѣ Цея, квартиры № 11.